
3 1761 04035 8590

ЖИЗНЬ

ГРАФА СПЕРАНСКАГО.

On ne doit aux morts que la vérité.
Voltaire.

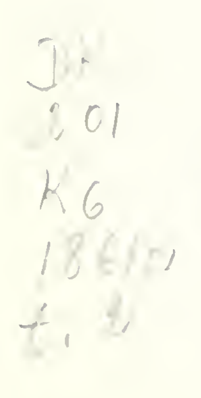
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Пушкинъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(части III, IV и V.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1861.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Печатано съ Высочайшаго соизволенія.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

УДАЛЕНІЕ СПЕРАНСКАГО И ЖИЗНЬ ЕГО ВЪ ЗАТОЧЕНІИ.

1812—1816.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Удаленіе Сперанскаго.

I.

Пожалованный въ тайные совѣтники еще 30 августа 1809 года, назначенный 1 января 1810 года государственнымъ секретаремъ, наконецъ награжденный, 1 января 1812 года,—всего послѣ пятнадцатилѣтней службы,—орденомъ св. Александра Невскаго, Сперанскій, казалось, навсегда утвердился на той высотѣ, на которую подняло его колесо счастія. Сила министровъ уступала силѣ государственнаго секретаря. Но умы болѣе наблюдательные и болѣе близкіе къ центру событій провидѣли, во всемъ описанномъ нами выше, особливо же въ характерѣ лицъ, тогда дѣйствовавшихъ, признаки непрочности положенія Государева любимца, замѣчали, что надъ нимъ собираются грозныя тучи. Тарпейская скала близко отъ Капитолія, думали тѣ изъ нихъ, которые знали исторію. Имя Сперанскаго, правда, гремѣло еще гораздо громче прежняго, но теперь къ хвалебнымъ гимнамъ уже часто примѣшивались сарказмы и порицанія. Если сословіе приказныхъ стало примѣтно отлагаться отъ него съ самаго изданія указа объ экзаменахъ, то непріязнь ихъ, постепенно, начала сообщаться и другимъ; въ особенности же вельможи не могли простить

Сперанскому важнаго преступленія: возвышаться, заграждать имъ дорогу и между тѣмъ не оберегать ихъ интересовъ и не искать въ нихъ. Благовидный предлогъ къ такой непріязни всегда былъ на готовѣ: опасеніе вредныхъ послѣдствій отъ реформъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою. Уже съ 1810 года многіе возставали противъ этого общаго преобразованія; однако же судъ надъ его творцомъ еще былъ тогда довольно скроменъ и боязливъ: дѣло шло о человѣкѣ случайномъ, близкомъ къ Царю, о человѣкѣ, который все-таки могъ пригодиться для какихъ нибудь личныхъ видовъ, или поддаться какому нибудь ходатайству. Но этотъ человѣкъ продолжалъ неуклонно идти своимъ путемъ, ни на кого не озираясь: тогда послышались совсѣмъ другія рѣчи. Почти всѣ классы были болѣе или менѣе возбуждены. Аристократы возставали за ограниченіе их привилегій, опасаясь еще бо́льшаго стѣсненія въ будущемъ; люди на высшихъ мѣстахъ—за подчиненіе ихъ «выскочкѣ»; чиновники—за преграждение имъ дальнѣйшаго производства и принужденіе учиться; политическіе староверы—за явное стремленіе правительства ввести новыя начала, отъ которыхъ они съ ужасомъ отвращались; податныя сословія—за усиленіе налоговъ. Весьма удачною казалась фраза, сказанная кѣмъ то при такихъ обстоятельствахъ: «деретъ этотъ поповичъ кожу съ народа; сгубитъ онъ государство. . . . ». Чѣмъ мысль и слово неопредѣленнѣе, тѣмъ легче они принимаются толпою и тѣмъ чаще повторяются. Общій говоръ, начавшись съ Москвы, вскорѣ зашелъ такъ далеко и принялъ такой характеръ, что въ концѣ 1811 года уже гласно стали говорить, не въ однѣхъ министерскихъ канцеляріяхъ, но и въ гостиныхъ, даже въ залахъ совѣта, что Сперанскому—не сдобровать, что милость къ нему Государя поколебалась и что онъ, въ удовлетвореніе общему желанію, будетъ удаленъ отъ всѣхъ дѣлъ. Говорили смѣлѣе и увѣрен-

нѣе прежняго уже и потому, что всѣ знали какъ охладѣлъ въ Государѣ восторгъ, произведенный Эрфуртскимъ свиданіемъ, а это давало поводъ заключать, что тоже самое охлажденіе распространится и на главнаго, въ то время, представителя у насъ «Наполеоновскихъ идей», т. е. на Сперанскаго.

Нѣтъ впрочемъ сомнѣнія, что если эти толки разными путями доходили до Александра, то и самъ Сперанскій, какъ онъ ни былъ, по образу своей жизни, далекъ отъ придворныхъ и городскихъ вѣстей, скоро началъ понимать всю трудность и, до нѣкоторой степени, шаткость своего положенія. Позже, онъ самъ говаривалъ, что ненависть есть дѣйствительнѣйшая изъ всѣхъ пропагандъ. Что онъ не ослѣплялся и въ то время и даже изыскивалъ средства къ самосохраненію, доказывается, между прочимъ, отчетомъ, поднесеннымъ отъ него Государю въ февралѣ 1811 года, т. е. за годъ до своего паденія. Изчисливъ тутъ разныя мѣры предположеннаго новаго порядка суднаго и исполнительнаго, настаивая на необходимости совершить ихъ неотложно, удостовѣряя, что виды Государя по этой части будутъ въ точности исполняться, Сперанскій присовокуплялъ: «Но слѣдовать за сими предметами среди множества текущихъ дѣлъ, кои по званію моему въ государственномъ совѣтѣ и по управленію Финляндіею непрестанно меня заботятъ и отрываютъ, по истинѣ нѣтъ никакой возможности. Когда Вашему Величеству угодно было возложить на меня званіе государственнаго секретаря, я считалъ невозможнымъ тогда отъ сего уклониться. Можетъ быть въ началѣ сего установленія было и нужно, чтобъ я понесъ сіе бремя; но теперь совѣтъ принялъ уже свой ходъ. Званіе государственнаго секретаря, отдѣльно взятое, не трудно; но соединенное съ званіемъ директора коммиссіи законовъ и въ связи съ работами вышеприведенными весьма тягостно и для

сил моихъ невозможно. Не скрою здѣсь, что раздѣленіе сихъ должностей имѣло бы еще и другія личныя для меня выгоды. Меня укоряютъ, что я стараюсь всѣ дѣла привлечь въ однѣ руки. Вашему Величеству извѣстно, сколь укоризна сія въ существѣ ея несправедлива; но во внѣшнемъ ея видѣ она имѣетъ всѣ вѣроятности. Представляясь, попеременно, то въ видѣ директора коммиссіи, то въ видѣ государственнаго секретаря; являясь, по повелѣнію Вашему, то съ проектами новыхъ государственныхъ постановленій, то съ финансовыми операціями, то со множествомъ текущихъ дѣлъ, я слишкомъ часто и на всѣхъ почти путяхъ встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистью, а еще болѣе съ неразуміемъ. Кто можетъ устоять противъ всѣхъ сихъ встрѣчъ? Въ теченіи одного года, я попеременно былъ мартинистомъ, поборникомъ масонства, защитникомъ вольности, гонителемъ рабства и сдѣлался, наконецъ, записнымъ иллюминатомъ. Толпа подьячихъ преслѣдовала меня за указъ 6 августа эпиграммами и каррикатурами. Другая такая же толпа вельможъ, со всею ихъ свитою, съ женами ихъ и дѣтьми, меня, заключеннаго въ моемъ кабинетѣ, одного, безъ всякихъ связей, меня, ни по роду моему, ни по имуществу, не принадлежащаго къ ихъ сословію, цѣлыми родами преслѣдуетъ какъ опаснаго уновителя. Я знаю, что бо́льшая ихъ часть и сами не вѣрятъ симъ нелѣпостямъ; но, скрывая собственныя страсти подъ личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именемъ вражды государственной; я знаю, что тѣ же люди превозносили меня и правила мои до небесъ, когда предполагали, что я во всемъ съ ними буду соглашаться, когда воображали найти во мнѣ послушнаго кліента, и когда пользы ихъ страстей требовали противуположить меня другому. Я былъ тогда одинъ изъ самыхъ лучшихъ и надежнѣйшихъ испол-

нителей. Но какъ только движеніемъ дѣлъ приведенъ я былъ въ противуположность имъ и въ разномысліе, такъ скоро превратился въ человѣка опаснаго и во все то, что̀ Вашему Величеству извѣстно болѣе, нежели мнѣ. Въ семъ положеніи мнѣ остается или уступать имъ, или терпѣть ихъ гоненія. *Первое* я считаю вреднымъ службѣ, унизительнымъ для себя и даже опаснымъ. Дружба ихъ еще болѣе для меня тягостна, нежели разномысліе. Къ чему мнѣ раздѣлять съ ними духъ партіи, худую ихъ славу и то пренебреженіе, коимъ они покрыты въ глазахъ людей благомыслящихъ? Слѣдовательно остается мнѣ выбрать *второе*. Смѣю мыслить, что терпѣніе мое и опытъ опровергнутъ всѣ ихъ навѣты. Удостовѣренъ я также, что одно слово Ваше всегда довлѣетъ отразить ихъ покушенія. Но къ чему, Всемилостивѣйшій Государь, буду я обременять Васъ своимъ положеніемъ, когда есть самый простой способъ изъ него выдти и разъ навсегда прекратить тягостныя для Васъ и обидныя для меня нареканія. Способъ сей состоитъ въ томъ, чтобъ, отдѣливъ званіе государственнаго секретаря и сложивъ съ меня дѣла Финляндскія, оставить меня при одной должности директора коммиссіи. Тогда: 1) зависть и злорѣчіе успокоятся. Они почтутъ меня ниспровергнутымъ, я буду смѣяться ихъ побѣдѣ, а Ваше Величество разъ навсегда освободите себя отъ скучныхъ нареканій. Симъ приведенъ я буду паки въ то счастливое положеніе, въ коемъ быть всегда желалъ: чтобъ весь плодъ трудовъ моихъ посвящать единственно Вамъ, не ища ни шуму, ни похвалъ, для меня совсѣмъ чуждыхъ. Смѣю привести здѣсь на память тотъ девизъ, который нѣкогда Вамъ понравился: «j'ai désiré de faire du bien, mais je n'ai pas désiré de faire du bruit, parceque j'ai senti que le bruit ne faisait pas de bien, comme le bien ne faisait pas de bruit». 2) Тогда, и сіе есть самое важнѣйшее, буду я въ состояніи обратить все время, всѣ

труды мои, на окончаніе предметовъ вышеизображенныхъ, безъ коихъ,—еще разъ смѣю повторить,—всѣ начинанія и труды Ваши будутъ представлять зданіе на пескѣ. Изъ сего Ваше Величество усмотрѣть изволите, что не охлажденіе къ дѣламъ, но самая польза и успѣхъ дѣлъ заставляютъ меня желать и просить сего раздѣленія. Не отъ трудовъ, не отъ службы—сколько впрочемъ она для меня ни тягостна и по стѣсненному положенію домашнихъ экономическихъ моихъ дѣлъ, и по личнымъ непріятностямъ,—я ищу симъ уклониться, но желаю и ищу дать времени моему лучшее и полезнѣйшее употребленіе. Простите мнѣ, Ваше Величество, еще одно откровенное здѣсь изъясненіе. Изъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе къ Вамъ приближаться, я имѣлъ случай можетъ быть болѣе другихъ познать силу и пространство Вашихъ мыслей и желаній, не въ подробностяхъ ежедневныхъ текущихъ дѣлъ, но въ самыхъ коренныхъ истинахъ, на коихъ стоятъ государства. Слѣдовательно, доколѣ истины сіи будутъ составлять главный предметъ Вашихъ намѣреній, доколѣ останется самый слабый лучъ надежды въ ихъ исполненіи, доколѣ могу я хотя нѣсколько быть для сего полезнымъ: дотолѣ никакія уваженія, никакія непріятности не превозмогутъ надъ моимъ желаніемъ видѣть ихъ событіе».

Государь не исполнилъ просьбы Сперанскаго, которую и самъ онъ заявилъ, быть можетъ, больше только для своего огражденія. Оставшись при всѣхъ прежнихъ обязанностяхъ, онъ принужденъ былъ вести, рядомъ, и реформы законодательныя и административныя, и мѣры финансовыя. Его непріятелямъ, въ союзѣ съ народнымъ говоромъ, продолжало открываться самое обширное поле дѣйствій. Человѣка, который еще такъ недавно мечталъ «обновить» Россію, стали изображать въ такихъ краскахъ, что даже малочисленные друзья его, утомленные борьбой съ общимъ мнѣніемъ,

начали одинъ за другимъ отъ него отступаться. Только Государь еще поддерживалъ его противу всѣхъ.

Но приближалась минута, когда и эта подпора должна была отпасть.

Пока толпа бездѣйственно роптала, люди болѣе честолюбивые искали изъ малосознательнаго ея ропота извлечь себѣ пользу. Въ ихъ глазахъ, какъ мы уже сказали, вина Сперанскаго состояла не въ его дѣйствіяхъ, а въ его значеніи и силѣ при Дворѣ; въ томъ, что ему удалось, въ такое короткое время, изъ ничтожества, стать въ главѣ государственнаго управленія; въ томъ, наконецъ, что онъ—*мѣшалъ имъ*. Этимъ оправдывались, въ ихъ понятіяхъ, и всѣ средства къ его низложенію. Сперва, однако, они предпочли попытаться на раздѣленіе съ нимъ власти, что́ во всякомъ случаѣ казалось, тогда, легче чѣмъ ее сокрушить. Два лица̀, уже облеченныя въ нѣкоторой степени довѣріемъ Государя, предложили его любимцу пріобщить ихъ къ своимъ видамъ и учредить, изъ нихъ и себя, помимо Монарха, безгласный, тайный комитетъ, который управлялъ бы всѣми дѣлами, употребляя государственный совѣтъ, сенатъ и министерства единственно въ видѣ своихъ орудій (*). Съ негодованіемъ отвергнулъ Сперанскій ихъ предложеніе; но онъ имѣлъ неосторожность, по чувству ли презрѣнія къ нимъ, или, можетъ быть, по другому тонкому чувству, умолчать о томъ передъ Государемъ. Благородное его отвращеніе отъ доноса было, въ этомъ случаѣ, непростительною политическою ошибкою противъ

(*) Въ такомъ точно таинственномъ видѣ и этими именно словами Сперанскій самъ, въ одной, найденной между его бумагами запискѣ (на Французскомъ языкѣ), описалъ сдѣланное ему предложеніе, не пояснивъ ближе его сущности. Съ нашей стороны не отваживаемся здѣсь ни на какое толкованіе, которое, во всякомъ случаѣ, было бы только самопроизвольною догадкою. Изъ той же записки, хранящейся нынѣ въ государственномъ архивѣ, заимствованы и нѣкоторыя дальнѣйшія подробности нашего разсказа.

самого себя. Кабинетный труженикъ, занятый болѣе дѣлами нежели людьми, не разглядѣлъ, при всей своей прозорливости, разставленной ему сѣти, не подумалъ, что противъ такихъ замысловъ мало одного презрѣнія. Если честь и высшее чувство не позволили ему согласиться на дерзкое предложеніе, то самосохраненіе требовало—огласить его. Промолчавъ, Сперанскій далъ своимъ врагамъ способъ сложить вину своихъ замысловъ на него, связать ему руки, заподозрить его искренность въ отношеніи къ его благодѣтелю (*); — паденіе его сдѣлалось неизбѣжнымъ. Но паденіемъ обыкновеннымъ, увольненіемъ или удаленіемъ отъ службы, цѣль заговорщиковъ (мы не можемъ назвать ихъ иначе) не была бы достигнута. Это значило довести дѣло только до половины, потому что Сперанскій, и отставленный, могъ снова возстать, проникнуть тайны ихъ коалиціи, напасть на нихъ въ свою очередь и наконецъ разрушить шаткій союзъ. Чуткая предусмотрительность царедворцевъ, искушенныхъ въ придворныхъ интригахъ, боялась возможности подобнаго оборота дѣлъ; имъ нужно было поставить соперника въ такое безвыходное положеніе, чтобы онъ не могъ ни написать строчки, ни произнести слóва помимо ихъ истолкованій и пересудовъ. Средствами къ тому представлялись только—дальняя ссылка и строгій присмотръ за сосланнымъ. Но какой взять предлогъ? Заговорщики нашли его въ открывавшейся войнѣ. Въ минуту великихъ политическихъ переворотовъ, говорили они, уже и одного *предположенія* опасности достаточно, чтобы оправдать всѣ возможныя мѣры осторожности, а здѣсь—гораздо больше, чѣмъ простое предположеніе. Возможно ли, чтобы Сперанскій, роняя своими распоряженіями цѣнность нашихъ ассигнацій, проводя въ народное понятіе какіе-то

(*) И это все взято изъ той же записки.

воображаемые государственные долги, обременяя народъ новыми налогами, разстроивая своими преобразованіями всѣ части управленія и раздражая ими всѣ сословія, дѣлалъ это безъ преступнаго намѣренія, безъ особой тайной цѣли? Пусть только заберутъ его бумаги: тамъ навѣрное найдутся неопровержимыя доказательства его злыхъ умысловъ; но забрать бумаги и разсмотрѣть ихъ съ должною строгостію можно будетъ тогда только, когда самого его вышлютъ изъ столицы и удалятъ отъ всякаго вліянія на дѣла и на людей. Другимъ предлогомъ выставлялось, что для предстоящей войны нужны деньги, а ихъ нѣтъ и достать невозможно иначе, какъ только при томъ же условіи—удаленіи Сперанскаго, потому что онъ лишилъ государство всякаго кредита. На помощь этимъ навѣтамъ, можетъ быть и тому впечатлѣнію, которое оставила въ умѣ Государя предшествовавшая имъ записка Карамзина, стали появляться подметныя письма, расходившіяся по Петербургу и Москвѣ въ тысячѣ списковъ и обвинявшія Сперанскаго не только въ гласномъ опорочиваніи политической нашей системы, не только въ предсказываніи паденія имперіи, но даже и въ явной измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ агентами Наполеона, въ продажѣ государственныхъ тайнъ и проч. (*). За двумя глав-

(*) Въ числѣ такихъ писемъ ходило по рукамъ одно, будто бы за подписью графа Растопчина (на нѣкоторыхъ копіяхъ къ его подписи было прибавлено: «и Москвитяне». Числа на разныхъ экземплярахъ были выставлены различно: 5, 14, 17 марта). Но было ли сказанное письмо точно писано Растопчинымъ, или по крайней мѣрѣ составлено при его участіи? Такой вопросъ, по нашему мнѣнію, и существовать не можетъ. Растопчинъ, при извѣстной заносчивости и строптивости характера, былъ, однако, человѣкъ чрезвычайно умный, чрезвычайно образованный и искусно владѣвшій перомъ, а письмо съ мнимою его подписью, не смотря на нѣкоторое, правда, подражаніе его тону и слогу, представляетъ, по всему своему содержанію, верхъ грубаго невѣжества, нелѣпости, незнанія политическихъ обстоятельствъ и безграмотства. Изображая Спе-

ными союзниками, положившими основу всему дѣлу, потянулась толпа немалочисленныхъ ихъ клевретовъ. Что се-

ранскаго измѣнникомъ, продавшимъ Россію Наполеону, оно оканчивалось угрозою, что если этотъ предатель не будетъ смѣненъ и если вообще совѣты письма останутся неисполненными, то «сыны отечества необходимостью себѣ поставятъ двинуться въ столицу и настоятельно требовать какъ открытія сего злодѣйства, такъ и перемѣны правленія». Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что приводимое письмо, украшенное именемъ Растопчина только для авторитета и эффекта передъ толпою, родилось въ самыхъ низшихъ слояхъ чиновничества, въ томъ сословіи, надъ которымъ разразился указъ 1809 года объ экзаменахъ. Это подтвердилось, отчасти, и изслѣдованіемъ. Одинъ экземпляръ письма былъ захваченъ полиціею у служившаго при герольдіи титулярнаго совѣтника Алексѣева, показавшаго, что онъ получилъ его отъ губернскаго секретаря Мылова и роздалъ въ нѣсколько рукъ. Императоръ Александръ, уже находившійся въ то время при арміи и которому управлявшій министерствомъ полиціи Вязмитиновъ отослалъ это письмо въ Вильну, возвращая его, 13 мая писалъ, что «нужно добраться подробно, кто сочинитель подобныхъ бумагъ», и что «сіе письмо уже дошло до него и другимъ путемъ». Вслѣдствіе того, по полицейскому розыску, было отобрано въ Петербургѣ десять экземпляровъ и открыто, что къ Алексѣеву письмо дошло уже къ седьмому—все черезъ мелкихъ чиновниковъ—первоначально отъ надворнаго совѣтника Коржавина, который, однако, остался недопрошеннымъ, потому что умеръ скоропостижно 28 марта. На этомъ дѣло и кончилось. Мы сочли не лишнимъ войти въ такія подробности объ этой пошлой бумагѣ, потому что она еще и теперь нѣкоторыми приписывается Растопчину. Бантышъ-Каменскій въ біографіи послѣдняго, помѣщенной въ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли», именно говоритъ: «можетъ быть Растопчинъ далеко распространялъ усердіе свое, какъ человѣкъ ошибался, но онъ говорилъ не за себя одного, за древнюю столицу, которая избрала его представителемъ, уполномочила ходатайствовать у престола въ пользу и защиту отечества», и тутъ же, въ выноскѣ подъ строкою, означаетъ: «письмо къ Государю графа Растопчина отъ 17 марта 1812 года» (т. III, стр. 124). Г. Лонгиновъ также раздѣляетъ убѣжденіе, что письмо было дѣйствительно отъ Растопчина. Въ оставленныхъ послѣ себя запискахъ (на Французскомъ языкѣ) графъ Растопчинъ, упомянувъ кратко о происхожденіи и карьерѣ Сперанскаго и о возбужденной имъ противъ себя непріязни Двора и всего народа, прибавляетъ: «г. Сперанскій былъ удаленъ черезъ пять дней послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ. Какъ онъ палъ жертвою сокровенной и оставшейся нераскрытою

годня Государь слышалъ въ обвиненіе Сперанскаго отъ одного, то завтра пересказывалось ему снова другимъ, будто бы совсѣмъ изъ инаго источника, и такое согласіе вѣстей естественно должно было поражать Александра: онъ не подозрѣвалъ, что всѣ эти разные вѣстовщики—члены одного и того же союза.

Такими путями введенъ былъ въ заблужденіе благодушный Монархъ. Въ безпокойствѣ духа отъ предстоявшей войны, увлеченный и близкими къ нему людьми, и передаваемою черезъ нихъ молвою народною, обманутый искусно представленнымъ ему призракомъ злоумышленія и той черной неблагодарности, которая наиболѣе должна была уязвить его возвышенную и рыцарскую душу, Императоръ Александръ рѣшился, въ виду грозныхъ политическихъ обстоятельствъ, принесть великую для его сердца жертву.

интриги, то ссылка его возбудила слухъ, будто бы обнаружена какая-то его измѣна. Въ этой исторіи публичная молва вздумала было приписать нѣкоторую роль и мнѣ, хотя никто, конечно, не удивился болѣе меня случившемуся, когда оно дошло до меня на слѣдующій день. Я до сихъ поръ увѣренъ, что причиною ссылки Сперанскаго были внушенія господъ N. N. (*), принесшихъ его въ жертву мнимому общему мнѣнію. Пользуясь въ то время значительнымъ довѣріемъ при Дворѣ, оба эти лица пожелали еще болѣе упрочить свое положеніе низверженіемъ соперника, который, и по своимъ дарованіямъ и по привычкѣ къ нему Государя, казался имъ опаснымъ. Таково, однако жъ, было дѣйствіе,—довольно, къ несчастію, обыкновенное,—клеветы, что Сперанскій прослылъ въ народѣ за злодѣя, измѣнившаго своему Монарху, и что его имя поставили рядомъ съ именемъ Мазепы». *Истинное* письмо Растопчина, нѣсколько позднѣйшее, которое мы приведемъ въ слѣдующей главѣ, доказываетъ, впрочемъ, что онъ и самъ, по крайней мѣрѣ впослѣдствіи, едва ли не раздѣлялъ это народное убѣжденіе.

(*) Здѣсь названы тѣ два лица, о которыхъ и мы выше упомянули, но которыхъ имена мы умалчиваемъ, потому что слухъ, или хотя бы и распространенное до нѣкоторой степени въ публикѣ мнѣніе, еще не составляютъ ни судебной, ни даже исторической улики, а другихъ доказательствъ у насъ въ рукахъ нѣтъ.

II.

Здѣсь мы должны ввести въ нашъ разсказъ новое лицо, хотя и постороннее началу и развитію описываемаго нами событія, но оставшееся, какъ кажется, не безъ вліянія на его развязку.

Въ 1802 году, при обозрѣніи Александромъ Дерптскаго университета, проректоръ Парротъ, пользовавшійся Европейскою извѣстностію какъ естествоиспытатель, привѣтствовалъ его замѣчательною рѣчью.

Молодой Монархъ, сочувствовавшій всему прекрасному, былъ особенно увлеченъ этимъ привѣтствіемъ и пожелалъ видѣть Паррота у себя. Личность оратора поддержала пріятное впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, и съ тѣхъ поръ Александръ, невѣдомо для массы, поставилъ Дерптскаго профессора въ такія къ себѣ отношенія, которыя уничтожали все лежавшее между ними разстояніе. Парротъ не только былъ облеченъ правомъ, которымъ и пользовался очень часто, писать къ Государю, въ тонѣ не подданнаго, а друга, о всемъ что хотѣлъ, о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ, не только получалъ отъ него самого письма самыя задушевныя, но и при каждомъ своемъ пріѣздѣ изъ Дерпта въ Петербургъ, шелъ прямо въ Государевъ кабинетъ, гдѣ по цѣлымъ часамъ оставался наединѣ съ царственнымъ хозяиномъ. Александръ, со всѣмъ порывомъ свойственной ему сердечной теплоты, искалъ пріобрѣсти и упрочить дружбу скромнаго ученаго, не рѣдко довѣряя ему свои тайны, и государственныя и частныя. Этотъ ученый былъ честный, умный, добросовѣстный Нѣмецъ, конечно болѣе мечтатель нежели практикъ, но всегда правдивый и прямодушный; съ безкорыстіемъ и смѣлостію человѣка, ничего не искавшаго и даже отклонявшаго всякое внѣшнее изъявленіе милости, онъ предался Александру всею душою,

и, далекій отъ всякой лести, строгій въ своихъ приговорахъ какъ совѣсть, постепенно присвоилъ себѣ роль и права̀ сокровеннаго ментора. Проведя начало 1812 года въ Петербургѣ и собравшись выѣхать обратно въ Дерптъ, онъ, вечеромъ 15 марта, имѣлъ прощальную аудіенцію; но увлеченный чрезвычайною важностію происходившаго при ней разговора, рѣшился, на слѣдующій день, еще написать Государю. И разговоръ ихъ и это письмо были—о Сперанскомъ. Должно думать, что именно передъ самою аудіенціею нашего профессора заговорщики успѣли нанести государственному секретарю, доносами и лжеизобличеніями своими, послѣдній, рѣшительный ударъ. Письмо Паррота, отъ 16 марта, проливаетъ новый свѣтъ на это дѣло; изъ него видно даже, что коварно обманутый Монархъ готовъ былъ, въ первомъ гнѣвѣ, превзойти самыя дерзкія надежды враговъ Сперанскаго. Вотъ выписка изъ этого примѣчательнаго письма (*):

«Одиннадцать часовъ ночи. Вокругъ меня глубокая тишина. Сажусь писать моему возлюбленному, моему боготворимому Александру, съ которымъ не хотѣлъ бы никогда разлучаться. Уже сутки прошли со времени нашего прощанья, но сердце влечетъ меня еще разъ возобновить его на письмѣ. . . . . Въ минуту, когда Вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь Вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго, я видѣлъ Васъ въ первомъ пылу страсти и надѣюсь, что теперь Вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его. Не могу скрыть, что слышанное мною отъ Васъ набрасываетъ на него большую тѣнь; но въ томъ ли Вы расположеніи духа, чтобы взвѣсить справедливость этихъ обвиненій, а если бъ и были въ силахъ нѣсколько успокоиться, то Вамъ

(*) Парротъ велъ переписку съ Государемъ на Французскомъ языкѣ, на которомъ и это письмо было написано.

ли его судить; всякая же коммиссія, наскоро для того наряженная, могла бы состоять только изъ его враговъ. Не забудьте, что Сперанскаго ненавидятъ за то, что Вы слишкомъ его возвысили. Никто не долженъ стоять надъ министрами кромѣ Васъ самихъ. Не подумайте, чтобы я хотѣлъ ему покровительствовать: я не состою съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ и знаю даже, что онъ нѣсколько меня ревнуетъ къ Вамъ. Но если бы и предположить, что онъ точно виновенъ, чего я еще вовсе не считаю доказаннымъ, то, все же, опредѣлить его вину и наказаніе долженъ законный судъ, а у Васъ, въ настоящую минуту, нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа, нужныхъ для назначенія такого суда. По моему мнѣнію, совершенно достаточно будетъ удалить его изъ Петербурга и надсматривать за нимъ такъ, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ средствъ сноситься съ непріятелемъ. Послѣ войны всегда еще будетъ время выбрать судей изъ всего, что около васъ найдется правдивѣйшаго. Мои сомнѣнія въ дѣйствительной виновности Сперанскаго подкрѣпляются, между прочимъ, и тѣмъ, что въ числѣ второстепенныхъ доносчиковъ на него находится одинъ отъявленный негодяй, уже однажды продавшій другаго своего благодѣтеля (*). Докажите умѣренностію Вашихъ распоряженій въ этомъ дѣлѣ, что Вы не поддаетесь тѣмъ крайностямъ, которыя стараются Вамъ внушить. Отъ находящихъ свой интересъ слѣдить за Вашимъ характеромъ не укрылась, я это знаю, свойственная Вамъ черта подозрительности, и сю-то и хотятъ на Васъ дѣйствовать. На нее же вѣроятно разсчитываютъ и непріятели Сперанскаго, которые не перестанутъ пользоваться открытою ими слабою струною Вашего характера, чтобы овладѣть Вами». . . .

17 числа, въ воскресенье, Сперанскій спокойно обѣдалъ

(*) Это лицо названо въ письмѣ Паррота по фамиліи. Оно уже встрѣчалось и въ нашей книгѣ.

у своей пріятельницы, г-жи Вейкардтъ, какъ пріѣхалъ туда фельдъегерь, съ приказаніемъ ему явиться къ Государю въ тотъ же вечеръ, въ 8 часовъ. Приглашеніе это, которому подобныя бывали очень часто, не представляло ничего необыкновеннаго, и Сперанскій, заѣхавъ домой за дѣлами, явился во дворецъ въ назначенное время. Въ секретарской ожидалъ пріѣхавшій также съ докладомъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ; но государственный секретарь былъ позванъ прежде. Аудіенція продолжалась слишкомъ два часа. Сперанскій вышелъ изъ кабинета въ большомъ смущеніи, съ заплаканными глазами, и, подойдя къ столу, чтобъ уложить въ портфель свои бумаги, обернулся къ Голицыну спиною, вѣроятно съ намѣреніемъ скрыть свое волненіе. Замкнувъ портфель, онъ скорыми шагами удалился изъ комнаты и уже только выйдя въ другую, какъ бы вдругъ опомнился, отворилъ опять до половины дверь и протяжно, съ особеннымъ удареніемъ, выговорилъ: «прощайте, ваше сіятельство!» Это прощанье было на долго (*). Болѣе девяти лѣтъ предопредѣлено было Сперанскому не видаться ни съ Голицынымъ, ни съ самимъ

(*) Вся эта сцена описана нами со словъ самого князя Голицына. Другой очевидецъ, генералъ-адъютантъ графъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, бывшій въ тотъ день дежурнымъ и тоже находившійся въ секретарской комнатѣ, съ своей стороны разсказывалъ намъ, что Сперанскій, при выходѣ изъ кабинета, былъ почти въ безпамятствѣ, вмѣсто бумагъ сталъ укладывать въ портфель свою шляпу и наконецъ упалъ на стулъ, такъ что онъ, Кутузовъ, побѣжалъ за водою. Спустя нѣсколько секундъ, дверь изъ Государева кабинета тихо отворилась и Александръ показался на порогѣ видимо растроганный: «еще разъ прощайте, Михайло Михайловичъ»—проговорилъ онъ, и потомъ скрылся. М. А. Дмитріевъ въ своей статьѣ, подъ заглавіемъ: «Мелочи изъ запаса моей памяти» (Москвитянинъ 1854 г., т. II, отд. I, стр. 109), къ разсказу объ этой сценѣ, схожему съ нашимъ, прибавляетъ, что въ секретарской комнатѣ, кромѣ князя Голицына, дожидался еще и министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ. Но оба очевидца, на которыхъ мы выше сослались, о присутствіи тутъ Дмитріева ничего не упоминали.

Александромъ. . . . Вслѣдъ за тѣмъ, Государь выслалъ сказать Голицыну, что никакъ не можетъ его принять, а проситъ пріѣхать завтра, послѣ засѣданія государственнаго совѣта.

Но въ чемъ же состояли тайны этой аудіенціи? Если бъ передавать теперь на бумагѣ все что было говорено о ея содержаніи, какъ въ то самое время, такъ и впослѣдствіи, будто бы со словъ самого Сперанскаго, или даже со словъ Императора Александра, то намъ, при отсутствіи всякихъ основательныхъ поводовъ къ предпочтенію одного свидѣтельства другому, пришлось бы внести сюда цѣлый рядъ сказаній самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко совершенно между собою противурѣчащихъ; а могилы—безмолвны (*).

(*) Сперанскій, въ своихъ разговорахъ не только съ близкими къ нему, но и съ посторонними, не рѣдко бывалъ сообщителенъ и откровененъ болѣе, чѣмъ, можетъ быть, въ его положеніи, позволяли обыкновенныя условія придворной и свѣтской жизни. Но касаться послѣднихъ объясненій съ нимъ Императора Александра и вообще подробностей аудіенціи 17 марта 1812 года онъ упорно избѣгалъ, даже и при дѣланныхъ ему вопросахъ. Та́къ, когда купецъ Поповъ, бывшій, въ Перми, первымъ повѣреннымъ всѣхъ разсказовъ опальнаго о дѣлахъ и людяхъ той эпохи (это объяснится подробнѣе ниже), разъ вздумалъ завести рѣчь о томъ, какъ происходило прощанье съ нимъ Государя, Сперанскій, съ крайнимъ неудовольствіемъ, вдругъ совсѣмъ замолкъ, послѣ чего Поповъ уже никогда болѣе не отваживался съ нимъ снова о томъ заговаривать. Даже при частыхъ бесѣдахъ о своемъ прошедшемъ съ дочерью, отецъ всегда обходилъ послѣднее свиданіе съ Императоромъ Александромъ, а на вопросы ея отвѣчалъ, что про то долженъ вѣдать и быть въ томъ судьею—одинъ Богъ; однажды же, при настояніяхъ ея узнать сколько нибудь болѣе, онъ не въ шутку разсердился на нее и запретилъ впредь всякіе подобные распросы. Послѣ этого позволительно думать, что если Сперанскій и былъ, дѣйствительно, когда нибудь вынужденъ говорить, съ кѣмъ либо другимъ, о прощальной своей аудіенціи, то или лишь отыгрывался отъ назойливаго любопытства общими фразами, или, можетъ быть, разсказывалъ дѣло та́къ, какъ ему представлялось соотвѣтственнѣйшимъ въ отношеніи къ личности слушателей; послѣдніе же, при передачѣ слышаннаго ими другимъ, могли опять разцвѣчивать этотъ разсказъ прикрасами собственной фантазіи.

По этому, не повторяя здѣсь изустныхъ разсказовъ, сложившихся большею частію по наслышкѣ, даже по догадкамъ, мы ограничимся только передачею того, на что есть несомнѣнныя *письменныя* доказательства. Ими утверждаются два слѣдующія обстоятельства: *во первыхъ,* Александръ, изчисляя бывшему своему любимцу причины побуждавшія его съ нимъ разстаться, умолчалъ, можетъ быть по чувству великодушія, а можетъ быть уже и *самъ начавъ сомнѣваться въ своемъ сомнѣніи,* о главной—именно о взведенномъ на Сперанскаго извѣтѣ въ измѣнѣ и преступныхъ сношеніяхъ съ непріятелями Россіи. Это ясно изъ Пермскаго письма, въ которомъ Сперанскій, конечно, прежде всего и со всею силою возсталъ бы противъ такого гнуснаго извѣта, но въ которомъ онъ писалъ только: «*я не знаю съ точностію*, въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои, *при отлученіи меня, Ваше Величество сказать мнѣ изволили*, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненій: 1) что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство; 2) привести налогами въ ненависть правительство; 3) отзывы о правительствѣ»; *во вторыхъ,* нѣтъ, между тѣмъ, никакого сомнѣнія, что доносъ объ измѣнѣ въ самомъ дѣлѣ существовалъ, и что ему, по крайней мѣрѣ въ первую минуту, Александръ далъ нѣкоторую вѣру. Это ясно изъ вышеприведеннаго письма Паррота, ясно и изъ дневника, веденнаго Сперанскимъ по возвращеніи съ поста Сибирскаго генералъ-губернатора. Хотя дневникъ этотъ большею частію до того кратокъ, что многое изъ его содержанія представляетъ теперь одни загадочные іероглифы; но, подъ 31 августомъ 1821 года, мы находимъ въ немъ слѣдующее замѣчательное мѣсто: «Работа у Государя Императора. Пространный разговоръ о прошедшемъ. *Доносъ яко бы состоялъ въ сношеніи съ Лористо-*

номъ и Блумомъ (*). . . Вообще, кажется, начало и произшествіе сего дѣла забыты. Confusion, intrigues, commérages. En s'occupant des choses, on néglige les hommes. Но все въ рукѣ Провидѣнія, всегда справедливаго, всегда милосердаго».

Изъ дворца государственный секретарь проѣхалъ къ Магницкому, но засталъ только его жену, утопавшую въ слезахъ; мужа, въ тотъ же вечеръ, внезапно увезли въ Вологду. Возвратясь къ себѣ, Сперанскій былъ встрѣченъ министромъ полиціи Балашовымъ (**) и правителемъ канцеляріи министерства Де-Сангленомъ. Они ожидали его прибытія для опечатанія его кабинета. У подъѣзда стояла почтовая кибитка. Тотъ, для кого она была приготовлена, попросилъ только позволенія отложить нѣкоторыя изъ своихъ бумагъ, чтобы переслать ихъ, въ особомъ пакетѣ за его печатью, при нѣсколькихъ, тутъ же имъ написанныхъ строкахъ, Государю. Балашовъ согласился (***). Потомъ

(*) Лористонъ былъ въ 1812 году Французскимъ, а Блумъ Датскимъ посломъ при нашемъ Дворѣ.

(**) Въ запискахъ, оставленныхъ Балашовымъ и, по разнымъ другимъ предметамъ, довольно подробныхъ и любопытныхъ, объ этомъ собственно обстоятельствѣ упомянуто только вскользь, слѣдующими немногими словами: «Въ мартѣ 1812 года имѣлъ я очень тяжелое мнѣ порученіе отобрать всѣ бумаги у Сперанскаго и Магницкаго и послать каждаго изъ нихъ, съ полицейскимъ офицеромъ, въ дальнія губерніи подъ надзоръ».

(***) Въ пакетѣ было нѣсколько тайныхъ дипломатическихъ депешъ, взятыхъ Сперанскимъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ безъ особаго на то высочайшаго разрѣшенія, что̀ послужило потомъ поводомъ къ увольненію отъ службы Жерве, бывшаго посредникомъ въ доставленіи сказанныхъ депешъ, и къ заключенію въ крѣпость выдававшаго ихъ совѣтника министерства Бека. Между тѣмъ это открытіе чрезвычайно обрадовало непріятелей Сперанскаго, давъ имъ случай—какъ самъ онъ выразился—«всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною». Въ сущности, тутъ было одно, конечно не совсѣмъ скромное, любопытство, которое Сперанскій оправдывалъ (въ Пермскомъ письмѣ) тѣмъ, что «стоя въ средоточіи дѣлъ онъ всегда и по этимъ предметамъ

надо было ѣхать. У Сперанскаго не достало духа разбудить тещу и дочь, чтобы проститься съ ними. Онъ благословилъ только дверь ихъ спальни и оставилъ записку, которою приглашалъ обѣихъ отправиться вслѣдъ за нимъ по миновании зимы (*). Когда и это было кончено, уже поздно ночью, частный приставъ Шипулинскій умчалъ его въ долговременное заточеніе, которому надлежало начаться съ Нижняго Новгорода.

Совѣтъ Паррота, совпавшій, хотя и подъ вліяніемъ совершенно другихъ побужденій, съ тайными желаніями враговъ Сперанскаго, былъ, слѣдственно, принятъ... (**).

имѣлъ доступъ къ Государю и всѣ вѣсти, помѣщавшіяся въ депешахъ иностранныхъ дипломатовъ, всегда въ тысячу разъ лучше и подробнѣе зналъ, нежели сами они».

(*) 16 марта 1823 года Сперанскій писалъ своей дочери, уже опять изъ Петербурга: «сейчасъ вспомнилъ, что сегодня 16 марта. Чтó будетъ завтра? Думаю ничего; но чтó было тому ровно 11 лѣтъ? Чтó было когда Лиза моя проснулась и не нашла своего роднаго? Его между тѣмъ вело за руку Провидѣніе, вело, сохраняло, утѣшало, даже забавляло какъ ребенка. Въ семъ только отношеніи день сей будетъ для меня всегда незабвеннымъ».

(**) Болѣе двадцати лѣтъ спустя, самъ Парротъ, въ письмѣ къ Императору Николаю отъ 8 января 1833 года (также на Французскомъ языкѣ), тáкъ описывалъ это событіе и свое участіе въ немъ: «горестнѣйшею минутою въ жизни благороднаго Императора Александра была та, когда, передъ самою кампаніею 1812 года, его успѣли увѣрить, будто бы ему измѣнилъ и продалъ его Наполеону одинъ человѣкъ необыкновенныхъ дарованій, котораго онъ старался приблизить и привязать къ себѣ неограниченною довѣренностію и изліяніемъ на него всѣхъ милостей. Въ эту тяжкую минуту, растерзанный такою неблагодарностію, онъ прислалъ за мною. Мнѣ посчастливилось успокоить возлюбленнаго Монарха, отклонить его отъ ужасной мѣры, на которую его едва не подвинулъ справедливый, по видимому, гнѣвъ и которую, между тѣмъ, сами враги обвиненнаго не оставили бы провозгласить актомъ неслыханной тираніи; наконецъ спасти достойнаго сановника, осчастливленнаго теперь высокимъ довѣріемъ Вашего Величества. Покойный Государь сердечно поблагодарилъ меня за мой совѣтъ и во всемъ ему послѣдовалъ».

III.

Одинъ изъ первыхъ въ городѣ узналъ о высылкѣ Сперанскаго близкій къ нему Врончено. Въ понедѣльникъ, 18 марта, въ 6 часовъ утра, онъ явился къ своему начальнику для обыкновенной, передъ засѣданіемъ государственнаго совѣта, работы по гражданскому уложенію. Въ передней полицейскій драгунъ загородилъ ему дорогу, говоря, что никого не велѣно пускать, и уже только по отзыву, что онъ «домашній», позволилъ ему пройдти. Изъ прислуги никого не было видно, и Врончено, найдя кабинетъ запечатаннымъ, долго бродилъ по комнатамъ въ томительномъ недоумѣніи и страхѣ, пока наконецъ не встрѣтилъ Цейера, отъ котораго услышалъ о случившемся. Послѣ Вронченко явился Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ, прежній чиновникъ канцеляріи Троцинскаго, оставшійся въ близкихъ отношеніяхъ къ Сперанскому (*) и зашедшій къ нему по какому-то дѣлу. «Куда вы?» спросилъ сидѣвшій въ передней человѣкъ. «Къ Михайлу Михайловичу.»—«Его уже здѣсь нѣтъ.»—«Неужели же онъ такъ рано поѣхалъ къ Государю?»—«Поѣхалъ точно, да не къ Государю, а въ Сибирь», и человѣкъ разсказалъ происшедшее почью. Перепуганный Кайсаровъ побѣжалъ изъ опустѣлаго дома къ Розенкампфу, въ надеждѣ узнать отъ него какія нибудь подробности, и случайно встрѣтился съ нимъ на улицѣ. «Слышали ли вы что́ сдѣлалось съ Сперанскимъ?» спросилъ Кайсаровъ.—«Съ какимъ Сперанскимъ?» отвѣчалъ Розенкампфъ,—«я знать не хочу этого человѣка, и если вамъ дорогъ вашъ покой, то совѣтую не произносить его имени». Рано тѣмъ же утромъ, по

(*) Онъ былъ, впослѣдствіи, директоромъ департамента податей и сборовъ и умеръ, не такъ давно, сенаторомъ.

запискѣ отъ г-жи Стивенсъ, поспѣшила къ ней г-жа Вейкардтъ. У подъѣзда она увидѣла дровни, на которыя сваливали кипы бумагъ; небрежно связанные листки разносило сильнымъ вѣтромъ, такъ, что принуждены были бѣгать за ними по улицѣ. . . .

Здѣсь любопытно будетъ привести выписку изъ современнаго письма къ Сперанскому многолѣтняго его повѣреннаго, казначея и счетчика, Масальскаго, который одинъ, кажется, изо всѣхъ его приверженцовъ не потерялъ въ первую минуту присутствія духа и дѣйствовалъ всѣми способами, какіе только находились въ слабыхъ его рукахъ. Имѣвъ на своемъ попеченіи и хозяйственныя дѣла Магницкаго, Масальскій 17-го вечеромъ былъ потребованъ министромъ полиціи, для поручительства въ деньгахъ, которыми послѣдній ссудилъ Магницкаго при отправленіи его въ Вологду, и тутъ же узналъ о готовящейся высылкѣ также и Сперанскаго. «Тогда — писалъ онъ (*) своему покровителю (уже въ Нижній), — я бросился въ вашъ домъ, но по пріѣздѣ найдя уже тутъ предварившаго меня министра полиціи и узнавъ отъ Лаврушки (камердинера), что вы изъ дворца еще не возвращались, поѣхалъ искать васъ тамъ; но къ несчастію вы оттоль уже уѣхали. Послѣ сего, возвратясь къ дому вашему, я нѣсколько разъ покушался взойти къ вамъ въ то время, какъ вы были съ министромъ. Но ужасъ, который тогда мною овладѣлъ, я никакъ преодолѣть не могъ и потому, ходя около вашего дома до 2-хъ часовъ за полночь, я, при малѣйшемъ даже движеніи полицейскихъ драгуновъ, представлялъ совершенно трусливаго зайца. Такимъ образомъ лишась послѣдней отрады

(*) Письмо это, чрезвычайно обширное и многословное, мы выписываемъ здѣсь съ пропусками. Нѣкоторыя другія мѣста изъ него будутъ приведены ниже.

видѣть васъ, моего премилосердаго отца, при отъѣздѣ вашемъ, и возвратясь домой съ стѣсненнымъ горестію сердцемъ, я, на другой послѣ отъѣзда вашего день, увѣдомилъ о случившемся съ вами несчастіи какъ графа Виктора Павловича Кочубея (*), такъ и графа Павла Андреевича Шувалова (**), прося ихъ, чтобы они употребили всѣ средства, дабы противъ всякой на васъ клеветы истребовано было отъ васъ письменное объясненіе. Графъ Шуваловъ принялъ въ вашемъ положеніи истинное участіе и поручилъ мнѣ васъ увѣдомить, что ежели вамъ нужно будетъ подать чрезъ него Государю письмо, то онъ тотчасъ сіе исполнитъ. Графъ Кочубей съ своей стороны большою своею осторожностію удивилъ меня. Онъ сперва спрашивалъ меня о причинахъ вашего несчастія, но когда я ему отозвался, что ничего не знаю и что жизнію можно отвѣчать, что вы ни въ чемъ не виновны, то обратился къ другому вопросу, а именно: великое ли вы имѣете богатство (***)? Я увѣрялъ его, что все, что̀ вы имѣете, состоитъ лишь въ жалованьи, которое получалъ я за прошедшее время по носимымъ вами званіямъ, и въ деньгахъ, сбереженныхъ вами отъ всемилостивѣйше пожалованныхъ вамъ Саратовскихъ земель, и состоитъ въ 55.000 рубляхъ ассигнаціями, если только въ теченіи прошедшаго года изъ

(*) Кочубей за нѣсколько недѣль до этого (29 января 1812 г.) былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ государственнаго совѣта.

(**) Сперанскій былъ опекуномъ малолѣтнихъ его племянниковъ. Графъ, и послѣ ссылки Сперанскаго, велъ себя съ нимъ чрезвычайно благородно и даже предлагалъ лично вступиться за него у Государя. Мы имѣли въ рукахъ собственноручное его о томъ письмо къ заточенному.

(***) Изъ этого можно заключить, что и на графа Кочубея, не смотря на всю близость его сношеній съ Сперанскимъ, подѣйствовала молва; такъ искусно ведёна была интрига.

онаго числа вы не прожили, и что счеты мои, кои въ кабинетѣ вашемъ должны храниться съ 1798-го года, откроютъ и недостатки ваши и крайне умѣренную жизнь; но увѣренія сіи любопытства графа Кочубея не прекратили, пока наконецъ почувствовавъ, казалось мнѣ, странность своихъ вопросовъ, онъ перемѣнилъ разговоръ и спрашивая, не нужны ли деньги на отправленіе Елисаветы Михайловны (т. е. дочери Сперанскаго), предлагалъ, чтобъ я взялъ у него сколько бы ни понадобилось, но я отъ такого пособія вовсе отказался».—«При семъ—продолжалъ Масальскій—я узналъ отъ графини Шуваловой странныя на счетъ чести вашей нелѣпости. Она открыла мнѣ, что о васъ твердятъ, что будто бы вы намѣрены были измѣнить отечеству и налогами сдѣлать въ народѣ сильное возмущеніе; что перехватили ваши письма къ Бонапарту; что у военнаго министра украдена портфель съ военными планами и планы сіи также посланы къ Бонапарту; что наконецъ вы хотя и старались оправдаться передъ Государемъ, но помянутыя письма васъ обличили и сдѣлали безотвѣтными, и когда Государь предложилъ вамъ, что̀ за лучшее для себя признаете: судъ, или Нижній Новгородъ, то вы, лишась надежды оправдаться, рѣшились избрать послѣднее. Всѣ сіи нелѣпости, ежели бы выдумываемы были одною глупою чернью, то, конечно, не было бы причинъ много безпокоиться; но тутъ вездѣ было намѣреніе людей, устремившихся на вашу погибель, которые звѣрскимъ образомъ силились растерзать доброе ваше имя и все вышеписанное составляло малую только часть того, что̀ о васъ здѣсь по городу разносили. Нужнымъ считаю довести до вашего свѣдѣнія еще, что когда начали кричать, что у васъ хранится нѣсколько милліоновъ въ Англійскомъ банкѣ, что 700.000 р. отправлены были вами въ Кіевъ на контракты, и что я и М. В. (Могилянскій) были орудіями корыстолюбиваго вашего по-

недонія и за сіе насъ пошлютъ въ Сибирь, то я просилъ графиню Шувалову, чтобъ она разсказала все то Осипу Петровичу (министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву) и открыла бы, что я, будучи совершенно невиненъ, того только желаю, чтобъ поведеніе мое строжайшимъ образомъ было изслѣдовано, и что счеты мои, кои найдены будутъ у васъ въ кабинетѣ, легко могутъ доказать не только невинность мою, но также и то́, что вы не имѣете никакого у себя богатства».

Отъ этихъ домашнихъ и городскихъ сценъ и толковъ перенесемся теперь во дворецъ.

Въ понедѣльникъ 18-го числа, князь Голицынъ, явясь къ Государю, какъ было ему приказано, послѣ засѣданія государственнаго совѣта, засталъ его ходящимъ по комнатѣ съ весьма мрачнымъ видомъ. «Ваше Величество нездоровы?» спросилъ Голицынъ. «Нѣтъ, здоровъ».—«Но вашъ видъ?»—«Если бъ у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь *отняли* Сперанскаго, а онъ былъ моею правою рукою!»... Во всю бесѣду, довольно продолжительную, Государь только и говорилъ что о тяготившей его потерѣ, часто со слезами на глазахъ. «Ты разберешь съ Молчановымъ (*) бумаги Михайла Михайловича—заключилъ Александръ; но въ нихъ ничего не найдется: онъ *не измѣнникъ*...» Въ тотъ же день, прогуливаясь пѣшкомъ, Государь встрѣтилъ г-жу Кремеръ. «Вы, конечно, уже знаете,—сказалъ онъ ей,—что я принужденъ былъ выслать вашего друга?»—«Сейчасъ слышала, Ваше Величество, и глубоко этимъ поражена.»—«Чтожъ дѣлать!» отвѣчалъ Александръ, и въ это время замѣтно было судорожное движеніе его губъ и подбородка—«можетъ быть никто не пострадалъ тутъ

(*) Статсъ-секретарь, управлявшій дѣлами комитета министровъ.

болѣе меня, но я принужденъ былъ покориться причинамъ самымъ настоятельнымъ.» Въ среду вечеромъ былъ призванъ во дворецъ графъ Нессельродъ, очевидно для того только, чтобы и съ нимъ завести рѣчь о случившемся. Нессельродъ не могъ скрыть глубокаго своего сокрушенія, сколько по личнымъ чувствамъ къ Сперанскому, столько и по убѣжденію, что Государь лишилъ себя въ немъ слуги самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго. «Ты правъ— отвѣчалъ Александръ—но именно теперешнія только обстоятельства и могли вынудить у меня эту жертву общественному мнѣнію». Передъ министромъ юстиціи Дмитріевымъ, по свидѣтельству его записокъ, Государь выразился нѣсколько иначе, порицая, впрочемъ, Сперанскаго только за опорочиваніе политическихъ мнѣній нашего правительства и за то, что онъ хотѣлъ проникать въ закрытыя для него государственныя тайны (*). Къ этому прибавимъ переданные намъ, двумя высшими государственными сановниками, отзывы Александра при разговорахъ съ ними въ позднѣйшую эпоху. «Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ»,—отвѣчалъ онъ Николаю Николаевичу Новосильцову, когда, въ минуту довѣрчивой бесѣды, послѣдній пытался узнать истинную причину паденія бывшаго любимца. «Слышалъ ли ты, что я снова призываю сюда Михайла Михайловича?» спросилъ Государь у Илларіона Васильевича Васильчикова въ 1820 году, передъ возвращеніемъ Сперанскаго въ Петербургъ съ поста Сибирскаго генералъ-губернатора. «Слышалъ—отвѣчалъ Василь-

(*) Намекъ на дипломатическія депеши, взятыя Сперанскимъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и пересланныя отъ него Государю въ особо запечатанномъ конвертѣ. Государь тутъ же показалъ Дмитріеву первыя строки письма, въ которомъ Сперанскій говорилъ, что былъ подвигнутъ къ такому дѣйствію однимъ любопытствомъ и еще болѣе искреннимъ участіемъ въ благоденствіи и славѣ отечества.

чиковъ—и искренно поздравляю Ваше Величество съ приближеніемъ опять къ себѣ человѣка такихъ необыкновенныхъ достоинствъ.»—«Никто, возразилъ Государь, болѣе меня не отдастъ справедливости его высокимъ талантамъ. Я увѣренъ, что онъ и не дурной человѣкъ; но сила тогдашнихъ обстоятельствъ, которой я не могъ противустоять, заставила меня съ нимъ разстаться. Никогда, однако же, я не вѣрилъ во взведенную на него измѣну и виню его только въ томъ, что онъ не имѣлъ ко мнѣ полной довѣренности» (¹).. Наконецъ свидѣтельствомъ еще высшимъ, еще болѣе несомнѣннымъ чѣмъ всѣ эти частные пересказы, самымъ торжественнѣйшимъ оправдательнымъ актомъ Сперанскаго передъ потомствомъ и исторіею, является то собственноручное письмо отъ 22 марта 1819 года, которое мы выпишемъ ниже, въ своемъ мѣстѣ, и въ которомъ Императоръ Александръ, прямо и передъ самимъ Сперанскимъ, призналъ навѣты его враговъ за тó, чѣмъ они дѣйствительно были, т. е. *за клевету*.

Но если, такимъ образомъ, въ Александрѣ, почти съ самыхъ первыхъ минутъ и тѣмъ болѣе послѣ, замѣтно было отвращеніе вѣрить въ какую нибудь измѣну со стороны его любимца и обнаруживалась даже увѣренность въ противномъ, то мнѣніе массы развивалось совсѣмъ иначе. Въ захваченныхъ бумагахъ, конечно, и сама вражда не умѣла найти ничего предосудительнаго; но, въ замѣнъ, обличителемъ передъ публикою явилась общая неопредѣленная молва, систематически поддерживавшаяся ложными намеками и внушеніями той же партіи, которою все было начато. Огромное большинство, во всѣхъ классахъ, ни на минуту

(¹) Подъ этимъ, вѣроятно, должно разумѣть тó, выше упомянутое нами предложеніе, сдѣланное Сперанскому и сокрытое имъ отъ Александра, которое заговорщики умѣли потомъ приписать ему самому.

не усомнилось въ томъ, что кроткаго Александра могло побудить къ такому дѣйствію, неслыханному въ его царствованіе, одно лишь *самое черное преступленіе* противъ его лица́ и противъ государства. Вина заточеннаго не была оглашена никакимъ публичнымъ актомъ: слѣдственно открывалось широкое поле для самыхъ смѣлыхъ догадокъ. Что́ обнаружено, какъ, когда, черезъ кого? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ предоставлялось произволу каждаго: нитки, спущенныя съ клубка, до того наконецъ перепутались, что, хладнокровно соображая всѣ многочисленные и разнообразные толки, сложившіеся тогда объ этомъ событіи, трудно рѣшить, что́ стояло выше: изобрѣтательность ли клеветы, или податливость легковѣрія? Отъ того, еще и до сихъ поръ, повѣсть о паденіи Сперанскаго, разсказываемая и толкуемая каждымъ по своему, продолжаетъ оставаться, въ нашей исторіи, такою же неразгаданною тайною, какъ, нѣкогда, во Французской, сказаніе о Желѣзной Маскѣ (*).

(*) Общее или по крайней мѣрѣ наиболѣе господствовавшее въ Россіи мнѣніе о томъ, что Сперанскій былъ низвергнутъ и удаленъ за измѣну, тотчасъ нашло себѣ отголосокъ и за границею. Вотъ, между множествомъ газетныхъ статей того времени, гдѣ отразилось это мнѣніе, частію даже въ преувеличенныхъ противъ Русскихъ вѣстей и еще болѣе нелѣпыхъ краскахъ, для примѣра три, изъ 36-го нумера «Courrier de Londres (5 мая 1812 года)»:

St.-Pétersbourg le 5 Avril. «Il a été découvert une correspondance secréte entre quelques ministres et l'ambassadeur de France. C'est l'Empereur lui-même qui l'a découverte. Aussitôt que les conspirateurs ont sû qu'ils étaient découverts, quelques unes de leurs lettres ayant été interceptées, ils ont formé l'infâme complot de massacrer leur maître, lequel a été heureusement découvert avant le temps fixé pour son éxécution. Spéransky et Magnitsky ont été arrêtés et envoyés en Sibérie. On s'attend à de nouvelles arrestations, parce qu'on présume que d'autres personnes sont impliquées dans cette conspiration».

Même date. «M. Spéransky, sécrétaire du conseil intime de l'Empereur Alexandre, a été surpris dans un complot formé pour déposer Sa Maje-

Изъ приведеннаго выше письма Масальскаго мы видѣли, что и какъ, въ первые дни, говорили о случившемся, въ Петербургѣ. «Исторія Сперанскаго—писалъ Карамзинъ своему брату изъ Москвы—есть для насъ тайна: публика ничего не знаетъ. Думаютъ что онъ уличенъ въ нескромной перепискѣ (*)». Наконецъ слѣдующее извлеченіе изъ записокъ Вигеля, находившагося въ то время въ Пензѣ, свидѣтельствуетъ о впечатлѣніи, которое было произведено этимъ неожиданнымъ событіемъ на провинцію. «Первая важная вѣсть—пишетъ онъ,—которую получили мы въ концѣ марта, была о неожиданныхъ отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго; но эта вѣсть громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это былъ человѣкъ, кото-

sté. Il avait pour complice M. Magnitsky, l'un des ministres, et un français. Leur correspondance avait été interceptée et il en a été donné connaissance à l'Empereur, qui a fait venir sur le champ Spéransky, qu'il avait comblé de faveurs. Après l'entrevue, ils ont été mis tous les trois dans une voiture, qui avait été préparée à cet effet, et ils ont été envoyés en Sibérie sous une escorte suffisante. Spéransky est d'une naissance obscure, il avait épousé une anglaise qui est morte il y a quelques années, et il était sécrétaire particulier de l'Empereur quand celui-ci était Grand-Duc».

Le 5 Avril. «Il a été découvert une correspondance entretenue par des traîtres. Un des principaux personnages impliqués dans le complot était Spéransky, sécrétaire de la famille royale (sic), qui connaissait tous les secrets de l'état. Quelques personnes disent qu'on en voulait à la vie de l'Empereur, mais on n'en a point de preuves. Magnitsky, qui a toujours été grand partisan de la France et ami intime de Spéransky, était son complice dans la correspondance qui vient d'être découverte. Spéransky, Magnitsky et divers autres personnages ont été immédiatement bannis en Sibérie».

(*) Любопытно, что въ томъ же письмѣ, отъ 28 мая 1812 года, слѣдственно писанномъ едва спустя два мѣсяца послѣ происшествія, Карамзинъ могъ уже сказать: «его (т. е. Сперанскаго) всѣ бранили, *теперь забываютъ*. Ссылка похожа на смерть».

рый никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ погибели ни единаго изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіе многихъ лѣтъ трудился въ тишинѣ кабинета своего. Но на кабинетъ сей смотрѣли всѣ какъ на Пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли наконецъ глаза обманутому Государю. Только дивились милосердію его и роптали, какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя, и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы (*). Не менѣе того, его ссылку торжествовали какъ первую побѣду надъ Французами. Многіе приходили меня съ этимъ поздравлять и, виноватъ, я принималъ поздравленія».

Несомнѣнно, кажется, одно: предстоявшая война противъ сильнаго, искуснаго и счастливаго врага требовала послѣднихъ усилій и жертвъ. Нужно было обратить ее въ національную, а для этого еще сильнѣе пробудить, во всѣхъ сословіяхъ, духъ патріотизма и приверженности къ правительству. Удаленіе ненавистнаго государственнаго секре-

(*) Въ современномъ дневникѣ другаго лица, Логина Ивановича Голенищева-Кутузова, мы находимъ также нѣчто подобное. Называя Сперанскаго Робеспьеромъ, а Магницкаго его Сеидомъ, и разсказывая что, послѣ ихъ высылки, Государь велѣлъ дать дочери перваго и женѣ послѣдняго кареты отъ Двора, для слѣдованія за ними, Кутузовъ прибавляетъ: «друзья злодѣя говорятъ о несовмѣстности съ правосудіемъ Монарха поступать такъ съ людьми, которые были бы виновны въ томъ, въ чемъ ихъ винятъ, и что если бъ они точно продались Франціи, то Государь не имѣлъ бы такихъ аттенцій къ ихъ семьямъ, изъ чего и слѣдуетъ, что все—одна ложь и придворная интрига. По моему мнѣнію, предположеніе такого рода уничтожается двухъ-часовою аудіенціею, въ продолженіе которой Сперанскій имѣлъ, кажется, все время оправдаться, если бъ могъ; слѣдственно въ теперешнемъ распоряженіи должно видѣть только новое доказательство непостижимой благости Монарха».

таря вполнѣ удовлетворяло желаніямъ огромнаго большинства. Вышеприведенныя слова Вигеля: «ссылку Сперанскаго торжествовали какъ *первую побѣду* надъ Французами»— весьма многозначительны.

IV.

«Вскорѣ по удаленіи Сперанскаго—сказано въ запискахъ Дмитріева—появилась на Французскомъ языкѣ рукопись, въ которой государственный секретарь обвиняемъ былъ въ разрушеніи коллегіальнаго порядка, введеніи, по разнымъ частямъ управленія, новизны, болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ общественной,—въ чертахъ весьма рѣзкихъ, но увеличенныхъ». Тутъ же Дмитріевъ приложилъ и небольшой отрывокъ изъ самой рукописи, озаглавя ее такъ: «Mémoire de M. le baron d'Armfeld, écrit à l'occasion de la disgrâce de M. de Spéransky en 1812». Вопреки этому заглавію, мы имѣемъ полное основаніе думать, что сказанная записка была произведеніемъ не графа Армфельда, а барона Розенкампфа. Впрочемъ, кому бы ни принадлежала печальная честь сочиненія этого акта, столько же слабаго, во многихъ частяхъ даже и малоосновательнаго по существу, сколько уродливаго по изложенію (*), цѣль его была очевидна: по собственному выраженію Сперанскаго, враги его желали и считали необходимымъ—его *доканать*. По поводу другой записки Розенкампфа, о финансовыхъ мѣрахъ Сперанскаго (на этотъ разъ сочинитель не скрылъ себя подъ чужимъ именемъ), когда Александръ Ивановичъ Тургеневъ упрекалъ его въ такомъ бѣшеномъ преслѣдова-

---

(*) Къ подтвержденію прочихъ доказательствъ, что эта записка принадлежала не Армфельду, можетъ служить и тó, что онъ превосходно владѣлъ Французскимъ языкомъ, чего здѣсь такъ мало слѣдовъ.

ніи человѣка уже несчастнаго, Розенкамифъ отвѣчалъ ему: «нѣтъ, надобно, надобно; не знаемъ что̀ можетъ случиться позже, les morts seuls ne reviennent pas».

Во всякомъ случаѣ, приводимая Дмитріевымъ записка, въ которой Сперанскій изображенъ злодѣемъ и предателемъ отечества, съ уподобленіемъ его Кромвелю, та́къ разъясняетъ для насъ тѣ внушенія и ковы, посредствомъ которыхъ личная вражда уловила возвышенную душу Александра, что мы не можемъ не выписать здѣсь этотъ актъ, и не въ одинхъ лишь отрывкахъ, какъ онъ помѣщенъ у Дмитріева, а цѣликомъ. Вотъ подлинныя его слова̀ (*):

«Dans un siècle comme celui où nous vivons, où tout a été déplacé jusqu'à la signification des mots, où les vertus et les vices mêmes ont changé de nom au point que la pensée, loin de pouvoir se fixer avec sûreté sur un objet quelconque, n'ose franchir aucune borne sans être entrainée par l'exagération et l'erreur,—tous les évènements du jour, ainsi que tous les faits particuliers, prennent l'empreinte de cette tendance vers le faux; et l'éloignement d'un homme en place, qui aujourd'hui fait l'objet de toutes les conversations de Pétersbourg, parait n'avoir pas trouvé encore son vrai point de vue afin de fixer l'opinion publique et la diriger vers le premier et le plus essentiel des motifs qui pourrait y avoir donné lieu.

«Trahison contre l'état et illuminatisme d'une part, jalousie et intrigue de cour de l'autre,—voilà les causes qu'on cher-

(*) Изъ сказаннаго Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ въ его книгѣ (ч. I, стр. 571) можно бы заключить что, по его мнѣнію, эта собственно записка и обратилась въ побудительную причину къ удаленію Сперанскаго. Но свидѣтельство Дмитріева доказываетъ, что она была подана уже *послѣ* катастрофы. Это видно, впрочемъ, изъ самого содержанія всей записки и особенно изъ ея начала.

che pour motiver l'évènement; mais l'homme calme et accoutumé à réfléchir ne s'abandonne pas à de simples conjectures et à des combinaisons si souvent dénuées de tout fondement: il s'arrête à examiner cet homme dans la grande place qu'il occupe et à le considérer sous le triple rapport d'individu, de sujet et d'homme d'état. Indépendamment des faits qui pourraient motiver une inculpation particulière contre M. Spéransky et qui me sont inconnus, l'on peut avancer que sa conduite administrative offre des griefs qui suffisent pour rendre ses vues suspectes au suprême degré. Ces reproches sont de nature à rendre indigne de confiance tout sujet de l'état et, à plus forte raison, celui qui fut chargé des affaires les plus importantes et honoré de la confiance entière du meilleur des Souverains. Ses principes administratifs prouvent, à peu d'exceptions près, qu'il a eu l'intention de désorganiser l'ordre des choses existant et d'amener un bouleversement général. En suivant pas à pas sa conduite, l'on s'aperçoit qu'il a été guidé par une ideé dominante qui prouve qu'il agissait d'après un plan prémédité, dont les derniers évènements donnent la clef; les moyens dont il s'est servi répondent parfaitement à ce but. Ce qui l'a démasqué à cet égard, a été l'opinion qu'il manifesta dans les derniers temps: «que les éléments de l'état actuel de l'Empire étaient si mauvais qu'on ne pouvait y remédier; que tout était parvenu au point qu'il fallait attendre les évènements, et que ce n'était que par de grands malheurs qu'un meilleur ordre de choses pouvait être établi».—Après une pareille déclaration de la part d'un Ministre d'état, chacun doit craindre moins pour soi que pour le Souverain et l'état, et ce n'est qu'alors qu'on a pu saisir l'esprit et l'ensemble de tout ce qu'il avait fait depuis dix ans.

«Une telle opinion ne peut produire que des effets pernicieux, quand même celui qui l'a énoncée ne fut pas un

traître; car, tôt ou tard, elle doit faire des prosélites dangereux et saper la confiance dans les mesures du gouvernement.

«1. Le premier pas innovateur par lequel commença sa carrière désorganisatrice, a été l'abolition des Collèges et de l'ordre collégial.

«2. Il forma un plan d'administration qui, en compliquant tous les ressorts, paralisait le principe de l'unité et de contrôle.

«3. Il commença un code de lois sans jamais permettre que les principes qui devaient lui servir de base fussent connus.

«4. Il fit adopter un système de finances qui anéantissait la confiance publique et privait le gouvernement des moyens de faire face aux dépenses tant ordinaires qu'extraordinaires.

«5. Enfin il indisposa toutes les classes, en mettant en opposition leurs interêts réciproques. Il sut avilir la dignité de la noblesse, entraver l'industrie du tiers-état et surcharger le fardeau des cultivateurs; il n'augmenta le nombre des employés que pour augmenter celui des mécontents, et au lieu d'assurer par la législation l'état légal de toutes les classes, il ne fit qu'exciter l'attente de chacun pour la tromper ensuite.

«Il est essentiel de développer chaque point de ces assertions et de les considérer ensuite dans leur ensemble.

1.

«L'abolition des Collèges parut dans le temps une chose indifférente à ceux qui n'en sentaient pas les conséquences. Je ne ferai qu'extraire les passages les plus essentiels d'un mémoire qui a été présenté contre cette mesure en 1804, à l'occasion du doklade du Ministre de l'Intérieur:

«Chaque pays a des éléments constitutionnels qui consistent

dans la forme de son gouvernement, ses institutions et les lois civiles. Ils garantissent la force et la vigueur du pouvoir monarchique (le seul qui convient à la Russie comme à tous les pays du monde) et la sûreté légale des sujets tant par rapport à leurs personnes qu'à leur propriété. L'interêt du Souverain autocrate et du dernier de ses sujets sont parfaitement d'accord sur ce point.

«Plus ces institutions sont consolidées par le temps et amalgamées avec les transactions civiles ainsi qu'avec l'opinion générale, mieux elles répondent au but de rendre heureux les peuples. Exécutées par des hommes qui souvent sont conduits par leurs passions, il appartient au gouvernement de rémédier aux abus qui naissent insensiblement dans toutes les choses, et surtout d'en maintenir l'esprit et le principe. Tant qu'une institution ancienne est susceptible d'être corrigée, il ne faut que lui donner le développement nécessaire. Tant que les principes des lois civiles (les bases du droit des personnes et des propriétés) ne sont pas contraires au but de la société, il faut les conserver et étendre successivement leur application, à mesure que les rapports sociaux se développent.

«Tout ce qui existe et qui a été utile depuis des siècles, doit avoir été institué par de bonnes raisons; et, tant qu'elles subsistent, une telle institution doit être sacrée au législateur. Quelque bonne que soit celle par laquelle on veut la remplacer, on a brisé les colonnes et les voûtes d'un dôme antique, sans savoir si le nouveau support est aussi fort et durable que l'ancien. Voilà la différence entre l'homme d'état qui profite des lumières du temps, en consultant toujours les circonstances et en ne s'écartant jamais des principes qui assurent l'ordre et la tranquillité, et l'innovateur téméraire qui ne respecte pas plus le temps passé que le présent; qui, non content d'habiter l'édifice solide qui a servi d'asyle à ses

ancêtres et à ses contemporains, ne croit être à son aise que dans les décombres de la désorganisation. Il ne s'agit pas d'un édifice local, élevé de matériaux fragiles et destiné à loger quelques familles; mais de celui qui réunit toutes les familles de l'Empire et dans lequel est placé le trône de S. M. l'Empereur. S'il est des cas où le bien-être de l'Empire exige de changer avec prudence une institution existante, du moins il faut marcher d'un pas assuré. Mais prendre à tâche de les changer en masse ne peut être que la suite ou l'avant-coureur d'idées révolutionnaires; elles n'appartiennent qu'à des hommes qui méprisent tous les autres et qui veulent risquer le tout pour le tout.

«Une telle institution était celle des Collèges, qui, depuis près d'un siècle, formaient les points centraux pour le contrôle des administrations locales et dont la réunion des présidents constituait le Sénat sous le rapport administratif, et à qui il ne manquait que d'être réunis, sous le rapport exécutif, sous des Ministres. Aussi sous ce seul point de vue leurs attributions étaient divisées selon la nature des objets; leur but n'était pas de soigner eux-mêmes les détails de l'administration locale, mais de la diriger et de la surveiller en général. C'est pour cela que leurs instructions et formes exécutives offraient des incohérences, lorsqu'on les appliquait à tous les détails minutieux et lorsque les administrations locales établies par Catherine furent placées immédiatement sous le Sénat, composé d'autres personnes que les Ministres ou les chefs mêmes des grands Départements.

«Pierre le Grand, ayant trouvé cette institution dans les états qu'il avait parcourus et l'ayant trouvée préférable aux nombreux conseils qui existaient sous le nom de Prikasi, la regardait comme la base de l'édifice administratif qu'il avait conçu; il légua sur ses tablettes à ses successeurs le soin de l'achever par l'institution des Ministres.

«Et quels étaient les motifs pour lesquels on crut devoir détruire ce bel ouvrage. Ceux qui sont allégués dans le doklade du Ministre de l'Intérieur sont si frivoles, qu'on n'a presque pas besoin de les réfuter.

«On y allègue les vices et les lenteurs de l'ordre collégial et le manque de responsabilité; l'expérience, d'accord avec le bon sens, a bien démontré que les Départements établis depuis n'offraient aucun des avantages des Collèges. Ces derniers conservaient l'administration locale, tandis que ceux-là l'entravent. Ils formaient des centres pour la pratique et la responsabilité divisée entre peu de personnes; les Départements au contraire multiplient à un tel point la responsabilité qu'il n'en existe plus. Une assemblée de sécrétaires et de scribes n'offre certainement pas un noyau central pour les pratiques, pareil à celui d'une corporation qui existe toujours et qui a une unité morale.

«Le point de vue établi dans le doklade de l'an 1804, pouvait encore être susceptible de modifications, qui semblaient balancer les avantages des collèges; mais le nouveau réglement ministériel y met le comble. Empiétant sur son modèle, il achève de rendre impossible un contrôle simple et bien organisé au dessus des administrations locales; les idées qui provisoirement ont été mises en avant sur celles-ci, confirment ce que je viens d'avancer. En l'exécutant (comme de raison) sur ce même principe, la Russie aurait représenté la burocratie la plus complète.

2.

«Ceci suffira pour faire voir combien le dessein de désorganiser les différentes branches était prémédité et combien les opérations, faites, en différents sens, toujours dans ce sens, coincidaient ensemble au même but. Depuis 1804

elle (?) s'étendait déjà sur la plupart des autorités exécutives. En 1810 le point central pour la partie législative fut organisé encore sur ce principe. En 1811 le projet pour le Sénat judiciaire fit entrevoir son application à la partie judiciaire et si on l'avait exécuté, l'expérience aurait bientôt prouvé à quel point la marche judiciaire serait devenue monstrueuse et quel mécontentement universel elle n'aurait pas manqué de produire. L'administration compliquée pèse sans doute fortement sur ses individus; mais toujours on s'en ressent infiniment moins que des lenteurs judiciaires qui menaçaient de parvenir à leur comble.

«Les inconvénients qui, en effet, existent dans la marche actuelle de la judicature, sont connus; mais il n'est pas de scribe du Sénat qui ne puisse prouver que les dispositions du projet pour le Sénat judiciaire, en rémédiant à quelques abus, en proposant quelques bonnes choses, ouvrent en même temps mille portes pour une, afin que les procès deviennent le domaine des maîtres de requêtes, et l'accès au Ministre de Justice aurait été rendu si difficile, qu'en dernier résultat même le Sénat n'aurait pu rémédier au despotisme des chancelleries subalternes. Telle était la perspective qu'il ouvrait au peuple et à toutes les classes, qui déjà murmuraient de voir encore une fois leur attente trompée dans l'accomplissement des promesses du meilleur des Souverains.

«Dans aucun de ses ouvrages M. Spéransky n'a montré plus d'art et de finesse, soit pour cacher ce qu'il voulait, soit pour faire deviner ses intentions, en se réservant toujours par des arrière-pensées de rentrer dans l'une ou dans l'autre route.

«Ce n'est qu'en approfondissant cette pièce qu'on commence à concevoir des doutes sur la pureté de ses vues. On lui avait présenté un projet basé sur les mêmes principes qu'il fit semblant de suivre; mais tout demeura sans succès.

Il convint cependant plus d'une fois qu'il fallait refaire le tout dans un autre sens, mais avec le temps.

3.

«La lenteur et les retards inconcevables que M. Spéransky met depuis deux ans à la discussion du code civil, n'étaient certainement pas la suite de ses nombreuses occupations. Il est simple qu'aumoins il aurait pu trouver pendant dix-huit mois le temps de terminer la lecture de quelques chapitres du 3-ème volume qui se trouve aussi longtemps dans son bureau. Nous avons vu qu'il ne fallait au Conseil de la Commission que quatre mois pour terminer ses discussions sur le 1-r volume du code civil et cinq mois à peu près pour achever son travail sur le 2-ème. Le mot de l'énigme pour la législation civile est le même que pour toute sa conduite; il ne voulait en effet jamais ce qui vraiment était utile au bien de l'état, mais il désirait en avoir l'air pour se soutenir dans l'opinion de notre Souverain, dont il craignait l'oeil pénétrant. Les sophismes dont il se servait pour éluder le contrôle et pour échapper aux reproches du maître, coûtaient peu à un homme qui jamais ne pensait comme il parlait et qui n'agissait que pour cacher sa pensée. Et quand toutes les raisons lui manquaient, il rejetait la faute sur la volonté expresse de Sa Majesté Impériale, qui, bien malgré lui, insistait sur les mesures qu'il n'approuvait pas. La manière dont il a administré les fonds de la Commission des lois est encore une chose inexprimable. Du temps du Prince Lopuchine il y avait trois fois plus de fonctionnaires: pendant l'administration de M. Spéransky le nombre des employés fut réduit à trois ou quatre personnes tout compté: on n'acheta plus de livres, et cependant rien n'a été déposé à la Banque.

4.

«Le reproche que tout l'Empire doit faire à celui qui avait l'honneur de porter le nom de son Sécrétaire, pour avoir frustré l'attente de voir promulguer le code civil malgré les moyens puissants que S. M. I. avait accordés à cet effet avec la générosité qui la caractérise, ce reproche, dis-je, ne peut être égalé que par celui d'avoir ruiné les finances de l'Empire autant qu'il dépendait de lui. La doctrine absurde qu'il fit adopter par le Département, les millions qui sont perdus pour l'état, l'anéantissement du crédit public, commercial et privé, sont autant de griefs contre la conduite administrative de M. Spéransky, dont les journaux du Conseil depuis le 1 Février 1810 jusqu'au 11 Février 1811 forment les pièces justificatives. Quelques mémoires à ce sujet qui paraitront avec le temps et qui sont déjà connus à S. M. I. et à un Comité, présentent les points principaux qui doivent motiver l'acte d'accusation qu'il mérite et à laquelle sa mémoire n'échappera pas.

«C'est au Comité d'achever cet examen et de réparer les maux qu'il a causés. Je n'ai fait qu'efileurer le sujet.

5.

«Le cinquième point n'est que le résultat de l'ensemble des faits que je viens d'exposer. Un homme doué de tant de moyens n'a pu se tromper à un tel degré sur tous les points et sur tant d'objets, pour poursuivre avec une persévérance à toute épreuve le plan qu'il s'était tracé. On ne peut être censé d'avoir été dans des erreurs aussi multipliées lorsqu'on a eu tant d'occasions, tant de raisons pour en revenir et se raviser, et lorsqu'on sait développer tant de sagacité pour colorer ses vues. L'homme qui a pu entreprendre de sang-froid une pareille tâche et, jouissant de la confiance et des bienfaits de l'Empereur Alexandre, sut cacher avec un art inoui la vérité

et masquer le danger auquel il exposait l'Empire; qui, en affectant une âme pénétrée de sentiments religieux, ne craignait ni les reproches de sa conscience, ni le mécontentement de son maître, ni les murmures de toute la nation,—un tel homme, dis-je, avait pris son parti depuis longtemps et se conduisait d'après un plan mûrement réfléchi.

«Mais, demandera-t-on, quels ont été ses véritables desseins, à quoi visait-il? Il faut avoir longtemps observé cet être calme et profondément dissimulé, semblant être de tous les avis pour ne suivre que le sien, possédant l'art de la parole et de la rédaction joint à des formes très agréables; il faut l'avoir vu former et réformer ses propres idées, pour avoir la clef de sa conduite et de son caractère. Son âme et son orgueil ne sont pas d'un genre ordinaire, un tel caractère ne se nourrit pas des choses, qui peuvent satisfaire le vulgaire des hommes; il parcourt le ciel et la terre pour fixer le regard sur ce qui peut le contenter ou du moins le servir. La religion pour lui n'est qu'un hommage qu'il rend à son orgueil. Il sait dompter les petites passions, parcequ'il se livre à la plus violente de toutes, à l'orgueil et au mépris des hommes. Les motifs que la morale vulgaire lui refusait, il sut, comme Cromwell, les trouver dans une disposition particulière de son âme, dans ce haut degré d'hypocrisie qui se fait illusion à soi même. Il se crut tellement rapproché des êtres supérieurs, tellement initié dans les hauts desseins d'une providence que son égoisme avait créé, qu'il ne doutait pas de pouvoir atteindre à tout, être destiné à des évènements plus particuliers que le reste des hommes.

«Il avait oublié une chose, c'est que la providence qui permet le mal jusqu'à un certain point, ne voulut pas permettre qu'il en imposât d'avantage au Souverain, dont il ne fut pas digne, et à ses contemporains qu'il indignait à mesure qu'ils surent le juger».

V.

Будущій историкъ напрасно сталъ бы искать, въ оффиціальныхъ актахъ той эпохи, указа, которымъ Сперанскій, при высылкѣ изъ Петербурга, былъ отрѣшенъ или уволенъ отъ своихъ обязанностей, или вовсе отъ службы. Тогда какъ газеты того времени публиковали объ отставкѣ каждаго мелкаго чиновника, о Сперанскомъ онѣ сохранили глубокое молчаніе, самое же увольненіе его отъ разныхъ должностей устроилось одними распоряженіями косвенными, частію и безъ всякаго особаго распоряженія. Передадимъ здѣсь какъ все это сдѣлалось.

Въ понедѣльникъ 18 марта, члены государственнаго совѣта съѣхались въ засѣданіе въ установленный часъ; но ни Императора, ни государственнаго секретаря еще не было. Князь Голицынъ (вспомнимъ, что онъ еще не видѣлъ Государя, наканунѣ приказавшаго ему явиться къ себѣ *послѣ* Совѣта) подошелъ къ Балашову и спросилъ его шепотомъ, справедливъ ли разнесшійся по городу слухъ, будто бы Сперанскаго куда-то услали? «Да—отвѣчалъ Балашевъ—я его сегодня почью отправилъ?» Дмитріевъ, также ничего не знавшій объ этомъ и сидѣвшій въ совѣтѣ черезъ стулъ отъ Балашова, обратился къ послѣднему съ вопросомъ объ одномъ его чиновникѣ: «Александръ Дмитріевичъ, гдѣ у васъ Ельчаниновъ?»—Тотъ отвѣчалъ, и потомъ спросилъ его: «Иванъ Ивановичъ! а гдѣ у васъ Михайло Михайловичъ?»—«Какой Михайло Михайловичъ?»—«Сперанскій!»—«Я думаю, онъ сейчасъ будетъ сюда».—«Нѣтъ, не будетъ, отвѣчалъ Балашовъ; онъ уже далеко отсюда (*)!» Спустя нѣ-

(*) О вопросѣ Дмитріева и объ отвѣтѣ ему Балашова сообщаетъ М. А. Дмитріевъ въ своихъ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти» (Москв. 1854 г., T. II, отд. 1, стр. 110).

сколько минутъ позвали къ Государю старшаго изъ совѣтскихъ статсъ-секретарей, Оленина. Возвратясь въ совѣтъ, онъ объявилъ, что Государь и государственный секретарь не будутъ и что дѣла велѣно докладывать, безъ нихъ, ему, Оленину. Уже только въ апрѣлѣ послѣдовали два указа, которыми повелѣвалось: однимъ (3 числа) Оленину, «какъ старшему, править должность государственнаго секретаря, впредь до дальнѣйшаго приказанія», а другимъ (9 числа) государственнымъ секретаремъ «на мѣсто Сперанскаго» быть вице-адмиралу Шишкову (*).

Въ коммиссіи составленія законовъ дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: 13 апрѣля, слѣдственно уже черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ Государя къ арміи, князь Лопухинъ, «прибывъ въ коммиссію, объявилъ что, по предсѣдательству его во всѣхъ департаментахъ государственнаго совѣта, въ томъ числѣ и въ департаментѣ законовъ, Его Императорское Величество за благо призналъ ввѣрить ему управленіе коммиссіи законовъ, съ тѣмъ, чтобы онъ вошелъ въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, изъясненныхъ въ поданной ему запискѣ отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Розенкампфа (**) и чтобы коммиссіи дано было надлежащее движеніе въ производствѣ ея дѣлъ». Вслѣдствіе того Лопухинъ поручилъ наблюденіе за производствомъ этихъ дѣлъ и за занятіями чиновниковъ то-

(*) Шишковъ назначенъ былъ въ это званіе единственно для составленія государственныхъ актовъ и сопутствовать Государю въ армію, а потомъ и въ послѣдующія его поѣздки: должность же государственнаго секретаря по совѣту, съ тѣхъ поръ, до назначенія въ нее, въ 1827 году, другаго лица (Марченко), лежала всегда исключительно на Оленинѣ.

(**) Эта записка (не та, которая выше приведена нами вполнѣ) содержала въ себѣ подробное обозрѣніе дѣйствій коммиссіи отъ начала ея учрежденія и самую ожесточенную критику всѣхъ распоряженій и мѣръ Сперанскаго съ того времени какъ она была ввѣрена его управленію.

му же Розенкампфу, какъ старшему изъ начальниковъ отдѣленій, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды во взаимныхъ соображеніяхъ были приглашаемы и прочіе начальники отдѣленій, а представленія коммиссіи къ нему, Лопухину, вносились за подписаніемъ, сверхъ Розенкампфа, еще помощника статсъ-секретаря по департаменту законовъ Тургенева (Александра). Нѣсколько позже (11 мая) Лопухинъ донесъ Государю, что какъ всѣ изготовляемыя чиновниками бумаги поступали прежде къ директору коммиссіи (т. е. Сперанскому), «котораго уже нѣтъ», то, для сохраненія единообразія въ дѣлопроизводствѣ, онъ учредилъ изъ Розенкампфа, Дружинина и Тургенева особый совѣтъ, приказавъ сюда представлять начальникамъ отдѣленій всѣ ихъ проекты, для внесенія въ государственный совѣтъ черезъ него, Лопухина. «Поелику же—прибавлялъ онъ—многія бумаги въ коммиссіи были изготовлены и представлены бывшему директору ея, тайному совѣтнику Сперанскому, безъ коихъ нынѣ, по нѣкоторымъ статьямъ, или весьма затруднительно, или вовсе невозможно продолжать работы, дабы сохранить общую связь и порядокъ: то я осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить о семъ и испрашивать: не благоугодно ли повелѣть тому, у кого оныя хранятся, возвратить ихъ въ коммиссію законовъ». Государь отвѣчалъ на это (изъ Шуцина 16 мая), что всѣ сдѣланныя Лопухинымъ распоряженія находитъ весьма основательными и что Молчанову велѣно «изъ бумагъ, хранящихся въ кабинетѣ тайнаго совѣтника Сперанскаго», выдать нужныя для коммиссіи. Вслѣдствіе того онѣ и были приняты Тургеневымъ. Но кажется что дальнѣйшія дѣйствія коммиссіи законовъ въ данномъ ей новомъ направленіи не совсѣмъ соотвѣтствовали ожиданіямъ Государя. По крайней мѣрѣ въ конфиденціаль-

ной переписке графа Армфельда, находившагося тогда при Государе въ арміи, съ Розенкампфомъ, мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ перваго (изъ Альковки, отъ 6 іюля 1812): «on a écrit à l'Empereur que le plan est de ne faire rien faire à la Commission des lois, et qu'on brillait aujourd'hui avec de grands mots, comme dans le temps de Spéransky avec de brillantes rédactions, sans autre but que d'amuser le public et de tromper l'Empereur etc.» (*).

По Абовскому университету канцлерскій секретарь Гартманъ 10 апрѣля увѣдомилъ университетскую консисторію, что «какъ государственнымъ секретаремъ назначенъ Шишковъ, то Его Величество находитъ, что Сперанскій уже не можетъ быть и канцлеромъ университета; почему консисторіи слѣдуетъ приступить къ выбору новаго лица въ эту должность (**)».

Наконецъ по министерству юстиціи, въ которомъ Спе-

(*) Графъ Армфельдъ уже не впервые передавалъ здѣсь Розенкампфу неудовольствіе Государя. Въ предъидущей части мы упомянули о финансовомъ планѣ, придуманномъ, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, Розенкампфомъ, но не сказали что, вмѣсто повелѣнной въ этомъ дѣлѣ глубокой тайны, послѣдній имѣлъ неосторожность, или тщеславіе, сообщить свои мысли постороннему лицу, которое, не раздѣляя ихъ, передало свои сомнѣнія принцу Георгію Ольденбургскому, а принцъ сильно возсталъ противъ всего проекта. Вотъ что, по этому случаю, писалъ Армфельдъ Розенкампфу (отъ 16 іюля изъ Вильны): «L'Empereur m'a dit que vous avez confié vos plans à un professeur Buhle, honnête homme, mais qui ne devait pas être dans le secret; que celui-là, n'ayant pas goûté vos idées, en avait parlé au Prince; que delà tout ce commérage; que l'Empereur ne vous en voulait cependant pas pour cette petite indiscrétion (effet, peut-être, de l'amour-propre d'auteur), mais qu'il vous priait de ne vous confier dorénavant qu'à des gens qui doivent être dans le secret. Voilà, cher ami, que je vous ai lavé la tête par ordre suprême, en répétant du reste que Sa Majesté ne vous en veut aucunément, car il connait et estime le professeur en question, *qui n'est en rien*, à ce qu'il m'a dit, dans le genre de Spéransky».

(**) Вслѣдствіе того канцлеромъ былъ выбранъ графъ Армфельдъ.

ранскій носилъ званіе товарища министра, и по главному правленію училищъ, гдѣ онъ былъ членомъ, не послѣдовало о немъ вовсе никакихъ распоряженій: онъ изчезъ изъ нихъ, такъ сказать, безъ вѣсти.

Между тѣмъ съ исходомъ 1812 года наступилъ срокъ къ изготовленію списка высшимъ гражданскимъ чинамъ, печатавшагося въ то время ежегодно отъ герольдіи. Это возбудило со стороны герольдмейстера Грушецкаго вопросъ: показывать ли въ спискѣ на 1813 годъ Сперанскаго «такъ какъ онъ дотолѣ занималъ *такія-то* (вышеисчисленныя) должности и хотя нынѣ при нихъ не находится, но чтобъ былъ отъ нихъ уволенъ, на сіе не дано сенату именнаго высочайшаго повелѣнія». Министръ юстиціи Дмитріевъ внесъ этотъ щекотливый вопросъ въ комитетъ министровъ, который въ то время, за отсутствіемъ Государя, дѣйствовалъ съ особыми уполномочіями. Резолюція въ комитетѣ состоялась самая короткая: «Сперанскаго въ изготовляемый списокъ не вносить, поелику онъ ни при должностяхъ не находится, ни при герольдіи не состоитъ».

Такимъ образомъ надъ политическимъ бытіемъ Сперанскаго положенъ былъ послѣдній камень.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сперанскій въ Нижнемъ-Новгородѣ.

I.

Богатый Нижегородскій помѣщикъ, владѣлецъ извѣстнаго села Лыскова, камергеръ князь Егоръ Александровичъ Грузинскій находился, по родству и связямъ, въ близкихъ отношеніяхъ со всѣми знаменитостями того времени. Ему какъ-то удалось свести также короткое знакомство и съ удалившимся отъ всѣхъ Сперанскимъ, который свободно допускалъ его къ себѣ, любилъ разсуждать съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ и не рѣдко сообщалъ ему даже разные свои проекты на предварительное соображеніе. Получивъ съ этою цѣлью на просмотръ и проектъ новаго образованія сената, Грузинскій привезъ государственному секретарю свои замѣчанія, въ которыхъ опровергалъ новое образованіе, преимущественно со стороны излишняго, по его мнѣнію, распространенія власти сената. «Прочитавъ мои замѣчанія—разсказывалъ князь одному человѣку, записавшему для насъ его слова — со вниманіемъ и съ разстановкою, Михайло Михайловичъ обратился ко мнѣ съ критическими сужденіями, называя мой умъ отсталымъ отъ вѣка и непосвященнымъ въ тайны управленія. Въ чертахъ его, всегда почти безстрастныхъ, пробивалась досада на мою догадливость и на рѣзкость замѣчаній: я съ моей стороны предварялъ его, что отъ этого дѣла *да быть какой нибудь бѣдѣ*. Мы разстались довольно холодно и это было послѣднее наше свиданіе въ Петербургѣ, который я вскорѣ потомъ оставилъ. Пріѣхавъ, зимою 1811 года, въ Нижній-Новгородъ, гдѣ обязанности

по званію губернскаго предводителя дворянства требовали моего присутствія, я часто получалъ изъ Петербурга извѣстія о тамошнихъ новостяхъ и всѣ письма удостовѣряли меня что въ положеніи дѣлъ нѣтъ никакой перемѣны. Разъ, въ концѣ марта 1812 года, я зашелъ какъ-то, рано утромъ, къ нашему губернатору Руновскому и, при входѣ въ его залу, остолбенѣлъ, едва вѣря своимъ глазамъ. У окна, прислонясь къ стеклу, стоялъ, въ глубокомъ раздумьи, и глядѣлъ на улицу, вѣроятно ничего не видя—Сперанскій! Онъ не слыхалъ какъ я вошелъ: я подошелъ ближе—точно, онъ! «Михайло Михайловичъ—закричалъ я въ крайнемъ изумленіи—какимъ образомъ ты здѣсь?»—«*Ты* напророчилъ—отвѣчалъ онъ отрывисто».

Это было 23 марта.

Шипулинскій скоро и исправно выполнилъ свое дѣло. Выѣхавъ изъ Петербурга въ ночь съ 17-го на 18 марта, онъ, не смотря на трудности исчезавшаго, по времени года, зимняго пути, примчалъ своего узника въ Нижній, 23-го числа, въ 8 часовъ утра. Частный приставъ не имѣлъ, впрочемъ, при себѣ никакой бумаги. Привезя Сперанскаго прямо къ губернатору, Андрею Максимовичу Руновскому, онъ объявилъ ему *изустно* «что тайный совѣтникъ Сперанскій присланъ въ Нижній, для пребыванія, а на какомъ основаніи имѣть за нимъ надзоръ, дано будетъ высочайшее повелѣніе, *вслѣдъ за тѣмъ*, черезъ эстафету». Сперанскій не противорѣчилъ. Губернаторъ долженъ былъ повѣрить Шипулинскому на слово.....

Въ тотъ же день, т. е. 23-го марта, Сперанскій, съ отправившимся обратно Шипулинскимъ, написалъ Балашову: «Примите истинную благодарность мою за добраго товарища и спутника, коего вы мнѣ дали. Если бы къ тому понятію, которое вы о немъ имѣете, могъ я что нибудь присовокупить, то осмѣлился бы рекомендовать его вамъ какъ чи-

новника отлично умнаго и усерднаго. Повергните меня къ стопамъ Государя Императора и примите на себя трудъ вручить письмо при семъ прилагаемое».

Въ чемъ состояло это письмо, намъ неизвѣстно.

Повелѣніе, о которомъ сказалъ Шипулинскій, пришло въ Нижній только 26-го, уже черезъ три дня послѣ пріѣзда Сперанскаго (*). Оно заключалось въ слѣдующемъ предписаніи отъ министра полиціи губернатору: «Къ вашему превосходительству явится чиновникъ С.-Петербургской полиціи, надворный совѣтникъ Шипулинскій, а съ нимъ вмѣстѣ, по высочайшему повелѣнію, прибудетъ въ Нижній-Новгородъ и г. тайный совѣтникъ Сперанскій. Государь Императоръ, опредѣляя Нижній-Новгородъ мѣстомъ пребыванія тайнаго совѣтника Сперанскаго, высочайше повелѣть мнѣ изволилъ поручить вашему превосходительству: 1) дабы вы имѣли бдительное наблюденіе, чтобы переписка г. Сперанскаго была доставляема сюда, для доклада Государю Императору; 2) чтобы доносили вы о всѣхъ тѣхъ лицахъ, съ коими онъ будетъ имѣть тѣсную связь, знакомство или частое обращеніе; 3) доносить обо всемъ въ отношеніи къ настоящему положенію его, что̀ можетъ быть достойно примѣчанія. Впрочемъ Государю Императору благоугодно, дабы тайному совѣтнику Сперанскому, во время пребыванія его въ Нижнемъ-Новгородѣ, оказываема была всякая пристойность по его чину».

Руновскій въ слѣдующій же день отвѣчалъ министру, что новопріѣзжій помѣщенъ въ домѣ Шишковой, близъ Покровской церкви, на лучшей улицѣ въ городѣ; что бдительное

(*) Вѣроятно министръ полиціи не представлялъ себѣ, чтобы Шипулинскій такъ сталъ гнать. Предписаніе было отправлено 19-го марта, но даже эстафетѣ потребовалось болѣе времени на переѣздъ нежели Шипулинскому съ Сперанскимъ.

за нимъ наблюденіе поручено имѣть полиціймейстеру и надежнѣйшему частному приставу; что на другой день послѣ своего пріѣзда онъ былъ у архіерея, а его посѣтили какъ нѣкоторыя духовныя особы, такъ и гражданскіе чиновники; что, по его словамъ, онъ намѣревается купить себѣ, недалеко отъ города, деревню и завѣстись экипажемъ; наконецъ, что въ маѣ онъ ждетъ къ себѣ изъ Петербурга свое семейство.

Сперанскій съ своей стороны, тотчасъ по прибытіи въ Нижній, написалъ Масальскому о разныхъ распоряженіяхъ по хозяйственнымъ своимъ дѣламъ, оставленнымъ, въ минуту внезапнаго удаленія, безъ всякаго устройства. Письмо это заключалось извиненіями въ причиняемыхъ имъ хлопотахъ: «я—прибавлялъ онъ—всегда друзьямъ моимъ былъ болѣе въ тягость нежели въ пользу и всегда, однако же, вѣрилъ въ ихъ дружбу». Въ первые же дни своего пребыванія въ Нижнемъ, Сперанскій отправилъ еще два письма: одно къ тещѣ, которую онъ старался успокоить, представляя свое настоящее и будущее въ свѣтлыхъ краскахъ; другое—въ Черкутино, къ зятю Михаилу Ѳедоровичу Третьякову, которому заточенный давалъ видъ будто бы новое его мѣстопребываніе было самимъ имъ избрано. Вотъ переводъ перваго изъ этихъ писемъ (отъ 27 марта), писаннаго на Французскомъ языкѣ: «Я уже совершенно устроился въ Нижнемъ и, вполнѣ успокоясь касательно моей будущности, мечтаю лишь о той минутѣ, которая должна снова насъ соединить. Домикъ, въ которомъ я поселился, очень хорошенькій и спокойный и не сомнѣваюсь, любезная матушка, что онъ вамъ понравится: при домѣ садъ, особнякомъ отъ всякаго другаго жилья, такъ что вамъ можно будетъ прогуливаться въ немъ, нисколько не стѣсняясь. Предполагаю, что вы выѣдете ко мнѣ не прежде начала мая, когда рѣки уже войдутъ въ берега, слѣдственно свя-

тую недѣлю проведете еще въ Петербургѣ. Запрещаю моей доброй и милой Лизѣ (его дочери) омрачать этотъ праздникъ малѣйшею печалью и прошу ее провести его съ своими подругами какъ можно веселѣе. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашихъ писемъ: если что нибудь можетъ меня тревожить, то развѣ то́лько неизвѣстность о вашей судьбѣ». Въ Черкутино онъ писалъ (отъ 12 апрѣля): «До васъ вѣрно достигли уже слухи о путешествіи моемъ въ Нижній, гдѣ нынѣ имѣю я пребываніе. Прошу васъ не вѣрить нелѣпостямъ, кои на счетъ мой будутъ, вѣроятно, разсѣваемы; пребываніе мое здѣсь есть временное и я вѣрную имѣю надежду возвратиться, а если бъ и не возвратился, то бѣда не велика. Прошу утѣшать матушку, а если что вамъ нужно, то меня увѣдомить. Если бы кто изъ родственниковъ моихъ вздумалъ меня здѣсь навѣстить, то прошу ихъ отъ сего отвращать: ибо во 1-хъ я не знаю сколько здѣсь пробуду, а можетъ быть отправлюсь въ Казань, для свиданія съ братомъ (*), во 2-хъ же, мнѣ здѣсь принимать никого неприлично».

Но письмо къ г-жѣ Стивенсъ уже не застало ея въ Петербургѣ. Изъявленное Сперанскимъ при его отъѣздѣ желаніе, чтобы дочь, вмѣстѣ съ ея бабкою, пріѣхали къ нему, было, кажется, и точною волею Императора Александра. 18-го марта Балашовъ явился къ нимъ съ приглашеніемъ отправиться въ Нижній и съ предложеніемъ, отъ имени Государя, всякаго нужнаго пособія на поѣздку. Отказавшись отъ послѣдняго и принявъ только придворную карету, г-жа Стивенсъ съ внучкою, сыномъ и Анютою (**) выѣхали изъ

(*) Братъ его Косьма Михайловичъ былъ, въ это время, въ Казани губернскимъ прокуроромъ.

(**) Напомнимъ читателямъ что эта Анюта была сиротка, оставшаяся послѣ Маріанны Злобиной.

Петербурга 23-го марта, слѣдственно въ самый день прибытія Сперанскаго въ Нижній. Переѣздъ ихъ былъ чрезвычайно тягостенъ, не только отъ дурнаго состоянія дорогъ въ самую распутицу, но и по тѣмъ уничиженіямъ, которыя онѣ вездѣ терпѣли. На каждой почти станціи, лишь только узнавали изъ подорожной, что ѣдетъ семья Сперанскаго, осыпали его самою жестокою бранью и бѣдная дѣвочка должна была затаивать свою глубокую скорбь въ самой себѣ, потому что г-жа Стивенсъ, вмѣсто утѣшенія внучки, только проклинала тотъ часъ, въ который согласилась выдать дочь за человѣка, обреченнаго теперь на изгнаніе. Горько жалуясь на свою судьбу, она, во всѣхъ разговорахъ, ясно давала разумѣть, что такого народнаго ожесточенія не можетъ же быть безъ важной и дѣйствительно существующей вины, другими словами—что и она раздѣляетъ общее подозрѣніе въ взводимыхъ на ея зятя преступленіяхъ. Это бѣдственное странствованіе длилось болѣе двухъ недѣль и наши путешественницы прибыли на мѣсто только 9-го апрѣля. «Трепеща отъ нетерпѣнія и душевнаго волненія,—разсказываетъ дочь—я не могла дождаться нашего пріѣзда, и когда минута свиданія наступила, то бросилась въ комнату какъ безумная и повисла на шеѣ у батюшки, думая найти и его въ горькомъ отчаяніи. И что же? Онъ былъ точно также спокоенъ, веселъ, свѣтелъ, какъ наканунѣ нашей разлуки въ Петербургѣ, когда никто изъ насъ и не подозрѣвалъ готовившагося несчастія. По его виду казалось, что это заточеніе—только прогулка, простая перемѣна жительства по собственной волѣ. Съ обыкновеннымъ обаяніемъ своего ума и прекрасной души, изгнанникъ, опальный, уже успѣлъ, въ такое короткое время, совершенно привлечь и покорить себѣ хозяевъ того дома, въ которомъ жилъ». . . . На другой же день, безъ сомнѣнія вслѣдствіе вѣстей, сообщенныхъ новопріѣзжими, Сперанскій написалъ

Масальскому: «Мнѣ сказывали, что вы безмѣрно печалитесь. Развѣ вы не вѣрите Провидѣнію? Сколько разъ я твердилъ вамъ, что вѣра состоитъ не въ словахъ, а въ дѣлѣ! Вамъ сказали вздоръ, что ко мнѣ и писать уже не можно. Не вѣрьте симъ глупостямъ. Впрочемъ дѣла и отношенія мои съ вами, такъ какъ и со всѣми, суть таковы, что мы можемъ переписываться даже и черезъ газеты: дружба же моя никого не постыдитъ. Всѣмъ друзьямъ моимъ поклонитесь и скажите, что никогда не бывалъ я ни такъ здоровъ, ни столько спокоенъ».

II.

Сперанскій, разумѣется, зналъ или догадывался, что всѣ его письма будутъ вскрываемы, съ чѣмъ и соображалъ ихъ содержаніе. Письмо къ тещѣ и первое къ Масальскому пришли въ Петербургъ еще до отправленія Государя въ армію. За выѣздомъ уже г-жи Стивенсъ, Балашовъ вручилъ оба Масальскому, распечатанными, съ объявленіемъ что ихъ прочелъ Государь и что если и онъ, Масальскій, намѣренъ писать Сперанскому, то письма свои доставлялъ бы ему Балашову, а если его уже не будетъ болѣе въ Петербургѣ (онъ долженъ былъ ѣхать съ Государемъ), то вступающему въ должность министра полиціи, на время его отсутствія, Сергію Козьмичу Вязмитинову. «Но чтобъ въ письмахъ не было ничего лишняго»—прибавилъ Балашовъ. Масальскій отвѣчалъ, что ему не о чемъ и писать, кромѣ какъ о домашнихъ дѣлахъ.

Въ то же время, т. е. также еще прежде отъѣзда въ армію, Балашовъ далъ знать Нижегородскому губернатору (отъ 3-го апрѣля) о волѣ Государя, чтобы всѣ письма, какія Сперанскій будетъ писать или откуда либо получать, были препровождаемы непосредственно къ нему Балашову

«для доклада Его Величеству и тогда, когда бы Государь Императоръ и въ отлучкѣ изъ С.-Петербурга изволилъ находиться». Потомъ (отъ 12-го апрѣля) онъ предписалъ наблюдать точно также за перепискою не только окружающихъ Сперанскаго, но и тѣхъ лицъ, «коихъ связь или знакомство съ нимъ можетъ обращать на нихъ подозрѣніе въ томъ, что они употребляются средствомъ какъ къ передачѣ ему, такъ и къ пересылкѣ его писемъ подъ посторонними адресами». Съ этою цѣлью губернатору поручалось обратить особенное вниманіе на поступки и дѣйствія Нижегородскаго купца Костромина, который «по донедшимъ свѣдѣніямъ, едва ли не будетъ употребленъ въ посредничество по перепискѣ».

Слова: «по дошедшимъ свѣдѣніямъ» давали знать что въ Нижнемъ находились и *другіе* соглядатаи, не только не зависѣвшіе отъ губернскаго начальства, но и совсѣмъ ему неизвѣстные: такой намекъ долженъ былъ еще болѣе усугубить бдительность и осторожность мѣстныхъ властей, можетъ статься вопреки тайнымъ желаніямъ губернатора Руновскаго, котораго всѣ, помнящіе его, изображаютъ человѣкомъ весьма благороднымъ и добросердечнымъ. Предписаніе отъ 12-го апрѣля впрочемъ не застало его въ Нижнемъ. Онъ въ это время объѣзжалъ губернію и должность его правилъ вице-губернаторъ Крюковъ. Бумага была послана вслѣдъ за губернаторомъ, который, въ частномъ письмѣ къ Крюкову, давъ ему наставленіе, въ какомъ смыслѣ отвѣчать на предписаніе министра, выразился, въ концѣ, слѣдующимъ образомъ: «моя объ *извѣстной особѣ* переписка послужитъ вамъ руководствомъ въ семъ критическомъ дѣлѣ, и отъ сохраненія его въ непроницаемой тайнѣ собственная ваша репутація зависитъ. Теперь вы можете догадаться для чего я, при отъѣздѣ, *никого* у себя не принималъ и ни съ вами, ни съ прочими друзьями моими,

не простился. Сколь мнѣ сіе ни горестно, но благоразуміе требовало та́къ поступить, дабы избѣгнуть требованнаго *имъ*, неоднократно, моего съ нимъ свиданья».

На предписаніе 12-го апрѣля, Крюковъ отвѣчалъ Балашову (16 мая), что хотя «въ отношеніи къ настоящему положенію тайнаго совѣтника Сперанскаго не видно ничего достойнаго примѣчанія»; однако, какъ замѣчено что бывшій до того въ Нижнемъ главнымъ коммиссіонеромъ по солянымъ дѣламъ Злобина купецъ Самочерновъ не рѣдко бываетъ у него, Сперанскаго: то обращено было вниманіе на отправляемую съ почтою переписку этого купца; но въ ней ничего подозрительнаго не оказалось. Что же касается упоминаемаго, въ предписаніи министра, Костромина, то онъ, въ кругу Нижегородскихъ граждань «есть, можно сказать, отличнѣйшій, какъ по образу жизни, такъ и по скромному его поведенію, а не меньше того и по значительному капиталу, и, кажется, съ вѣроятностію можно заключить, что онъ не приметъ на себя посредства по перепискѣ съ г. Сперанскимъ и не войдетъ съ нимъ въ тѣсную связь знакомства».

За тѣмъ, въ другихъ донесеніяхъ отъ губернскаго начальства министру полиціи, прежде и послѣ сейчасъ нами приведеннаго, изъяснялось:

Отъ 4 апрѣля, что «Сперанскій, кромѣ прогулокъ по городу, не замѣченъ ни въ тѣсной связи знакомства, ни въ частомъ съ кѣмъ либо обращеніи».

Отъ 11 апрѣля, что «7-го числа пріѣхалъ, изъ Пензенской губерніи, отставной сенатскій оберъ-прокуроръ Столыпинъ (извѣстный намъ Аркадій Алексѣевичъ), остановился въ домѣ содержателя питейныхъ сборовъ, отставнаго полковника Мартынова, и пробудетъ въ Нижнемъ до послѣднихъ чиселъ апрѣля, для полученія слѣдующихъ съ Мартынова за поставку вина 60.000 рубл. Онъ имѣетъ ежедневное сви-

даніе съ Сперанскимъ и, по видимому, короткое съ нимъ обращеніе».

Отъ 18 апрѣля: «не смѣю скрыть отъ вашего высокопревосходительства дошедшаго до меня свѣдѣнія, что г. тайный совѣтникъ Сперанскій, въ откровенномъ разговорѣ съ здѣшнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, дѣйствительнымъ камергеромъ княземъ Грузинскимъ, о случившемся съ нимъ происшествіи, сказалъ, что вы, милостивый государь (т. е. Балашовъ), упредили сіе происшествіе двумя недѣлями, а то бы послѣдовало тоже съ вами, что съ нимъ случилось (*)».

Отъ 25 мая что «на дняхъ пріѣхалъ изъ Вольска управляющій дѣлами коллежскаго совѣтника Злобина, купеческій сынъ Алексѣй Кабановъ, какъ кажется, единственно для Сперанскаго, у котораго былъ и которому, должно думать, и письмо привезъ. Замѣчено что Сперанскій, съ нѣкотораго времени, вымѣниваетъ у торговцовъ, черезъ людей своихъ, въ значительномъ количествѣ золотую и серебряную монету (**)».

Отъ 6 іюня, что «27-го мая опять пріѣхалъ Столыпинъ и опять остановился въ домѣ Мартынова, который 28-го выѣхалъ съ семействомъ въ Москву. Онъ располагаетъ пробыть въ Нижнемъ недѣли три и каждый день проводитъ время съ Сперанскимъ, слѣдственно и короткое имѣетъ съ нимъ обращеніе. Оба неразлучно другъ отъ друга прогуливаются по городу, что замѣчено и на бывающемъ, на Печерскомъ полѣ, трехдневномъ Вознесенскомъ гуляньи, гдѣ они болѣе уклонялись между простымъ народомъ, сте-

---

(*) Были показанія и о томъ, будто бы Сперанскій сказалъ разъ у архіерея, что если бы Балашовъ не ускорилъ двумя часами, то былъ бы на его мѣстѣ.

(**) Объясненіе этого помѣщено нами ниже, въ третьемъ отдѣлѣ настоящей главы.

кающимся тутъ во множествѣ. Равномѣрно замѣчено что г. Сперанскій скрытнымъ образомъ бываетъ въ трактирахъ и питейныхъ домахъ, гдѣ всегда есть стеченіе простолюдимовъ и людей, слабыхъ въ воздержной жизни».

Отъ 15 іюня, что «связь Сперанскаго съ Столыпинымъ все еще неразрывна; но о перепискѣ ихъ съ кѣмъ либо чрезъ постороннее посредство нѣтъ никакого открытія. Они продолжаютъ обыкновенныя свои прогулки, и болѣе въ саду своемъ по проспекту, гдѣ, подъ тѣнію деревъ, поставлены столикъ и три стула для посѣтителей».

Въ это же время Нижегородскимъ вице-губернаторомъ получено было, изъ Москвы (отъ 3-го іюня), слѣдующее *собственноручное* письмо главнокомандующаго графа Растопчина:

«За отсутствіемъ г. губернатора, я препровождаю къ вамъ извѣщеніе, по коему вы соблаговолите принять нужныя мѣры, единственно къ предосторожности. При началѣ вновь военныхъ дѣйствій съ Французами, злоба здѣшней черни опять обратилась на бывшаго государственнаго секретаря г. Сперанскаго, и по нѣкоторымъ извѣстіямъ пронесся слухъ, что будто бы нѣкоторые изъ тѣхъ, которые ѣдутъ на Макарьевскую ярмарку, намѣрены убить Сперанскаго».

Извѣщеніе это осталось, однако жъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Но на вышеприведенное донесеніе вице-губернатора о томъ, что Сперанскій *ходитъ по трактирамъ и питейнымъ домамъ,* Балашовъ (26-го іюля) отвѣчалъ: «Государь Императоръ, по выслушаніи донесенія вашего, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ поручить вамъ и дальнѣйшее преслѣдованіе всѣхъ поступковъ и движеній г. Сперанскаго, стараясь сколько возможно проникнуть причину или предметъ таковаго его уклоненія между простолюдимовъ и чернаго народа, и о томъ, что̀ удосто-

вѣрительно свѣдаете, безъ промедленія времени увѣдомить меня, для доклада Его Величеству (*)».

Наконецъ 22-го августа Крюковъ донесъ Балашову: «6-го числа настоящаго мѣсяца, въ день Преображенія Господня, когда я былъ на Макарьевской ярмаркѣ, здѣшній преосвященный, епископъ Моисей, по случаю храмоваго праздника въ каѳедральномъ соборѣ, давалъ обѣденный столъ, къ коему были приглашены и нѣкоторые изъ губернскихъ чиновниковъ. Послѣ обѣдни былъ тутъ и г. тайный совѣтникъ Сперанскій, обѣдать однако жъ не оставался, но между закускою, занимаясь онъ съ преосвященнымъ обоюдными разговорами, кои доведя до нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, говорилъ о Наполеонѣ и о успѣхахъ его предпріятій; къ чему г. Сперанскій дополнилъ, что въ прошедшія кампаніи въ Нѣмецкихъ областяхъ, при завоеваніи ихъ, онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, оказывалъ ему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще, для сбереженія ихъ, приставлялъ караулъ, что слышали бывшіе тамъ чиновники, отъ которыхъ о томъ на сихъ дняхъ я узналъ».

Мы увидимъ далѣе, какое рѣшительное вліяніе *именно этотъ* рапортъ долженъ былъ имѣть на дальнѣйшія судьбы Сперанскаго.

III.

Отъ вышеизложенныхъ оффиціальныхъ актовъ, которыхъ содержаніе мы почли необходимымъ выписать почти отъ слова до слова, перейдемъ къ свѣдѣніямъ, заключающимся въ другихъ нашихъ источникахъ.

(*) И князь Грузинскій утверждаетъ, что Сперанскій точно посѣщалъ иногда народныя сборища, но, разумѣется, не съ какою нибудь преступною цѣлью, а просто для наблюденія привычекъ и обычаевъ народныхъ и для нѣкотораго развлеченія при совершенномъ своемъ бездѣйствіи.

Въ началѣ пребыванія Сперанскаго въ Нижнемъ, тамошніе жители оказывали ему пріязненное расположеніе и, отъ любопытства ли, или по дѣйствительному участію къ его судьбѣ, часто и во множествѣ къ нему являлись; но онъ мало кого принималъ и постоянно отказывался отъ всѣхъ приглашеній. Все свое время—а его было такъ много въ сравненіи съ прежнимъ—онъ дѣлилъ между чтеніемъ, большими прогулками, особенно верхомъ, и воспитаніемъ дочери, которое въ Кіевѣ и, послѣ, въ Петербургѣ было очень запущено. Мѣстоположеніе и окрестности Нижняго впрочемъ такъ понравились невольному его жителю, что онъ даже рѣшился купить себѣ тамъ домъ: выбравъ для этого находившійся въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ тогда частей города домъ вдовы надворнаго совѣтника Скуридина, съ садомъ на луга, извѣстные подъ названіемъ *Панскіе Бугры*, онъ далъ за него задатокъ и переѣхалъ туда изъ помѣщенія, отведеннаго ему губернаторомъ. Но это спокойствіе продолжалось недолго. Въ концѣ лѣта, огромныя массы народа, гонимаго отовсюду страхомъ непріятеля, стеклись искать убѣжища въ Нижнемъ. Съ притокомъ иногородныхъ пришельцевъ размножились клеветы и наговоры на Сперанскаго. Каждый привозилъ съ собою новыя вѣсти, новые вымыслы, такъ что добродушные жители Нижегородскіе, еще недавно исполненные привѣтливости къ изгнаннику, вскорѣ заразились принесенными къ нимъ подозрѣніями и стали его избѣгать. Даже и жена Крюкова, Англичанка, очень сблизившаяся прежде съ г-жею Стивенсъ, пришла откровенно извиниться, что не можетъ болѣе съ нею видѣться. Къ этому последнему времени пребыванія Сперанскаго въ Нижнемъ относится слѣдующій о немъ разсказъ очевидца, а въ нѣкоторомъ отношеніи и участника въ событіяхъ, упомянутаго уже нами, князя Грузинскаго. «Всѣ—говоритъ онъ—были тогда, болѣе или менѣе, увѣрены

въ измѣнѣ Сперанскаго Государю и отечеству; разсказывали даже за вѣрное, какъ онъ передавалъ посланнику Наполеона, Коленкуру, тайны распоряженій нашихъ къ предстоявшей войнѣ. Но самъ онъ уже только черезъ нѣсколько времени сталъ подозрѣвать такое противъ него ожесточеніе, а прежде безъ всякаго опасенія хаживалъ на народныя гульбища и сборища. Для предохраненія отъ непріятныхъ случаевъ, а также для приказаннаго наблюденія и донесенія, губернаторъ распорядился, чтобъ за Сперанскимъ, на улицѣ, всегда слѣдовалъ, издалека, полицейскій офицеръ, а между тѣмъ самъ онъ, нисколько не воображая что на него взводятся такія ужасныя преступленія, нимало не остерегался въ своихъ разговорахъ и произносилъ иногда такія вещи, которыя, бывъ сказаны, вѣроятно, безъ умысла, примѣнялись, однако, тотчасъ, къ политическимъ происшествіямъ. Посѣщенія принималъ онъ рѣдко, да всѣ боялись и сходиться съ нимъ; губернаторъ тоже никогда почти съ нимъ не видѣлся, тѣмъ болѣе не звалъ его къ себѣ, опасаясь доносовъ въ Петербургъ. Бывали у него часто одни лишь давніе его пріятели: Злобинъ и Столыпинъ, наѣздомъ изъ Саратова и Пензы. Въ хорошую погоду, они хаживали вмѣстѣ по городу и окрестностямъ и, бывало, на возвышенномъ берегу рѣки, долго останавливались, разговаривая и не страшась свидѣтелей, только издалека слѣдившихъ за ихъ движеніями. Я однако жъ—прибавляетъ Грузинскій—не пользовался уже прежнею откровенною довѣренностію Сперанскаго: онъ какъ бы боялся передавать мнѣ свои мысли, чувства и планы, хотя изъ вырывавшихся у него словъ замѣтно было, что онъ не теряетъ надежды возвратиться въ Петербургъ и къ Монарху. Иногда онъ входилъ въ подробности о прежней жизни своей, о предметахъ, мнѣ уже извѣстныхъ; но видимо избѣгалъ касаться тѣхъ правилъ, коими руководился когда власть была въ его рукахъ. Я,

впрочемъ, и видѣлся съ нимъ довольно рѣдко, потому что заботы объ устройствѣ ополченія безпрерывно отвлекали меня изъ Нижняго въ другія мѣста».

Замѣтимъ впрочемъ,—и это очень любопытно,—что какъ ни строгимъ и всеобъемлющимъ казался учрежденный надъ Сперанскимъ надзоръ; какъ ни бодрствовала надъ своею жертвою вражда; сколько ни усердствовало мѣстное начальство въ угодливость высшему: ловкая дружба умѣла преодолѣть всѣ препоны. Покамѣстъ министерство полиціи думало что ему извѣстенъ каждый шагъ узника и тщательно слѣдило за ввѣряемою почтѣ рѣдкою и ничтожною его перепискою, онъ и друзья его нашли средства къ сообщеніямъ тайнымъ, хотя, разумѣется, не предательскимъ, чего и въ мысли ихъ не было, но все же такимъ, которыя остались совершенно сокрытыми отъ правительства.

Масальскій, встревоженный настояніями Балашова о посылкѣ писемъ въ Нижній не иначе, какъ черезъ начальство, а между тѣмъ желавшій дать своему «премилосердому отцу» подробный отчетъ о всемъ, что успѣлъ разузнать, сперва думалъ отправить въ Нижній, нарочнымъ, дядю своего, облагодѣтельствованнаго Сперанскимъ и искренно ему преданнаго, чиновника Попова (*). «Но—писалъ онъ—Францъ Ивановичъ (Цейеръ) отъ того меня удержалъ, представя что таковая посылка, по нерозысканію еще вѣрныхъ причинъ вашего несчастія, будетъ болѣе вредна, нежели полезна, и онъ надѣется самъ скоро къ вамъ отправиться, поелику Сергѣй Козьмичъ (Вязмитиновъ) обнадежилъ отпустить его, коль скоро кабинетъ вашъ будетъ распечатанъ. Узнавъ о семъ и желая ускорить отъѣздъ отсюда

(*) Коллежскій ассессоръ Петръ Петровичъ Поповъ, впослѣдствіи, по выѣздѣ Сперанскаго въ Пензу, управлялъ Новгородскимъ его имѣніемъ Великопольемъ и умеръ, въ тридцатыхъ годахъ, уѣзднымъ стряпчимъ въ Петербургѣ.

Франца Ивановича, я счелъ нужнымъ почасту являться къ Сергѣю Козьмичу и просить его о распечатаніи кабинета вашего, представляя что мнѣ нужны нѣкоторыя бумаги, къ домашнимъ вашимъ дѣламъ принадлежащія и въ кабинетѣ вашемъ хранящіяся. Но, наконецъ, хотя я и успѣлъ въ томъ и кабинетъ вашъ хотя и сдали мнѣ 3-го мая, но Франца Ивановича по сихъ поръ не отпускаютъ (*), подъ предлогомъ будто бы снова о немъ писано Государю». Вслѣдствіе того Масальскій возвратился къ прежней мысли и въ концѣ мая отправилъ въ Нижній Попова, съ огромнымъ письмомъ, почти цѣлою книгою (**), и 20.000 р. ассигн., полученными по оставшимся въ его рукахъ банковымъ билетамъ Сперанскаго. Письмо это онъ заключалъ такъ: «всепокорнѣйше прошу дать мнѣ наставленіе: въ отвѣтахъ на письма ваши (***), не нужно ли мнѣ приличнымъ образомъ выказать ваше состояніе, дабы Государь могъ его увидѣть? Министръ полиціи вѣрно не представилъ ему о томъ; и не прикажете ли помѣстить въ тѣхъ отвѣтахъ моихъ еще что нибудь, чрезъ что бы вы имѣли случай написать сюда то̀, что для васъ нужно. Я все то, премилосердый отецъ, исполню: сыновняя моя преданность не имѣетъ предѣловъ и я весь вашъ».

Въ другомъ письмѣ, отъ 12 іюня, посланномъ опять черезъ *вѣрнаго человѣка*, точнѣе не означеннаго, Масальскій, упоминая о мѣрахъ, принимаемыхъ къ сохраненію переписки ихъ въ тайнѣ, писалъ: «всѣ сіи осторожности мы должны имѣть по необходимости, поелику интриги продолжают-

(*) Онъ и впослѣдствіи не былъ отпущенъ, до позволенія Сперанскому, въ 1814 г., жить въ своемъ Новгородскомъ имѣніи.

(**) Это письмо и есть то самое, изъ котораго мы въ предъидущей главѣ и здѣсь представили разныя выписки.

(***) Т. е. въ отвѣтахъ, посылаемыхъ черезъ почту—слѣдственно черезъ руки Балашова.

ся и насъ не только не рѣдко пугаютъ тѣмъ, что будто бы вы изъ Нижняго посланы въ Сибирь, но и сами мы окружены также шпіонами».

Должно думать что Поповъ, доставя письмо Масальскаго, не поѣхалъ обратно въ Петербургъ, или поѣхалъ не скоро. По крайней мѣрѣ отвѣтъ Сперанскаго былъ отправленъ не черезъ него, а черезъ пріѣхавшаго въ Нижній нѣкоего Швылева, разорившагося Ярославскаго купца, который жилъ въ Петербургѣ на полномъ содержаніи Масальскаго и употреблялся имъ для разныхъ посылокъ. Этотъ отвѣтъ (отъ 14-го августа) Сперанскій, по обыкновенной привычкѣ своей выражаться категорически, изложилъ по пунктамъ. Но примѣчательно что, отвѣчая на всѣ статьи письма Масальскаго, и путемъ самымъ вѣрнымъ, не вынуждавшимъ никакихъ умолчаній, онъ не говорилъ ни слова въ оправданіе противъ разнесшихся въ Петербургской публикѣ обвиненій, которыя корреспондентъ его такъ подробно описывалъ. Считалъ ли Сперанскій эти обвиненія *недостойными* возраженія, или считалъ ниже себя оправдываться *передъ Масальскимъ?*

Вотъ любопытнѣйшее изъ самого письма, съ сохраненіемъ его подраздѣленій:

1) *О перепискѣ.* «Я не вижу никакой надобности переписываться по почтѣ. Что́ бы мы ни написали, ничему не повѣрятъ. Къ чему же намъ тѣшить нашихъ непріятелей? Путь теперь проложенъ. Лучше чрезъ него сноситься. Выказывать мое состояніе не худо; но къ сему довольно словесныхъ, гдѣ нужно, изъясненій. Говоря о семъ съ графомъ Кочубеемъ, вы забыли что денегъ въ долгъ не отдаютъ безъ векселей, или закладныхъ (*). Гдѣ же

(*) Это относится, къ описанному, въ первой половинѣ письма Масальскаго, разговору его съ Кочубеемъ, который мы привели въ предъидущей главѣ.

они? Пусть найдутъ ихъ въ бумагахъ. Я дарю все находчикамъ».

2) *О денежныхъ дѣлахъ.* «Слѣдуя моей системѣ, я сбылъ здѣсь съ рукъ мои банковые билеты. Осталось 10.000 р. съ процентами, кои съ симъ къ вамъ посылаю, прося какъ можно скорѣе ихъ размѣнять, достать червонцевъ, хотя бы то было и въ 13 р. 50 к., и запечатавъ, доставить мнѣ съ вручителемъ сего, г. Швылевымъ, который обѣщался скоро сюда возвратиться. Сіе тѣмъ болѣе нужно, что съ нимъ я буду ожидать отъ всѣхъ пріятелей моихъ писемъ, а потому и прошу васъ объ отъѣздѣ его кому слѣдуетъ сказать. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ червонцы сколь можно скорѣе лежали у моей Елисаветы въ изголовьи. Всѣ сіи попеченія я для нея дѣлаю, готовясь самъ на всѣ происшествія (*). Цейеру, если ему понадобится, давайте на мой счетъ сколько ему нужно (**)».

3) *О деревнѣ*—(мелкія домашнія распоряженія).

4) «Нельзя ли выправиться, въ какомъ положеніи мое жалованье? (***) Неужели за сіе повѣсятъ? Вы знакомы

(*) Вотъ объясненіе замѣченнаго Нижегородскимъ начальствомъ обстоятельства, что Сперанскій много вымѣниваетъ золота и серебра. Близость театра войны и сомнительный ходъ военныхъ дѣйствій внушали ему очень естественныя опасенія на счетъ цѣнности ассигнацій.

(**) Въ этомъ пособіи Цейеръ уже тогда не нуждался. Живя на полномъ содержаніи Сперанскаго, онъ, по высылкѣ своего патрона, остался, правда, почти безъ куска хлѣба; но Императоръ Александръ, которому извѣстны были и его лицо и отношенія, при встрѣчѣ съ нимъ, вскорѣ потомъ, на улицѣ, спросилъ: «de quoi existez-vous donc maintenant?», и получивъ отвѣтъ: «mais presque d'air, Sire!», велѣлъ тотчасъ выдать ему 6.000 рублей. Сперанскому о томъ еще не было извѣстно.

(***) До паденія своего Сперанскій, сверхъ 2.000 р. пенсіи, пожалованной ему въ 1801 г., получалъ содержанія по званіямъ: государственнаго секретаря 12.000 р., директора коммиссіи законовъ 6.000 р., статсъ-секретаря Финляндскихъ дѣлъ 4.000 р. и товарища министра юстиціи 6.000 р.

съ Дубьяновичемъ (начальникъ экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ, что̀ теперь департаментъ государственнаго казначейства) и даже канцелярскій чиновникъ можетъ знать, ассигнуются ли мнѣ деньги и не было ли особеннаго указа все остановить. Мнѣ даже и неприлично не требовать жалованья, а если паче чаянія оно есть, или по крайней мѣрѣ не запрещено выдать то̀, что по 17-е марта (день увоза изъ Петербурга) причитается, тогда я напишу, по почтѣ, министру финансовъ, чтобъ ассигновали мнѣ сіи деньги въ здѣшней казенной палатѣ».

5) *О книгахъ*. «Я не вижу никакой надобности ихъ складывать или пересылать. Здѣсь ихъ у меня довольно».

«Не думайте—заключалъ Сперанскій свое письмо—чтобъ меня здѣсь нельзя было видѣть съ совершенною безопасностію. Слава Богу, на святой Руси вездѣ какъ до̀ма.....»

Въ послѣднемъ Сперанскій горько ошибался, или самъ себя обманывалъ.

Извѣстно, какая, въ тяжкую годину 1812 года, господствовала у насъ, во всѣхъ умахъ, лютая, фанатическая ненависть къ Французамъ, и не только къ нимъ самимъ, но и ко всему что̀ было или казалось въ нѣкоторомъ съ ними соотношеніи. Это чувство, доходившее, особенно въ простомъ народѣ, до изступленія и свирѣпости, кипѣло не въ одномъ томъ краѣ, куда уже зашелъ непріятель, но и во всѣхъ сосѣдственныхъ, даже и въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ. Оно проникло и въ Чѐркутино, а съ нимъ вмѣстѣ донеслась туда общая молва о мнимомъ предательствѣ и измѣнѣ Сперанскаго, молва, которая, на его родинѣ, нашла почти такую же вѣру какъ вездѣ. Изступленные крестьяне заговорили о томъ чтобъ разбросать домъ его зятя. Въ первомъ испугѣ, Третьяковъ хотѣлъ было бѣжать; но сперва написалъ о своемъ намѣреніи въ Нижній, скрывъ, впрочемъ, истинную причину и выставя только страхъ свой

передъ нашествіемъ Французовъ. «Письмо ваше, любезный мой Михайло Өедоровичъ—поспѣшилъ отвѣчать Сперанскій—весьма меня опечалило. Я не знаю, какъ и изъяснить намѣреніе ваше оставить село. Куда ѣхать и гдѣ сокрыться? Вездѣ таже самая судьба постигнуть васъ можетъ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что страхи ваши основаны на самыхъ пустыхъ и неосновательныхъ слухахъ. За чѣмъ непріятелю бродить по селеніямъ и даже зайти въ Черкутино, которое столь далеко стоитъ отъ большой дороги? Да ежели бы онъ и пришелъ, неужели вы думаете, что тамъ будетъ для васъ опаснѣе, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ? Священникъ, а особливо протопопъ, нигдѣ не можетъ быть безопаснѣе, какъ при своей церкви и при своемъ словесномъ стадѣ. Не слушайте бабьихъ басень, будто на духовный чинъ нападаютъ—совсѣмъ нѣтъ (*). Какой стыдъ бѣжать отъ пустаго страху и какъ вамъ послѣ къ своимъ прихожанамъ показаться! Не скажутъ ли они вамъ: вотъ пастырь, который отъ пустаго страху бросилъ свое стадо. И сверхъ сего, куда бѣжать? Я бы душевно былъ радъ принять васъ здѣсь; но здѣсь опаснѣе, нежели гдѣ нибудь, и, сверхъ того, такъ все набито, что не только угла для житья, но и шалаша найти нельзя. Въ Володимірѣ (sic) еще хуже. Умоляю васъ и матушку остаться дома и не постыдить себя и меня. Я отвѣчаю вамъ за всѣ убытки, если бъ вы ихъ и потерпѣли. Между тѣмъ, на нужду, посылаю 200 р.; только ради Бога останьтесь. Болѣе послать теперь не могу: ибо и самъ терплю нужду, доколѣ сообщеніе съ Петербур-

(*) Слова, подобныя сказаннымъ имъ на завтракѣ у архіерея, въ то время, конечно, очень неосторожныя, а притомъ и не совсѣмъ справедливыя. Если въ настоящемъ письмѣ Сперанскій употребилъ ихъ для успокоенія своего зятя, то у архіерея онъ, разумѣется, не думалъ обманывать присутствовавшихъ, а былъ самъ обманутъ своимъ обожаніемъ Наполеонова генія.

гомъ не возобновится. Прощайте, будьте великодушны и успокойте именемъ моимъ матушку».

Письмо это было послано 14 сентября, разумѣется не по почтѣ и невѣдомо для соглядатаевъ. 15-го, въ день празднованія коронаціи Императора Александра, послѣ обѣдни, Сперанскій явился, съ обычнымъ въ провинціи поздравленіемъ, къ первому лицу въ городѣ, графу Петру Александровичу Толстому, который въ это время начальствовалъ въ Нижнемъ 3-имъ округомъ военнаго ополченія и имѣлъ особыя уполномочія и по гражданской части. У Толстаго онъ засталъ Карамзина, бѣжавшаго, со многими другими, изъ Москвы искать убѣжища въ Нижнемъ. Здѣсь оба впервые сошлись лицомъ къ лицу и познакомились сколько можно было познакомиться въ нѣсколько минутъ.

Спустя часъ, къ Толстому прискакалъ фельдъегерь изъ Петербурга и въ тотъ же день Сперанскаго увезли—*въ Пермь.*

Какая была причина этой новой мѣры?

Отвѣтимъ сперва словами самого Сперанскаго. Сказавъ въ своей автобіографіи, что, послѣ его заточенія въ Нижній, все постепенно возвратилось къ обычному порядку, т. е. что *его забыли*, онъ продолжаетъ: «вражда одна не забыла г. Сперанскаго и преслѣдовала его въ самую ссылку. Подъ благовиднымъ предлогомъ, что пребываніе въ Нижнемъ, гдѣ онъ покойно жилъ полгода, могло бы, при сближеніи театра войны (Французы уже были въ Москвѣ), сдѣлаться опаснымъ для его личности и еще болѣе подвергнуть его дѣйствію народной непріязни, внушили мысль отправить его далѣе. Онъ былъ препровожденъ въ Пермь, за полторы тысячи верстъ отъ Москвы».

Но Сперанскій ошибся и въ этомъ. Истинное побужденіе къ удаленію его въ Пермь осталось отъ него сокрытымъ.

23 августа графъ Растопчинъ написалъ Александру изъ Москвы: «J'ai envoyé, Sire, au comte Tolstoy des avis sur

ce misérable Spéransky. Il fait agir Stolipine (*) et Zlobine dans les gouvernements de Penza et de Saratow. Et il est fortement question d'affaiblir le zèle par la crainte. Mais il faut y rémédier au plus vite et empêcher l'effet des desseins pernicieux que l'on trame contre Vous».

Странность, можно сказать почти ребячество этого извѣта сами собою бросаются въ глаза. Содержимый подъ строгимъ надзоромъ, безъ связей, безъ средствъ матеріальныхъ, наконецъ предметъ народнаго негодованія, бывшій государственный секретарь *могъ* ли тогда быть опаснымъ даже если бъ и *хотѣлъ*?...

Но въ то же самое время пришло и помѣщенное нами выше донесеніе вице-губернатора Крюкова, отъ 22-го августа, о разговорѣ Сперанскаго за завтракомъ у архіерея.

Въ ту грозную эпоху, посреди ужасовъ дѣйствительныхъ и чаемыхъ, посреди общаго смятенія, что́ оставалось дѣлать?

Пріѣхавшій 15-го сентября фельдъегерь привезъ графу Толстому *собственноручный* рескриптъ Государя, въ которомъ, послѣ нѣсколькихъ словъ о военныхъ обстоятельствахъ и ополченіи, было прибавлено: «при семъ прилагаю рапортъ вице-губернатора Нижегородскаго о тайномъ совѣтникѣ Сперанскомъ (**). Если оно справедливо, «то отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ «въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору, отъ моего имени, имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за «всѣ его шаги и поведеніе».

(*) Если вѣрить запискамъ Вигеля, то Столыпина, какъ друга подозрѣваемаго въ измѣнѣ Сперанскаго и проповѣдывавшаго притомъ вездѣ либеральныя идеи, общее мнѣніе считало тогда въ числѣ тайныхъ возбудителей противъ правительства,—разумѣется, прибавимъ отъ себя, съ такимъ же малымъ основаніемъ какъ и его друга.

(**) Т. е. упомянутый выше рапортъ отъ 22 августа.

Получивъ это повелѣніе, графъ Толстой приказалъ находившемуся при немъ за адъютанта коллежскому ассессору Филимонову (*) немедленно ѣхать къ Руновскому (уже возвратившемуся въ то время въ губернскій городъ), отдать ему запечатанный пакетъ и не отходить ни на минуту, пока все, въ немъ заключающееся, не будетъ исполнено.

Въ пакетѣ было собственноручное письмо графа, слѣдующаго содержанія: «Его Императорское Величество высочайше мнѣ повелѣть соизволилъ отправить отставнаго (**) тайнаго совѣтника Сперанскаго, подъ вѣрнымъ полицейскимъ присмотромъ, въ Пермь на жительство: каковую высочайшую волю объявляя вашему превосходительству, рекомендую г. Сперанскаго, съ прилагаемымъ у сего конвертомъ, препроводить, съ вѣрнымъ полицейскимъ чиновникомъ, къ г. гражданскому губернатору, тайному совѣтнику Гермесу».

Прочитавъ бумагу, Руновскій послалъ за частнымъ приставомъ (коллежскимъ ассессоромъ Козловымъ) и, прибывъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Филимоновымъ къ Сперанскому, объявилъ ему высочайшее повелѣніе отправиться, въ тотъ же вечеръ, въ Пермь. Сперанскій былъ видимо встревоженъ, схватилъ себя за голову и, послѣ минуты молчанія, сказалъ: «ну, я этого ожидалъ! Надѣюсь, однако жъ, господа, что вы не откажете дать мнѣ нѣсколько времени, чтобъ привести въ порядокъ кое-какія бумаги и написать одно письмо».

(*) Тотъ самый, который, въ свое время, пользовался нѣкоторою извѣстностію какъ поэтъ и литераторъ (онъ умеръ въ 1858 году). Изложенныя здѣсь подробности почерпнуты изъ составленной имъ для насъ записки, которую мы нѣкогда сообщили генералу Михайловскому-Данилевскому, по его просьбѣ, и которая потомъ, какъ намъ извѣстно, разошлась отъ него по рукамъ, съ разными добавленіями и прикрасами.

(**) Выраженіе «отставной» принадлежало Толстому. Мы уже знаемъ, что объ увольненіи или объ отставкѣ Сперанскаго отъ службы никогда не было дано ни указа, ни какого либо другаго прямаго повелѣнія.

По изъявленному ими на то согласію, онъ сѣлъ къ письменному столу и началъ писать. Между тѣмъ привели почтовыхъ лошадей и впрягли ихъ въ его коляску и въ губернаторскую карету.

Сперанскій писалъ болѣе часа и кончивъ, отдалъ Филимонову два запечатанные конверта, съ просьбою вручить ихъ графу Толстому. Одинъ конвертъ былъ на имя самого Толстаго, другой—на имя Государя. «Кланяйтесь графу—прибавилъ Сперанскій—и попросите его отправить мое письмо къ Государю какъ можно скорѣе: содержаніе очень важно». Потомъ, простясь съ дочерью и тещею и пригласивъ ихъ ѣхать, когда онѣ управятся, въ слѣдъ за нимъ, онъ сѣлъ, вмѣстѣ съ Козловымъ, въ коляску. На козлахъ помѣстился унтеръ-офицеръ губернскаго баталіона. При отправленіи, Сперанскій былъ молчаливъ и, казалось, убитъ духомъ. Губернаторъ въ своей каретѣ, вмѣстѣ съ Филимоновымъ, проводили его до первой станціи. Возвратясь, Филимоновъ вручилъ Толстому оба конверта. Письмо Сперанскаго къ графу заключалось въ слѣдующемъ:

«Приношу вашему сіятельству слѣдующія мои всепокорнѣйшія просьбы:

1) Прилагаемое при семъ письмо доставить Государю, при вашемъ донесеніи.

2) При отправленіи семейства моего оказать возможную помощь и снисхожденіе.

3) Врагамъ моимъ здѣсь и разнымъ ихъ толкамъ наложить молчаніе.

4) Наконецъ—и сіе весьма для меня важно—сохранить доброе ваше о мнѣ мнѣніе. Оно всегда было для меня драгоцѣнно и, смѣю сказать, по чувствамъ моимъ и правиламъ я его достоинъ».

Письмо къ Государю Толстой не послалъ, и мы не знаемъ его содержанія.

На другой день по отправленіи Сперанскаго, Руновскій посиѣшилъ донести о томъ Балашову, упомянувъ, что для сопровожденія даны частный приставъ и унтеръ-офицеръ. «Я предписалъ имъ—прибавлялъ онъ—имѣть неослабный присмотръ за всѣми его, Сперанскаго, въ пути поступками, а г. Пермскому губернатору сообщилъ притомъ, для должнаго съ его стороны исполненія, высочайшее повелѣніе, изображенное въ предписаніи ко мнѣ вашего высокопревосходительства отъ 19 минувшаго марта (*)».

(*) Приведенное выше *первое* предписаніе Балашова о перепискѣ и сношеніяхъ Сперанскаго, и о томъ, чтобы оказывать приличное его чину уваженіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сперанскій въ Перми.

I.

Въ Перми былъ, въ то время, купецъ, изъ тамошнихъ уроженцевъ, Иванъ Николаевичъ Поповъ. Прежде человѣкъ богатый, онъ, по стеченію разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, разорился и отъ всего прежняго своего избытка сохранилъ только порядочный домъ, въ которомъ, какъ одномъ изъ лучшихъ въ городѣ, обыкновенно отводились квартиры для проѣзжавшихъ черезъ Пермь значительныхъ лицъ.

23 сентября 1812 года, въ 8-мъ часу вечера, къ этому Попову явился городничій и отъ имени губернатора Гермеса просилъ приготовить комнаты для одного вельможи, остановившагося, покамѣстъ, у самого губернатора. Дѣло было Попову не въ рѣдкость и потому онъ даже не полюбопытствовалъ спросить кого ждутъ, а распорядился только по болѣе освѣтить комнаты и поставить самоваръ.

Черезъ часъ приходитъ полицейскій офицеръ узнать готовы ли комнаты, и найдя все въ исправности, съ робостію объявляетъ хозяину, что къ нему будетъ—*Сперанскій.*

У Попова сидѣли гости, секретари разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Ихъ и его крайне поразила эта неожиданность, по всеобщей тогда извѣстности и имени Сперанскаго, и той опалы, которой онъ подвергнулся. Но самого Попова еще болѣе поразило и вмѣстѣ обрадовало то обстоятельство, что онъ приметъ у себя, лицомъ къ лицу, человѣка, котораго въ 1810 году, въ шестимѣсячное свое пребываніе въ Петербургѣ, при всѣхъ стараніяхъ, никакъ не могъ

увидѣть. Тогдашнее желаніе взглянуть на Сперанскаго родилось въ немъ не только отъ того, что въ это время государственный секретарь былъ на верху славы, но и отъ того, что нашъ Пермякъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, питалъ къ этой личности глубокое уваженіе. Оно было возбуждено близкими связями Попова съ разными лицами духовнаго происхожденія въ Вяткѣ и Перми. Въ Вяткѣ жилъ товарищъ Сперанскаго по Александроневской семинаріи. Шестаковъ, а въ Перми находилось нѣсколько родственниковъ и учениковъ Словцова; и въ томъ и въ другомъ городѣ ходило множество разсказовъ о Михаилѣ Михайловичѣ, даже за время, когда онъ еще не игралъ такой значительной роли.

Козловъ привезъ Сперанскаго прямо къ губернатору, съ конвертомъ отъ графа Толстаго и бумагою Руновскаго, безъ всякаго предварительнаго извѣщенія. Внезапный его пріѣздъ привелъ Гермеса, человѣка съ мнительнымъ и робкимъ характеромъ, въ крайнее смущеніе. Онъ затруднялся, какъ совмѣстить нужную осторожность въ отношеніи къ арестанту—ибо что же другое былъ тогда присланный къ нему—съ предписаннымъ уваженіемъ къ тайному совѣтнику. Съ другой стороны, къ смущенію его былъ достаточный поводъ уже и въ однихъ обстоятельствахъ бѣдственной для Россіи осени 1812 года, когда все гибло, когда умирала надежда на спасеніе отечества и когда однимъ изъ главныхъ виновниковъ всѣхъ этихъ бѣдствій общее мнѣніе называло—Сперанскаго. Гермесъ былъ радъ, когда наконецъ ему удалось выпроводить незванаго гостя по крайней мѣрѣ изъ своего дома.

Выпишемъ здѣсь нѣсколько страницъ изъ записки, доставленной намъ умнымъ и добрымъ Поповымъ, *подлинными* его словами. При значеніи и замѣчательности того лица, о которомъ идетъ рѣчь, подробности, подмѣченныя нашимъ повѣствователемъ, такъ интересны, а слова его такъ

простодушно-мѣтки, что жаль было бы выпустить изъ нихъ что нибудь, или придать его разсказу другую форму.

«При объявленной полицейскимъ офицеромъ вѣсти—говоритъ Поповъ—посѣтители мои поспѣшили уйти и я сталъ ожидать съ нетерпѣніемъ необычайнаго своего гостя. Не ранѣе какъ часу въ 11-мъ или 12-мъ ночи подъѣхала его коляска, въ сопровожденіи нашего городничаго и Нижегородскаго частнаго пристава Козлова, который привезъ его въ Пермь. Встрѣтивъ моего гостя на крыльцѣ, я предшествовалъ по лѣстницѣ въ верхній этажъ дóма, со свѣчею въ рукахъ. Онъ былъ въ сѣромъ фракѣ съ двумя звѣздами (*) и, при встрѣчѣ и на проходѣ, держалъ себя неприступно; но войдя въ комнаты, мгновенно сдѣлался обворожительнымъ; закидалъ мелочными распросами о городѣ, его произведеніяхъ и пр. Откушавъ чай и сперва отказавшись, но потомъ тотчасъ же согласившись, чтобъ на утро была приготовлена баня, онъ сказалъ: «мы люди дорожные; намъ бы нужны постельки». А онѣ-то и не были приготовлены, потому что всѣ прежніе проѣзжающіе ихъ не требовали. Впрочемъ опочивальни для Михайла Михайловича и частнаго пристава минутно были сдѣланы.

«На другой день, откушавъ кофе (чаю утромъ не употреблялъ), отправился Михайло Михайловичъ въ баню (**); покуда онъ былъ въ ней, помутился городъ любопытствомъ:

(*) Сперанскій на фракѣ постоянно, до конца жизни, носилъ двѣ звѣзды, а при Владимірской, пока не получилъ первой степени, и крестъ на шеѣ. Послѣдній носилъ онъ, внѣ дома, даже при сюртукѣ.

(**) «Болѣе—прибавляетъ Поповъ—онъ и не былъ въ банѣ всѣ два года Пермскіе; но почти ежедневно мылъ голову и грудь теплою водою, на половину смѣшанною съ французскою водкою». Впрочемъ Сперанскій былъ вообще замѣчательно чистоплотенъ и, кромѣ дороги, брился и перемѣнялъ бѣлье непремѣнно всякій день; жалѣлъ, однако, денегъ на бѣлье *слишкомъ тонкое*, щегольское, и шелковые носовые платки его были не завидны: «Если бъ я не нюхалъ табаку,—гаваривалъ онъ иногда, управляясь съ своимъ носомъ,—я былъ бы молодецъ!»

кто приходилъ какъ бы его увидѣть, другой узнать, въ чемъ онъ пріѣхалъ, иной—есть ли съ нимъ человѣкъ, что̀ онъ привезъ съ собою, и т. п. Любопытство это было болѣе отъ главныхъ лицъ въ городѣ, для соображенія, ка̀къ имъ вести себя и обращаться, а мать моя была приглашена къ губернаторшѣ и получила отъ нея совѣтъ и наставленіе убѣгать разговоровъ съ Михайломъ Михайловичемъ, и тоже самое намекнуто было и мнѣ, черезъ безмолвнаго съ нимъ городничаго.

«По выходѣ изъ бани прохаживался Михайло Михайловичъ по комнатѣ цѣлый часъ; другой часъ писалъ; потомъ обѣдалъ съ Козловымъ; приглашалъ и меня, но я совѣстился сидѣть съ нимъ за одиимъ столомъ, да и долженъ былъ самъ распоряжаться угощеніемъ, что̀ продолжалось и въ послѣдующіе дни пребыванія его въ домѣ нашемъ, хотя финансовое положеніе мое тогда было въ самомъ плачевномъ состояніи.

«По выходѣ изъ-за стола, вручилъ онъ Козлову заготовленныя письма, отсчиталъ изъ бумажника сколько-то денегъ и отдалъ ихъ ему, сказавъ: «и болѣе бы я благодарилъ васъ, но видите, какъ мало остается у меня денегъ». Замѣтно было, что онъ *всѣ* ихъ показалъ, какъ будто частный приставъ ожидалъ чего-то болѣе. Послѣдній отправился въ Нижній часу въ 5-мъ по полудни.

«Простившись съ нимъ, Михайло Михайловичъ опять сталъ ходить по комнатѣ. Мнѣ пришло на мысль спросить: не угодно ли ему книгъ—и въ то самое время, какъ я входилъ съ своимъ реестромъ, онъ встрѣтилъ меня вопросомъ: нельзя ли ему гдѣ нибудь отыскать книгъ? Можно сказать, что онъ обрадовался моему реестру, какъ самому дорогому подарку, и тотчасъ же отмѣтилъ до двадцати нумеровъ изъ сочиненій Виланда, фонъ Визина и другихъ извѣстныхъ авторовъ, которые я чрезъ нѣсколько минутъ

и доставилъ. Тутъ онъ задержалъ меня у себя, отмѣнно обласкавъ; подчивалъ виномъ и самъ его пилъ; предложилъ свою пріязнь и былъ очень откровененъ и разговорчивъ до поздняго вечера.

«Въ третье утро, по желанію его, я представилъ ему мою мать, сестру и трехлѣтняго племянника; всѣхъ ихъ онъ обласкалъ до восторгу. Потомъ попросилъ меня купить ему шляпу, но, выбравъ послѣ изъ домашнихъ, въ 1-мъ часу отправился гулять, а возвратясь сказалъ: «вотъ я съ половиною вашего города познакомился, но едва ли болѣе буду у васъ прохаживаться; въ Нижнемъ я много прогуливался, верстъ по тридцати дѣлалъ верхомъ».—Однако жъ на другой день онъ опять продолжалъ свою прогулку. Скоро я узналъ, что въ первую, школьники, вышедши изъ гимназіи и встрѣтясь съ нимъ у гостинаго двора, преслѣдовали его и не только кричали: «измѣнникъ», но и бросали въ него землею. Послѣ, когда перемѣнились отношенія и всѣ въ Перми его полюбили (объ этомъ будетъ ниже), самъ онъ, шутя, разсказывалъ: «я любилъ ходить по *такой-то* улицѣ и когда ни проходилъ мимо *такого-то* дома, дворня всякой разъ въ щели воротъ встрѣчала и провожала меня словомъ: *измѣнникъ*; наконецъ родилась мысль: да что жъ за неволя ходить мнѣ именно по *этой* улицѣ, и я перемѣнилъ ее на другую.

«Въ остальные дни сентября Михайло Михайловичъ дѣлалъ свои визиты главнымъ властямъ въ городѣ; но едва ли кто его принялъ: по крайней мѣрѣ ни отъ кого не было взаимности.

«Въ исходѣ этого мѣсяца благоугодно ему было пріискивать, вмѣстѣ со мною, другую квартиру. При этомъ намѣреніи, онъ говорилъ мнѣ со слезами на глазахъ: «крайне мнѣ прискорбно съ вами разстаться; но комнаты холодны, дуетъ съ Камы въ окна; на улицѣ я герой, какая

бы ни была стужа, а въ комнатѣ я отъ холоду съ ума сойду: да и домъ вашъ малъ для моей семьи, которую жду». Самому мнѣ очень горько было выпустить изъ дому своего такого знаменитаго и ко мнѣ столь милостиваго человѣка; но дѣлать было нечего. Три дня пріискивали мы квартиру. Ему очень понравился, на краю города, бывшій тогда деревянный, большой одноэтажный домъ Черкасова, съ прекраснымъ садомъ; но нанять не могъ: запросили 6.000 р., цѣну неслыханную въ Перми, и всѣ деньги за годъ впередъ! Напослѣдокъ наняли другой помѣстительный домъ, наслѣдниковъ купца Иванова (*). Перешелъ въ этотъ домъ Михайло Михайловичъ, помнится, въ половинѣ октября.

«Въ 1-е число этого мѣсяца, въ праздникъ Покрова Богородицы, пригласилъ онъ меня съ собою въ Богородскую церковь, въ которой служилъ нашъ архіерей Іустинъ и гдѣ вся была наша знать и горожане. Отправились въ большихъ дрожкахъ. Лишь только сталъ онъ въ церкви къ самому діаконскому амвону, въ церкви забыли моленіе, зашептались повсемѣстно, сдѣлался гулъ какъ бы базарный; заходили впередъ и заглядывали въ лицо до неблагопристойности; самъ архипастырь разстроился и, по внутреннему ли убѣжденію, или въ угожденіе публикѣ, бросалъ грозные, наказующіе взоры. Но Михайло Михайловичъ, во все продолженіе обѣдни, стоялъ неподвижно, ни на минуту не измѣнился въ лицѣ, не пошевелился, ни на что, по видимому, не обращая вниманія. Дождавшись выхода архіерейскаго, онъ одинъ поѣхалъ въ слѣдъ за нимъ и не только вошелъ къ нему, но и остался у него обѣдать. Преосвященный такъ испугался этого нежданнаго и незванаго посѣщенія, что на другое утро съ объясненіемъ своимъ ѣздилъ не только къ губернатору,

(*) Здѣсь онъ жилъ до конца пребыванія своего въ Перми.

бергъ-инспектору, вице-губернатору, но, кажется, и къ прокурору. «Сперанскій—заявлялъ онъ всѣмъ—насильно ко мнѣ пріѣхалъ и насильно остался обѣдать».

«Еще до выѣзда изъ нашего дома, Михайло Михайловичъ расположился сдѣлать вторые визиты. Мнѣ это было больно и, очень уже тогда съ нимъ сблизясь, я осмѣлился замѣтить: ка́къ же вы это изволите ѣхать, когда никто не отдалъ вамъ перваго посѣщенія?—«Они здѣсь хозяева»—отвѣчалъ онъ. Но и на вторые его визиты отзыва не было. Такимъ образомъ, до перемѣны обращенія съ нимъ въ Перми, я одинъ имѣлъ счастіе быть его посѣтителемъ и, очень часто, собесѣдникомъ.

«Живя въ нашемъ домѣ, онъ вставалъ въ 7 часовъ и тотчасъ же кушалъ чашку кофе безъ сливокъ; до 9-ти проводилъ время въ чтеніи. Читалъ онъ въ Перми больше все богословскія сочиненія; въ порядочной семинарской библіотекѣ не осталось ни одной книги, имъ непрочитанной съ величайшимъ вниманіемъ и большею частію съ составленіемъ для себя выписокъ; одну желалъ купить и предлагалъ даже за нее 500 р., когда денежныя средства его опять увеличились. Но архіерей не уступилъ. «Въ прежнее время—сказалъ по этому случаю Михайло Михайловичъ—просьбу мою сочли бы приказаніемъ (*)». Журналы пробѣгалъ для однѣхъ, часто появлявшихся тогда, статей митрополита Евгенія, котораго разумѣлъ первымъ у насъ историкомъ, и еще для архимандрита Филарета (нынѣ митрополита Московскаго). Ни о комъ вообще не отзывался онъ съ большею любовію и уваже-

(*) Времени этому суждено было опять возобновиться. По соображенію указаній, содержащихся въ дневникѣ Сперанскаго, нѣтъ сомнѣнія, что упомянутая книга была—Biblia polyglotta. Бывъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, онъ, при проѣздѣ черезъ Пермь, снова сталъ домогаться этой библіи, и тогда Іустинъ, вмѣсто предлагавшихся прежде 500 р., отдалъ ее—даромъ. Сперанскій только по собственному побужденію отдарилъ его потомъ, черезъ посредника, золотою табакеркою.

піемъ, какъ объ этомъ архимандритѣ, и читалъ выходившія тогда его сочиненія съ величайшимъ наслажденіемъ, какъ бы не хотѣлось разстаться съ статьею (*).

«Въ 9 часовъ кушалъ, съ хлѣбомъ, пять яицъ въ смятку, одни желтки, и выпивалъ порядочную рюмку портвейну; до 1-го опять читалъ, съ 1-го до 2-хъ прогуливался, въ 2 обѣдалъ: подавалось только три блюда: супъ, та или другая вареная рыба, и жаркое; за столомъ выпивалъ до двухъ рюмокъ портвейну; послѣ обѣда всегда подходилъ къ окну и благоговѣйно, кратковременно, незамѣтно, обращалъ взоръ свой на небо: это, повидимому, была его молитва. Потомъ я игралъ съ нимъ двѣ игры въ шашки, что̀ продолжалось съ полчаса: далѣе онъ занимался чтеніемъ; въ 8 часовъ, однако жъ не всегда, пилъ пуншъ съ виномъ и ходилъ по комнатѣ, всегда почти со мною, до расположенія своего въ постель. Это время было собственно для меня истинно благодатное, обворожительное, назидательнѣйшее; я нечто другое тутъ былъ, какъ слушатель лекціи умнѣйшаго изъ профессоровъ по всѣмъ знаніямъ человѣческимъ; много было и важныхъ разсказовъ о событіяхъ и знаменитыхъ людяхъ; многое было мною записано, но, къ несчастію, всѣ эти записки въ 1836-мъ году, во время пожара, въ домѣ гдѣ я жилъ въ Чернорѣчинскомъ заводѣ, сгорѣли.

«Михайло Михайловичъ крайне точно и строго выполнялъ свое время: часы всегда были предъ глазами; что̀ въ какую минуту предположено было дѣлать, въ ту минуту и дѣлалось (**). Онъ говаривалъ: «я рожденъ съ самою

(*) «Много шуму—прибавляетъ Поповъ въ другомъ мѣстѣ—дѣлала появившаяся тогда маленькая книжка о *старомъ и новомъ слогѣ* (извѣстное сочиненіе А. С. Шишкова). «А я—говорилъ Михайло Михайловичъ—не знаю ни того, ни другаго: я знаю только слогъ Карамзина и Филарета».

(**) Такая точность сохранилась въ Сперанскомъ до конца жизни. Если онъ назначалъ кому свиданье, или часъ для работы съ нимъ, то никогда

лѣнивою натурою, но побѣдилъ ее твердымъ выполненіемъ своихъ правилъ». Однажды въ самую дурную, несносную погоду не хотѣлось ему прогуливаться, очень не хотѣлось, колебался долго; наконецъ, быстро схвативъ свою шляпу, произнесъ: «нѣтъ, надобно быть твердымъ въ своихъ правилахъ», и отправился.

«Вскорѣ по переходѣ въ домъ Ивановыхъ—бѣдные ли финансы, или другія причины расположили его оставить любимыя свои привычки—пересталъ онъ употреблять кофе, вино, табакъ ляфермъ, все что любилъ и что относилъ къ прихотямъ, отъ всего отвыкъ, какъ будто дѣлалъ надъ собою испытаніе, что̀ довольно долго продолжалось. Послѣ, когда со всѣми сблизился, изъ учтивости принимая подносимый въ табакеркахъ Русскій табакъ, онъ такъ къ нему привыкъ, что не могъ болѣе въ Перми отъ него отстать, какъ ни старался: не держалъ его въ табакеркѣ, нарочно насыпалъ на столъ, за которымъ читалъ, чтобъ онъ высохъ и сдѣлался отвратительнымъ; но все таки, наконецъ, имѣлъ его опять въ табакеркѣ и ляферму уже не нюхалъ. Курительнаго табаку терпѣть не могъ и много говорилъ о вредномъ дѣйствіи его на легкія. Я доставлялъ ему газеты, которыя прежде, сырыя, самъ читалъ за трубкою табаку; по нѣкоторомъ времени, его камердинеръ приходитъ ко мнѣ съ просьбою: «сдѣлайте милость, не присылайте *къ намъ* газетъ, окуренныхъ табакомъ; мы измучились выводить запахъ одеколономъ (*)».

Уже изъ вышеизложеннаго видно, ка̀къ горестно и безотрадно было положеніе Сперанскаго въ первое время пре-

---

не забывалъ и не заставлялъ ждать ни минуты, хотя бы самъ въ то время былъ занятъ чѣмъ нибудь, чего прежде не имѣлъ въ виду.

(*) Впослѣдствіи Сперанскій нюхалъ опять только Французскій табакъ, и всегда самый лучшій; но дыму и запаху табачнаго никогда не могъ терпѣть.

бывания его въ Перми. Такими же мрачными красками описываетъ эту эпоху и его дочь. «Не было уже для него—говоритъ она—ни теплаго солнца Нижегородскаго, ни тамошнихъ довольства и гостепріимства; не было лелѣявшей, не вдалекѣ отъ столицы, надежды, что удаленіе есть, можетъ статься, только *временное*, съ близкимъ концомъ; не было, наконецъ, ни преданныхъ, подобно Столыпину, друзей, ни тѣхъ великодушныхъ сердецъ, которыя въ Нижнемъ, вопреки Петербургу и его интригамъ, не страшились воздавать дань почтенія низверженному великому человѣку. Въ Перми, напротивъ, была уже прямая ссылка, въ полномъ смыслѣ слова; былъ сѣверъ съ леденящими его холодами и мертвою природою; была далекая провинціальная глушь, безъ дворянства и безъ его богатствъ, слѣдственно безъ провинціальнаго хлѣбосольства. На мѣсто ихъ являлись: робкій и бѣдный губернаторъ, который поневолѣ долженъ былъ дорожить своимъ мѣстомъ, какъ единственнымъ средствомъ къ содержанію большой семьи; полудикіе чиновники, изъ которыхъ иные прежде едва слышали не только о значеніи и величіи, но даже о самомъ существованіи батюшки; убійственное равнодушіе, или, еще хуже, явное озлобленіе, потому что, въ глазахъ Пермскихъ жителей, сосланный на рубежъ Сибири тайный совѣтникъ могъ быть—только важный государственный злодѣй». Примѣчательно, что общее чувство отвращенія, встрѣтившее Сперанскаго въ этомъ отдаленномъ мѣстѣ, нашло отголосокъ даже и во Французскихъ военноплѣнныхъ, которыми Пермь начинала тогда наполняться: при случайной встрѣчѣ на улицахъ, они избѣгали «измѣнника своему отечеству», гнушаясь принимать отъ него ту милостыню, за которою жадно протягивали руку другимъ. Весь городъ былъ для него какъ бы пустынею и онъ напрасно искалъ гдѣ нибудь улыбки добраго расположенія,

или пріязненнаго взгляда. Къ этому печальному положенію присоединился еще совершенный недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Истративъ, что у него было, на домашніе расходы и на задатокъ за домъ Скуридиной, а часть отославъ, какъ мы видѣли, обратно въ Петербургъ, схваченный и увезенный изъ Нижняго, такъ сказать, въ расплохъ, прежде полученія новыхъ суммъ, ожидавшихся отъ Масальскаго, и при отсутствіи Столыпина и Злобина, которые не оставили бы помочь ему, Сперанскій не имѣлъ, за военными обстоятельствами, прервавшими всѣ сообщенія, никакой возможности обратиться въ тѣ мѣста, гдѣ еще были люди къ нему приверженные. У Попова, единственнаго человѣка въ Перми ему преданнаго, не было ничего кромѣ дома. Словомъ, Сперанскому пришлось занимать деньги подъ залогъ привезенныхъ съ собою вещей и даже искать пособія у своихъ слугъ, которые въ ту минуту были богаче барина. Позже, при отправленіи части своей прислуги (привезенной, въ слѣдъ за нимъ, въ Нижній, а оттуда и въ Пермь) назадъ въ Петербургъ, онъ писалъ Масальскому: «поспѣшите удовлетворить людей моихъ по билетамъ, кои имъ отъ меня выданы. Это—долгъ священный, потому что они меня здѣсь кормили своими деньгами. У меня не было ни полушки и я принужденъ былъ закладывать кресты и табакерки». Затруднительность положенія Сперанскаго въ особенности увеличилась съ пріѣзда въ Пермь его семейства (*), къ которому еще присоединился, въ Казани, его братъ, *вдругъ*, безъ просьбы, уволенный отъ прокурорской должности. И не смотря на все это, Сперанскій именно тогда (въ ноябрѣ 1812) писалъ Масальскому: «послѣднее чувство, которое во мнѣ угаснетъ, будетъ довѣріе къ людямъ и въ особенности къ друзьямъ

(*) Оно прибыло къ нему 15-го октября.

моимъ». Это чувство теплаго довѣрія къ человѣчеству поддержано было въ немъ, при общихъ гоненіяхъ, благородными дѣйствіями двухъ семействъ: Всеволожскихъ и Лазаревыхъ. Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій, владѣлецъ богатыхъ имѣній въ Пермской губерніи, до того едва съ нимъ знакомый, лишь только услышалъ о бѣдственномъ его положеніи, счелъ долгомъ предложить свою помощь; а семейство Лазаревыхъ, состоявшее, какъ мы уже знаемъ, въ давнишней пріязни съ Сперанскимъ, не измѣнило ему и въ несчастіи. Христофоръ Іоакимовичъ Лазаревъ, тогда еще почти юноша (*), пріѣхавъ въ Пермь по дѣламъ обширныхъ своихъ имѣній, посиѣшилъ доставить заточенному всѣ возможныя тамъ удобства жизни и старался развлекать и утѣшать его, особенно когда бѣдный страдалецъ, по отъѣздѣ своего семейства (о чемъ скажется ниже), остался опять совершенно одинокимъ. Эти одолженія, эту дружбу, оказанныя ему въ самыя тяжкія минуты его жизни, Сперанскій навсегда сохранилъ въ памяти своего сердца, и когда горизонтъ его снова прояснился, онъ постоянно и съ жаромъ покровительствовалъ почтенному семейству Лазаревыхъ, продолжая, до самой своей смерти, тѣсную съ нимъ связь, особенно съ Христофоромъ Іоакимовичемъ. Отправляясь, въ сентябрѣ 1816, изъ Новгородскаго своего имѣнія Великополья къ новой должности въ Пензу (и объ этомъ также скажется ниже), онъ писалъ отцу молодаго человѣка: «я не могу оставить моего уединенія, не принеся вамъ истинной благодарности за всѣ знаки участія вашего въ судьбѣ моей въ такое время, когда не многіе смѣли, или хотѣли, признавать себя даже и въ знакомствѣ со мною. Будьте увѣрены, что благорасположеніе ваше и всего вашего добраго

(*) Теперь тайный совѣтникъ и попечитель Лазаревскаго Армянскаго института.

семейства пребудетъ для меня всегда незабвенно. Крайне сожалѣю, что не увижу Христофора Іоакимовича въ Великопольѣ (*). Прошу ему сказать, что Пермская дружба сохранится съ моей стороны и въ Пензѣ».

Но пособія Всеволожскаго и Лазаревыхъ были не болѣе какъ благодѣянія частныхъ людей, и Сперанскій, при всемъ безпритязательномъ радушіи предлагавшихъ, естественно искалъ случая поставить себя въ независимость отъ ихъ одолженій. «Сибирь—попытался онъ снова написать графу Толстому—есть земной рай въ сравненіи съ Пермью. Ваше сіятельство были невольнымъ орудіемъ моей сюда ссылки: будьте нѣкогда благодѣтельнымъ посредникомъ моего отсюда возвращенія. Зная ваши благородныя чувства, не могу себѣ представить, чтобъ вы согласились когда нибудь вѣрить сплетнямъ враговъ моихъ. Нелѣпость ихъ слишкомъ ощутительна и впрочемъ сама собою откроется, когда только удостоятъ вопросить меня. Между тѣмъ прилагаемое при семъ письмо къ Его Величеству прошу доставить сколько можно вѣрнѣе и непосредственнѣе. Я въ немъ прошу одной милости: насущнаго хлѣба, прежде мною заслуженнаго. Враги мои считаютъ у меня милліоны, а я, при безмѣрной здѣшней дороговизнѣ и послѣ всѣхъ разорительныхъ перевозовъ, нуждаюсь въ первыхъ потребностяхъ жизни».

Вѣроятно, однако жъ, или предубѣжденія графа Толстаго были слишкомъ сильны, или онъ считалъ выше своихъ уполномочій принимать и передавать подобныя просьбы: только новое письмо къ Государю осталось неотправленнымъ какъ и прежнее. Между тѣмъ, стѣсненный крайностію и постоянно преслѣдуемый оскорбленіями,

(*) Т. е. при отъѣздѣ изъ Великополья, потому что до этого Лазаревъ два раза его тамъ навѣщалъ.

Сперанскій рѣшился о своихъ нуждахъ и страданіяхъ довести до свѣдѣнія Государя и черезъ министра полиціи Балашова.

«Среди всѣхъ горестей моихъ—писалъ онъ Александру въ концѣ 1812-го года—я не могъ себѣ представить, чтобы Вашему Величеству угодно было попустить подчиненнымъ начальствамъ, подъ надзоромъ коихъ я состою, притѣснять меня по ихъ произволу. Уважая драгоцѣнность Вашего времени, я не дерзалъ жаловаться на сіи притѣсненія изъ Нижняго. Прибывъ въ Пермь, я силился по возможности привыкать къ ужасамъ сего пребыванія. Между тѣмъ здѣшнее начальство признало за благо окружить меня *не неприметнымъ надзоромъ*, коего, вѣроятно, отъ него требовали, но самымъ явнымъ полицейскимъ досмотромъ, мало различнымъ отъ содержанія подъ карауломъ. Приставы и квартальные каждый почти часъ посѣщаютъ домъ, гдѣ я живу, и желали бы, я думаю, слышать мое дыханіе, не зная болѣе, что̀ доносить. Если бъ я былъ одинъ, я перенесъ бы и сіи грубые досмотры; но среди семейства быть почти подъ карауломъ, — невыносимо. Умилосердуйтесь надо мною, Всемилостивѣйшій Государь, не предайте меня на поруганіе всякаго, кто захочетъ изъ положенія моего сдѣлать себѣ выслугу, пятная и уродуя меня по своему произволу. Никогда, среди самыхъ жестокихъ напастей, не колебался я вѣрить, что состою еще въ точной и великодушной Вашей защитѣ».

Препровождая это письмо къ министру, Сперанскій написалъ къ послѣднему: «по пріѣздѣ сюда я принялъ смѣлость просительнымъ письмомъ, доставленнымъ чрезъ графа П. А. Толстова, который сюда меня отправилъ, утруждать Всемилостивѣйшаго Государя, чтобы сдѣлано было мнѣ здѣсь какое либо денежное назначеніе, или по крайней мѣрѣ ассигновано было то̀, что причитается мнѣ по прежней моей

службѣ за прошедшее, до удаленія моего, время. Хотя я совершенно полагаюсь на великодушіе Государя, но, по множеству и важности настоящихъ дѣлъ, просьба сія можетъ быть безъ ходатайства забыта. Будьте, милостивый государь, мнѣ симъ ходатаемъ и обрадуйте симъ знакомъ вашего вниманія».

Отвѣтъ на письмо, отправленное этимъ путемъ, не замедлилъ. «Письмо и всеподданнѣйшее прошеніе вашего превосходительства—отозвался Балашовъ 6-го декабря того же 1812 года—я имѣлъ честь получить и повергнуть высочайшему усмотрѣнію. Государю Императору угодно было опредѣлить на содержаніе ваше 6.000 р. (*) въ годъ, что для исполненія отъ меня уже и сообщено г. министру финансовъ. Я къ сему присовокупить долженъ что, въ точнѣйшее изъясненіе образа поступковъ г. губернатора, ему нынѣ же подтверждено, дабы высочайшая воля вполнѣ и не далѣе предѣловъ, ею означенныхъ, была исполняема». Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлано было распоряженіе объ удовлетвореніи Сперанскаго: 1) недонятымъ изъ прежнихъ окладовъ по «день отбытія его» изъ С.-Петербурга, т. е. по 17-е марта 1812, и 2) слѣдовавшимъ въ счетъ упомянутыхъ 6.000 р., начиная съ того же 17-го марта. Въ совокупности это составило до 8.500 рублей,—сумму, въ тогдашнемъ его положеніи огромную (**). На письмо Балашова Сперанскій отвѣчалъ: «примите истинную благодарность за благосклонное вниманіе

(*) Разумѣется—ассигнаціями, на которыя велись тогда всѣ счеты. Указъ о содержаніи начинался такъ: «*Пребывающему въ Перми* тайному совѣтнику Сперанскому производить и пр.».

(**) «Здѣсь (т. е. въ Перми)—писалъ онъ Масальскому 6 іюля 1813—я ни въ чемъ не имѣю нужды, и если бъ и желалъ, то никакъ не могу прожить болѣе двухъ тысячъ въ годъ». Замѣтимъ, впрочемъ, что въ это время уже не было при немъ его семейства.

вашего превосходительства къ моей просьбѣ. Оставленъ всѣми, заточенъ въ самомъ несносномъ жилищѣ, я имѣлъ величайшую нужду въ семъ утѣшеніи. Богъ воздастъ вамъ за него, а я не въ силахъ. Довершите ваше одолженіе, повергнувъ въ удобное время всеподданнѣйшую благодарность мою Государю Императору. Всякій знакъ вниманія къ судьбѣ моей для меня всегда будетъ драгоцѣненъ».

Вмѣстѣ съ вѣстью о царскихъ милостяхъ пришло въ Пермь письмо С.-Петербургскаго митрополита Амвросія, который поручалъ архіерею Іустину передать поклонъ отъ его имени Сперанскому и, тѣмъ самымъ, косвенно намекалъ преосвященному, какъ впредь держать ему себя съ бывшимъ государственнымъ секретаремъ. «Всѣ эти одновременныя вѣсти изъ Петербурга — разсказываетъ Поповъ — мгновенно измѣнили обращеніе съ Михайломъ Михайловичемъ; всѣ къ нему вернулись, и всѣхъ онъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, такъ умѣлъ плѣнить и обворожить, что каждый сталъ разумѣть его лучшимъ себѣ другомъ (*). Послѣ того никто не пропускалъ воскресныхъ и праздничныхъ у него поздравленій, что тогда было въ Перми въ обычаѣ и какъ пища необходимо: не было ни одного званаго обѣда, вечера, имянинъ, свадебъ и т. п., куда бы не былъ онъ приглашаемъ, какъ и на загородныя гулянья, которыя часто бывали. Никому онъ не отказывалъ. У гу-

---

(*) Въ «Москвитянинѣ» 1848 года № 8, критика, стр. 41) былъ помѣщенъ разсказъ «одного—какъ онъ тутъ названъ—изъ достойнѣйшихъ Московскихъ духовныхъ сановниковъ», о свиданіи его съ Сперанскимъ въ Перми въ 1814 году. Разсказъ этотъ очень любопытенъ; но въ него вкралась или опечатка, или ошибка самого повѣствователя въ числѣ. Все, имъ описанное, было, конечно, не въ 1814-мъ году, а развѣ въ концѣ 1812-го, или въ самомъ началѣ 1813-го, до полученія въ Перми приведенныхъ нами распоряженій. Иначе разсказываемое тутъ объ осторожности Іустина и пр. находилось бы въ явномъ противурѣчіи съ имѣющимися у насъ въ рукахъ оффиціальными свѣдѣніями.

берпатора постоянно обѣдалъ два раза въ недѣлю, часто и у другихъ чиновниковъ. Словомъ, къ нему водворилось общее уваженіе и нелицепріятная во всѣхъ сословіяхъ любовь».

II.

Въ началѣ 1813-го года, когда театръ войны былъ перенесенъ за предѣлы Россіи и сообщенія сдѣлались опять безопасными, Сперанскій разсудилъ отправить свою семью въ упомянутое уже нами Великополье (*). Дочь приписываетъ эту рѣшимость разстройству ея здоровья, которое не могло переносить Пермскаго климата: Поповъ—желанію Сперанскаго имѣть болѣе свободы для ученыхъ своихъ занятій: «я растерялъ съ ними всѣ мои идеи»—говорилъ онъ. Но кажется, что оба эти предлога служили лишь прикрытіемъ побужденія гораздо важнѣйшаго. Сколько ни подавлялъ Сперанскій внутреннее свое чувство, онъ не могъ съ равнодушіемъ переносить настоящее свое положеніе, которымъ такъ неожиданно смѣнились всѣ обаянія почестей, власти и величія, а снисхожденіе Государя къ первой его просьбѣ внушало тайную надежду, что милость царская еще не вполнѣ имъ утрачена. Послѣ устраненія матеріальныхъ недостатковъ, что̀ могло ближе лежать къ его сердцу какъ не возстановленіе чести и добраго о себѣ мнѣнія! Но для этого надо было стараться очистить себя отъ взведенныхъ врагами обвиненій, сколько онъ зналъ ихъ, и возбудить въ Государѣ память своихъ заслугъ и прежнихъ съ нимъ отношеній: слѣдственно надо было—вновь писать

(*) Она уѣхала 1 февраля. Косьма Михайловичъ, проводивъ дамъ, просилъ у министерства позволеніе возвратиться опять въ Пермь; но оно не было ему дано.

Государю. Заботилъ только вопросъ: какъ и черезъ кого переслать письмо съ увѣренностію, что оно достигнетъ, невидимо для враговъ и соглядатаевъ, до чертоговъ царскихъ? Едва ли не въ этомъ скрывалась настоящая причина отправленія Сперанскимъ своей семьи изъ Перми въ сосѣдство къ Петербургу. Знаемъ, по крайней мѣрѣ, что дочь поѣхала не съ пустыми руками: она повезла съ собою письмо отца, наставленная какъ передать его, втайнѣ, другу, оставшемуся вѣрнымъ и въ изгнаніи, г-жѣ Кремеръ. Задуманный планъ удался. Бдительность враговъ Сперанскаго была обманута и письмо дошло въ руки Монарха. Въ приложенной къ письму объяснительной запискѣ прежній любимецъ изображалъ, съ величественною простотою и съ неотразимою силою истины, всю свою, такъ сказать, политическую біографію и оправдывался отъ навѣтовъ, взведенныхъ на него враждою (*). Записка оканчивалась слѣдующимъ эпилогомъ: «Въ награду всѣхъ горестей, мною претерпѣнныхъ; въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе Вашему Величеству, къ славѣ Вашей и къ благу государства подъятыхъ; въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ, и наконецъ въ воспоминаніе тѣхъ, милостивыхъ и лестныхъ мнѣ, частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между Вами и мною,— прошу единой милости: дозволить мнѣ, съ семействомъ моимъ, въ маленькой моей деревнѣ провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной. Если въ семъ уединеніи угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную, или судебную, я приму сіе личное

(*) Это-то и есть то письмо, которое мы называемъ, въ нашей книгѣ, *Пермскимъ* и изъ котораго, равно какъ изъ приложенной къ нему записки, многія мѣста приведены нами въ разныхъ главахъ, по принадлежности предметовъ.

отъ Вашего Величества порученіе съ радостію и исполню его безъ всякой помощи, съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только: *свободы* и *забвенія*. Богъ, общій отецъ и судія государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія Вашего Величества на пользу государства, да ниспошлетъ Вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ навсегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично Вамъ преданнѣе».

Но Александра еще окружали непріятели Сперанскаго; онъ еще былъ подъ вліяніемъ подозрѣній, внушенныхъ ему противъ преданности и чистоты дѣйствій бывшаго государственнаго секретаря; притомъ все вниманіе его поглощалось громадными политическими событіями той эпохи. Просьба не имѣла послѣдствій, хотя Сперанскій долго продолжалъ обольщать себя надеждою на ея успѣхъ. 6-го августа 1813, слѣдственно спустя почти полгода послѣ ея отсылки онъ такъ заключалъ длинное письмо къ своему другу Словцову, наполненное религіозными размышленіями: «скажу вамъ нѣсколько словъ и о житейскомъ моемъ положеніи. Я живу здѣсь изряднехонько, т. е. весьма уединенно и спокойно. Возвратиться на службу не имѣю ни большой надежды, ни желанія: но желаю и надѣюсь зимою переселиться въ маленькую мою Новгородскую деревню, гдѣ теперь живутъ моя дочь и семейство, и тамъ—умереть, если только дадутъ умереть спокойно. Люди и несправедливости ихъ, по благости Божіей, мало по малу изъ мыслей моихъ изчезаютъ. Тотъ, кто посредствомъ ихъ исторгнулъ меня изъ бездны страстей, раздиравшихъ мою душу; кто далъ мнѣ потомъ самые вѣрные опыты своего милосердія и, по истинѣ, несказанной благости; кто рѣшилъ, однимъ мановеніемъ, всѣ колебанія моей воли, и вялымъ, давниш-

нимъ моимъ къ нему влеченіямъ далъ постоянное направленіе: тотъ устроитъ все по своему смотрѣнію и не попустить, конечно, чтобъ я еще разъ изъ рукъ его выпалъ . . .»

Ко времени пребыванія Сперанскаго въ Перми относится окончаніе имъ перевода на Русскій языкъ извѣстной книги Ѳомы Кемпійскаго (*) «О подражаніи Христу», которая уже до того восемь разъ появлялась въ разныхъ Русскихъ переложеніяхъ. Въ самый періодъ своего величія и лежавшихъ на немъ необъятныхъ трудовъ, Сперанскій успѣвалъ постоянно удѣлять нѣсколько времени на занятія наукою и литературою. Такъ и этотъ трудъ былъ имъ начатъ еще въ 1805-мъ году. Съ тѣхъ поръ каждое утро онъ переводилъ по листку, вмѣсто молитвы, и изъ этихъ листковъ составились первыя три части. Въ Перми онъ окончилъ четвертую. Книга была напечатана, въ первый разъ, уже гораздо позже, именно въ 1819-мъ году, на казенный счетъ, и всю выручку переводчикъ пожертвовалъ въ пользу Императорскаго человѣколюбиваго общества. Замѣчательно собственное мнѣніе его объ этомъ трудѣ, выраженное въ откровенномъ письмѣ къ Цейеру. «Смѣю думать—писалъ онъ последнему 11-го іюня 1818-го—что ни на какомъ Европейскомъ языкѣ нѣтъ перевода столь близкаго и буквальнаго, какъ настоящій. Я переводилъ, прежде, подражая другимъ и изыскивая выраженія, кои казались мнѣ удобнѣе и изящнѣе, т. е. одѣвалъ мысли автора въ мое платье: поправлялъ же или, лучше сказать, передѣлывалъ переводъ точно съ тою же вѣрностію, какъ бы я переводилъ текстъ св. писанія. По счастію, переводъ ничего отъ сего не потерялъ ни въ ясности, ни въ слогѣ; но онъ получилъ точно ту физіо-

(*) Или Герсонія. Извѣстно, что ученый споръ о настоящемъ сочинителѣ этой книги продолжается уже три вѣка.

номію, которую имѣетъ въ подлинникѣ, т. е. простоту и краткость». Заботы по изданію принялъ на себя, за отсутствіемъ переводчика, А. И. Тургеневъ. Благодаря его за то (въ письмѣ отъ 26-го марта 1818), Сперанскій писалъ: «никто лучше васъ не можетъ содѣйствовать успѣху, а успѣхъ состоитъ въ томъ, чтобъ книгу сію какъ можно болѣе читали и любили».

III.

Зима съ 1813-го на 1814-й годъ прошла безъ осуществленія надеждъ изгнанника. Между тѣмъ лютая брань умолкла. Россія и Европа праздновали побѣду и миръ; Русскій монархъ стоялъ на высшей ступени славы и величія, какая только доступна человѣку. Сперанскій выбралъ это время, чтобъ снова напомнить о себѣ:

«Пріемлю смѣлость—писалъ онъ Государю 9-го іюля 1814 года—повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшее поздравленіе мое съ вожделѣннымъ событіемъ всеобщаго мира.

«Провидѣніе, ввѣривъ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, совершеніе сего священнаго дѣла, показало, сколь пріятны ему твердость духа и сіе святое самоотверженіе, непреклонное среди бѣдствій, кроткое среди успѣховъ.

«Да будетъ миръ сей эпохою лучшихъ дней человѣчества, твердымъ союзомъ не только политическаго, но и нравственнаго народовъ образованія, новымъ залогомъ благоустройства и счастія вѣрныхъ Вашихъ подданныхъ!

«Удаленіе мое отъ лица Вашего и бѣдствія, меня постигшія, да не умалятъ въ очахъ Вашихъ цѣну сихъ желаній. Никакое положеніе не лишитъ меня права быть Вамъ привērженнымъ.

«Среди всеобщей радости не оскорбитесь, Всемилостивѣйшій Государь, склонить вниманіе Ваше на горестную судьбу мою. Тому полтора года какъ, бывъ принужденъ разстаться здѣсь съ моею дочерью, вручилъ я ей письмо, для поднесенія Вашему Величеству при первомъ *вѣрномъ* и удобномъ случаѣ. Не знаю еще, дошло ли оно до рукъ Вашихъ. Содержаніе его, съ перемѣною обстоятельствъ, не во многомъ измѣнилось. Я просилъ въ немъ единой милости: дозволенія сокрыть остатокъ скорбныхъ дней моихъ въ маленькой деревнѣ близъ Новгорода, дочери моей по наслѣдству доставшейся. Сей самой милости и теперь испрашиваю, въ твердомъ уповании на правосудіе и милосердіе Ваше».

Обстоятельства, точно, были теперь иныя. Нѣкоторые изъ прежнихъ дѣятелей уже умерли, другіе не находились болѣе при Александрѣ. Съ минованіемъ войны отпало и главное побужденіе опалы или то, что было взято поводомъ къ ней. Повторенная просьба Сперанскаго произвела свое дѣйствіе: 31-го августа 1814 года управлявшій министерствомъ полиціи графъ Вязмитиновъ увѣдомилъ его, что Государь «всемилостивѣйше изволяетъ на желаніе его жить въ Новгородской его деревнѣ Великопольѣ, въ полной будучи удостовѣренности, что скромное въ оной житье его не подастъ повода къ какимъ либо въ отмѣну сего мѣрамъ; о сопровожденіи же его туда съ симъ вмѣстѣ дано знать Пермскому губернатору». Кажется, однако, что Сперанскій ожидалъ другаго. Въ позднѣйшую эпоху (20 мая 1820) онъ писалъ графу Кочубею: «первое движеніе Государя, всегда мнѣ благотворное, успѣли перемѣнить. Первое движеніе, мнѣ съ достовѣрностію тогда означенное (*),

(*) Не черезъ г-жу ли Кремеръ? Къ сожалѣнію, всѣ ея письма къ Сперанскому, которыхъ, вѣроятно, было не мало, давно пропали, или истреблены, также какъ и его письма къ ней. Обоюдная осторожность лишила исторію этого драгоцѣннаго источника.

было вызвать меня въ Петербургъ: второе—проводить за присмотромъ въ деревню».

Сперанскаго неодолимо влекло въ близость къ Петербургу и сборы его были непродолжительны. Онъ выѣхалъ изъ Перми 19-го сентября, въ сопровожденіи опять полицейскаго чиновника (частнаго пристава Матвѣева). «Всѣ—разсказываетъ Поповъ—простились и чѣмъ кто богатъ, тѣмъ и радъ былъ служить въ дорогу: винами, разнымъ печеньемъ, фруктами—всѣмъ что у кого было лучшее». «Очень мнѣ жаль—говорилъ, на прощаньи, отъѣзжавшій—что не могу увезти съ собою въ карманѣ вашу Каму».

Но онъ не зналъ, что на Великополье правительство смотритъ, въ сущности, только какъ на продолженіе Нижняго и Перми. На другой день послѣ отсылки къ нему разрѣшенія жить въ его имѣніи, т. е. 1-го сентября, графъ Вязмитиновъ секретно предписалъ начальнику Новгородской губерніи тотчасъ донести, когда Сперанскій туда прибудетъ; «распорядитесь—прибавилъ онъ—чтобы безъ всякой огласки извѣстно вамъ было о его образѣ жизни и знакомствахъ, о чемъ и мнѣ отъ времени до времени давайте знать».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сперанскій въ Великополье.

I.

Сельцо Великополье, съ принадлежавшими къ нему деревнями Жадовою и Родіоновою, всего 84 души съ 1420 десятинами земли, послѣ умершей Маріанны Злобиной досталось, какъ мы уже знаемъ, въ наслѣдство ея племянницѣ, дочери Сперанскаго. Маленькое, но прекрасное это имѣніе, нѣкогда вотчина славнаго фельдмаршала графа Миниха, лежитъ въ 9-ти верстахъ къ юго-востоку отъ Новгорода, близъ устья Большой Виперы и въ сосѣдствѣ съ древнею обителью Саввы Виперскаго (*). Господскій домъ стоялъ посреди обширнаго тѣнистаго сада, отдѣлявшагося отъ рѣки небольшою лужайкою. Изъ оконъ открывался видъ на Виперу, которая обвивала усадьбу какъ бы серебрянымъ поясомъ, на противуположный ея берегъ, довольно крутой, и на многочисленные монастыри и церкви, окружающіе Новгородъ (**). Наперекоръ предположеніямъ Петербургской публики и даже нѣкоторыхъ высшихъ сановниковъ, опасавшихся, что дозволеніе изгнаннику поселиться въ такой близи отъ столицы есть только первый шагъ къ милости, за которымъ тотчасъ послѣдуетъ полное ея возвращеніе, Сперанскому суждено было провести въ этомъ скромномъ, хотя и привѣтномъ угол-

(*) Позже, когда его купили въ собственность военнаго поселенія, оно было переименовано мызою *Сперанкою*.

(**) Г-жа Багрѣева описала Великополье, иносказательно, съ разными поэтическими прикрасами, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ: «Les pélérins russes à Jerusalem» (Bruxelles et Leipzig, 1854).

кѣ—почти два года. Впрочемъ самъ онъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, едва ли и разсчитывалъ на лучшее: напротивъ, понимая страхъ своихъ непріятелей, онъ думалъ только о томъ, какъ бы избѣгнуть всякаго внѣшняго шума и затаиться въ своемъ уединеніи. «Для меня—писалъ онъ Масальскому 3 декабря 1814—вся сила въ томъ, чтобъ забыли о бытіи моемъ на семъ свѣтѣ», и далѣе прибавлялъ: «я живу по прежнему, не принимая никого; хотя многіе вызывались и самъ вице-губернаторъ (*) дѣлалъ мнѣ предложенія посѣтить меня здѣсь, но я до времени уклонился». Вообще, наученный горькимъ опытомъ, Сперанскій, въ то время, уже иначе смотрѣлъ на свѣтъ, нежели въ годы своего счастія. «Я никогда—писалъ онъ 6 января 1815—не удивляюсь худымъ поступкамъ людей и, напротивъ, всякое добро отъ нихъ для меня неожиданно». Довѣрчивость его къ человѣчеству на минуту ослабла и онъ какъ бы съ радостною надеждою ждалъ часа покончить со всѣмъ земнымъ. Въ томъ же самомъ письмѣ мы находимъ слѣдующія строки, въ отвѣтъ на поздравленіе его съ днемъ рожденія: «такъ-то, мой любезный другъ, время течетъ и все сближается къ вѣчности. Мысль сія должна быть главнымъ нашимъ поздравленіемъ при вступленіи въ новый годъ: ибо никогда не должно забывать, что мы всѣ въ дорогѣ и возвращаемся въ наше отечество, кто съ котомкою на плечахъ, кто на рѣзвой четвернѣ, но всѣ войдемъ въ одни ворота.....»

Въ самомъ началѣ пребыванія своего въ Великопольѣ, Сперанскій располагалъ было, какъ новый Цинциннатъ, приняться самъ за соху: «начинаю входить въ экономію — писалъ онъ Масальскому (22 декабря 1814):—прошу покорно ме-

---

(*) Николай Назарьевичъ Муравьевъ, въ это время исправлявшій должность Новгородскаго губернатора, позже статсъ-секретарь и сенаторъ.

ня, какъ новичка, надѣлить книгами, какія вы сами признаете по сей части нужнѣйшими и полезнѣйшими. Я знаю, что ихъ на нашемъ языкѣ много; но ни объ одной не имѣю понятія». Потомъ, въ первыхъ дняхъ 1815 года, онъ опять писалъ: «съ новаго года я принялся поближе за здѣшнюю экономію и учусь ей съ удовольствіемъ. Вы увидите, что черезъ годъ я буду говорить о ней съ вами какъ профессоръ». Но, вопреки этимъ предсказаніямъ, хозяйство, состоявшее менѣе чѣмъ изъ сотни крестьянъ, безъ фабричныхъ заведеній, не могло долго его занимать. Онъ скоро возвратился къ прежнимъ своимъ вкусамъ и весь предался наукѣ и воспитанію своей дочери. Послѣднее требовало большаго и прилежнаго труда, потому что въ Нижнемъ и Перми къ нему сдѣланъ былъ только приступъ. Врагъ всякаго педантизма и даже слишкомъ большой учености въ женщинахъ, Сперанскій не столько *преподавалъ* дочери, въ обыкновенномъ значеніи этого слова, сколько читалъ съ нею, въ особенности же *разговаривалъ*. Эти разговоры были всего важнѣе. Его современники помнятъ еще, какою возвышенностію отличались его бесѣды: съ какою пластическою ясностію онъ излагалъ предметы самые отвлеченные: какую логику и убѣдительность имѣли его доводы: какая, наконецъ, точность и вмѣстѣ поэзія была въ его выраженіяхъ. При урокахъ и въ сообществѣ такого наставника, дочь его не могла не выдти одною изъ просвѣщеннѣйшихъ и вообще примѣчательнѣйшихъ, въ умственномъ развитіи, женщинъ (*). И такою точно впослѣдствіи и была

(*) Когда позже, уже изъ Пензы, дочь Сперанскаго пріѣхала въ Петербургъ и явилась въ домѣ графа Кочубея, послѣдній писалъ ея отцу (18 октября 1818): «признаюсь вамъ, что образованіе ея не мало меня удивило. Мнѣ представлялось вещью невозможною въ Перми и Пензѣ имѣть средства къ воспитанію. Г. Цейеръ просвѣтилъ меня, изъясня, что занимались онымъ вы исключительно».

Елисавета Михайловна, которая, за исключеніемъ изящныхъ искусствъ, никогда ни у кого не училась, кромѣ своего отца. Онъ часто заставлялъ ее читать и декламировать лучшихъ поэтовъ, иногда даже испытывать собственныя свои силы въ стихосложеніи; но, встрѣчая съ одобрительною улыбкою написанное ею, удерживалъ дѣвушку, легкою проніею, а по временамъ и строгою критикою, отъ того, чтобы она свои слабыя стихотворенія не приняла въ самомъ дѣлѣ за поэзію (*). Никто—и это подтвердятъ, по собственному опыту, остающіеся еще въ живыхъ ученики Сперанскаго (**) —не умѣлъ лучше его обуздывать суетное тщеславіе и въ тоже время поощрять и оживлять всякое благородное стремленіе къ совершенствованію. Сверхъ дочери, онъ въ Великопольѣ усердно занимался еще другимъ, любезнымъ ему существомъ. У него гостила тамъ довольно долго г-жа Вейкардтъ съ дочерью, тогда молоденькою дѣвушкою (***), тою самою *Сонюшкою*, которую онъ, въ перепискѣ съ ея матерью, называлъ «l'enfant de mon coeur,» и о которой, въ позднѣйшихъ его письмахъ къ дочери, такъ много строкъ, дышащихъ теплотою искренняго чувства. Съ этою «Сонюшкою» Сперанскій, и прежде и послѣ, постоянно переписывался по-французски, единственно для образованія ея слога, возвращая полученныя отъ нея письма съ своими поправками. Во время ея гощенія въ Великопольѣ, онъ успѣлъ также пройти съ нею полный курсъ Закона Божія по *Лютеранскому* вѣро-

---

(*) Позже, уже въ двадцатыхъ годахъ, нѣкоторыя изъ ея стихотвореній были помѣщены въ «Сынѣ Отечества».

(**) Мы разумѣемъ здѣсь образовавшихся подъ его руководствомъ молодыхъ людей.

(***) Впослѣдствіи она вышла замужъ за статскаго совѣтника Поггенполя и, овдовѣвъ, нѣсколько лѣтъ находилась при воспитаніи малолѣтныхъ дѣтей Цесаревича Наслѣдника Александра Николаевича, нынѣ царствующаго Государя Императора.

исповѣданію, и въ такой степени, что дѣвушка, явясь въ Петербургѣ на конфирмацію, не только не потребовала никакого дальнѣйшаго приготовленія, но даже удивила пастора своими свѣдѣніями.

Собственныя ученыя занятія Сперанскаго въ Великопольѣ были и многочисленны и разнообразны. Знавъ, прежде, изъ новѣйшихъ языковъ, только Французскій и Англійскій, онъ, въ изгнаніи, частію въ Перми, но особенно въ деревнѣ, еще болѣе усвоилъ себѣ послѣдній и началъ учиться—одинъ, безъ учителей, преимущественно по Библіи—языку Еврейскому (*). Сверхъ того сохранилось множество написанныхъ имъ въ Великопольѣ разсужденій содержанія юридическаго, философическаго, богословскаго и частію мистическаго, которыя онъ набрасывалъ на бумагу по мѣрѣ того, какъ мысль зараждалась въ его умѣ, или была возбуждаема чтеніемъ. Это—отрывки, не состоящіе ни въ какой взаимной между собою связи, но имѣющіе, почти всѣ, своеобразное достоинство, какъ по содержанію, такъ и по изложенію. Большая ихъ часть еще находится въ рукописи и ожидаетъ просвѣщеннаго издателя (**). Но всего усидчивѣе занимался Сперанскій въ деревнѣ патристикою. Найдя въ сосѣдственной обители св. Саввы Вишерскаго довольно полное собраніе примѣчательнѣйшихъ твореній отцовъ церкви, онъ углубился въ нихъ всею пытливостію своей души и, по собственному его выраженію,—«отъ гоне-

(*) Нѣмецкому языку онъ выучился уже позже, въ Пензѣ.

(**) Одно пространное разсужденіе о предметахъ религіозныхъ, въ формѣ письма къ П. А. Словцову отъ 6-го августа 1813-го, было напечатано, но съ пропусками, *въ Москвитянинѣ* 1845 г., № 3-й, Матеріалы, стр. 4. Нѣкоторыя статьи юридическаго содержанія, хранящіяся въ Императорской публичной библіотекѣ, помѣщены Н. В. Калачевымъ въ издаваемомъ имъ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи».

ній человѣческихъ уходилъ на небо». Вотъ какъ, позже (19-го января 1817), онъ давалъ отчетъ въ этихъ занятіяхъ князю А. Н. Голицыну: «Въ Перми, и потомъ наиболѣе въ деревнѣ, составилъ я избранныя мѣста изъ твореній Таулера. Сочинитель сей, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстенъ; множество отрывковъ изъ него въ разныхъ мѣстахъ у насъ напечатано, но нигдѣ нѣтъ въ цѣлости, можетъ быть отъ того, что онъ, по высотѣ его понятій, часто паритъ подъ облаками и скрывается почти изъ виду. Избранныя мѣста́ всѣ вразумительны. Они составляютъ книгу не много менѣе *Подражанія*. Отъ сей работы родилась у меня другая. Я рѣшился, въ деревенскомъ уединеніи, пройти всѣ творенія св. отцовъ, начиная отъ перваго вѣка. Выписывая и замѣчая то́, что́ казалось мнѣ наиболѣе свойственнымъ нашему вѣку и потребностямъ нашего времени, я не дошелъ еще и до средины, имѣвъ уже кипы записокъ, но ничего совершеннаго и довольно выработаннаго, чтобъ представить публичному чтенію. Одна только выписка, подъ названіемъ: избранныя мѣста изъ бесѣдъ св. Макарія Великаго, кажется мнѣ довольно оконченною. Я составилъ ее изъ перевода покойнаго архимандрита Моисея и жалѣлъ, что не имѣлъ при себѣ подлинника».

Во внутренней, домашней жизни нашего отшельника въ Великопольѣ было два періода: одинъ, пока находилась при немъ его теща, другой — послѣ ея удаленія. Характеръ г-жи Стивенсъ, еще болѣе раздражившійся отъ несчастій, постигшихъ ее и ея зятя, въ деревенскомъ уединеніи сдѣлался несноснѣе чѣмъ когда либо и приводилъ въ отчаяніе весь домъ. Страшась дурнаго вліянія этого характера на свою дочь, вѣроятно и самъ потерявъ всякое терпѣніе, Сперанскій рѣшился отправить тещу въ Кіевъ, къ ея племянницѣ, жившей тамъ, какъ мы уже

знаемъ, въ замужствѣ за докторомъ Бунге. Въ апрѣлѣ 1815-го г-жа Стивенсъ выѣхала изъ Великополья, почти противъ своей воли; но зять сдѣлалъ для нея все, что только позволяли небогатыя его средства. «Вамъ извѣстно,—писалъ онъ Масальскому—что я давно желалъ разстаться съ Елизаветою Андреевною. Послѣ многихъ усилій успѣлъ я, наконецъ, дѣло сіе привесть къ концу. Послѣ завтра она отправляется, и навсегда уже, въ Кіевъ..... Я даю ей порядочное содержаніе, т. е. на первый годъ наличными впередъ 3000 р., а въ послѣдующіе буду ей доставлять отъ 2000 до 3000. Никакія жертвы для меня тутъ не страшны. Такимъ образомъ вы найдете здѣсь *одну* хозяйку, Лизу (его дочь), и эта хозяйка рада будетъ вамъ душевно: ибо никогда не раздѣляла она ни чувствъ, ни правилъ первой.» Г-жа Стивенсъ не долго, впрочемъ, пользовалась вспомоществованіемъ своего зятя: она умерла, въ Кіевѣ, въ началѣ 1816-го года. «Ея уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ;—писалъ тогда Сперанскій Цейеру—миръ ея праху. Мнѣ пишутъ что, за нѣсколько дней до кончины, она глубоко покаялась и съ искреннимъ сокрушеніемъ говорила о своемъ прошедшемъ—тѣмъ болѣе мы должны примириться съ ея памятью».

Внѣшнихъ развлеченій въ Великопольѣ было немного. Хозяинъ, сколько изъ осторожности, столько и по всегдашней привычкѣ, продолжалъ вести образъ жизни самый уединенный, никого къ себѣ не приглашалъ и самъ ни къ кому не ѣздилъ. Хотя уже не было никакой явной преграды свободному къ нему доступу (*), но

(*) Преграды—такъ, но надзоръ все еще продолжалъ существовать. 22-го октября 1814 было новое предписаніе отъ Вязмитинова правившему должность губернатора Муравьеву. Ему вмѣнялось въ обязанность: 1) имѣть бдительное наблюденіе, чтобы переписка Сперанскаго была доставляема въ Петербургъ, для доклада Государю; 2) увѣдомлять о всѣхъ

пользовались этимъ правомъ весьма немногіе, большею частію только тѣ, которые и съ начала его опалы открыто выражали свою пріязнь къ нему, не боясь, внѣшними ея изъявленіями, повредить себѣ и своей будущности. Кромѣ Цейера и г-жи Вейкардтъ, которые нѣсколько разъ гостили въ Великопольѣ; губернатора Сумарокова, однажды тамъ обѣдавшаго; вице-губернатора Муравьева, иногда пріѣзжавшаго съ сыномъ своимъ Николаемъ (бывшимъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, графомъ Амурскимъ), тогда еще ребенкомъ; наконецъ Масаль-

лицахъ, съ которыми онъ будетъ имѣть «тѣсную связь, знакомство или частое обращеніе»; 3) сообщать также «обо всемъ въ отношеніи къ настоящему положенію его, что можетъ быть достойно примѣчанія». «Впрочемъ—прибавлялъ Вязмитиновъ, какъ нѣкогда Балашовъ Нижегородскому губернатору—Его Величеству угодно, дабы г. тайному совѣтнику Сперанскому, во время пребыванія его въ деревнѣ своей, оказываема была всякая пристойность по его чину.» Муравьевъ, съ своей стороны, кажется, очень тяготился ролью лазутчика; по крайней мѣрѣ всѣ отвѣты его были уклончивы и довольно неопредѣлительны. Такъ, касательно переписки, онъ доносилъ: «Долгомъ считаю замѣтить, что ежели бы г. Сперанскій и имѣлъ, или бы желалъ имѣть ее въ какомъ либо отношеніи значущемъ и сокровенномъ, то онъ можетъ ее производить независимо отъ почты и явныхъ путей, чрезъ своихъ свойственниковъ и посредствомъ его собственныхъ людей. Но за всѣмъ тѣмъ, во исполненіе высочайшаго повелѣнія, я бдительнѣйше стану наблюдать, чтобы переписку г. Сперанскаго, какого бы рода ни была, *ежели не избѣжитъ моего вѣдѣнія*, усмотрѣнію вашему представлять». Вотъ еще выписки изъ нѣкоторыхъ другихъ разновременныхъ донесеній Муравьева: «г. тайный совѣтникъ Сперанскій съ пріѣзда своего въ здѣшнюю свою усадьбу живетъ съ семействомъ своимъ уединенно, выѣзжая только въ сосѣдственный ему монастырь св. Саввы для слушанія божественной службы». (Это же повторялось потомъ еще нѣсколько разъ, почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ). . . . . «Заѣхавшему къ нему исправнику онъ оказалъ всякую вѣжливость и привѣтливость, изъявивъ желаніе пріобрѣсть къ себѣ благопріятство здѣшнихъ дворянъ». . . . «Здѣсь открыто извѣстно о пріѣздѣ его сюда, но на счетъ его пребыванія общество совершенно равнодушно». . . . «Онъ здоровъ и кажется быть совершенно спокоенъ».

скаго и Могилянскаго, являвшихся по хозяйственнымъ дѣламъ, Великополье лишь изрѣдка видѣло нѣсколькихъ Петербургскихъ гостей: Лубяновскаго, Аверина, Лазарева, сенатора Захара Яковлевича Карнѣева, Ѳедора Петровича Львова и пр. (*) Еще разнообразилось нѣсколько уединеніе Великопольскаго помѣщика сближеніемъ его съ названною выше обителью Саввы Вишерскаго. Сперанскій очень часто ѣздилъ туда, лѣтомъ, въ лодкѣ, а зимою въ простыхъ деревенскихъ саняхъ парою, иногда даже и въ одну лошадь. При входѣ въ церковь, онъ, по старинному обычаю православныхъ, самъ давалъ свѣчнику деньги и, перекрестившись, кланялся на всѣ стороны; становился всегда за правый клиросъ и тамъ слушалъ службу, съ видимымъ вниманіемъ (**). Тогдашній «строитель» Іоасафъ, изъ дворянской фамиліи Бороздиныхъ, прежде гвардейскій офицеръ, былъ человѣкъ съ нѣкоторымъ образованіемъ, но почти дѣтски простосердечный. Какъ духовный отецъ Великопольской семьи, онъ, при исповѣдяхъ дочери, очень простодушно обвинялъ себя въ тѣхъ же слабостяхъ, въ которыхъ она сама ему каялась и предостерегалъ ее, молоденькую дѣвушку, наиболѣе противъ собственныхъ своихъ пороковъ, именно обжорства и сластолюбія, да еще наклонности — къ крѣпкимъ напиткамъ! Раскаяніе не рѣдко доводило его до слезъ, и тогда онъ не скрывалъ, какъ, при всемъ уваженіи къ христіанскимъ добродѣтелямъ отца Петра, тяготится безпрестаннымъ его присмотромъ. Этотъ отецъ Петръ былъ

(*) На вопросъ г. Лонгинова о томъ, видѣлся ли Сперанскій, живя въ Великопольѣ, съ Державинымъ, проводившимъ лѣто обыкновенно въ своей Званкѣ, тоже близъ Новгорода, можно, кажется, утвердительно отвѣчать: нѣтъ; иначе это непремѣнно было бы записано въ воспоминаніяхъ г-жи Багрѣевой, за то время особенно подробныхъ.

(**) Часть этихъ свѣдѣній собрана была для насъ, въ 1847 году, по распоряженію духовнаго начальства, отъ остававшихся еще въ монастырѣ иноковъ и послушниковъ того времени.

человѣкъ совсѣмъ другихъ свойствъ. Аскетъ, съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ, съ длинною и рѣдкою бородою, съ огненнымъ взглядомъ, онъ наложилъ на себя обѣтъ не отходить ни на минуту отъ своего начальника и слѣдовалъ за нимъ повсюду, какъ бы олицетворенная его совѣсть. Впалыя его щеки представляли разительную противуположность съ полнымъ и веселымъ лицомъ отца Іоасафа. Онъ говорилъ мало, но смыслъ его рѣчей былъ необыкновенно глубокъ; ѣлъ еще менѣе, довольствуясь, вмѣсто обѣда, однимъ сухимъ хлѣбомъ, и подъ рясою своею втайнѣ носилъ вериги. Этотъ суровый инокъ успѣлъ, кажется, приковать къ себѣ особенное вниманіе Сперанскаго, всегда увлекавшагося всѣмъ таинственнымъ и необычайнымъ. «Настоятель Саввы Вишерскаго въ отлучкѣ—писалъ онъ Цейеру. Разговоръ, заведенный мною на дняхъ, случайно, съ заступающимъ его мѣсто отцомъ Петромъ, вразумилъ меня, что они вовсе не чужды высшимъ степенямъ созерцательной молитвы. Гдѣ почерпнули они эту тайну? Такъ-то справедливо, что безпритязательное простосердечіе идетъ исполинскими шагами, даже и по пути знанія. Часто, пресмыкаясь по землѣ, оно головою касается неба». Оба инока, Іоасафъ и Петръ, были обычными посѣтителями Великополья; но кромѣ того Сперанскій не рѣдко приглашалъ къ себѣ и остальную братію, иногда для служенія молебновъ и панихидъ, иногда просто для бесѣды. Съ этими гостями своими онъ обходился ласково и почтительно и никого изъ нихъ не отпускалъ отъ себя не надѣливъ по возможности, такъ что въ монастырѣ не было ему другаго имени, какъ «отецъ и кормилецъ нашъ». Монахамъ очень также нравилось, что онъ обновилъ церковь въ своемъ помѣстьи и поставилъ въ ней новый иконостасъ, а вмѣсто деревянной колокольни, построилъ каменную. Во всемъ, здѣсь разсказанномъ, видно сердце

бывшаго государственнаго секретаря, но видна также и обыкновенная смѣтливость его ума. Какъ прежде въ Перми, какъ послѣ въ Пензѣ, Сибири и, между близкими къ нему, въ Петербургѣ, такъ точно онъ умѣлъ заставить полюбить себя и въ Вишерской обители. Не меньшая любовь окружала его также и въ домѣ и между крестьянами. Пережившіе (въ 1847 году) свидѣтели жизни Сперанскаго въ Великопольѣ изображали его человѣкомъ набожнымъ, благочестивымъ, необыкновенно снисходительнымъ и добрымъ: «мы—говорили они—все еще продолжаемъ его помнить и благословлять его память». Любя общественное богослуженіе, онъ, для своихъ домочадцевъ, былъ примѣромъ и домашней молитвы и трудолюбія. Вспомнимъ, что то время, по понятію объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крѣпостнымъ, рѣзко отличалось отъ позднѣйшаго и только очень немногіе владѣльцы заботились о нравственности и благосостояніи своихъ людей. *Теперь*, напримѣръ, странно слышать, что Сперанскій возбуждалъ удивленіе и, частію, неудовольствіе сосѣдей, давая своимъ дворовымъ, кромѣ пищи, одежды и обуви, отъ 2½ до 5-ти руб. ежемѣсячнаго жалованья (*) и даря приближеннѣйшимъ, въ дни ихъ имянинъ, по 25-ти руб.: *тогда* это казалось неумѣстнымъ баловствомъ. Попечительность свою онъ распространялъ и на крестьянъ; бѣднымъ безденежно снабжалъ скотомъ и лошадьми и всѣхъ вообще, въ болѣзни, лекарствами, деньгами и пр. Случалось, что во время прогулокъ по полямъ онъ находилъ работниковъ, спавшихъ на голой землѣ: тогда, если было по близости сѣно, онъ тотчасъ бралъ его въ охапку и бережно клалъ имъ подъ головы, «чтобъ они не

(*) Послѣ, въ Сибири и въ Петербургѣ, онъ давалъ имъ отъ 10-ти до 15-ти рублей, которые увольняемымъ за старостію обращались въ пенсію.

простудились». Мужички, видно, высоко это цѣнили, потому что болѣе тридцати лѣтъ хранили о томъ преданіе. Такое же отеческое общеніе между Великопольскимъ помѣщикомъ и крестьянами было и при всѣхъ другихъ случаяхъ. Баринъ, по словамъ ихъ, запрещалъ имъ пить на работѣ холодную воду, высылая изъ своего дому квасъ; заказывалъ употреблять горячіе напитки не во время и безъ нужды, и грозилъ, если въ томъ его не послушаютъ, тяжелымъ отвѣтомъ на судѣ Божіемъ; повторялъ имъ, по часту, о мирѣ и согласіи между собою и съ сосѣдями; вообще наставлялъ ихъ какъ жить «по христіански и по крестьянски»; наконецъ, встрѣчаясь съ ними, самъ *первый* кланялся, чтобъ нѣсколько смягчить грубость ихъ нравовъ. Человѣколюбіе свое онъ распространялъ и на чужихъ: такъ прохожіе по большой Московской дорогѣ, заходя въ его усадьбу, всегда находили тамъ пріютъ, пищу и посильное вспоможеніе.

Какъ многія изъ этихъ подробностей ни маловажны, мы не почли себя въ правѣ ихъ обойти: онѣ представлены здѣсь съ той самой точки зрѣнія, съ которой были намъ сообщены, и въ разныхъ отношеніяхъ обрисовываютъ Сперанскаго не менѣе чѣмъ его письма.

II.

При всемъ, однако же, христіанскомъ смиреніи и уповаліи, при всемъ наружномъ спокойствіи, истинный покой, въ существѣ, далекъ былъ отъ сердца опальнаго. Чѣмъ далѣе подвигалось впередъ время, тѣмъ болѣе его терзали продолжавшіяся подозрѣнія публики, какъ бы оправдываемыя долговременностію самой ссылки; терзало, вѣроятно, отсутствіе государственной дѣятельности послѣ прежняго огромнаго поприща; терзали, наконецъ, и помыслы

честолюбія, которые горѣли въ немъ неугасимо, не смотря на всю безъисходность изгнанія. И напрасно дочь, въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ, что, въ жизни съ нею и для нея, отецъ находилъ свое блаженство и не искалъ, не надѣялся, не желалъ никакой перемѣны. Молодая дѣвушка не могла угадать тайныхъ его думъ и влеченій. Доказательство ошибочности ея взгляда мы находимъ въ письмахъ, которыя отецъ ея, вдругъ и безъ всякаго внѣшняго къ тому повода, отправилъ, можетъ быть скрытно отъ нея, къ Государю и къ графу Аракчееву.

«При удаленіи меня отъ лица Вашего—писалъ онъ Государю въ іюлѣ 1816-го—Ваше Императорское Величество соизволили мнѣ сказать что «во всякомъ другомъ положеніи «дѣлъ, менѣе затруднительномъ, Ваше Величество употре-«били бы много времени и способовъ на подробное разсмо-«трѣніе моего поведенія и свѣдѣній, до Васъ дошедшихъ».

«Съ того времени доселѣ, пятый годъ находясь подъ гнѣвомъ Вашего Величества, я не преставалъ однако же надѣяться разрѣшенія судьбы моей.

«Время, вмѣсто смягченія моихъ обстоятельствъ, ожесточаетъ мое положеніе: оно усиливаетъ вѣроятность вмѣняемыхъ мнѣ преступленій: ослабляетъ способы къ моему оправданію; стираетъ слѣды, по коимъ можно бы еще было дойти до истины: утверждаетъ, самою продолжительностію, общее о винѣ моей мнѣніе, и вдали, въ концѣ жизни, трудами, бѣдствіями и посрамленіемъ исполненной, указуетъ—безчестный гробъ.

«Именемъ правосудія и милости, кои одни доставляютъ Государямъ славу прочную и благословеніе небесное, именемъ ихъ умоляю Ваше Величество обратить на судьбу мою Всемилостивѣйшее Ваше вниманіе и рѣшить ее такъ, какъ Богъ Вамъ въ сердце вложитъ».

Писать къ Аракчееву для Сперанскаго было, конечно,

труднѣе. Едва ли можно предполагать, чтобы въ ихъ прежнихъ отношеніяхъ не существовало, хотя отчасти, чувства соперничества и взаимной ревности другъ къ другу. Потомъ изъ нихъ одинъ упалъ, другой, хотя и посторонній въ трагической драмѣ его паденія, безмѣрно возвысился. Падшему ничто не давало ни надежды, ни прàва ожидать, чтобы вознесенный захотѣлъ подать ему руку помощи, а между тѣмъ, для достиженія цѣли, *надобно, необходимо было* прибѣгнуть къ этой мощной рукѣ. Ка́къ искусство Сперанскаго рѣшило такую задачу?

«Хотя ничѣмъ — писалъ онъ Аракчееву — не заслужилъ я особеннаго къ себѣ вниманія вашего сіятельства, но зная, по многимъ опытамъ, и любовь вашу къ справедливости и преданность Государю Императору, осмѣливаюсь просить васъ, милостивый государь, поднести, при удобномъ случаѣ, прилагаемое при семъ письмо.

«Дозвольте мнѣ сопроводить его нѣкоторыми объясненіями. Я не смѣлъ подробностію ихъ обременять вниманіе Всемилостивѣйшаго Государя, но просилъ бы ваше сіятельство довести до свѣдѣнія Его Величества тò изъ нихъ, что изволите признать уважительнымъ.

«Гнѣвъ Государя для всякаго долженъ быть великою горестію; обстоятельства, въ коихъ я оному имѣлъ несчастіе подвергнуться, безмѣрно увеличили его тягость.

«Время двукратной моей ссылки, особливо послѣдней изъ Нижняго въ Пермь; образъ, коимъ она была произведена, и безполезно-жестокія формы, кои при семъ исполнителями были употреблены; злыя разглашенія, вездѣ меня сопровождавшія,—все сіе вмѣстѣ поселило и утвердило общее мнѣніе, что, бывъ уличенъ, или по крайней мѣрѣ подозрѣваемъ въ государственной измѣнѣ, однимъ милосердіемъ Государя я спасенъ отъ суда и послѣдней казни. Таково точно есть положеніе, въ которомъ я нахожусь че-

тыре года съ половиною. Я не утруждалъ Его Величество никакими жалобами, никакими доносами, ожидая все отъ Его собственнаго великодушія.

«Между тѣмъ слѣды сего происшествія временемъ изглаждаются; люди, въ немъ участвовавшіе, одни умираютъ, другіе отъ службы уклоняются: пройдетъ еще годъ, другой, и для меня не будетъ уже способовъ къ оправданію; забудутъ подробности лицъ и словъ, и останется въ памяти одно общее впечатлѣніе великой вины, молчаніемъ покрытой. Такимъ образомъ я сойду во гробъ въ видѣ государственнаго преступника, оставя дочери моей въ единственное наслѣдство безчестное и всѣхъ проклятій достойное имя.

«Заслужилъ ли я сіи ужасы?

«Надежды мои на правосудіе и милосердіе Государя непоколебимы, но чѣмъ болѣе проходитъ времени, тѣмъ болѣе послѣдствія гнѣва Его тяготѣютъ надо мною.

«Дѣла людей, постигнутыхъ обстоятельствами, болѣе или менѣе моимъ подобными, постепенно разрѣшаются; неужели для меня одного великодушіе Его навсегда закрыто, для меня, который и теперь еще никому не уступитъ въ чистотѣ намѣреній и въ душевной къ Нему преданности? Умалчиваю здѣсь, что разстроено и почти разрушено маленькое мое состояніе; умалчиваю, что у меня дочь невѣста, а кто же захочетъ или посмѣетъ войти въ родство съ человѣкомъ, подозрѣваемымъ въ столь ужасныхъ преступленіяхъ; умалчиваю о множествѣ горестныхъ для меня подробностей; не желаю возбуждать *состраданія* тамъ, гдѣ дѣло идетъ о *справедливости*. Есть два средства исторгнуть меня изъ сихъ бѣдствій. Или дать мнѣ судъ съ моими обвинителями: если обыкновенные судебные обряды покажутся для сего несвойственными, то коммисія или комитетъ, временно для сего составленные, могли бы скоро все кон-

чить. Я знаю, сколько я при семъ отваживаю, когда сравниваю себя съ силою моихъ обвинителей; но я столько увѣренъ въ чистотѣ моихъ намѣреній и въ великодушіи Государя, что подвергаю себя всякому суду, который не захочетъ меня судить безгласно и безотвѣтно. Или же, когда сіе средство представится по чему либо несовмѣстнымъ, не возможно ли было бы рѣшить все самымъ простымъ, хотя несравненно менѣе удовлетворительнымъ образомъ: это есть доставить мнѣ способъ оправдать себя, противъ словъ, не словами, а дѣлами, отворивъ мнѣ двери службы?

«Въ какомъ бы званіи или степени гражданскаго порядка, въ столицѣ ли, или въ отдаленіи, гдѣ бы и какъ бы ни угодно было Государю Императору употребить меня, я смѣю принять на себя строгую обязанность точнымъ и вѣрнымъ исполненіемъ Его воли, изгладить всѣ горестныя воспоминанія, кои лично о свойствахъ моихъ могли бы еще въ душѣ Его Величества оставаться.

«Есть точка зрѣнія, съ коей все случившееся со мною можетъ представиться въ видѣ менѣе крутомъ, нежели то было въ самомъ дѣлѣ: «Въ 1812 году, по воспоследнимъ «донесеніямъ, Государь Императоръ соизволилъ удалить «секретаря своего отъ службы; нынѣ, по подробномъ раз«смотрѣніи, находя донесенія сіи недоказанными, Его Ве«личество соизволяетъ его употребить паки на службу».— Тутъ ничего нѣтъ особеннаго, или чрезвычайнаго. Но ваше сіятельство симъ однимъ вдругъ измѣрить можете и чувство строгой необходимости, заставляющее меня поступить на сію мѣру, и силу желанія моего посвятить Его Величеству все то́, что я имѣю, и наконецъ твердое мое упованіе что, съ помощію Божіею, вѣрнымъ и точнымъ исполненіемъ священной Его воли я или пристыжу, или заставлю молчать враговъ моихъ—единое возмездіе, которое я дозволю себѣ отъ нихъ когда либо требовать.

«Какое право имѣю я обременять васъ, милостивый государь, всѣми сими подробностями? По истинѣ, никакого, кромѣ долговременной моей привычки уважать вашу справедливость и приверженность къ Государю, по коей всякая черта правосудія Его и великодушія должна вамъ быть драгоцѣнна.

«Осмѣливаюсь присовокупить еще одно обстоятельство: я не знаю, и точно не знаю, въ какой степени и въ чемъ именно судьба моя связана съ Магницкимъ: но если сіе въ обстоятельствахъ дѣла существуетъ, то ваше сіятельство легко себѣ представить можете, что не могу и не долженъ я ничего желать для себя, не желая и не прося равнаго для него».

И такъ, не одной уже *свободы* и *забвенія*, какъ прежде изъ Перми, не одного дозволенія «скрыть остатокъ скорбныхъ дней своихъ въ деревнѣ», просилъ теперь Сперанскій. Онъ былъ и свободенъ, и возвращенъ на свое пепелище, и, казалось, забытъ; но, по обычному стремленію сердца и желаній человѣческихъ, никогда не остающихся неподвижными, жаждалъ снова другаго, бóльшаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ СПЕРАНСКАГО НА СЛУЖБУ И КЪ ЛИЦУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го.

1816—1825.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Возвращеніе Сперанскаго на службу. Сперанскій губернаторомъ въ Пензѣ.

I.

Аракчеевъ, въ эту эпоху, уже былъ могущественнымъ временщикомъ. «Съ начала 1816 года—сказано въ запискахъ приближеннѣйшаго къ нему въ то время человѣка, статсъ-секретаря Василія Романовича Марченко—Аракчеевъ началъ все по маленьку прибирать къ рукамъ, отвѣчая, однако, всякому, что никакой отдѣльной части не имѣетъ, а займется однимъ поселеніемъ войскъ. Дѣла совѣта рѣшительно къ нему поступили, по комитету министровъ началъ также докладывать онъ, а министрамъ назначено было столько предметовъ, по коимъ входить съ представленіями въ комитетъ, что инымъ ничего не оставалось къ личному докладу Государю.» Такимъ образомъ, безъ всякихъ пышныхъ титуловъ, даже безъ гласнаго назначенія, Аракчеевъ, въ существѣ, сдѣлался, еще болѣе чѣмъ прежде Сперанскій, истиннымъ *первымъ* министромъ, средоточіемъ всей гражданской частію и военной администраціи. «Дѣйствую Вашимъ умомъ», отвѣчалъ онъ, низко

кланяясь, когда Государь спрашивалъ его мнѣнія, а между тѣмъ, работящій безъ устали, чуждый всѣмъ семейнымъ и свѣтскимъ развлеченіямъ, мрачный и суровый, самовластный до деспотизма, взыскательный до тираніи, колкій и ѣдкій до самаго немилосердаго сарказма, съ желѣзною волею, съ математически-точною исполнительностію,—онъ съумѣлъ достигнуть такой степени милости и вліянія у Императора Александра I, какою никто и никогда у него не пользовался. «Безъ лести преданный»—девизъ, который былъ пожалованъ въ гербъ Аракчееву, еще въ его молодости, Императоромъ Павломъ—поставилъ себя на безсмѣнную стражу къ сердцу своего Монарха и силою обстоятельствъ, столько же какъ и новымъ направленіемъ мыслей Александра, уже навсегда былъ огражденъ отъ всякой опасности соперничества. Аракчеевъ не говорилъ по-французски (*), не являлся въ обществахъ, жилъ съ величайшею, почти патріархальною простотою; но зная, что аристократы изъ подъ тишка прикидываются будто бы, въ душѣ, презираютъ его и покоряются ему только по наружности, онъ, внутренно, ставилъ себя выше всѣхъ ари-

---

(*) Въ «Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ» сказано что Аракчеевъ, во время нахожденія своего въ тогдашнемъ артиллерійскомъ и инженерномъ корпусѣ, «особенно отличался успѣхами въ военно-математическихъ наукахъ, а къ наукамъ словеснымъ не имѣлъ особой наклонности». Нынѣ составленіемъ подробной біографіи Аракчеева занимается генералъ-маіоръ Василій Ѳедоровичъ Ратчъ, который уже и напечаталъ, въ майской книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1861-й годъ, начало своего превосходнаго, основаннаго на самыхъ тщательныхъ изысканіяхъ, труда, подъ скромнымъ заглавіемъ: «Свѣдѣнія о графѣ А. А. Аракчеевѣ». Здѣсь, въ противуположность слышанному нами отъ нѣкоторыхъ современниковъ, бывшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Аракчееву, сказано что онъ «говорилъ по-французски, но выговоръ его былъ весьма шероховатый». Далѣе прибавлено что по-нѣмецки онъ говорилъ довольно бѣгло.

стократовъ и торжествовалъ видя ихъ постоянно у своихъ ногъ.

Вотъ еще нѣсколько словъ объ этой любопытной личности, заимствованныхъ изъ характеристики, которую сообщилъ намъ одинъ умный наблюдатель, снискавшій особенную милость Аракчеева въ послѣдніе годы его значенія и пользовавшійся, въ тоже время, полнымъ благоволеніемъ Сперанскаго. Эти черты, не смотря на ихъ отрывочность, показались намъ не безполезными для разъясненія послѣдующаго положенія Сперанскаго, особенно за тотъ періодъ времени, когда онъ снова возвратился ко Двору.

Чуждый даже самаго обыкновеннаго свѣтскаго образованія, не умѣвшій грамотно написать простой резолюціи, графъ Аракчеевъ уважалъ, однако, реальныя науки, и когда умѣлъ и хотѣлъ обнять своимъ умомъ какое либо начало, предложенное ему въ раціональныхъ выраженіяхъ, то уже оставался ему навсегда вѣренъ и бралъ на себя всѣ послѣдствія. Закаленный въ царствованіе Павла I-го, страстный уставщикъ и истинный прототипъ развившейся, впослѣдствіи, бюрократической на все опеки, наконецъ непоколебимый, для самого себя, ревнитель произвола личной власти, онъ, для другихъ, любилъ, напротивъ, обставлять всякій шагъ писанными уставами, требуя буквальнаго ихъ исполненія. Если ему и были обязаны своимъ началомъ нѣкоторыя коллегіальныя учрежденія, то единственно вслѣдствіе его недовѣрія къ подчиненнымъ, о которыхъ онъ, говоря вообще, имѣлъ всегда самое невыгодное мнѣніе: но предполагать въ подобныхъ учрежденіяхъ какое нибудь взаимное содѣйствіе членовъ на пользу дѣла и службы казалось ему, какъ и всякая другая невоплощенная отвлеченность, одною мечтою. Страсть къ регламентаціи не была въ немъ, впрочемъ, ни заимствованіемъ, ни подражаніемъ, что доказывается его самостоятельными трудами по устрой-

ству артиллеріи за время, когда онъ состоялъ ея инспекторомъ. Правила, которыми Аракчеевъ руководился въ служебной дѣятельности, можно было подвести подъ слѣдующія формулы: 1) порядокъ, основанный на единообразіи; 2) строгость, сопровождавшая каждое постановленіе опредѣленіемъ взысканія за его нарушеніе, или за неисполненіе; 3) непрерывный трудъ, почти динамическая работа всѣхъ лицъ, поставленныхъ къ дѣлу; отсюда 4) требованіе во всемъ срочности и мелочный учетъ времени, отдаваемаго служебнымъ обязанностямъ. Въ точномъ исполненіи этихъ обязанностей не существовало для него никакихъ другихъ гарантій кромѣ наказаній. Но какъ, въ отношеніи къ самому себѣ, Аракчеевъ не слишкомъ строго держался постановленныхъ правилъ, то служба при немъ не представляла ничего вѣрнаго, хотя съ другой стороны онъ не любилъ мѣнять людей и выходъ изъ непосредственной своей зависимости затруднилъ почти тюремнымъ средствомъ (*). Впрочемъ *дядюшка*, какъ приближенные титуловали Аракчеева промежъ себя, *Сила Андреевичъ*, какъ они называли его въ обществахъ, болѣе любилъ унизить человѣка, опошлить его, лишить уваженія, нежели терзать и мучить, оставляя послѣднее только на случай строптивости массъ и для примѣра. Главнымъ орудіемъ его внѣшней дѣятельности была изобрѣтенная имъ собственная Государева канцелярія. Она помѣщалась у него на дому; въ нее стекались всѣ дѣла, шедшія въ докладъ

(*) Извѣстно, что офицеровъ, вышедшихъ въ отставку изъ войскъ отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній, если они желали вступить вновь на службу, дозволено было принимать въ нее не иначе, какъ непремѣнно опять въ *тотъ же* корпусъ (высочайшія повелѣнія марта 1822-го и 4 іюля 1825 годовъ. Послѣднее напечатано и въ Полномъ Собр. Зак. № 30.413).

къ Государю; въ ней же хранились всѣ меморіи и другія бумаги съ собственноручными высочайшими отмѣтками, и пр. Въ дѣйствительности, собственная канцелярія была тогда аттрибутомъ министра докладчика, который, оставаясь самъ, какъ говорятъ на Западѣ, безъ портфеля, занималъ, однако, посредствомъ этой канцеляріи, первое мѣсто между министрами.

«Впрочемъ—заключаетъ сообщившій намъ эти замѣтки—работать съ Аракчеевымъ было легко, легче нежели съ Сперанскимъ. Первому можно было предлагать и докладывать, послѣднему, никогда не нуждавшемуся въ сторонней инціативѣ,—только отдавать на исправленіе. Отъ перваго можно было ждать неудовольствія и сердца, отъ послѣдняго—задачи и урока.»

Кончимъ нашъ очеркъ характеристики Аракчеева ссылкою на анекдотъ объ офицерѣ Балясниковѣ, разсказанный въ запискахъ покойнаго С. Т. Аксакова (Встрѣча съ Мартинистами, въ «Руской Бесѣдѣ» 1859 года, № 1, стр. 46). Этотъ анекдотъ, вмѣстѣ со многими ему подобными, показываетъ, что настойчивость и твердость со стороны подчиненныхъ производили въ Аракчеевѣ что-то въ родѣ изумленія, очень похожаго на страхъ, и въ такихъ случаяхъ онъ — уступалъ; напротивъ покорность и безотвѣтность только ободряли его злость.

II.

Въ іюлѣ 1816-го года, въ то время, когда Сперанскій писалъ приведенныя нами письма, Государь посѣтилъ Аракчеева въ Новгородскомъ селѣ его Грузинѣ, уже начинавшемъ пріобрѣтать историческую извѣстность какъ мѣсто, куда стекались на поклоненіе всѣ, искавшіе мило-

сти его владѣльца. Въ Петербургской публикѣ это посѣщеніе тотчасъ породило разные толки. Заговорили и о Сперанскомъ. Одни утверждали, что онъ былъ потребованъ Александромъ въ Грузино, для свиданія съ нимъ, при этомъ просился въ сенаторы и, послѣ предстоявшей въ то время поѣздки Государя въ Москву, будетъ вызванъ обратно въ Петербургъ. Другіе все это отрицали и находили возвращеніе его въ столицу несбыточнымъ.

Догадка послѣднихъ оказалась справедливѣе.

Одно изъ отысканныхъ нами писемъ Сперанскаго къ Аракчееву, гораздо позднѣйшаго времени (28 мая 1820-го), несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что они видѣлись въ 1816-мъ году, и видѣлись дѣйствительно—въ Грузинѣ. «Я иду прямымъ путемъ—писалъ первый—и не озираюсь въ сторону, исполняя тѣмъ совѣтъ одного добраго пустынника, еще *въ 1816-мъ году въ обители его Грузинѣ мнѣ данный*» (*). Достовѣрно также, что это именно свиданіе рѣшило тотъ переворотъ въ судьбѣ бывшаго государственнаго секретаря, который самъ онъ какъ бы предуказывалъ въ письмахъ своихъ изъ Великополья; но достовѣрно и то, что Александра въ Грузинѣ въ это время не было: рескриптъ 1819-го года — мы придемъ къ нему въ свое время—доказываетъ, что Государь не видѣлъ Сперанскаго, съ роковаго 17 марта 1812-го, до 1821-го года.

Однимъ сентябрскимъ вечеромъ 1816-го года Великопольская семья сидѣла за чайнымъ столомъ; вдругъ является фельдъегерь. Сперанскій трепетною рукою вскрылъ привезенный имъ пакетъ. Первою въ пакетѣ бумагою было собственноручное письмо графа Аракчеева изъ Москвы, отправленное 30-го августа, т. е. въ день тезоименитства Императора Александра и наканунѣ выѣзда его оттуда.

(*) Грузино находится въ 70-ти верстахъ отъ Великополья.

«Письмо вашего превосходительства Государю Императору—писалъ графъ—я имѣлъ счастіе представить и Его Величество изволилъ читать не только оное, но и ко мнѣ вами писанное. Какая же высочайшая резолюція послѣдовала, оное изволите увидѣть изъ прилагаемой копіи именнаго указа, даннаго правительствующему сенату.»

Указъ, отъ того же числа, былъ слѣдующаго содержанія:

«Передъ начатіемъ войны въ 1812-мъ году, при самомъ отправленіи моемъ къ арміи, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, къ чему, во всякое другое время, не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ, приступилъ я къ внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ ихъ и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ. Потому, желая преподать имъ способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ, всемилостивѣйше повелѣваю: тайному совѣтнику Сперанскому быть Пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому Воронежскимъ вице-губернаторомъ.»

Окончательная редакція этого указа стоила большаго труда и многихъ колебаній, хотя уже самъ Сперанскій нѣкоторымъ образомъ подготовилъ ее въ своемъ письмѣ изъ Великополья. Извѣстно что Императоръ Александръ былъ весьма требователенъ относительно изложенія бумагъ и не рѣдко, при предметахъ болѣе важныхъ, задавалъ писать одинъ и тотъ же проектъ вдругъ нѣсколькимъ лицамъ, послѣ чего выбиралъ наиболѣе ему правившійся, въ которомъ, впрочемъ, самъ еще часто дѣлалъ собственноручныя испра-

вленія. Марченко, находившійся тогда при Государѣ въ Москвѣ, разсказывалъ намъ, что въ настоящемъ случаѣ четыре раза пересочинялъ указъ и всѣ четыре раза Государь оставался имъ недоволенъ. Въ своихъ запискахъ Марченко объ этомъ умалчиваетъ и пишетъ только: «указъ о Сперанскомъ сочинилъ Государь самъ, а Аракчеевъ, изъ излишней, вѣроятно, осторожности, спряталъ отпускъ у себя, чего съ другими бумагами не дѣлалъ.» По словамъ самого Сперанскаго, слышаннымъ отъ него, не за долго до его кончины, однимъ изъ приближенныхъ къ нему, фраза: «желая преподать имъ способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ», была придумана Аракчеевымъ. «Не приписывайте ее Александру Павловичу—прибавилъ Сперанскій: нѣтъ; Государь совсѣмъ иначе былъ ко мнѣ расположенъ.» Но замѣтимъ главное: ему, и съ этимъ назначеніемъ, не былъ разрѣшенъ пріѣздъ въ Петербургъ. Аракчеевъ, пересылая новому губернатору копію съ указа, та́къ заключилъ свое препроводительное письмо: «Государю Императору пріятно будетъ, если вы, милостивый государь, отправитесь изъ деревни *прямо въ назначенную вамъ губернію* (*).»

Перемѣна, послѣдовавшая въ участи бывшаго Государева любимца, не могла не поразить всѣхъ своею неожиданностію. Память о величіи Сперанскаго и о внезапномъ паденіи его та́къ еще была свѣжа, что возвращеніе его снова

(*) Вслѣдъ за указомъ состоялись особыя повелѣнія о томъ: 1) чтобы Сперанскому, сверхъ положенныхъ въ то время, по званію губернатора, 3000 р. жалованья и столовыхъ, производить и тѣ 6000 р., которые были ему назначены въ Перми, и 2) чтобы выдать ему на путевыя издержки единовременно 6000 р. Спустя менѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ этого (29 октября 1816), по докладу министра финансовъ Гурьева о приближеніи срока аренды, пожалованной Сперанскому въ 1804-мъ году (мызы Аагофъ), велѣно было продолжить ее на новыя 12 лѣтъ.

въ службу подѣйствовало на умы, по словамъ одного современника (*), почти наравнѣ съ полученною, не за долго передъ тѣмъ, вѣстью о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы. Но тутъ были и другіе поводы къ удивленію: указъ, объявляя о несуществованіи «убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ», въ то же время требовалъ, однако, «очищенія отъ подозрѣній новою службою», и лицу, занимавшему постъ государственнаго секретаря, одному изъ первыхъ сановниковъ имперіи, такую «очистительную» службу назначалъ—въ губернаторской должности. Эта странность тотчасъ дала поводъ и къ разнымъ слухамъ. Предположено—заговорили въ Петербургѣ—какое-то преобразованіе въ управленіи губерній; дѣло начнется съ Пензенской, и Сперанскій за тѣмъ именно туда назначенъ, чтобъ положить твердое основаніе новому порядку. Друзья его, однако, не слишкомъ радовались этому назначенію. Общій и словоохотливый ихъ органъ, Масальскій, писалъ новому губернатору: «ваши непріятели будутъ выдумывать ко вреду вашему всѣ возможные способы, и вамъ, въ новомъ служеніи, предстоитъ самый больной подвигъ.» Но самъ Сперанскій смотрѣлъ на дѣло иначе. По дальновидной своей прозорливости, а можетъ статься и вслѣдствіе Грузинскаго разговора, онъ тотчасъ понялъ истинную цѣль своего опредѣленія, казавшагося для другихъ такимъ двусмысленнымъ. Онъ: во-первыхъ, былъ наконецъ—вполнѣ свободенъ (**); во-вторыхъ, назначался на мѣсто, хотя, конечно, не выдерживавшее никакого сравненія съ прежнимъ, но, все таки, видное, мѣсто,

(*) Дневникъ Л. И. Голенищева-Кутузова.

(**) «Благодаренъ вашему сіятельству—писалъ онъ Аракчееву восемь лѣтъ спустя (16-го іюня 1824 года)—что вспомнили меня въ Великопольѣ. Я никогда не забуду что въ семъ мѣстѣ получилъ я отъ васъ первую вѣсть, первый знакъ моего оживленія.»

которое открывало ему средства склонить на свою сторону общественное мнѣніе и пріучить публику къ мысли, что онъ снова можетъ быть призванъ къ дѣламъ государственнымъ. Въ этомъ смыслѣ онъ тотчасъ же, еще изъ Великополья, написалъ Масальскому: «Я получилъ указъ (т. е. копію отъ Аракчеева) прямо изъ Москвы, и съ тѣмъ самымъ курьеромъ, который съ нимъ (т. е. съ подлинникомъ) отправленъ былъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ и весьма благосклонное письмо отъ графа Аракчеева. Какъ бы ни судили въ Петербургѣ, но я душевно радъ и совершенно доволенъ. Для перваго шагу, это гораздо болѣе нежели я ожидалъ. Вы увидите—и я имѣю на это доказательства (*),—что все прочее пойдетъ какъ по маслу.»

На этотъ разъ Сперанскому дали нужное время собраться не торопясь. Главная забота была о дочери. Въ тайной надеждѣ, что новое назначеніе есть только временное и даже непродолжительное, отецъ рѣшился не брать дѣвушки съ собою и отправить ее на зиму въ Петербургъ. Подъ благовиднымъ предлогомъ, для однихъ—окончанія ея воспитанія, для другихъ—неизвѣстности еще какъ устроится Пензенское его хозяйство, она была ввѣрена г-жѣ Вейкардтъ. Косьма Михайловичъ и Цейеръ тоже остались въ Петербургѣ. Первый былъ тогда такъ боленъ, что не могъ никуда двинуться, а на послѣднемъ тотчасъ отразился лучъ милости, просіявшій надъ его благодѣтелемъ. Состоявъ, съ марта 1812-го года, внѣ всякой службы, Цейеръ вдругъ, въ декабрѣ 1816-го, «во уваженіе прохожденія имъ разныхъ должностей съ отличною похвалою и знаніемъ, также долговременнаго пребыванія въ настоящемъ чинѣ,» былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и опредѣленъ въ коммиссію составленія законовъ.

(*) Доказательства эти заключались, вѣроятно, въ какихъ нибудь обѣщаніяхъ, данныхъ ему тоже въ Грузинѣ.

Отправясь изъ Великополя 1-го октября, Сперанскій посѣтилъ, по пути, свою родину, село Черкутино, гдѣ пробылъ, у матери и родныхъ, цѣлый день. Оттуда онъ поѣхалъ во Владиміръ. «Здѣсь—пишетъ намъ (упомянутый уже выше въ одномъ мѣстѣ нашей книги) свойственникъ его, ключарь Владимірскаго собора Чижевъ — Михаилъ Михайловичъ, прибывъ на 12-е число вечеромъ, остановился въ нумерѣ у купца Свѣшникова, поутру посѣтилъ сперва губернатора А. П. Супонева, потомъ архіерея Ксенофонта; отъ него заѣхалъ въ домъ къ моей тещѣ, Татьянѣ Матвѣевнѣ Смирновой, особенно имъ любимой и уважаемой (*); здѣсь бесѣдовалъ онъ цѣлый часъ, пилъ кофе и закусилъ, а потомъ въ 12-мъ часу, пригласивъ меня съ собою, отправился пѣшкомъ въ семинарію, гдѣ уже ожидали его начальники оной и учителя съ учениками. При входѣ въ семинарскій корпусъ, въ передней онаго комнатѣ, представлялся ему одинъ изъ бывшихъ его учителей по Владимірской семинаріи, оставившій ее, помнится, еще въ 1810-мъ году, отецъ протоіерей каѳедральнаго собора П. П. Пѣвницкій. Михаилъ Михайловичъ тотчасъ узналъ сего старца, съ признательно-радостнымъ чувствомъ подошелъ къ нему подъ благословеніе и благосклонно пригласилъ его сопроводить себя по классамъ семинаріи; но взаимныхъ паданій на колѣни одного передъ другимъ, о чемъ говоритъ г. Лонгиновъ, не было (**). Проходя по всѣмъ клас-

(*) Двоюродная сестра и, нѣкогда, воспитательница Сперанскаго, о которой мы говорили въ 1-й части нашего труда.

(**) М. Н. Лонгиновъ заимствовалъ свой разсказъ изъ «Москвитянина» 1848-го года (№ 8, критика, стр. 38), гдѣ напечатано было, что когда Сперанскій, при посѣщеніи Владимірской семинаріи, подошелъ къ Пѣвницкому подъ благословеніе, то старецъ благословилъ—и упалъ на колѣни; Сперанскій сдѣлалъ тоже, и оба залились слезами. Между тѣмъ въ этомъ анекдотѣ была и прикраса, и ошибка. Прикраса обнаруживается теперь, изъ вышеприведенныхъ словъ свидѣтеля-очевидца, отъ котораго,

самъ, онъ съ любовію смотрѣлъ на учениковъ и съ замѣтнымъ волненіемъ припоминалъ отцу ректору Іосифу (послѣ архіерею Смоленскому), что самъ нѣкогда учился въ этой семинаріи. Въ классѣ богословія онъ засталъ на каѳедрѣ профессора П. П. Подлипскаго (нынѣ проживающаго на покоѣ Черниговскаго архіепископа Павла), воспитанника его курса въ С.-Петербургской главной семинаріи, вспомнилъ его и принялъ отъ него въ даръ отпечатанную тогда впервые церковно-библейскую исторію Филарета. Вышедши изъ семинарскаго корпуса, Михаилъ Михайловичъ радушно простился съ протоіереемъ Пѣвницкимъ и, раскланявшись съ отцомъ ректоромъ и наставниками, отправился въ свою квартиру, гдѣ принялъ визитъ губернатора; затѣмъ въ 3 часа ѣздилъ на обѣдъ къ нему, а оттуда по пути посѣтилъ еще дома два, три, нѣкоторыхъ родственниковъ своихъ и въ послѣднемъ изъ нихъ распростившись со всѣми, отправился на квартиру—сбираться въ путь, а въ ночь и уѣхалъ». Посѣщеніе это произвело своего рода впечатлѣніе и на тогдашнихъ Владимірскихъ семинаристовъ. Одинъ изъ нихъ, П. П. Никитскій (служащій теперь въ почтовомъ вѣдомствѣ), разсказывалъ намъ, что Сперанскаго сопровождалъ и архіерей и что семинаристы, которые, не видавъ отъ роду ни одного государственнаго сановника, привыкли почитать своего владыку высшимъ существомъ въ мірѣ, крайне изумились, когда «этотъ первый изъ смертныхъ» сталъ уступать мѣсто и отдавать почетъ какому-то человѣку въ нанковомъ сюртукѣ вишневаго цвѣта (дорожный нарядъ Сперанскаго). «Кто—думали они—можетъ

конечно, не укрылась бы подобная сцена: ошибка же состоитъ въ томъ, что посѣщеніе Владимірской семинаріи отнесено въ «Москвитянинѣ» къ 1812-му году, когда Сперанскаго везли къ мѣсту его заточенія; тогда никто не позволилъ бы ему такой остановки во Владимірѣ, а еще менѣе такой почетной ему встрѣчи.

быть этотъ полубогъ, которому самъ преосвященный нашъ кланяется?»

По пріѣздѣ новаго губернатора въ Пензу (20-го октября), онъ поставилъ себѣ первымъ дѣломъ извѣстить объ этомъ того, которому считалъ себя обязаннымъ своимъ назначеніемъ. Вотъ собственноручный отвѣтъ (отъ 28-го ноября 1816-го) Аракчеева: «Благодарю васъ, что вы увѣдомили меня о благополучномъ своемъ прибытіи къ мѣсту. Сожалѣю, что моя Гру́зинская пустыня не въ Пензенской губерніи: она бы, конечно, усовершенствовалась, имѣя такого начальника какъ ваше превосходительство. Но я увѣренъ, что вы и въ Пензѣ вспомните какъ сію пустынь, такъ и игумна оной, который ничего такъ не желаетъ, какъ жить въ оной спокойно и тогда-то, ваше превосходительство, будетъ пріятно принять (sic) и посѣщеніе ваше, въ чемъ я, кажется, и не сомнѣваюсь. Хотя вы, милостивый государь, по знаніямъ вашимъ и нужны государству на службѣ: но всему есть граница и предѣлъ, то можетъ быть еще и вы, подъ старость свою, оспуете спокойствіе свое также въ Новгородскихъ предѣлахъ и тогда-то Гру́зинскій игуменъ будетъ пріѣзжать къ вамъ наслаждаться бесѣдами вашими и вспоминать прошедшее, приготовляясь оба къ будущему: и симъ-то только, кажется, способомъ можно спокойно и равнодушно войти въ врата вѣчныя. Я сегодня ѣду въ свою пустыню праздновать храмовой праздникъ св. апостола Андрея (30-го ноября), гдѣ конечно буду помнить и того, коему съ почтеніемъ пребуду навсегда, и пр.»

III.

Сколько вообще ни сильно были вооружены умы противъ Сперанскаго, однако же простой, по крайней мѣрѣ, народъ не вездѣ считалъ его за измѣнника. Напротивъ, мѣстами,

между прочимъ и въ Пензенской губерніи, ходилъ, съ самого 1812-го года. довольно громкій говоръ. что Государевъ любимецъ былъ оклеветанъ, и многіе помѣщичьи крестьяне даже отправляли за него заздравные молебны и ставили свѣчи. Дослужась—говорили они—изъ грязи до большихъ чиновъ и должностей и бывъ умомъ выше всѣхъ между совѣтниками царскими, онъ *сталъ за крѣпостныхъ*, подалъ Государю проектъ объ освобожденіи ихъ и тѣмъ возмутилъ противъ себя всѣхъ господъ, которые, за это собственно. а не за предательство какое нибудь, рѣшились его погубить. Припомнимъ, что уже и въ то время всякое происшествіе, всякій указъ, всякій почти актъ правительства, сколько нибудь выходившіе изъ ряда обыкновенныхъ событій, были относимы простонародьемъ къ его постоянной, задушевной мысли—освободиться отъ крѣпостной зависимости. Послѣ этого не трудно себѣ представить, что если низшіе классы въ губерніи обрадовались назначенію начальникомъ ея Сперанскаго и торопились, когда онъ пріѣхалъ, взглянуть на него какъ на невиннаго страдальца: то чиновники и дворянское сословіе, преимущественно же помѣщики, при тогдашнемъ взглядѣ на вещи, встрѣтили его съ самымъ сильнымъ предубѣжденіемъ. Брань и ненависть людей, постигнутыхъ дѣйствіемъ указа 1809-го года, т. е. большею частію полуграмотныхъ подьячихъ, не могла имѣть, въ глазахъ новаго губернатора, особеннаго вѣса, потому что самихъ подьячихъ народъ во всѣ времена и отъ всей души ненавидѣлъ; но непріязнь дворянъ, сильныхъ и въ губерніи и связями своими съ Петербургомъ. была для него вопросомъ очень важнымъ. Вполнѣ понимая какъ необходимо привлечь и ихъ на свою сторону, онъ поспѣшилъ тотчасъ же, въ первые двое сутокъ послѣ своего прибытія, объѣхать всѣ Пензенскія знаменитости, не дожидаясь ихъ ви-

зитовъ и представленій. Это произвело свое дѣйствіе. Его предупредительность и любезность обращенія обворожили всѣхъ, особенно же совершенно обезумѣли отъ его привѣтовъ губернскія аристократическія старушки. 31-го октября, черезъ десять дней послѣ пріѣзда въ Пензу, Сперанскій уже могъ написать Масальскому: «Вы легко повѣрите моимъ недосугамъ, представивъ меня здѣсь среди дѣлъ для меня новыхъ и людей незнакомыхъ. Слава Богу, однако же, все, кажется, идетъ весьма удачно: дѣла проясняются, люди знакомятся: всѣ причины имѣю заключать, что меня полюбятъ....» Вскорѣ энергическія мѣры, принятыя имъ противъ взбунтовавшихся крестьянъ большаго помѣщичьяго села Кутли, дали дворянáмъ возможность узнать, достовѣрно и на опытѣ, образъ мыслей губернатора въ предметѣ, наиболѣе ихъ интересовавшемъ. Убѣдились, что онъ не поддерживаетъ затѣйливыхъ притязаній крестьянъ, не потакаетъ имъ (*), и съ тѣхъ поръ губернія стала иначе смотрѣть на новаго своего начальника, чему во многомъ способствовали и старинные его друзья. Столыпины, богатые и значущіе помѣщики Пензенской губерніи: одинъ, извѣстный намъ Аркадій Алексѣевичъ, другой—Григорій Даниловичъ, въ то время губернскій предводитель, котораго Сперанскій рекомендовалъ потомъ Гурьеву «какъ человѣка съ весьма дѣльнымъ

(*) Но тотъ же губернаторъ, недолго спустя, доказалъ что онъ не намѣренъ смотрѣть сквозь пальцы и на тиранство помѣщиковъ. Одинъ изъ нихъ, съ большими связями, засѣкъ своего крестьянина до смерти. Сперанскій безпощадно подвергъ его суду, который имѣлъ послѣдствіемъ ссылку виновнаго въ Сибирь. Тотчасъ же послѣ своего пріѣзда онъ съ такою же строгостію окончилъ дѣло, тянувшееся до тѣхъ поръ лѣтъ десять, объ одной помѣщицѣ, истыкавшей несовершеннолѣтняго своего дороваго перочиннымъ ножемъ до смерти за то, что онъ не досмотрѣлъ за ея кроликомъ.

умомъ и благороднѣйшими правилами, хотя и носящаго на себѣ самый ветхій и нынѣ уже малоизвѣстный чинъ кригсъ-цалмейстера 6-го класса.» Весною 1817-го года Пензенскій губернаторъ сдѣлался и Пензенскимъ помѣщикомъ. На деньги, занятыя у вдовы Баташова, съ которымъ онъ состоялъ прежде въ сношеніяхъ по опекѣ графовъ Шуваловыхъ, Сперанскій купилъ имѣніе Ханеневку (въ 25-ти верстахъ отъ Пензы), за 150,000 р. асс., въ надеждѣ довести доходъ съ него до 30,000 р. (*). «Дѣло приближается къ концу—писалъ онъ Масальскому передъ самымъ совершеніемъ купчей—и каждый день становится для меня привлекательнѣе. Продолженіе аренды и жалованья еще болѣе развязываетъ мнѣ руки и заставляетъ пренебречь всѣ сомнѣнія о разглашеніяхъ. Пусть говорятъ что хотятъ: мнѣ пора уже къ сему привыкнуть.»

Переходъ изъ отвлеченной сферы законодательства къ дѣйствительному управленію и отъ начертанія теорій къ самому процессу ихъ исполненія на мѣстѣ, во многомъ долженъ былъ разочаровать Сперанскаго. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удостовѣряясь въ ограниченности средствъ новаго своего званія и въ томъ, что несравненно легче было *предписывать* образъ дѣйствія, нежели *самому дѣйствовать*, онъ, послѣ первой поѣздки по губерніи, писалъ одному изъ друзей своихъ: «Сколько зла и сколь мало способовъ къ исправленію! усталость и огорченіе были однимъ послѣдствіемъ моего путешествія.» Въ письмѣ къ другому лицу, разсуждая о своемъ положеніи, онъ изъяснялся такъ: «Скажу откровенно: иногда мнѣ кажется, что я могъ бы дѣлать лучше и болѣе, нежели подписывать вѣдомости

(*) Въ этомъ разсчетѣ Сперанскій совершенно ошибся. Ханеневка, въ которой было 383 души и 4.000 десят. земли, никогда не давала ему и 12.000 р. дохода.

и журналы губернскаго правленія; ибо въ семъ почти существенно заключается вся наша инвалидная губернская служба. Такъ мнится мнѣ въ минуты, въ часы, а иногда и въ цѣлые дни, когда бьетъ меня самолюбіе; но образумясь, я нахожу, что безразсудно было бы желать пуститься въ бурное море, на утлой ладьѣ, безъ твердой надежды въ успѣхѣ, а сей надежды, по всѣмъ разсчетамъ здраваго смысла, имѣть я не могу. Явное противурѣчіе: всю жизнь желать покоя и уединенія и, въ самую почти минуту событія, опять погнаться за суетою!»—«Скажите Сергію Семеновичу Уварову (*)—еще писалъ онъ Цейеру—что одно изъ величайшихъ моихъ наслажденій было бы къ нему писать; но я долженъ еще нѣкоторое время хранить строгое воздержаніе. Я живу въ такой странѣ и въ такомъ положеніи, что мнѣ нельзя не только писать, но и мыслить о предметахъ высшаго рода, а писать о бездѣлкахъ, къ нему, и совѣстно и стыдно. Скажите ему Гораціевъ стихъ: incedo per ignes suppositos cineri doloso, и онъ, вѣрно, проститъ мнѣ невольное мое молчаніе.»

Желая знать какія преданія сохранились на мѣстѣ за время управленія Сперанскаго Пензенскою губерніею, мы обращались съ вопросомъ о томъ къ одному изъ преемниковъ его въ губернаторской должности, г. Панчулидзеву, который приказалъ, вслѣдствіе того, составить для насъ записку изъ разсказовъ тамошнихъ старожиловъ. «Образъ управленія Михаила Михайловича и всѣ его дѣйствія по исполненію своихъ обязанностей—говоритъ эта записка—равно нравились всѣмъ сословіямъ. Исполненіе своей должности онъ началъ тѣмъ, что открылъ всѣмъ и каждому свободный и самый легкій къ себѣ доступъ. Всѣ формальныя просьбы, всѣ словесныя, даже самыя маловажныя жалобы, онъ

(*) С. С. Уваровъ былъ тогда президентомъ академіи наукъ.

готовъ былъ принимать съ утра до вечера и разрѣшалъ ихъ не дозволяя ни себѣ, ни другимъ, малѣйшей медленности, такъ что знатный и ничтожный, богатый и бѣдный, видѣли равно быстрое по просьбамъ своимъ распоряженіе, не имѣя уже причинъ бояться проволочекъ со стороны низшихъ чиновниковъ. Въ первые полгода къ нему поступало множество жалобъ на уѣздныхъ чиновниковъ, но потомъ ихъ совсѣмъ уже не было, ибо его строгость, принятыя имъ мѣры и личный разборъ жалобъ скоро прекратили лихоимство тамъ, гдѣ оно показывалось. Особенное вниманіе обращалъ онъ на писателей просьбъ недѣльныхъ, строго ихъ преслѣдуя, и въ его управленіе не было въ Пензѣ ябедниковъ. Къ подчиненнымъ своимъ Михайло Михайловичъ былъ внимателенъ и ласковъ. Отличая достойныхъ, онъ, въ два съ половиною года, исходатайствовалъ имъ наградъ болѣе, нежели было получено оныхъ съ самаго открытія губерніи въ 1801-мъ году.»

Эта записка была намъ доставлена спустя семь лѣтъ послѣ смерти Сперанскаго. Но и лесть, иногда, не менѣе упорна чѣмъ ненависть, преслѣдуя человѣка даже за гробомъ. Приведенный нами отзывъ слишкомъ оффиціально-одностороненъ, слишкомъ, такъ сказать, секретарски изложенъ, чтобы имѣть къ нему безусловную вѣру. Будемъ искреннѣе. Сперанскій, по другимъ нашимъ свѣдѣніямъ, сдѣлалъ не менѣе *лучшихъ* предшественниковъ и преемниковъ своихъ въ губернаторской должности, сдѣлалъ, вѣроятно, *все что могъ*; но, при назначенномъ этой должности кругѣ власти и при ея зависимости отъ всѣхъ начальствъ, далеко ли простирались *самые предѣлы такой возможности?* Сверхъ того, какими орудіями предлежало ему дѣйствовать? Мѣстныя канцеляріи, и до него и при немъ, были жалкія, большею частію—начиная съ собственной губернаторской—совершенно безграмотныя. Подьячихъ, правда, онъ

держалъ въ страхѣ, но этимъ почти все и ограничивалось. Чтобы имѣть людей по способнѣе, не доставало даже матеріальныхъ средствъ. При курсѣ ассигнацій на серебро какъ 100: 25-ти, жалованья производилось секретарю въ губернскихъ мѣстахъ 250 и много 300, лучшему столоначальнику 120 и много 130 р. асс. Тотъ секретарь губернскаго правленія, котораго Сперанскій засталъ при своемъ опредѣленіи, страдалъ запоемъ, а секретарь приказа общественнаго призрѣнія, исправлявшій должность губернаторскаго, былъ страстный картежникъ и не умѣлъ составить ни одной бумаги, хотя бы нѣсколько выходившей изъ общей колеи; замѣнить ихъ было некѣмъ, и отъ того губернаторъ все, сколько нибудь важное, долженъ былъ писать самъ. Наконецъ въ должностяхъ совѣтниковъ и другихъ, которыхъ замѣщеніе зависѣло отъ Петербурга, онъ, частію, тоже терпѣлъ людей малодостойныхъ, какъ потому что не желалъ придавать себѣ видъ вмѣшательства въ распоряженія, исходившія свыше, такъ и по удивительной переносчивости и снисхожденію къ людямъ и ихъ слабостямъ— качеству, доходившему у него, во всѣ времена, можетъ быть даже до нѣкотораго излишества.

Не смотря на то, при доброжелательствѣ Сперанскаго, при его обходительномъ обращеніи, при томъ обаяніи особеннаго рода, которое невольно дѣйствовало на каждаго кто къ нему приближался, наконецъ и при продолжавшемся содѣйствіи Столыпиныхъ, все Пензенское населеніе полюбило своего губернатора и славило его какъ благодѣтеля края. По этому самому, мы нисколько не удивились найдя въ бумагахъ адресъ, поднесенный ему, отъ имени дворянства, 15-го января 1819-го года, и даже готовы вѣрить въ полную искренность этого оффиціальнаго акта, выражавшагося слѣдующимъ образомъ: «Дворянство Пензенской губерніи, въ положеніи своемъ, поручило мнѣ (т. е. губернскому

предводителю) изъявить предъ лицомъ вашего превосходительства чувства живѣйшей и должной его благодарности за оказываемое всегда попеченіе о пользахъ дворянскихъ и то участіе, которое ваше превосходительство всегда принимать изволите въ нуждахъ всѣхъ и каждаго.» Съ своей стороны Сперанскій тоже очень полюбилъ Пензу. Прежде чѣмъ пріѣхала къ нему туда дочь, онъ писалъ ей: «Ты хочешь чтобы я далъ тебѣ понятіе о Пензѣ. Поставь въ нѣкоторую цѣну, что я о ней передъ тобою столь долго молчалъ, или мало говорилъ. Я боялся тебѣ ее хвалить, точно такъ какъ та мать, которая боялась, чтобъ ея ребенокъ не попросилъ себѣ луны. Скажу вообще: если Господь приведетъ насъ съ тобою здѣсь жить, то мы поживемъ здѣсь покойнѣе и пріятнѣе, нежели гдѣ либо и когда либо доселѣ жили. Правда, что мы съ тобою и не избалованы, но и то правда, что здѣсь люди, говоря вообще, предобрые, климатъ прекрасный, земля благословенная. . . . . »

Вотъ еще нѣсколько анекдотовъ объ административной жизни Пензенскаго губернатора, заимствованныхъ изъ другой записки, которую составилъ для насъ чиновникъ Лысовъ, бывшій при немъ однимъ изъ старшихъ столоначальниковъ губернскаго правленія и докладывавшій дѣла во время болѣзни секретаря.

Въ каждый воскресный и праздничный день, послѣ обѣдни, Сперанскій, непремѣнно и не смотря ни на какую погоду, бывалъ въ тюремномъ замкѣ и въ заведеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія, гдѣ все осматривалъ и расправшивалъ каждаго арестанта о причинѣ и времени содержанія. «Ну, друзья мои—оканчивалъ онъ потомъ обыкновенно—день нынче праздничный, давайте помолимся Богу о прощеніи нашихъ грѣховъ и чтобъ Онъ далъ намъ силы терпѣливо сносить наши скорби и несчастія.» Послѣ этого свя-

щенникъ начиналъ молебенъ (*), за которымъ слѣдовалъ обѣдъ. Отвѣдавъ каждаго кушанья, губернаторъ, при выходѣ, всегда оставлялъ что нибудь на улучшеніе арестантской пищи.

Молодыхъ чиновниковъ, сколько нибудь подававшихъ надежды, онъ всегда отличалъ, приближалъ къ себѣ, лично за ними наблюдалъ и почасту давалъ имъ совѣты. «Молодой человѣкъ—говаривалъ онъ имъ—долженъ вникать въ возложенную на него обязанность и прилежать къ ней со всѣмъ раченіемъ. Пиры, вечерá и т. п. не должны для него существовать. Берите примѣръ съ меня; тáкъ я и самъ поступалъ съ первой молодости: это средство одно откроетъ вамъ путь къ успѣхамъ и счастію.»

Однажды въ кабинетъ его вошло, по дѣламъ службы, нѣсколько должностныхъ лицъ, и всѣ съ подвязанными щеками. «Это что такое?—спросилъ онъ—не мода ли новая?» Ему объяснили, что въ городѣ—эпидемическая зубная болѣзнь. Онъ тотчасъ подошелъ къ столу, написалъ рецептъ и сказалъ: «вотъ вамъ, господа: берите по этому рецепту изъ аптеки капли, прикладывайте ихъ на хлопчатой бумагѣ на больные зубы, и никогда не будете страдать этою мучительною болѣзнью.»—И точно, лекарство его оказалось такимъ благодѣтельнымъ, что и теперь еще продается въ Пензенскихъ аптекахъ подъ названіемъ: *зубныя капли Сперанскаго* (**).

Если случалось кому нибудь изъ жителей губерніи незаконно проиграть справедливую тяжбу, то о такихъ дѣлахъ Сперанскій тотчасъ принималъ на себя, по мѣрѣ возможности и обстоятельствъ, доводить до свѣдѣнія высшаго

(*) При тюремныхъ замкахъ въ то время еще не было церквей.

(**) Сперанскій вообще имѣлъ большую охоту лечить. Въ Сибири славились у него ликеръ подъ названіемъ *Пензенской водки*, и какое-то красное полосканіе, которому онъ имѣлъ рецептъ.

правительства, съ ходатайствомъ объ ихъ пересмотрѣ. Вотъ, изъ нѣсколькихъ, одинъ примѣръ, удивившій Пензенскихъ жителей степенью вниманія къ его предстательству. У экономическихъ крестьянъ села Пурдошекъ верховными межевыми властями были отсуждены земли, изстари имъ принадлежавшія и находившіяся вблизи ихъ селенія, съ нарѣзкою имъ, въ замѣнъ, другихъ отдаленныхъ и неспособныхъ къ хлѣбопашеству. Крестьяне, не находя себѣ защиты и правосудія, рѣшились, по своей простотѣ, отстаивать собственность силою, и каждогодно, при уборкѣ сѣна, выходя на старинные свои луга, сгоняли тѣхъ, кому они были отданы по рѣшенію; при чемъ не обходилось безъ дракъ и иногда случались даже убійства. Это возобновлялось болѣе пяти лѣтъ сряду; каждый годъ наряжались слѣдствія, учреждался судъ, многихъ изъ крестьянъ наказывали, тѣлесно и ссылкою въ Сибирь. Послѣднее рѣшеніе сената состояло въ томъ, чтобы, изъ числа главныхъ виновниковъ, трехъ наказать кнутомъ и четырехъ плетьми, а сверхъ того изъ 350-ти человѣкъ, участвовавшихъ въ дракѣ, наказать розгами черезъ девять десятаго. Указъ сената пришелъ въ то самое время, когда Сперанскій вступилъ въ должность. Первою заботою его было: какъ исполнить такое рѣшеніе, не подвергнувъ наказанію, помимо виновнаго, невинныхъ? Онъ началъ съ того, что остановилъ приведеніе въ исполненіе указа и вытребовалъ къ себѣ все производство дѣла; удостовѣрясь же изъ него, что источникъ постоянныхъ ссоръ заключается въ несправедливомъ рѣшеніи гражданскаго иска, а еще болѣе въ неправильномъ исполненіи этого рѣшенія, представилъ о томъ министру юстиціи (тогда Трощинскому). Представленіе его имѣло такой успѣхъ, что Государь велѣлъ дѣло вновь пересмотрѣть и, окончательно, тѣлесное наказаніе было опредѣлено только тремъ подсу-

димымъ, уличеннымъ въ смертоубійствѣ, а всѣ прочіе прощены; по гражданскому же дѣлу старинная земля возвращена Пурдошскимъ крестьянамъ, съ обращеніемъ накопившейся на нихъ, во время тяжбы, податной недоимки, свыше 10,000 рублей ассигнаціями, на виновныхъ въ неправильномъ рѣшеніи тяжбы. Это дѣло содѣйствовало къ утвержденію доброй славы Сперанскаго въ губерніи не менѣе приведеннаго, выше, другаго, о крестьянахъ села Кутли.

Лѣтомъ 1817-го года, когда, вѣроятно, уже испарились первоначальныя надежды на скорый выѣздъ изъ Пензы, Сперанскій выписалъ туда свою дочь (*). Между тѣмъ и при ней, и до ея пріѣзда, и послѣ обратнаго ея отправленія въ Петербургъ, онъ, даже среди многодѣлія губернаторской должности, не могъ обойтись безъ столь любимыхъ имъ ученыхъ занятій. Такъ, приближаясь уже къ пятидесятилѣтію своей жизни, онъ вдругъ принялся за Нѣмецкій языкъ, до тѣхъ поръ совсѣмъ ему неизвѣстный, и за Еврейскій, съ началами котораго ознакомился въ Великополье. Первому онъ выучился, въ Пензѣ, при помощи только библіи и словарей. Успѣхи его въ немъ, желѣзное упорство для ихъ достиженія, и радость при этомъ—какъ онъ его называлъ—«новомъ своемъ завоеваніи», очень увлекательно описаны въ письмахъ его къ дочери (**). При окончательномъ изученіи Еврейскаго языка руководителями его были: ректоръ Пензенской семинаріи Ааронъ (потомъ епископъ Архангельскій и Холмогорскій) и одинъ Пензенскій житель изъ Евреевъ, незадолго передъ тѣмъ принявшій христіанство.

(*) Она пріѣхала въ Пензу, съ г-жею Вейкардтъ, 22-го іюля 1817-го и оставалась тамъ до сентября 1818-го года.

(**) Они будутъ помѣщены, въ нашемъ собраніи, въ числѣ прочихъ.

IV.

При изысканіяхъ объ этомъ періодѣ жизни бывшаго государственнагѡ секретаря, насъ особенно занималъ вопросъ: какія и ка́къ, послѣ событій предшедшихъ четырехъ лѣтъ, установились отношенія его къ Петербургу? Подробности, которыя удалось намъ о томъ собрать, довольно любопытны, особенно въ психологическомъ отношеніи.

Лишь только Сперанскій водворился въ новомъ своемъ мѣстопребываніи, онъ, оставляя въ сторонѣ обыкновенный служебный порядокъ, вошелъ съ Императоромъ Александромъ въ непосредственное, частное сношеніе, уже не какъ проситель, или человѣкъ жалующійся на свою судьбу, но въ такое сношеніе, которымъ явно искалъ показать, что, не смотря на все, случившееся съ 17-го марта 1812-го года, слѣды предшедшаго никогда и ничѣмъ не могутъ быть изглажены; словомъ, что, и по низведеніи на степень губернатора, онъ въ собственныхъ своихъ глазахъ остается и въ глазахъ Александра долженъ оставаться *тѣмъ же* Сперанскимъ, который нѣкогда былъ ежедневнымъ собесѣдникомъ своего Монарха, способствовавшимъ ему преобразовывать Россію и созидать для нея «новое бытіе». Первымъ къ тому поводомъ онъ избралъ поздравленіе съ наступленіемъ новаго (1817-го) года, а темою — дѣло библейскихъ обществъ, которыми, въ то время, много занималось наше правительство. Этого письма мы не нашли, но о содержаніи его можно заключить изъ слѣдующаго отвѣта Государя:

«Михайло Михайловичъ!

«Письмо ваше отъ 1-го числа, коимъ вы приносите мнѣ поздравленіе съ новымъ годомъ, я получилъ и благія желанія ваши пріемлю за изъявленіе искреннихъ вашихъ чувствъ и преданности ко мнѣ.

«Вы справедливо изъясняете, что существенная обязанность владыкъ земныхъ есть способствовать приближенію царствія Господа нашего, къ разнасажденію коего, конечно, можетъ послужить распространеніе по всей землѣ чтенія священнаго писанія.

«Націи, славящіяся высокимъ просвѣщеніемъ ума, и народы, погруженные во тьмѣ невѣжества и грубѣйшихъ заблужденій, научаются въ одно время и изъ одной книги— истинной премудрости, единой, ведущей къ истинному блаженству, временному и вѣчному. Библейскія общества суть мощныя орудія въ семъ явномъ дѣйствіи благодати Божіей.

«Въ Россіи библейское общество благословлено уже успѣхами. Многія тысячи библій розданы и многія тысячи требуются еще изъ всѣхъ предѣловъ имперіи. Не есть ли долгъ всякаго благомыслящаго христіанина содѣйствовать сей священной цѣли?

«Я надѣюсь, что вы найдете столько ревнителей сло́ва Божія въ губерніи, вамъ ввѣренной, чтобъ можно было учредить отдѣленіе библейскаго общества, каковыя учреждены уже во многихъ губерніяхъ. По сему предмету я ожидаю отзыва вашего къ президенту Россійскаго библейскаго общества (*), пребывая вамъ благосклонный.»

Этотъ отвѣтъ хотя былъ не собственноручный, но, по тону своему, очевидно относился тоже не къ губернатору, а къ *прежнему Сперанскому*. Помѣта — 1-го февраля 1817-го—была сдѣлана рукою князя Голицына, въ канцеляріи котораго, безъ сомнѣнія, и самый отвѣтъ былъ сочиненъ. Сперанскій чрезвычайно ему обрадовался и еще болѣе, кажется, обрадовался тому, что вообще впервые, послѣ событій 1812-го года, былъ удостоенъ *прямаго* от-

(*) т. е. князю А. Н. Голицыну.

зыва. «На ушко скажу тебѣ—тотчасъ написалъ онъ дочери — что и отъ Государя получилъ я здѣсь, лично къ себѣ, письмо, исполненное самыхъ милостивыхъ выраженій.» Но замѣчательно, что эту частную переписку онъ почелъ нужнымъ сохранять въ особенной тайнѣ, можетъ быть для того, чтобъ не пробудить усыпленной зависти и, съ нею, новыхъ противъ себя происковъ, а можетъ быть и по общей чертѣ его характера, всегда чуждаго всякой самолюбивой хвастливости. Въ томъ же его письмѣ къ дочери прибавлено: «симъ ты можешь порадовать *одного* Андрея Андреевича (Жерве).»

Передъ наступленіемъ втораго новогодія отъ прибытія своего въ Пензу, Сперанскій снова принесъ Александру поздравленіе съ праздниками. Вотъ это второе письмо, отъ 25-го декабря 1817-го:

«Приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ Рождества Христова и съ новымъ годомъ.

«Пастыри, стрегущіе о стадѣ своемъ, первые удостоились принять вѣсть, что родился Спасъ міру. Государи— пастыри народовъ—подобно имъ радуются о духовномъ рожденіи его въ сердцахъ ихъ подданныхъ.

«Сею радостію да благословитъ Господь всѣ дни Вашего Величества: ибо нѣтъ на землѣ другой истинной радости, какъ зрѣть преуспѣяніе благодати Христовой въ порядкѣ гражданскомъ, въ союзѣ мира и любви!

«Примите, Всемилостивѣйшій Государь, сіи желанія, яко начатки новаго года, въ чистотѣ сердца Вамъ приносимые.»

На это письмо Александръ отозвался еще скорѣе, нежели на первое, и именно 13-го января 1818-го, изъ Москвы. Отвѣтъ его, впрочемъ тоже не собственноручный и тоже помѣченный рукою князя Голицына, состоялъ въ слѣдующемъ:

«Михайло Михайловичъ!

«Благодарю васъ за поздравленіе меня съ великимъ для христіанъ праздникомъ Рождества Христова и съ наступившимъ новымъ годомъ.

«Радость о духовномъ рожденіи Спасителя въ сердцахъ есть верхъ моихъ желаній и попеченій. Распространеніе слова Божія обѣщаетъ приближеніе того времени, когда законы того слова напечатлѣются въ мысляхъ и напишутся въ сердцахъ. Дѣло человѣческаго законодательства тогда сократится, а истинное просвѣщеніе усилится. Тогда воспоется ангелами и человѣками совокупно: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе! Тогда сойдетъ на землю истинный новый годъ.

«Желанія ваши соотвѣтствуютъ сему и я пріемлю ихъ съ признательностію. Пребываю вамъ благосклонный.»

Почти вслѣдъ за тѣмъ, одно особенное обстоятельство дало Сперанскому случай и поводъ снова написать Государю. На этотъ разъ его письмо было—благодарственное.

Мы уже знаемъ, что министръ финансовъ Гурьевъ, въ послѣднее время передъ удаленіемъ Сперанскаго, находился въ очень непріязненныхъ къ нему отношеніяхъ; но когда прежняго любимца Государева постигла опала, Гурьевъ совершенно измѣнилъ свое поведеніе съ нимъ,—вѣроятно припоминая добрую Русскую пословицу что «лежачаго не бьютъ», можетъ быть также по вліянію графа Нессельрода (женатаго на его дочери), или чиновниковъ министерства финансовъ, между которыми многіе, особливо имѣвшій въ то время большое значеніе Яковъ Александровичъ Дружининъ, сохраняли преданность къ Сперанскому. Доказательства этой перемѣны мы уже видѣли въ назначеніи послѣднему высшаго, сравнительно съ другими губернаторами, оклада жалованья и въ продолженіи ему аренды, что не могло сдѣлаться безъ содѣйствія и посредства ми-

нистра финансовъ. Потомъ, успѣшныя распоряженія новаго губернатора по операціи питейной продажи, а также по возстановленію казеннаго Бриловскаго винокуреннаго завода и по торгамъ на винную поставку, дали Гурьеву поводъ исходатайствовать ему еще другую награду, очень важную въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ. 23-го января 1818-го года Сперанскому было пожаловано—«въ воздаяніе (какъ сказано въ указѣ) отличныхъ трудовъ»—3000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи. Эта милость тѣмъ болѣе его обрадовала, что она была первою наградою послѣ политическаго его возрожденія и что ею, какъ онъ тогда выразился (въ письмѣ къ Масальскому отъ 6-го марта 1818-го), «дано было его друзьямъ право любить его безъ соблазна его непріятелямъ и отнималась укоризна отъ великодушнаго въ немъ участія.» Онъ поспѣшилъ тотчасъ выразить свою благодарность Гурьеву и свою радость Голицыну. Но какъ въ указѣ не было упомянуто имени и ходатайства министра финансовъ и милость имѣла видъ изшедшей непосредственно отъ престола, то Сперанскій написалъ Государю слѣдующее письмо:

«Получивъ извѣстіе о всемилостивѣйшемъ пожалованіи мнѣ земли, спѣшу принести Вашему Императорскому Величеству мою благодарность.

«Отецъ великаго семейства, распредѣляя насущный хлѣбъ своимъ чадамъ, не столько смотритъ на заслуги ихъ, какъ на нужды. Ихъ обязанность есть дары его употреблять во благо.

«Чувство сей обязанности есть единая жертва, которую могу я принести Вашему Величеству, и приношу ее отъ сердца чистаго, исполненнаго преданности искренней и непоколебимой.»

Еще замѣчательнѣе этой переписки съ Александромъ былъ

характеръ тѣхъ сношеній, которыя Сперанскій, послѣ четырехъ лѣтъ остракизма, возобновилъ съ министрами.

Новое *настоящее* прежняго государственнаго секретаря было въ такой рѣзкой противуположности съ его *прошедшимъ*, что онъ не могъ не казаться, въ званіи губернатора, явленіемъ самымъ страннымъ и совершенно исключительнымъ. Лишь за нѣсколько лѣтъ тому назадъ вращавъ судьбами государства и бывъ первымъ повѣреннымъ и орудіемъ всѣхъ намѣреній и видовъ Государя, онъ, вдругъ, низналъ почти въ толпу, въ должность, превратившую его, изъ общаго начальника, въ общаго подчиненнаго. Трудно было тотчасъ привыкнуть къ такому, почти комическому превращенію, даже, такъ сказать, найтись въ немъ. Современники въ оставленныхъ ими послѣ себя запискахъ разсказываютъ, что управлявшій министерствомъ полиціи Вязмитиновъ, при полученіи отъ *губернатора* Сперанскаго перваго *рапорта*, смотрѣлъ на эту бумагу почти съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ на именной указъ, и что князь А. Н. Голицынъ (вѣроятно не одинъ онъ) смертельно боялся «le revenant» (*). Для лицъ, находившихся у кормила правленія, во всякомъ случаѣ ясно было, что новый губернаторъ— не то́ что другіе. Забывая въ Сперанскомъ это званіе, всѣ помнили только *минувшее* и представляли себѣ возможное, вѣроятное *будущее*; вслѣдствіе того министры начали домогаться его мнѣнія по такимъ предметамъ, по которымъ, конечно, ни одинъ начальникъ губерніи, ни прежде, ни послѣ, никогда не былъ спрашиваемъ, и стали переписываться съ нимъ, даже и о дѣлахъ службы, вовсе не въ служебныхъ формахъ; словомъ всѣ, волею или неволею, сдѣлались снова данниками его ума, его свѣдѣній, его государственныхъ дарованій. Самъ онъ, сначала, пускался по

(*) Дневникъ Л. И. Голенищева-Кутузова.

этой новой тропѣ съ нѣкоторою робостію, почти ощупью, еще неувѣренный, ка́къ понравится въ Петербургѣ переписка, выходящая изъ предѣловъ собственно губернаторской должности и вообще изъ обыкновенной рутины. Та́къ, отъ 19 декабря 1816-го года, представляя Вязмитинову подробности дѣла о неповиновеніи крестьянъ села Кутли, онъ прибавлялъ: «Простите мнѣ всѣ сіи откровенныя изъясненія. Обыкновенные обряды служебнаго порядка, не допуская ничего, что́ не можетъ быть основано на формальныхъ бумагахъ, должны были, можетъ быть, воспретить мнѣ сей образъ донесенія: но надежда на ваше снисхожденіе, новость моего положенія, а наипаче всего искреннее мое желаніе всегда и всѣми путями доводить до высшаго начальства вещи не такъ, какъ онѣ *кажутся*, а такъ, какъ онѣ *суть*, послужатъ мнѣ, какъ на сей разъ, такъ и впослѣдствіи, достаточнымъ оправданіемъ.» Та́къ потомъ, отъ 9-го января 1817-го года, онъ писалъ Голицыну: «Письмо вашего сіятельства принесло мнѣ великое утѣшеніе. Признаюсь, мнѣ горестно было считать себя отъ васъ отчужденнымъ; но я не терялъ ни довѣрія, ни надежды. Ваше сіятельство оправдали и то, и другое, вниманіемъ къ двумъ моимъ просьбамъ и пр.» Но такое колебаніе было только на́ первыхъ порахъ. Послѣ, видя, какъ обращаются къ нему другіе, Сперанскій сталъ и самъ болѣе довѣрять себѣ и своему значенію, и если тогдашніе вельможи писали къ нему отнюдь не какъ къ губернатору, или къ человѣку, лишенному милости, то и въ его письмахъ и отвѣтахъ вскорѣ установился тонъ не подчиненнаго должностнаго лица́, или опальнаго, а государственнаго человѣка, ставящаго себя опять въ уровень со всѣми вельможами. Возобновляя такія довѣренныя сношенія, могъ ли онъ, однако же, забыть прежнія несправедливости и злорадство многихъ изъ новыхъ своихъ корреспондентовъ, ихъ тайные противъ него

навѣты, ихъ дѣйствительныя и мнимыя подозрѣнія? Не смотря на все необыкновенное его добродушіе, едва ли это вѣроятно. Должно скорѣе думать, что, при зависимости новаго своего положенія, онъ не нашелъ въ себѣ довольно нравственнаго цѣломудрія, чтобъ отвернуться отъ корыстныхъ лобзаній этихъ людей и сорвать съ нихъ личину, которую несчастіе дало ему проникнуть и оцѣнить по достоинству. Они были нужны ему на столько же, на сколько сами предусматривали будущую нужду въ немъ. Онъ не устоялъ противъ обольщенія, притворился, что *всему вѣритъ*, и—опустилъ завѣсу надъ прошедшимъ. Еще болѣе: какъ бы желая усыпить послѣднія опасенія бывшихъ своихъ враговъ и успокоить тайные упреки ихъ совѣсти, онъ наполнялъ свои письма такими преувеличенными ласкательствами, которыя, подъ другимъ перомъ, приняли бы видъ или насмѣшки, или низкаго раболѣпства. Въ этихъ письмахъ вполнѣ обнаруживаются та необыкновенная гибкость ума, тотъ чрезвычайный тактъ, которыми Сперанскій умѣлъ все прикрасить, сгладить, облагородить, то искусство, посредствомъ котораго онъ и явной иногда лести придавалъ, какъ будто неумышленною обмолвкою, такую естественность и искренность, что она могла обмануть даже людей, издавна привыкшихъ къ условному языку Двора. Слѣдующіе примѣры лучше всякаго описанія покажутъ его талантъ, но покажутъ, вмѣстѣ, и ту черту его характера, которой отсутствіе еще болѣе увеличило бы уваженіе къ этому таланту (*).

Однимъ изъ первыхъ въ этихъ, по видимому, столь за-

(*) Частная переписка Сперанскаго съ 1816-го по 1821-й годъ представляетъ вообще большой и многосторонній интересъ, какъ живая панорама дѣлъ и людей того времени; но назначеніе нашего труда, посвященнаго изображенію болѣе самого Сперанскаго, нежели всѣхъ сторонъ и

душевныхъ сношеніяхъ съ Пензенскимъ губернаторомъ явился Гурьевъ. Занимаясь финансами не только по обязанности, но и по страсти, онъ сталъ пересылать въ Пензу тогдашніе свои проекты одинъ за другимъ, при самыхъ дружественныхъ письмахъ, въ которыхъ просилъ откровенныхъ мнѣній и совѣтовъ. Губернаторъ, съ своей стороны, отвѣчалъ цѣлыми обширными записками, содержавшими въ себѣ мысли его о кредитной системѣ, о предполагавшемся въ то время государственномъ займѣ, объ успѣхѣ введенія обезпеченныхъ срочныхъ долговъ и пр. Но въ какую форму облекалъ онъ эти отвѣты! «Вы поставили—писалъ онъ Гурьеву (28-го мая 1817-го)—весьма высокую цѣну моей къ вамъ приверженности, давъ мнѣ сей знакъ вашего довѣрія»—и далѣе прибавлялъ: «сіи превосходныя учрежденія (тѣ, которыя были сообщены ему въ проектахъ) ставятъ наше правительство на такой высотѣ финансовыхъ соображеній, къ которой и сама Англія доходила вѣками.» Еще прежде того (24-го апрѣля 1817-го) Сперанскій такъ увѣрялъ министра въ личныхъ своихъ къ нему чувствахъ: «Ничто въ свѣтѣ не уклонитъ меня отъ твердаго расположенія такъ себя вести, чтобъ вы во всѣхъ случаяхъ видѣли ясныя доказательства моей приверженности, искренней, независимой отъ дѣлъ, и основанной на единомъ чувствѣ благодарности. Выдти изъ сихъ правилъ, послѣ всѣхъ опытовъ, было бы уже не ошибкою, но почти моральнымъ преступленіемъ.» Нѣсколько позже (26-го марта 1818-го), благодаря за присылку рѣчи, произнесенной Гурьевымъ при открытіи совѣта кредитныхъ установленій, онъ писалъ: «Изложеніе, при открытіи совѣта сдѣланное, составлено не изъ словъ, но изъ дѣлъ. Тутъ

событій его эпохи, заставляетъ насъ ограничиться здѣсь только нѣкоторыми выписками.

каждая мысль заключаетъ въ себѣ или важную государственную истину, или практическое ея доказательство. Въ одной Англіи можетъ министръ говорить съ такимъ достоинствомъ, сказать столь много и сказать одну правду. Вообще, составъ сей рѣчи отличается обширнымъ объемомъ главнѣйшихъ финансовыхъ предметовъ, безъ многословія и велерѣчія.» И между тѣмъ, рядомъ съ этими иперболическими похвалами, Сперанскій—очевидно чтобы смягчить ихъ и придать имъ видъ дѣйствительнаго убѣжденія—позволялъ себѣ, подъ часъ, и нѣсколько строгихъ замѣчаній на сообщаемыя ему Гурьевымъ предположенія, касавшихся, разумѣется, только предметовъ *второстепенныхъ;* не рѣдко тоже, диктаторскимъ, или, по крайней мѣрѣ, дидактическимъ тономъ прежняго могучаго временщика, выражалъ и нѣкоторыя изъ любимыхъ своихъ идей того времени, но въ фразахъ столь общихъ, что онѣ отнюдь не могли затронуть самолюбія его корреспондента. Такъ 17-го іюня 1817-го года онъ писалъ: «Если есть что либо въ предположеніяхъ человѣческихъ достовѣрное, то и сообщенныя мнѣ вами неминуемо должны достигнуть своей цѣли, когда только съ твердостію и даже съ нѣкоторымъ упрямствомъ будутъ ихъ держаться. Я называю упрямствомъ сіе пренебреженіе мелкихъ и временныхъ неудобствъ, кои во всякомъ важномъ установленіи необходимо встрѣчаются. Чтобъ возбудить довѣріе къ правительству, оно прежде всего обязано имѣть довѣріе къ собственнымъ своимъ видамъ, къ лицамъ и ихъ правиламъ. Когда разъ сіи правила приняты, всякое колебаніе тутъ вреднѣе самого бездѣйствія.» Наконецъ вотъ еще одно очень замѣчательное письмо, въ другомъ родѣ, тоже къ Гурьеву, отъ 1-го января 1818-го: «Остается желать чтобъ всѣ благонамѣренные люди считали долгомъ совѣсти поддерживать правительство въ его видахъ; не всякій можетъ дѣломъ, но всякій долженъ

содѣйствовать ему словомъ, распространяя и укрѣпляя общее мнѣніе. Сей родъ содѣйствія, у насъ, къ сожалѣнію, еще довольно рѣдкій, составляетъ одну изъ важныхъ силъ правительства. Въ дѣлахъ сего рода (т. е. финансовыхъ) есть одинъ предразсудокъ, который должно отражать всѣми силами. Думаютъ что большія финансовыя мѣры должны тотчасъ и съ точностію означаться, быть видимы на курсѣ, на цѣнахъ вещей, на всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ. Какъ будто движеніе столь огромнаго колеса можетъ совершиться въ одно мгновеніе! Время обращенія его трудно изчислить, но тѣмъ не менѣе оно достовѣрно, если движущая его сила дѣйствовать не престанетъ.»

Князь Голицынъ, увѣдомляя Сперанскаго о назначеніи своемъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, изъявлялъ опасеніе, что не найдетъ въ себѣ довольно силъ для этихъ обязанностей. «Я не поздравлялъ и нынѣ не буду поздравлять васъ съ симъ званіемъ;—отвѣчалъ Сперанскій:—въ свѣтѣ такъ много лжи, что есть нѣкоторая застѣнчивость говорить даже и истину. Но не могу умолчать, что то же Провидѣніе, которое распредѣляетъ званія, дастъ и силу къ ихъ прохожденію, когда принимаютъ ихъ безъ притязанія и проходятъ съ покорностію святой его волѣ. Впрочемъ, во всѣхъ званіяхъ, а наипаче въ высшемъ, твердый и здравый образъ мыслей и духъ благочестія, всегда и вездѣ животворный, *есть единое на потребу;* все прочее само собою прилагается. . . . . Сколь ни лестенъ для меня упрекъ вашего сіятельства въ долгомъ молчаніи, но никогда не дозволю себѣ часто занимать васъ, среди важныхъ дѣлъ, безплодною моею бесѣдою, хотя, признаюсь, бесѣдовать съ вами откровенно есть и всегда будетъ однимъ изъ лучшихъ моихъ утѣшеній.»

Графу Аракчееву онъ писалъ: «Письмо вашего сіятельства изъ пустыни Грузина весьма много меня обрадовало.

Всякой знакъ памяти вашей для меня драгоцѣненъ; но воспоминаніе изъ Грузина еще драгоцѣннѣе. Въ сей святой обители всѣ мысли идутъ отъ сердца чистаго, отъ побужденій благородныхъ, однимъ разъ принятыхъ и никогда не перемѣняемыхъ. Я дознялъ сіе собственнымъ опытомъ, и ничто, никакая перемѣна мѣста, не истребитъ во мнѣ теплой вѣры къ сей обители. Да сохранитъ Господь ея настоятеля!»

Одно изъ многихъ писемъ къ графу Кочубею заключало въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: «Свѣдѣніе, ко мнѣ дошедшее, что вы возвращаетесь въ Петербургъ и къ дѣламъ, было для меня самою радостною вѣстію. Ваше сіятельство не удивитесь и, конечно, мнѣ повѣрите, что вѣсть сія была таковою и для многихъ, лично васъ не знающихъ. Понятіе о людяхъ въ провинціяхъ образуется медленно, но общее уваженіе имѣетъ тамъ свою прочность и правильность. Тамъ трудно увѣрить, чтобъ лучшія учрежденія могли идти сами собою и чтобъ выборъ людей было дѣло равнодушное. Напротивъ, тамъ всего ожидаютъ отъ людей и недовѣрчивость къ новымъ учрежденіямъ ничто иное есть, какъ боязнь въ образѣ ихъ исполненія.» Потомъ, перейдя къ одному изъ вопросовъ, занимавшихъ въ то время высшее правительство, онъ закончилъ разсужденія свои о немъ та́къ: «я считалъ бы за грѣхъ утаить отъ васъ образъ моихъ мыслей въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ, по общему мнѣнію, приписываютъ вамъ сильное участіе и отъ коего—именно потому, что *вы въ немъ участвуете*,— ожидаютъ важныхъ и благотворныхъ послѣдствій.»

Внесемъ сюда еще два, особенно примѣчательныхъ письма: одно, отъ Аракчеева къ Сперанскому, другое—отвѣтъ послѣдняго. При осмотрѣ, уже послѣ отъѣзда Сперанскаго въ Пензу, Новгородскихъ военныхъ поселеній, Аракчеевъ заѣхалъ, по пути, въ Великополье и, возвратясь оттуда,

написалъ къ его владѣльцу: «Давно я имѣлъ желаніе посѣтить жилище вашего почтеннаго Новгородскаго ученаго мужа, и все не имѣлъ времени; а нынѣ, въ отсутствіе Государя Императора, странствуя по Волховскимъ берегамъ, заѣхалъ и сюда, полюбоваться красою мѣста, заочно своими чувствами изъявить мое истинное почтеніе умному хозяину, и показать ему, что если онъ забываетъ настоятеля Грузинскаго, то настоятель всегда помнитъ и уважаетъ почтеннаго Сперанскаго. Любовался на видъ Саввы Вишерскаго, который, кажется, занималъ часто ваше воображеніе. Примите мою истинную благодарность за пріемъ меня въ вашемъ домѣ, и вѣрьте, и пр.»—«Сельцо Великополье—отвѣчалъ Сперанскій—удостоясь посѣщенія вашего сіятельства, должно, кажется, теперь быть и лучше и красивѣе. Съ какимъ удовольствіемъ помѣщикъ его, мало пишущій, но глубоко помнящій, принялъ бы драгоцѣннаго гостя въ своей малой обители! Онъ встрѣтилъ бы его съ посохомъ отшельника, но съ сердцемъ чистымъ и искренно ему преданнымъ. Если онъ лишенъ сего удовольствія, если посохъ отшельника выпалъ изъ рукъ его, то онъ не менѣе чувствуетъ, что перемѣна сія была для него столько же благотворна, какъ и необходима. . . (*). Пустыня Саввы Вишерскаго, коей положеніе вы примѣтили, дѣйствительно достойна замѣчанія. Въ ней настоятель—Новгородскій дворянинъ и бывшій офицеръ гвардіи. Тутъ, вмѣстѣ съ нимъ, часто молились мы за враговъ, но—признаюсь въ моей слабости,—я болѣе молился за благодѣтелей!»

(*) Намекъ на то, что заточеніе его окончилось, съ назначеніемъ его губернаторомъ, черезъ посредство Аракчеева.

V.

Посѣщеніе Аракчеевымъ Великополья имѣло не одни только побужденія, означенныя въ его письмѣ. Для владѣльца этого имѣнія, оно, съ его выѣзда оттуда, обратилось почти въ бремя, требуя, при маловажномъ доходѣ, надзора, издержекъ на управителя и пр. Потому, и еще болѣе по желанію разсчитаться съ сдѣланными на покупку Пензенскаго имѣнія долгами (онъ называлъ долги «зубною болью особеннаго рода»), Сперанскій рѣшился продать Великополье. «Ничто—писалъ онъ Масальскому 22-го мая 1817-го—ни *самое министерство юстиціи, коимъ мнѣ грозятъ или ласкаютъ* (*), намѣренія сего перемѣнить не можетъ.» Кажется что именно эта рѣшимость, по свѣдѣнію, дошедшему о ней до Аракчеева, и была причиною поѣздки его въ Великополье, на которое онъ хотѣлъ взглянуть хозяйскимъ глазомъ. Не замедлилъ явиться и покупщикъ, вѣроятно имъ же подосланный: состоявшій при немъ генералъ-маіоръ Бухмейеръ; но какъ послѣдній не предлагалъ рѣшительной цѣны и все тянулъ переговоры, то Великопольскій помѣщикъ обратился къ посредничеству его начальника и послалъ ему, черезъ Масальскаго, письмо, съ просьбою убѣдить Бухмейера къ скорѣйшему окончанію дѣла. Это обстоятельство дало поводъ къ сценѣ, замѣчательной для характеристики Аракчеева. «Письмо ваше къ графу Алексѣю Андреевичу—увѣдомлялъ Масальскій своего довѣрителя—я

(*) Слухъ этотъ былъ тогда общій и еще долго продолжался и послѣ. Ѳеодосійскій градоначальникъ Броневскій, состоявшій съ Сперанскимъ въ религіозно-мистической перепискѣ, 28-го сентября 1818-го года писалъ ему изъ Ѳеодосіи: «Здѣсь разнесся весьма для меня пріятный слухъ, по письмамъ изъ столицы, о чаемомъ назначеніи васъ къ министерству юстиціи. На сихъ дняхъ былъ у меня проѣздомъ графъ Ланжеронъ и подтвердилъ мнѣ это извѣстіе, тоже по письмамъ, выдавая сіе не за пустую новость, но за извѣстіе весьма основательное.»

могъ, по случаю увольненія его въ отпускъ, доставить ему не прежде, какъ по возвращеніи его сюда, и именно 22-го іюня. Первый его вопросъ былъ: здоровы ли вы и не самъ ли я былъ у васъ? Потомъ, прочитавъ ваше письмо и отдавая оное мнѣ, требовалъ, чтобъ и я его прочиталъ. Я доложилъ ему, что содержаніе онаго письма мнѣ извѣстно; но онъ настоялъ, чтобъ я непремѣнно исполнилъ его желаніе, прибавя къ тому, *что у него съ вами нѣтъ никакихъ секретовъ*. Исполнивъ его волю, я получилъ приказаніе явиться къ нему за письмомъ къ г. Бухмейеру въ то время, какъ мнѣ возможно будетъ въ Новгородъ отправиться.» Посредничество Аракчеева ни къ чему, однако, не привело. Бухмейеръ предложилъ за имѣніе 100,000 р., а уполномоченный помѣщика требовалъ 140,000, и торгъ разошелся. Тогда, соображая, что Великополье можетъ, по смежности, пригодиться самому военному поселенію, Сперанскій снова обратился къ Аракчееву, но уже съ другою просьбою, именно—купить это сельцо въ казну, убѣждая его тѣмъ, что Великополье нѣкогда принадлежало Миниху; что, бывъ значительно обстроено, оно, во всѣхъ отношеніяхъ, достойно принадлежать государственному учрежденію, и что никто изъ частныхъ людей не рѣшится его купить, такъ какъ оно окружено землями, принадлежащими военному вѣдомству. «Послѣ всѣхъ милостей вашихъ ко мнѣ—прибавлялъ онъ—и среди важныхъ дѣлъ докучать вамъ личными моими заботами и совѣстно и стыдно. Одна мысль меня ободряетъ: что въ дѣлѣ благотворенія нѣтъ для васъ ни малаго, ни великаго.»—«Всѣ вѣроятности—писалъ онъ, нѣсколько позже (19-го ноября 1818-го года) Масальскому—сходятся къ тому, что Великополье, и въ самомъ началѣ, торговали не для Бухмейера, но для военнаго поселенія, въ коемъ сія дача занимаетъ самое средоточіе. Какъ бы то ни было, описаніе сего имѣнія потребова-

но губернаторомъ и на другой же день отправлено къ графу Алексѣю Андреевичу. Не вопрошайте, почему графъ, желая мнѣ добра, ведетъ себя въ семъ дѣлѣ съ такими околичностями: всякому свойственно нянчить свое дитя, а пользы военнаго поселенія и сбереженіе издержекъ, конечно и естественно, для него милѣе нежели я. Присоедините къ сему, что онъ опасается и укоризны какого либо мнѣ особеннаго благопріятства, или пристрастія.» Точно ли по этимъ причинамъ, или же за обыкновенными, при казенныхъ операціяхъ, перепискамп, справками и пр., только дѣло о покупкѣ Великополья проволочилось до марта 1819-го года. Но прежде описанія чѣмъ оно кончилось, намъ должно коснуться другаго предмета, съ которымъ это дѣло, впослѣдствіи, стало въ связь.

Лѣтомъ 1818-го года пріѣхалъ въ Пензенскія свои имѣнія графъ Нессельродъ, въ это время уже управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. При свиданіи въ Пензѣ, Сперанскій передалъ ему желаніе быть назначеннымъ въ сенаторы, чтобы положить конецъ своей «очистительной» службѣ, и просилъ, при случаѣ, завести о томъ рѣчь съ Государемъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Нессельродъ написалъ ему: «Je dois vous rendre compte de la commission dont vous m'aviez chargé. Dès ma première entrevue il a été question de vous. On (*) m'a demandé de vos nouvelles avec intérêt, même avec une certaine chaleur. On a laissé transpirer à votre égard des projets, dont la tendance serait d'étendre, sans vous déplacer, la sphère de vos attributions, en les généralisant d'avantage (**). Dans cette circonstance imprévue je n'ai pas osé

(*) Не нужно прибавлять, что здѣсь разумѣется—Императоръ.

(**) Это намѣреніе относилось къ давно предположенному и никогда не воспріявшему полнаго дѣйствія раздѣленію имперіи на генераль-губернаторскія области.

mettre en avant le voeu que vous m'avez fait connaître; mais je suis persuadé que, d'après les dispositions que j'ai rencontrées, il serait parfaitement accueilli si vous vous décidiez à faire quelque démarche directe à cet égard.» Сперанскій тотчасъ воспользовался указаніемъ Нессельрода. Получивъ его отзывъ въ послѣднихъ дняхъ іюля 1818-го года, онъ, уже 1-го августа, отослалъ къ Вязмитинову, для представленія Государю, письмо, которымъ прямо просилъ сенаторскаго званія, хотя бы съ оставленіемъ его вмѣстѣ «на нѣкоторое время, если угодно будетъ», и въ настоящей должности. Отвѣтъ министра не соотвѣтствовалъ ожиданію. «Почтенное письмо вашего превосходительства отъ 1-го сего мѣсяца—отвѣчалъ онъ—имѣлъ я честь получить во время, преисполненное занятіями въ приготовленіяхъ къ отбытію отсюда высочайшаго Двора. Я имѣлъ, однако жъ, случай, въ Царскомъ Селѣ всеподданнѣйше поднести Его Императорскому Величеству приложенное, при самомъ уже Его Величества отъѣздѣ, такъ что могу только вамъ сказать, что Государь Императоръ соизволилъ принять оное весьма милостиво и оставить у себя.» Отвѣтъ этотъ ничего не значилъ, или, лучше сказать, значилъ что просьба принята *къ свѣдѣнію* и останется—*безъ исполненія*. Но для Сперанскаго вопросъ былъ слишкомъ важенъ; онъ не могъ довольствоваться такимъ уклончивымъ, неопредѣленнымъ отзывомъ, и потому попытался обратиться еще къ Кочубею, который, послѣ двухлѣтняго пребыванія за границею, занималъ въ это время должность предсѣдателя въ одномъ изъ департаментовъ совѣта, но, при посредствѣ своихъ связей и положенія въ обществѣ, продолжалъ пользоваться большимъ на все вліяніемъ. Письмо къ нему отъ 21 сентября 1818-го года, гдѣ повторялись, какъ бы мимоходомъ и совершенно частно, тѣ же самыя желанія, которыя Го-

сударю и Вязмитинову заявлены были гласно и оффиціально, представляетъ нѣкоторыя любопытныя подробности относительно взгляда Сперанскаго на Пензенское его назначеніе и пребываніе. «При самомъ отправленіи вашемъ изъ Петербурга—писалъ онъ—въ письмахъ къ Его Величеству, и особенно къ графу Аракчееву (изъ Великополья), я просилъ суда и рѣшенія. Всѣ опасности сего поступка я принималъ на свой страхъ, а непріятелямъ своимъ предоставлялъ всѣ способы поправить ошибку самымъ благовиднымъ образомъ. На случай одной крайности, присовокуплялъ я другое средство—службу. Изъ двухъ, однако жъ, именно выбрали худшее, и меня, ни оправданнаго, ни обвиненнаго, послали оправдываться и вмѣстѣ управлять правыми. Одинъ Богъ сохранилъ меня отъ печальныхъ предзнаменованій, съ коими появился я въ губерніи. По счастью—и единственно по счастью—добрый смыслъ дворянства и особенно старинная связь моя съ Столыпиными мало по малу разсѣяли всѣ предубѣжденія. Ихъ совѣтами и ихъ сильною помощью я сталъ здѣсь помѣщикомъ, и хотя вошелъ въ долги, но за то примирился со всѣми подозрѣніями и пріобрѣлъ почти общую къ себѣ привязанность. Между тѣмъ сношеніями и дѣлами мирился я и съ Петербургомъ. Дмитрій Александровичъ (Гурьевъ) одинъ изъ первыхъ ко мнѣ обратился: по его ходатайству получилъ я продолженіе аренды, нѣкогда вами мнѣ испрошенной, и земли въ Саратовѣ. Вообще, по всѣмъ частямъ министерствъ, я не встрѣтилъ ничего кромѣ пріятнаго. Его Величество, сверхъ милостиваго вниманія ко всѣмъ моимъ представленіямъ по службѣ, удостоилъ меня двумя благосклонными и совершенно въ партикулярномъ и отъ службы независимомъ слогѣ рескриптами (*). Въ нихъ нашелъ

(*) Это — приведенные выше отвѣты на поздравительныя его письма.

я и то драгоцѣнное мнѣ увѣреніе, что Государь не сомнѣвается въ искренности и преданности чувствъ моихъ. Такимъ образомъ худое начало произвело добрыя послѣдствія . . . .

. . . .

Обращаясь лично къ себѣ, я прошу и желаю одной милости, а именно, чтобы сдѣлали меня сенаторомъ и потомъ дали бы, въ общемъ и обыкновенномъ порядкѣ, чистую отставку. Послѣ сего я побывалъ бы, на мѣсяцъ или на два, въ Петербургѣ, единственно для того, чтобъ заявить, что я болѣе не ссыльный и что изгнаніе мое кончилось. Въ постепенномъ приближеніи къ сей единственной, неподвижной цѣли, которую одну я буду преслѣдовать не только постоянно, но даже съ несвойственнымъ мнѣ упрямствомъ, я буду всегда полагать мою надежду на сильное ваше содѣйствіе, по мѣрѣ случаевъ и возможности, кои представиться къ тому могутъ.»

Та́къ желалъ Сперанскій, та́къ предопредѣлялъ онъ свою будущность, а между тѣмъ судьба готовила ему новый внезапный ударъ, разлуку съ дочерью и друзьями еще болѣе продолжительную, мѣстопребываніе еще болѣе отдаленное....

Кочубей отвѣчалъ на приведенное выше письмо, цѣлою книгою (отъ 18-го октября 1818-го года), въ которой, описавъ все, случившееся лично съ нимъ въ теченіе двухгодичнаго путешествія, разстройство, которое онъ нашелъ, по возвращеніи своемъ, въ разныхъ частяхъ государственнаго управленія, недостатки нашей администраціи и пр., собственно о сообщенныхъ ему Сперанскимъ видахъ и намѣреніяхъ прибавлялъ: «По всѣмъ симъ уваженіямъ, и единственно по онымъ, я бы чрезмѣрно желалъ, чтобъ вы были здѣсь употреблены. Два предмета могли бы составить полезное въ обязанностяхъ ва-

шихъ упражненіе: *законы* и *учрежденія*. Вы соединяете практику съ теоріею, а у насъ истинно никого нѣтъ, который бы могъ удовлетворить по симъ частямъ ожиданіямъ Его Величества. Вы пишете о намѣреніи вашемъ искать увольненія отъ службы: но если бы предложено было вамъ здѣсь мѣсто, неужели не согласились бы вы, вмѣсто сената, посредствомъ такого перехода возстановить себя въ томъ положеніи, коего вы послѣ ссылки вашей желаете? Впрочемъ, я легко себѣ представляю, что, послѣ прошедшаго, съ трудомъ можете вы желать основать себя здѣсь. Партіи здѣсь по прежнему существуютъ; но тѣ же люди, которые прежде васъ ругали (не при мнѣ однако жъ), теперь васъ хвалятъ, или по крайней мѣрѣ изъявляютъ сомнѣнія въ преступленіи вашемъ. Мнѣ кажется, что въ положеніи вашемъ желать вы можете, чтобъ прекратилось нѣчто неопредѣлительное, въ ономъ еще оставшееся. Нерѣшимость сія происходитъ неминуемо отъ того, что *трудно взять на себя увидѣть васъ*, при самомъ несомнѣнномъ, однако жъ, желаніи, чтобъ сіе совершилось. Чтó бы васъ ни ожидало, сообразно мыслямъ вашимъ: увольненіе или служба, все полезно было бы прежде выдти изъ сего несообразнаго положенія. Я думаю, что вы могли бы попросить дозволенія прибыть сюда, объясня, что вы желаете сего для окончанія дѣлъ вашихъ и полагаете остаться въ столицѣ на самое короткое время; но если бы еще могли вы взять на себя самое полезное предпріятіе: составить систематическое описаніе о недостаткахъ въ губернскомъ устройствѣ и о способахъ исправленія, то, непосредственнымъ доставленіемъ сего сочиненія къ Его Величеству, оказали бы вы неминуемую пользу, изъяснивъ при томъ въ письмѣ ту мысль, что указомъ, по коему опредѣлены вы губернаторомъ, предоставлено было вамъ заслужить милость Его Величества; что высочайшимъ одоб-

реніемъ по отправленію должности вашей вы достигли счастія удовлетворить ожиданіямъ и пр.; но что сверхъ сего, руководствуясь неограниченною преданностію къ Его Величеству, зная сколь велики суть старанія Его объ устройствѣ государства и убѣждены будучи въ настоятельной нуждѣ исправленія, вы повергаете (хотя сокращенно) все то, что изъ опыта нынѣ еще болѣе сдѣлалось вамъ извѣстнымъ; что вы, не обременяя Его Величества обширнымъ изложеніемъ недостатковъ и лучшаго устройства, готовы будете представить оныя тому, кто получитъ приказаніе съ вами снестись; что тутъ не имѣете вы и не можете имѣть лично никакихъ видовъ, понеже (*) просьба, вами прежде принесенная, о сенаторствѣ, должна служить доказательствомъ, что вы не могли прочить себя къ продолжительному занятію настоящаго вашего мѣста. Я думаю, что подвигъ сей могъ бы быть весьма полезенъ; вреда же, безъ сомнѣнія, не можетъ онъ произвести. Много я о семъ думалъ и удостовѣренъ, что вездѣ, такъ какъ и у насъ, надобно избирать приличное для всего время, а таковымъ нахожу я настоящее для расположенія, вышеупомянутымъ образомъ, поведенія вашего; но надобно только поспѣшить, чтобы напрасно не потерять времени.......»

Такимъ образомъ и отъ Кочубея, вмѣсто помощи и прямаго содѣйствія, были только—совѣты. Къ исполненію перваго изъ нихъ — изложить свои мысли о губернскомъ устройствѣ—Сперанскій было и приступилъ, но не далъ этой работѣ дальнѣйшаго хода и даже не совсѣмъ ее окончилъ. Исполненіемъ втораго совѣта, — проситься въ отпускъ,—онъ медлилъ нѣсколько мѣсяцевъ, кажется въ надеждѣ, не послѣдуетъ ли чего по отправленному

(*) Это слово, какъ и разные другіе архаизмы, Кочубей любилъ употреблять и въ разговорѣ, иногда съ особою цѣлью.

прежде, черезъ Вязмитинова, письму о сенаторствѣ. Но время проходило, а отвѣта на это письмо не было. Тогда (4-го февраля 1819-го года) онъ послалъ къ тому же Вязмитинову, какъ непосредственному своему начальнику, просьбу, въ которой, уже не упоминая болѣе о желаніи быть сенаторомъ, ходатайствовалъ, просто, о четырехмѣсячномъ отпускѣ въ Петербургъ, для устройства домашнихъ дѣлъ. «Большой мой шагъ сдѣланъ—написалъ онъ своей дочери (*)—письмо объ отпускѣ идетъ съ сею почтою черезъ графа Вязмитинова. Одно можетъ послужить предлогомъ къ отказу: назначеніе меня въ областные начальники, какъ по слухамъ предполагается. Иначе могутъ протянуть, но отказать, кажется, не могутъ. Впрочемъ, рѣшась одинъ разъ, я буду просить сто разъ и неотступно.» И въ самомъ дѣлѣ, спустя мѣсяцъ, онъ опять писалъ дочери: «Отказа еще по сіе время нѣтъ, развѣ принять отказомъ молчаніе. Я дѣлаю еще усиліе. Пишу къ графу Аракчееву: ибо, по разнымъ соображеніямъ, предполагаю, что тутъ болѣе желаютъ отложить, нежели отказать. Если только отложить, то лѣто, или зима, большой разности для меня не будетъ. Но если рѣшительный отказъ, тогда, по нѣкоторомъ соображеніи и, конечно, не позже какъ въ теченіи лѣта, и я рѣшительный же сдѣлаю шагъ. Въ свое время напишу о семъ къ тебѣ подробнѣе.»

«Ни начать,—написалъ онъ, вслѣдствіе того, 11-го марта 1819-го, Аракчееву—ни продолжать моей просьбы объ отпускѣ я никакъ не рѣшился бы, если бъ не былъ принужденъ къ тому самою крайнею необходимостію. Кто имѣетъ на рукахъ дочь безъ матери и 200,000 руб. долгу при маловажномъ и запутанномъ имѣніи, тотъ осужденъ

(*) Мы уже говорили, что въ это время, т. е. съ сентября 1818-го, она опять жила въ Петербургѣ.

все терпѣть, всѣмъ жертвовать, чтобъ исполнить первыя свои обязанности. Сроки долговъ моихъ сближаются; продажа имѣнія не сходитъ съ рукъ; устроивать дѣла сего рода, сколько я ни старался, но за 1600 верстъ—когда на одинъ вопросъ и отвѣтъ потребно почти полтора мѣсяца—нѣтъ никакой возможности. Одинъ искъ возбудитъ всѣ другіе и такимъ образомъ, бывъ спасенъ одпѣми милостями Государя отъ предстоявшей мнѣ бѣдности, я найдусь снова въ томъ же, или еще горшемъ положеніи. Я увѣренъ, что если нужды мои, справедливымъ и благосклоннымъ вниманіемъ вашего сіятельства, представлены будутъ Государю Императору въ истинномъ ихъ видѣ и отдѣлены отъ всѣхъ побочныхъ и невмѣстныхъ предположеній: то Его Величество не презритъ моей просьбы. Презрѣніе несвойственно его душѣ, великой не однимъ человѣческимъ величіемъ!» Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращаясь снова къ покупкѣ Великополья въ военное поселеніе и изъявляя сѣтованіе, что дѣло это такъ замедляется, онъ продолжалъ: «я счелъ бы нескромностію повторять вашему сіятельству мою о семъ просьбу. Знаю, что у васъ справедливость и польза общая идутъ прежде всего: но знаю также—и знаю собственнымъ опытомъ—что у васъ: *милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася.*»

На это письмо было отъ Аракчеева два отвѣта, оба 24-го марта.

Въ одномъ—полуоффиціальномъ—увѣдомляя, что Великополье уже велѣно купить въ поселеніе, за назначенную самимъ Сперанскимъ цѣну 140,000 р., онъ прибавлялъ: «настаивать у Государя объ отпускѣ вашемъ въ то самое время, когда Его Величеству угодно было *удостоить васъ новою довѣренностію и дать вамъ препорученіе столь важное для пользы государства*, мнѣ показалось неприличнымъ. Если хотите принять отъ меня искренній совѣтъ, то,

по лучшему моему разумѣнію, я полагаю необходимымъ вамъ сообразоваться въ точности съ волею Государя Императора. Исполнивъ оную, я увѣренъ, что Его Величество будетъ умѣть цѣнить новую заслугу, вами Ему оказанную, и тогда ваши домашнія дѣла съ пользою для васъ и легко устроятся.»

Другое письмо было не только совершенно частное, но и собственноручное.

«Если вы—писалъ Аракчеевъ—на меня сердились за нескорое исполненіе вашего препорученія въ покупкѣ Новгородскаго имѣнія, то въ ономъ согрѣшили: ибо мнѣ пріятнѣе всего угождать вамъ, потому что я любилъ васъ душевно *тогда, какъ вы были велики и какъ вы не смотрѣли на нашего брата;* любилъ васъ и тогда, когда, по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, страдали; протестовалъ противу онаго, по крайнему моему разумѣнію, не только въ душѣ моей, но и всюду, гдѣ только голосъ мой могъ быть слышенъ; радовался о концѣ сего непріятнаго для васъ дѣла и буду не только радоваться, но и желать вашему (sic) возвышенію на степень высшую прежней. Вотъ вамъ, милостивый государь, отчетъ въ моихъ чувствахъ, а дѣло о покупкѣ конечно уже вамъ извѣстно, по слухамъ и формальному моему отношенію, отправленному 18-го марта по почтѣ.

«На письмо ваше отъ 11-го марта прилагаю мой формальный отвѣтъ и въ душѣ своей я съ онымъ соглашаюсь, бывъ увѣренъ, что дѣйствіе ваше согласно съ онымъ *много будетъ служить къ вашему въ мірѣ семъ возвышенію.* Желаніе мое въ ономъ, по слабости человѣческой, заключается въ слѣдующемъ: становясь старъ и слабъ здоровьемъ, я долженъ буду очень скоро основать свое всегдашнее пребываніе въ своемъ Грузинскомъ монастырѣ, *откуда буду утѣшаться, какъ истинно Русской, Новго-*

родской неученой дворянинъ, что дѣла государственныя находятся у умнаго человѣка, опытнаго какъ по дѣламъ государственнымъ, такъ болье еще по дѣламъ суетъ міра сего и, въ случаѣ обыкновеннаго, по несчастію существующаго у насъ въ отечествѣ, обыкновенія, безпокоить удалившихся отъ дѣлъ людей, *въ необходимомъ только случаѣ смѣю отнестись и къ самъ*, милостивому государю.

«Окончу сіе письмо тѣмъ, что какъ вы далеко отъ Волхова ни отдаляетесь, но отъ васъ зависѣть будетъ быть близкимъ къ дряхлому Волховскому жителю (*), который пребудетъ всегда съ истиннымъ почтеніемъ и пр.»

Если припомнить, что эти строки писалъ возвеличенный временщикъ къ временщику упадшему, баловень милости и счастія къ опальному: то нельзя не согласиться, что трудно было вложить въ нихъ, подъ внѣшнею оболочкою простосердечнаго добродушія, болѣе язвительной ироніи и, съ тѣмъ вмѣстѣ, показать менѣе великодушія. Источникъ всего этого лежалъ, конечно, въ общемъ характерѣ Аракчеева, а не въ личныхъ его чувствахъ къ Сперанскому, которыя, какъ мы увидимъ ниже, были, напротивъ, весьма благоволительны; но саркастическій тонъ этого письма становится еще выпуклѣе, когда, рядомъ, поставить то́, которое отправилъ съ своей стороны Сперанскій, узнавъ о покупкѣ Великополья, еще прежде извѣщенія его о томъ Аракчеевымъ, черезъ другихъ. 18-го марта, онъ, въ порывѣ радостной благодарности (**), писалъ своему двуличному покрови-

---

(*) Аракчеевъ любилъ выдавать себя за дряхлаго старика, хотя отнюдь не былъ такимъ.

(**) Радость Сперанскаго была, дѣйствительно, самая живая. «Продажа Великополья—писалъ онъ 17-го марта Масальскому—есть *происшествіе* въ моей жизни. Она развязываетъ дѣла мои наилучшимъ образомъ. Я пишу нынѣ же къ Аркадію Алексѣевичу (Столыпину), какіе долги прежде всего заплатить должно.»

телю: «Получивъ извѣстіе о покупкѣ въ казну Великополья, спѣшу принести вашему сіятельству благодарность искреннюю, совершенную. Слово дано человѣку для выраженія его мыслей, но лесть и страсти такъ его обезобразили, что теперь, для выраженія истинныхъ чувствъ благодарности, осталось почти одно молчаніе. Я бы не молчалъ въ Грýзинѣ; тамъ по лицу умѣютъ различить истину отъ лести, и правдивость хозяина даетъ и гостямъ примѣръ и наставленіе. Къ причинамъ, побудившимъ меня просить отпуска, я не смѣлъ присоединить сего побужденія; оно составляетъ нравственную нужду, долгъ не менѣе важный, какъ и всѣ другіе. Впрочемъ время и удобность, когда долгъ сей могу я исполнить, предоставляю соображенію приличій и вашему усмотрѣнію, всегда и вездѣ мнѣ благотворному.»

На письмо 24-го марта Сперанскій *ничего не отвѣчалъ*. Есть мѣра угодливости и ласкательства, которую и несчастіе краснѣетъ переступить. Сперанскій сохранилъ уваженіе къ самому себѣ и промолчалъ,—все, чтó ему позволяло его положеніе.

Но какая же была «новая довѣренность», какое «новое препорученіе, столь важное для пользы государства», которыя, по словамъ Аракчеева, возлагались на Сперанскаго и о которыхъ послѣдній еще ничего не зналъ?

31-го того же марта, въ понедѣльникъ Страстной недѣли, дежурнымъ въ канцеляріи Пензенскаго губернатора былъ молодой чиновникъ Рѣпинскій. По вторникамъ отходила почта въ Петербургъ и потому наканунѣ обыкновенно бывало много разной переписки. Въ этотъ понедѣльникъ, особенно, Рѣпинскій, съ ранняго утра, трудился надъ какою-то табелью, которую надо было отослать въ министерство, и, спѣша ее окончить, не пошелъ даже домой обѣдать. Сперанскій, уже отобѣдавшій, сидѣлъ у

себя въ кабинетѣ, подъ окошкомъ, за чтеніемъ одной изъ любимыхъ своихъ книгъ: Геродота, въ Греческомъ подлинникѣ. Въ канцеляріи, помѣщавшейся въ одномъ этажѣ (третьемъ) съ кабинетомъ, но нѣсколькими комнатами ближе къ лѣстницѣ, кромѣ Рѣпинскаго не было въ ту пору никого. Вдругъ, въ четыре часа, послышался на улицѣ колокольчикъ. Рѣпинскій выскочилъ на лѣстницу, чтобы узнать кто осмѣлился подъѣхать съ звонкомъ къ самому дому губернатора. Между тѣмъ Сперанскій уже увидѣлъ въ окошко фельдъегеря, къ которому, изъ другой двери, выбѣжалъ на встрѣчу камердинеръ. «Пока — разсказываетъ Рѣпинскій — загрязненный и избитый худою дорогою фельдъегерь подымался въ нашъ третій этажъ, я напрасно два раза спрашивалъ съ верху лѣстницы: отъ кого онъ? Лишь взойдя на верхъ и въ первую залу, на вопросъ мой, повторенный уже отъ имени самого Михайла Михайловича, фельдъегерь важно отвѣчалъ: *отъ Государя*. Я поспѣшилъ въ кабинетъ и нашелъ Михайла Михайловича въ тревожномъ ожиданіи и, не смотря на обѣдъ, за нѣсколько только минутъ конченный, очень блѣднымъ. На докладъ мой, что пріѣхалъ нарочный отъ Государя, онъ сказалъ, видимо подавляя нетерпѣливость и волненіе свое: «проси . . .» Пока фельдъегерь былъ у него, я истаявалъ отъ нетерпѣнія знать, куда назначили моего начальника, — ибо съ самаго отъѣзда его дочери мы положительно думали, что и его служба въ Пензѣ кончена,—и есть ли и мнѣ надежда съ нимъ уѣхать? За фельдъегеремъ вышелъ въ пріемную комнату самъ Михайло Михайловичъ, уже съ обыкновеннымъ спокойнымъ, ласковымъ лицомъ, и приказавъ камердинеру позаботиться объ обѣдѣ, банѣ и прочемъ, до отдохновенія фельдъегеря относившемся, возвратился въ кабинетъ. Тутъ фельдъегерь поздравилъ насъ— меня и камердинера—съ *Сибирскимъ генералъ-губерна-*

торомъ! Уфъ, какъ далеко и страшно, подумалъ я; а все таки и я туда же съ нимъ, передовымъ, или какъ придется,—мѣста мнѣ не много нужно: *omnia mecum porto* (*)!»

И такъ судьба окончательно переносила Сперанскаго въ Сибирь, къ предѣламъ которой онъ уже былъ такъ близокъ въ началѣ своего изгнанія....

Указъ о назначеніи его Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ былъ подписанъ 22-го марта 1819-го. Вмѣстѣ съ этимъ указомъ фельдъегерь привезъ и вышеприведенныя два письма Аракчеева отъ 24-го марта. Содержавшіеся въ нихъ намеки о «новой довѣренности» и о «новомъ препорученіи» объяснились содержаніемъ указа.

(*) Косьма Григорьевичъ Рѣпнинскій (нынѣ сенаторъ, состоящій при II-мъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи), сынъ священника Саратовской губерніи, села Большаго Карая, умершаго послѣ въ монашествѣ, родился въ 1796-мъ году, той же губерніи, въ селѣ Рѣпномъ. Онъ былъ взятъ Пензенскимъ губернаторомъ въ его канцелярію въ 1817-мъ году, изъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ тамошней семинаріи, по рекомендаціи ректора архимандрита Аарона, и съ тѣхъ поръ находился при Сперанскомъ неотлучно до самой его смерти, т. е. въ продолженіе двадцати двухъ лѣтъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сперанскій генералъ-губернаторомъ въ Сибири.

I.

Сибирь, въ то время, раздѣлялась на три губерніи: Тобольскую, Томскую и Иркутскую, съ особыми управленіями для Якутскаго края, Камчатки и Охотскаго порта. Все это неизмѣримое пространство состояло въ завѣдываніи одного генералъ-губернатора, которымъ, послѣ Селифонтова, былъ, съ 1805-го года, Иванъ Борисовичъ Пестель, еще въ началѣ 1808-го выѣхавшій изъ Сибири и съ тѣхъ поръ одиннадцать лѣтъ управлявшій ею изъ Петербурга. Отсутствіе личнаго надзора главнаго начальника и всякой ревизіи въ теченіе столь продолжительнаго времени могло бы привести въ разстройство наилучше устроенный край, а Сибирь еще никогда не имѣла правильнаго устройства и, съ половины прошлаго столѣтія, когда прекратилось правительственное значеніе сената, была, за исключеніемъ дѣлъ о казенныхъ доходахъ, оставлена почти безъ всякаго попеченія со стороны высшей власти. Для нея не существовало ни особыхъ законовъ, которые были бы примѣнены къ ея мѣстностямъ и разнообразному населенію, ни учрежденій, которыя соотвѣтствовали бы огромности ея разстояній (*). Сверхъ того, самовластіе начальниковъ не знало отвѣтственности ни передъ высшимъ правительствомъ, отдаленнымъ на многія тысячи верстъ, ни передъ общественнымъ мнѣніемъ, потому что въ Сибири его не было

(*) Очень живой и занимательный очеркъ административной исторіи Сибири за прошлое время находится въ статьѣ г. Небольсина: «Разсказы о Сибирскихъ золотыхъ промыслахъ», помѣщенной въ нѣсколькихъ нумерахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847-й годъ.

и быть тогда не могло. Подъ вліяніемъ этой безотвѣтственности, тамъ издавна укоренилась привычка ничего не ожидать отъ закона и всего надѣяться, или бояться, отъ лицъ: слѣдственно привычка, въ каждомъ дѣлѣ, прибѣгать къ деньгамъ. Такая соблазнительная податливость управляемыхъ, не оправдывая, разумѣется, управляющихъ, объясняла, однако, какимъ образомъ лихоимство сдѣлалось въ Сибири зломъ домашнимъ еще болѣе нежели гдѣ либо. Безпритязательное ея населеніе, скрытое за своими горами, питало только двѣ надежды: или что Государь пошлетъ сенаторовъ, которымъ оно выскажетъ свои нужды, или что жителей когда нибудь двинутъ на юговостокъ, гдѣ они займутъ и обселятъ Амуръ. Народная фантазія, со всѣми своими прикрасами, описывала эту рѣку въ самомъ обаятельномъ видѣ; къ ней, разсказывали, прилегаетъ теплая, всѣмъ обильная, свободная, счастливая страна; тамъ океанъ и острова, съ неисчерпаемыми богатствами, словомъ—это обѣтованная земля.....

Между тѣмъ въ Петербургѣ Сибирскій генералъ-губернаторъ очень мало обращалъ вниманія на эти легенды и мечты и былъ занятъ совсѣмъ другимъ. Главная его дѣятельность сосредоточивалась на преслѣдованіи двухъ смѣненныхъ имъ губернаторовъ: Хвостова и Корнилова, и еще третьяго лица, управлявшаго Тобольскою провіантскою коммиссіею генералъ-маіора Куткина. Вина двухъ первыхъ состояла въ томъ, что они или не умѣли, или не желали сообразоваться съ понятіями главнаго своего начальника, а Пестель не хотѣлъ простить ихъ стремленія къ самостоятельности. Въ теченіе восьми лѣтъ онъ гналъ ихъ, во всѣхъ инстанціяхъ, отъ земскаго суда до государственнаго совѣта, съ такою настойчивостію, которая была бы непонятна, если бъ это дѣло не превратилось въ тяжбу, такъ сказать, личную, давая Пестелю предлогъ жить въ столицѣ и запи-

мать Дворъ и городъ жалобами на силу своихъ враговъ и на мнимую опасность своего положенія. Дѣло Куткина было другаго рода. При первомъ своемъ проѣздѣ черезъ Тобольскъ, Пестель встрѣтился съ начальникомъ провіантской коммиссіи на званомъ обѣдѣ, за которымъ Куткинъ позволилъ себѣ не согласиться въ чемъ-то съ генералъ-губернаторомъ и поспорить съ чувствомъ человѣка независимаго. Къ несчастію Куткина, правда была на его сторонѣ и онъ, при всѣхъ, одержалъ верхъ въ своемъ спорѣ. Озлобленный его торжествомъ, Пестель поспѣшилъ исходатайствовать распространеніе своей власти въ Сибири и на провіантскую часть и перваго Куткина, подъ предлогомъ злоупотребленій въ управляемой имъ коммиссіи, отдалъ подъ военный судъ, приказавъ содержать арестованнымъ, хотя и въ собственномъ его домѣ, но подъ строжайшимъ присмотромъ. Девять лѣтъ онъ томилъ такимъ образомъ несчастнаго, и даже послѣ его смерти (Куткинъ умеръ въ 1817-мъ году) съ упорствомъ слѣдилъ за продолжавшимся о немъ дѣломъ (*).

(*) Чтобы не возвращаться болѣе къ этому печальному дѣлу, скажемъ здѣсь, что оно было рѣшено окончательно только въ 1821-мъ году, когда Пестель уже два года какъ перестал быть Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Сенатъ, признавъ Куткина *ни въ чемъ не виноватымъ*, нашелъ всего лишь передачу, по его коммиссіи, около 280-ти р. ассигн. на прогоны одному чиновнику, которые и сложилъ по манифесту 1814-го года. Между тѣмъ домъ и полотняная фабрика Куткина въ Тобольскѣ были разорены въ конецъ, секвестромъ, наложеннымъ Пестелемъ, при самомъ началѣ дѣла, *на случай могущихъ открыться взысканій*, а его семейство—жена съ нѣсколькими дочерьми—было доведено до крайней нищеты и, послѣ его смерти, вывезено во внутреннія губерніи какимъ-то добрымъ человѣкомъ, женившимся на одной изъ дочерей, болѣе изъ состраданія. Сперанскій, по прибытіи въ Тобольскъ, нашелъ въ арестантской на гауптвахтѣ подполковника Девьеевскаго, который, состоявъ коммиссіонеромъ при той же коммиссіи, былъ заключенъ Пестелемъ въ одно время съ преданіемъ Куткина суду, *для предупрежденія всякихъ между ними сношеній*, и съ тѣхъ

Въ мѣстномъ Сибирскомъ управленіи главную роль игралъ Иркутскій губернаторъ Николай Ивановичъ Трескинъ, человѣкъ съ примѣчательнымъ умомъ и съ необыкновенною энергіею и отважностію. Въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, т. е. со времени выѣзда генералъ-губернатора изъ Сибири, этотъ Трескинъ неограниченно господствовалъ на далекомъ нашемъ востокѣ и. изъ Иркутска, владѣлъ Пестелемъ въ Петербургѣ какъ собственною рукою. Вначалѣ, бывъ очень хорошимъ и чрезвычайно дѣятельнымъ начальникомъ губерніи, онъ совершилъ въ ней не одно полезное дѣло: распространилъ земледѣліе, пріучивъ къ нему кочевыхъ Бурятъ, основалъ новыя поселенія, проложилъ новыя дороги, особливо знаменитую Кругобайкальскую, черезъ гору Хамаръ-дабанъ, дорогу, почитавшуюся чудомъ смѣлости по одолѣннымъ трудностямъ; но потомъ, при отсутствіи всякаго надзора, всякой отвѣтственности, всякой гласности, онъ началъ пренебрегать сперва формами, послѣ людьми, а наконецъ и существомъ дѣла, и постепенно превратился въ жестокаго тирана и деспота, не уважавшаго никакихъ частныхъ правъ, не слушавшагося ни министерскихъ, ни сенатскихъ предписаній, словомъ представившаго собою высшій предѣлъ, до котораго губернаторъ можетъ только распространить свой произволъ (*). По отзывамъ его клеврета, а послѣ главнаго предателя, Геденштрома,—въ это время Верхнеудинскаго исправника, а передъ тѣмъ совершившаго

поръ содержался тутъ одиннадцать лѣтъ. Новый генералъ-губернаторъ приказалъ тотчасъ его выпустить. Онъ исходатайствовалъ также семьѣ Куткина, по окончаніи его дѣла въ сенатѣ, пенсію въ 1800 р. асс., выдачу жалованья, слѣдовавшаго ему за все время бытности подъ судомъ, и 50,000 р. асс., въ возмездіе за имѣніе, разоренное секвестромъ.

(*) Въ доказательство наглой грубости, до которой дошелъ Трескинъ, довольно будетъ привести, что онъ заставлялъ даже старшихъ чиновниковъ, не исключая и вице-губернатора, снимать и подавать себѣ шубу, и, въ случаѣ неловкости при этомъ, осыпалъ ихъ бранью.

извѣстное путешествіе къ сѣвернымъ берегамъ Сибири (*),—двѣ вещи погубили Трескина: 1) непоколебимая вѣра въ безошибочность свою при выборѣ людей: кто ему разъ понравился, кому онъ однажды что нибудь ввѣрилъ, тотъ уже никогда не терялъ добраго его мнѣнія, хотя бы имъ самимъ былъ поійманъ въ негодныхъ дѣлахъ; 2) жена—дочь прежняго его начальника и благодѣтеля, женщина имъ любимая, но вовсе того недостоійная, ему невѣрная и жадная взяточница, окружившая себя могущественнымъ союзомъ изъ трехъ своихъ любимцевъ и кліентовъ. Многіе въ краѣ думали и еще теперь думаютъ, что, лично, Трескинъ не былъ лихоимцемъ, но въ такомъ случаѣ открытое попущеніе лихоимства пришлось бы не считать участіемъ въ немъ. Онъ видѣлъ, и иногда съ достовѣрностію зналъ, что все его окружающее, всѣ его исправники и земскіе коммисары грабятъ; но притворялся невидящимъ и незнающимъ, частію по тоій же вѣрѣ въ непогрѣшимость своихъ выборовъ, а частію потому, что на эти грабежи смотрѣлъ какъ на взятки маловажныя, на *лакомства*, по его мнѣнію тѣмъ болѣе простительныя, что въ Иркутской губерніи, какъ и во всеій Сибири, трудно было *мѣнять* чиновниковъ, при невозможности ихъ *замѣнить*. Наконецъ

(*) Этотъ Геденштромъ, изъ Деритскихъ студентовъ, удаленный въ Сибирь, вмѣстѣ съ Словцовымъ, по какому-то таможенному дѣлу, совершеніемъ своей экспедиціи къ Ледовитому морю былъ обязанъ ходатайству графа Румянцова. Отъ него начались всѣ важнѣйшіе доносы и жалобы на Трескина, не смотря на постоянное и особенное покровительство, которое послѣдній ему оказывалъ. Впрочемъ доносы не спасли его самого отъ взысканій, общихъ съ другими клевретами Трескина. Впослѣдствіи онъ перебрался было на службу въ Петербургъ, но вскорѣ ее оставилъ и поселился въ деревнѣ близъ Томска, гдѣ умеръ въ крайней нищетѣ и въ самомъ низкомъ пьянствѣ; прежде, по практическому уму и большой начитанности, онъ считался человѣкомъ очень замѣчательнымъ въ тамошнемъ краю, но всегда безнравственнымъ до цинизма.

говорили, и многіе тоже еще теперь этому вѣрятъ, будто бы Трескинъ крайне изумился, когда, по смерти своей жены (*), нашелъ въ ея сундукахъ значительное количество дорогихъ мѣховъ, Китайскихъ шелковыхъ матерій и наличныхъ денегъ. Но отъ его изумленія краю было не легче. Выше мы выставили образецъ его грубости, здѣсь приведемъ еще, изъ тысячи, одинъ примѣръ нестерпимой суровости его самовластнаго управленія и потворства ей со стороны Пестеля. Совѣтникъ уголовной палаты Карсаковъ за что-то былъ отставленъ Трескинымъ и высланъ изъ Иркутской губерніи, съ требованіемъ, чтобы прочіе губернаторы не позволяли ему проживать ни въ какомъ мѣстѣ болѣе нѣсколькихъ дней; а Пестель, утверждая это распоряженіе, дополнилъ его тѣмъ, чтобы не выпускать Карсакова изъ предѣловъ Сибирскихъ губерній. Такимъ образомъ бѣдному семейству чиновника довелось бы всю жизнь пространствовать по Сибири, если бъ Томскій губернаторъ не отважился, изъ состраданія, позволить ему остаться на неопредѣленное время въ Томскѣ (**).

Въ двухъ остальныхъ губерніяхъ: Томской и Тобольской, губернаторами были: Даміанъ Васильевичъ Илличевскій и Францъ Абрамовичъ фанъ-Бриннъ. Первый, нѣкогда сотоварищъ Сперанскаго по Александроневской семинаріи, поль-

(*) Она, когда уже сдѣлалось извѣстнымъ о смѣнѣ Пестеля и о предстоящемъ прибытіи Сперанскаго, отправилась къ Погромнинскимъ минеральнымъ водамъ и, въ проѣздъ туда, на Тарбагатайской станціи, была убита понесшими ее съ горы лошадьми. На мѣстѣ былъ слухъ, будто бы, узнавъ о назначеніи новаго генералъ-губернатора, она сама себя отравила и сопровождавшій ее придумалъ разогнать лошадей и опрокинуть экипажъ—уже съ мертвою.

(**) Потомъ этотъ Карсаковъ былъ назначенъ Сперанскимъ въ слѣдственную коммиссію, учрежденную въ Иркутскѣ; но, по дошедшимъ до насъ мѣстнымъ свидѣтельствамъ, усердно работая въ ней согласно данной инструкціи, не выказалъ той мстительности, которой иные тамъ отъ него опасались.

зовался весьма печальною репутаціею въ отношеніи къ чистотѣ своихъ правилъ. Фанъ-Бринъ, семидесятилѣтній старецъ, человѣкъ добрый, но имѣвшій мало самостоятельности, дѣйствовалъ болѣе какъ орудіе генералъ-губернатора, на сестрѣ котораго былъ женатъ.

При такомъ личномъ составѣ управленія и при отсутствіи хорошей организаціи, положеніе Сибири, естественно, все болѣе и болѣе разстроивалось. Своевольная расправа, слабо прикрытая даже и внѣшнимъ формализмомъ, была въ полномъ ходу. Народъ стеналъ отъ несправедливостей и поборовъ, но его стенанія заглушались тою же силою, которая ихъ возбуждала. Къ счастію, однако, она не могла совсѣмъ преградить путь жалобамъ въ Петербургъ. Прорываясь въ столицу, эти жалобы день ото дня становились все многочисленнѣе, все важнѣе по содержанію, все разительнѣе по общему согласію въ показаніяхъ. Особенно важны были онѣ по губерніи Иркутской. За жителей ея, страдавшихъ подъ желѣзнымъ ярмомъ Трескина, счелъ обязанностію заступиться даже и тамошній архіерей (Михаилъ). Онъ написалъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, что хотя лично ничего не терпитъ отъ губернатора, но страждетъ ежедневно «въ растерзываемой какъ бы волками паствѣ своей, коей непрерывный вопль проницаетъ и сквозь толстыя стѣны архіерейскаго дома», и далѣе прибавлялъ: «нечестіе и безстыдное притворство: дерзость и самонадѣянность съ деспотизмомъ: презрѣніе къ людямъ и страданіямъ ихъ; выборъ и отличіе чиновниковъ, дѣятельныхъ только въ разореніи поселянъ, особливо Бурятъ; система набогащать себя, и во всемъ монополія—сіи черты отличаютъ здѣшнее правительство отъ внутреннихъ губерній Россіи (*)!»

(*) Этотъ архіерей, человѣкъ впрочемъ кроткій, былъ съ Трески-

Картину Сибирскаго управленія за это время можно дорисовать словами человѣка, очень осторожнаго въ своихъ приговорахъ и, между тѣмъ, судьи достовѣрнаго, потому что дѣла того времени были ему близко извѣстны по званію министра юстиціи. Мы говоримъ о запискахъ И. И. Дмитріева. «Сибирскій генералъ-губернаторъ И. Б. Пестель— сказано въ нихъ—человѣкъ умный и, вѣроятно, безкорыстный, но слишкомъ честолюбивый, наклонный къ раздражительности и самовластный, въ короткое время пребыванія своего въ Сибири сдѣлался грозою цѣлаго края, преслѣдуя и предавая суду именитыхъ гражданъ, откупщиковъ и гражданскихъ чиновниковъ. Онъ уничтожалъ самопроизвольно контракты частныхъ людей съ казною; ссылалъ безъ суда за Байкальское озеро; служащихъ въ одной губерніи отправлялъ за три тысячи верстъ въ другую и отдавалъ подъ судъ тамошней уголовной палаты; наконецъ возсталъ противъ своихъ губернаторовъ, изъ коихъ два, по его представленію, были отрѣшены отъ должности и судимы сенатомъ. Когда же важнѣйшія изъ слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ поступили на разсмотрѣніе сената, тогда онъ испросилъ, чрезъ предмѣстника моего, дозволеніе прибыть въ столицу, дабы личнымъ пребываніемъ имѣть вліяніе на сенатское производство по всѣмъ дѣламъ его. Но бо́льшая часть сенаторовъ, не смотря на личное его присутствіе, ни даже на непоколебимую довѣренность къ нему верховной власти, не смотря и на то, что всѣ сенатскія рѣшенія по Сибирскимъ дѣламъ исключительно переносимы были, какъ будто по недовѣрію

нымъ въ явной, ни отъ кого не скрываемой ссорѣ. Одинъ Сибирскій старожилъ разсказывалъ намъ, какъ однажды, во время совершенія литургіи, Михаилъ, при чтеніи послѣ «Трисвятаго» псалма «Помилуй мя Боже», подойдя къ губернатору, началъ кадить на него именно въ ту минуту, когда произносилъ слова: «и научу беззаконные путемъ твоимъ».

къ сенату, въ государственный совѣтъ на разсмотрѣніе, обвиняли Пестеля въ глаза и оправдывали часто подсудимыхъ.»

Но какимъ же образомъ, при подобныхъ жалобахъ и обвиненіяхъ, при злѣ столь явномъ, все это могло быть терпимо такъ долго и такъ безнаказанно? Какимъ образомъ могла продолжаться та «непоколебимая довѣренность» къ Пестелю, о которой упоминаетъ Дмитріевъ?

Загадка эта объяснялась — благосклоннымъ покровительствомъ графа Аракчеева, вызваннымъ, кажется, наиболѣе связями Пестеля съ четою Пукаловыхъ, которая имѣла извѣстное всѣмъ, въ то время, вліяніе на Аракчеева. Его покровительству способствовали и важныя внѣшнія событія, настоятельно и постоянно отвлекавшія вниманіе Государя, въ эту эпоху, отъ подробностей внутренняго управленія. Для Аракчеева же была одна только святыня: собственная его личность. Все: и дѣла и людей, онъ измѣрялъ этимъ масштабомъ.

Тщетно комитетъ министровъ, по доходившимъ до его разсмотрѣнія дѣламъ, нѣсколько разъ (еще съ 1815-го года) доказывалъ необходимость возвратить Сибирскаго генералъ-губернатора къ его посту; тщетно тотъ же комитетъ повторительно настаивалъ о посылкѣ по крайней мѣрѣ сенаторовъ, для обревизованія тамошняго управленія; тщетно и общее мнѣніе въ Петербургѣ выражало, гласными порицаніями и колкими насмѣшками, негодованіе свое на такой неслыханный порядокъ вещей. Никто болѣе Аракчеева не пренебрегалъ общественнымъ мнѣніемъ. Журналы комитета, по которымъ докладъ сосредоточивался исключительно въ его рукахъ, или оставались безъ резолюціи, или возвращались съ приказаніемъ потребовать отъ Пестеля какихъ нибудь *дополнительныхъ* объясненій, которыя, по полученіи ихъ, приводили опять къ тѣмъ же неудовле-

творительнымъ результатамъ. Только уже долго спустя, вѣроятно вслѣдствіе какой нибудь придворной интриги, можетъ статься и вслѣдствіе какого нибудь неосторожнаго слова Пестеля на счетъ Аракчеева, къ чему послѣдній былъ очень чувствителенъ, — патронъ вдругъ охладѣлъ къ своему кліенту (*). Тогда и дѣлá Пестеля тотчасъ приняли иной оборотъ. Въ исходѣ ноября 1818-го года комитетъ министровъ, повторяя, что пока въ Сибири генералъ-губернаторъ не будетъ находиться налицо, до тѣхъ поръ и ожидать нельзя чтобъ тамошнее управленіе могло быть въ порядкѣ, представилъ, что возвращеніе туда Пестеля, хотя бы, по начатымъ дѣламъ, онъ и признанъ былъ правымъ, *оказывается уже неудобнымъ*, а должно назначить *новаго генералъ-губернатора*, которому поручить, отправясь и вступивъ въ должность сколь можно неотлагательно, обозрѣть всѣ части, произвесть по жалобамъ законное изысканіе и объ открывшемся донести Государю, для преданія виновныхъ суду. На этотъ разъ журналъ комитета былъ подписанъ, вмѣстѣ съ другими, и Аракчеевымъ. Въ отвѣтъ послѣдовалъ — указъ о замѣщеніи Пестеля Сперанскимъ. Но отъ чего же по журналу комитета, постановленному еще въ ноябрѣ 1818-го, указъ послѣдовалъ только 22-го марта 1819-го года? Должно думать, что причиною тому было колебаніе Императора Александра въ выборѣ Пестелю преемника. Можетъ быть это колебаніе продолжилось бы и еще долѣе, если бъ Государя не рѣшила приведенная нами, въ прѣдъидущей главѣ, просьба Пензенскаго губернатора о четырехъ-мѣсячномъ отпускѣ въ Петербургъ, которая была получена Вязмитиновымъ именно въ это время. Назначеніе Сперанскаго на Сибир-

---

(*) Другіе объясняли это охлажденіе тѣмъ, что въ это время разошлась съ Аракчеевымъ покровительница Пестеля, Пукалова.

скій постъ само собою заключало въ себѣ отказъ въ просимомъ отпускѣ, но отказъ, обставленный всѣми знаками милости и возобновленнаго особаго довѣрія.

Новому генералъ-губернатору тотъ же фельдъегерь привезъ въ Пензу два *собственноручныя* письма Государя, помѣченныя однимъ числомъ съ указомъ. Если внезапны были для Сперанскаго, за семь лѣтъ передъ тѣмъ, его паденіе и ссылка, то содержаніе настоящихъ писемъ, послѣ всего случившагося въ эти семь лѣтъ, не менѣе должно было его поразить.

«Болѣе трехъ лѣтъ—сказано было въ одномъ изъ нихъ, имѣвшемъ форму рескрипта (*)—протекло съ того времени, какъ, призвавъ васъ къ новому служенію, ввѣрилъ я вамъ управленіе Пензенскою губерніею. Открывъ такимъ образомъ дарованіямъ вашимъ новый путь содѣлаться полезнымъ отечеству, не преставалъ я помышлять о способѣ, могущемъ изгладить изъ общихъ понятій прискорбныя происшествія, послѣдовавшія съ вами въ 1812-мъ году и столь тягостныя моему сердцу, привыкшему въ васъ видѣть одного изъ приближенныхъ себѣ. Сей способъ, по моему мнѣнію, былъ единственный, то есть служеніемъ вашимъ дать вамъ возможность *доказать явно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ* (**). Иначе, призывъ вашъ въ Петербургъ походилъ бы единственно на послѣдствіе двор-

(*) Этотъ рескриптъ—тотъ именно, о которомъ мы выше сказали, что онъ является самымъ торжественнымъ оправдательнымъ актомъ Сперанскаго передъ исторіею. Ни этотъ, ни приводимый ниже другой рескриптъ, никогда не были распубликованы и Сперанскій сохранялъ ихъ какъ бы завѣтную тайну между нимъ и Монархомъ до самой смерти Александра. Напечатаны были изъ нихъ только небольшіе отрывки, заключавшіе въ себѣ нужныя, для хода дѣлъ, свѣдѣнія о данныхъ новому генералъ-губернатору порученіяхъ и уполномочіяхъ.

(**) Мы признали за нужное отличить курсивомъ и эти и нѣкоторыя изъ нижеслѣдующихъ выраженій, по особенной ихъ важности. Въ подлинникѣ они не подчеркнуты.

скихъ измѣненій и не загладилъ бы въ умахъ оставшіяся непріятныя впечатлѣнія.

«Управленіе ваше Пензенскою губерніею и общее довѣріе, кое вы въ оной пріобрѣли, будетъ полезнымъ началомъ предполагаемаго мною способа. Но желаніе мое стремится къ тому, дабы открыть служенію вашему обширнѣйшее поприще и заслугами вашими *дать мнѣ явную причину приблизить васъ къ себѣ.*

«Нынѣ предстоитъ для исполненія сего наилучшая удобность.

«Съ нѣкотораго времени доходятъ до меня самыя непріятныя извѣстія на счетъ управленія Сибирскаго края. Разныя жалобы присланы ко мнѣ на губернскія начальства и на потворное покровительство, оказываемое онымъ самимъ генералъ-губернаторомъ. Бывъ разсмотрѣны въ комитетѣ министровъ, онѣ показались столь важны, что предложена мнѣ онымъ посылка сенаторовъ для обревизованія Сибирскихъ губерній (*).

«Имѣвъ уже неоднократный опытъ, сколь мало подобныя ревизіи достигаютъ своей цѣли, кольми паче нельзя ожидать лучшаго успѣха въ столь отдаленномъ и обширномъ краѣ. Посему нашелъ я полезнѣйшимъ, облеча васъ въ званіе генералъ - губернатора, препоручить вамъ сдѣлать осмотръ Сибирскихъ губерній и существовавшаго до сего времени въ оныхъ управленія, въ видѣ начальника и со всѣми правами и властію, присвоенными званію генералъ-губернатора.

«Исправя сею властію все то, что̀ будетъ въ возможности, облича лица, предающіяся злоупотребленіямъ, предавъ

(*) Государь относилъ это, конечно, къ *прежнимъ* представленіямъ комитета, ибо въ послѣднемъ, какъ мы видѣли, шла рѣчь уже о другой мѣрѣ.

кого нужно законному сужденію, важнѣйшее занятіе ваше должно быть: сообразить на мѣстѣ полезнѣйшее устройство и управленіе сего отдаленнаго края, и сдѣлавъ оному начертаніе на бумагѣ, *по окончаніи занятій вашихъ самимъ привезти оное ко мнѣ въ Петербургъ*, дабы имѣлъ я способъ узнать изустно отъ васъ настоящее положеніе сего важнаго края и прочнымъ образомъ установить на предбудущія времена его благосостояніе.

«По моему изчисленію, возлагаемое на васъ препорученіе можетъ продлиться года полтора, или, по большей мѣрѣ, два. Сего времени я полагаю достаточнымъ вникнуть вамъ во всѣ подробности Сибирскихъ дѣлъ и сообразить, съ точностію, лучшій порядокъ ко введенію въ сіи отдаленныя губерніи.

«Такимъ образомъ я надѣюсь, что устройство сего генералъ-губернаторства, вами заведенное и которое въ начертаніи вы мнѣ представите *по пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ*, поставитъ меня въ возможность назначить вамъ преемника, съ увѣренностію о продолженіи благосостоянія Сибири. Вамъ же предоставляю я себѣ дать тогда другое занятіе, *болѣе сходное тому приближенію, въ коемъ я привыкъ съ вами находиться.*»

Другое письмо Государя еще болѣе имѣло характеръ частнаго. Вотъ оно:

«Занимаясь бумагами, относящимися къ новому назначенію вашему, получилъ я письмо, въ коемъ просите вы отпуска въ Петербургъ по домашнимъ дѣламъ вашимъ.

«Я надѣюсь, что вы сами почувствуете невозможность мнѣ нынѣ удовлетворить желанію вашему. Присутствіе начальника въ Сибири дѣлается день ото дня необходимѣе, не говоря уже о чрезмѣрномъ прибавленіи къ пути вашему поѣздкой въ Петербургъ.

«Потщитесь исполнить возлагаемое мною на васъ нынѣ

порученіе съ тѣмъ дарованіемъ и исправностію, кои васъ отличаютъ, и тогда пріѣдете вы въ Петербургъ съ явною новою заслугою, оказанною отечеству, и которая поставитъ меня *въ дѣйствительную возможность основать уже ваше пребываніе навсегда при мнѣ въ Петербургѣ.*»

Вмѣстѣ съ письмами и копіею указа, Аракчеевъ присылалъ экземпляръ общей инструкціи сенаторамъ, командируемымъ для ревизіи губерній, разные доносы и другія дѣла по Сибирскимъ губерніямъ, и предписаніе министра финансовъ Пензенской казенной палатѣ о выдачѣ новому генералъ-губернатору, на подъемъ, 10,000 р. асс.

Такимъ образомъ опала, по наружности, была снята. Послѣ Пензенской должности, такой важный постъ, такія обширныя уполномочія, такой достойный Сперанскаго кругъ дѣйствія, естественно, должны были льстить его самолюбію, а трудъ и лишенія не могли пугать человѣка, уже прошедшаго черезъ школу огромной дѣятельности и всякихъ испытаній. Съ другой стороны, въ выраженіяхъ рескрипта раскрывались причины прежней немилости, указывалось на несуществованіе уже никакихъ дальнѣйшихъ подозрѣній, говорилось о близости возврата, опредѣлялся даже его срокъ, предполагался выборъ преемника. Не смотря на все это, чувство, съ которымъ Сперанскій принялъ свое назначеніе, было—чувствомъ глубокой печали. Новое удаленіе отъ друзей и дочери; нарушеніе привычекъ тихой и домосѣдной жизни; скука и заботы дальняго странствія; отчужденіе отъ просвѣщеннаго міра; наконецъ необходимость, только что пройдя сквозь столько страданій, обратиться въ невольное орудіе несчастія, хотя бы и заслуженнаго, для другихъ,—всѣ эти причины, безъ сомнѣнія, должны были его разстроивать; но едва ли не тяготился его духъ еще болѣе другимъ обстоятельствомъ. Съ перваго дня паденія конечною цѣлію тайныхъ желаній и надеждъ

Сперанскаго было—возвращеніе снова *въ Петербургъ* и, черезъ Петербургъ, *ко Двору и съ прежнюю милость*. Теперь его ото всего этого удаляли, и хотя удаляли съ честію и съ обѣщаніемъ возврата, но почти на край свѣта, гдѣ и голосъ его могъ изчезнуть и самая память о немъ могла изгладиться. Государю, впрочемъ, онъ не хотѣлъ или не счелъ себя въ правѣ вполнѣ выразить свои чувства. На указъ и на оба письма онъ отвѣчалъ Александру (5-го апрѣля) только слѣдующимъ:

«Исполненное благости и великодушія писаніе Вашего Величества оживило упадшій духъ мой.

«И тогда, какъ стеченіемъ обстоятельствъ я былъ преслѣдуемъ, я не переставалъ видѣть въ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, единственной моей защиты: ибо не переставалъ чувствовать и справедливость Вашу и мою невинность.

«Теперь же, когда Вы удостоили меня довѣріемъ яснѣе прозрѣть и въ положеніе мое и въ благотворныя намѣренія Ваши, нѣтъ усилій, кои бы мнѣ казались трудными.

«Скажу искренно: не безъ горести отправляюсь я въ Сибирь; но если бъ не имѣлъ я дочери, всѣ мѣста̀, гдѣ могъ бы я Вамъ быть угоднымъ, были бы для меня равнодушны (*). Не въ дѣлахъ и не въ мѣстахъ, а въ мысляхъ и въ мнѣніи Вашемъ всегда состояло все мое любочестіе.

(*) Сперанскій ближе ознакомился съ Французскимъ языкомъ уже въ домѣ Куракина, а какъ, по натурѣ человѣческой, новое пріобрѣтеніе намъ почти всегда дороже старыхъ, то онъ крайне пристрастился къ галлицизмамъ и часто употреблялъ ихъ вмѣсто правильныхъ, свойственныхъ Русскому языку оборотовъ. Отъ этой привычки, при всѣхъ огромныхъ достоинствахъ его редакціи, онъ и послѣ уже никогда не могъ вполнѣ освободиться. Такъ и здѣсь, отъ употребленія слова: *равнодушны*, вмѣсто: *равны*, фраза получила совсѣмъ не тотъ смыслъ, который онъ хотѣлъ ей дать.

«Если сходно съ сими мыслями исполню я дѣло, нынѣ мнѣ порученное, я буду считать, что достигъ всей цѣли моихъ желаній.

«Пребываніе мое въ Перми теперь послужитъ мнѣ въ пользу. Собранныя мною тамъ подробныя о Сибири свѣдѣнія облегчатъ дальнѣйшія мои изысканія. Никакихъ трудовъ не пощажу, чтобъ представить вѣрныя основанія, на коихъ бы благосостояніе сего края можно было съ прочностію установить на будущее время.

«Впрочемъ и труды мои, и успѣхи ихъ, все будетъ зависѣть отъ вниманія Вашего, коему повергая себя, съ сердцемъ чистымъ и преданнымъ имѣю счастіе быть, и проч.»

Но передъ Аракчеевымъ Сперанскій счелъ возможнымъ, или, можетъ быть, и нужнымъ, быть откровеннѣе. Вотъ какъ писалъ онъ, въ тотъ же день, всесильному докладчику: «И неблагодарно и грѣшно бы мнѣ было увѣрять ваше сіятельство, что я принялъ новое мое назначеніе безъ горести. Искренность, которая одна можетъ составить всю мою передъ вами заслугу, заставляетъ меня признаться—*но признаться вамъ единственно*—что вѣсть сія тронула меня до глубины сердца. То, что есть въ назначеніи семъ для меня утѣшительнаго и лестнаго, все сіе есть тайна чувства моего и искренней преданности Государю. Но публика знаетъ только два слова: отказъ въ отпускѣ, и удаленіе! Я очень обманусь, если голосъ сей не будетъ общимъ. Какъ бы то ни было и не взирая ни на какіе толки, я исполню новое мое назначеніе съ тѣмъ же усердіемъ, какъ бы я самъ его желалъ или выбралъ (*).»

(*) Передъ дочерью Сперанскій выразился еще искреннѣе и, хотя въ немногихъ словахъ, но, такъ сказать, еще полнѣе. Сколько сердечной тоски въ слѣдующемъ письмѣ его къ ней, отправленномъ на другой день

Хотя, по словамъ письма́, это признаніе было *единственно для Аракчеева*, однако тотъ понялъ тайную цѣль Сперанскаго и оно сдѣлалось, вмѣстѣ, признаніемъ и для Государя. Не далѣе какъ 22-го апрѣля, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ писалъ новому генералъ-губернатору: «Государь Императоръ, видя изъ отвѣта вашего къ графу Аракчееву предположеніе ваше о мнѣніи публики на счетъ вашего назначенія, поручилъ мнѣ (*) васъ удостовѣрить, что оное произвело вообще хорошее дѣйствіе. Иные приписывали отличной довѣренности къ вамъ порученіе края, столь требующаго вниманія Государя по многимъ отношеніямъ; другіе находили, что сіе назначеніе будетъ имѣть для Сибирскихъ губерній самыя благодѣтельныя послѣдствія. Въ разсужденіи же просьбы вашей объ отпускѣ,

(1-го апрѣля) по полученіи указа: «Что сказать тебѣ, любезная моя Елисавета, о новомъ ударѣ бурнаго вѣтра, который вновь насъ разлучаетъ по крайней мѣрѣ на годъ. Вчера я получилъ вѣсть сію и, признаюсь, еще не образумился. Думаю, однако же, что Господь дастъ мнѣ силы перенести и сіе огорченіе, по всей вѣроятности послѣднее: ибо есть конецъ всякой силѣ изобрѣтенія и есть же конецъ и всякому терпѣнію.» Спустя нѣсколько дней (5-го апрѣля) онъ писалъ: «Нѣтъ нужды тебѣ описывать первыя мои впечатлѣнія. По счастію я говѣлъ (вспомнимъ, что это было на Страстной недѣлѣ) и впечатлѣнія сіи не могли глубоко проникнуть мою душу: занято было мѣсто. Въ четвергъ я пріобщался: это еще болѣе изцѣлило или закрыло мои раны . . .»

(*) Почему же Голицыну, а не Аракчееву, черезъ котораго объявлено было Сперанскому его назначеніе и которому онъ такъ откровенно довѣрилъ свою скорбь? Это была тайна Александра и хитраго Аракчеева, не желавшаго, вѣроятно, поставить себя въ слишкомъ конфиденціальныя сношенія съ Сперанскимъ, которому, впрочемъ, достаточно было этого намека, чтобы съ нимъ сообразоваться и на будущее время. 18-го декабря 1819-го года онъ писалъ графу Кочубею: «Сношенія мои съ Петербургомъ учредились посредствомъ князя Голицына. Мнѣ указана была сія дорога свыше: ибо на письмо мое къ графу Аракчееву изъ Пензы я получилъ отвѣтъ не черезъ него, но черезъ князя Александра Николаевича.»

мало и знали о ней: ибо она прислана была отъ васъ къ графу Вязмитинову, а имъ доставлена прямо къ Его Величеству.»

Едва ли нужно прибавлять, что признаки возобновленной милости и довѣрія Государя къ Сперанскому обратились для многихъ, еще гораздо болѣе чѣмъ при Пензенскомъ назначеніи, въ поводъ къ внѣшнимъ изъявленіямъ ему своихъ чувствъ. Предусмотрительнымъ честолюбцамъ, или людямъ боязливымъ, уже грезилась близость его къ прежнему могуществу, и всякій стыдъ, всякое припамятованіе о прошедшемъ были отброшены ими въ сторону. Высшіе сановники и лица изъ первыхъ рядовъ общества поспѣшили излиться въ цѣлой тучѣ поздравительныхъ и привѣтственныхъ писемъ, въ которыхъ они превозносили новаго генералъ-губернатора до небесъ, предсказывая отъ него для Сибири небывалое, невиданное, невообразимое,—словомъ золотую будущность. «Не васъ—писалъ ему, напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ—но Сибирь поздравляю я съ новымъ генералъ-губернаторомъ. Васъ ведетъ въ мірѣ семъ явно перстъ Божій: опредѣленіе васъ генералъ-губернаторомъ Сибирскимъ есть дѣло Промысла. Въ 1808-мъ году, живучи, для изслѣдованія негодствъ Пензенскихъ, три мѣсяца въ Пензѣ, узналъ я, что̀ тогда она была и знаю что̀ она теперь: видно и съ Сибирью послѣдуетъ такая же перемѣна. Стоны и молитвы страждущихъ въ томъ краю, видно, достигли Всевышняго. Мысленно васъ обнимая, желаю вамъ отъ всего сердца мудрости змѣиной и цѣлости или чистоты голубиной: да будетъ съ вами руководствующій васъ Спаситель и да возвратитъ Онъ поскорѣе васъ сюда во славѣ и удовольствіи!» Въ другомъ письмѣ онъ же говорилъ: «Знаете ли какая рѣдкость при опредѣленіи васъ Сибирскимъ начальникомъ случилась? Всѣ были онымъ довольны: *никто* въ томъ правительства не упрекалъ: оно

попало на общее мнѣніе.»—Трощинскій, нѣкогда такой жестокій порицатель образа мыслей и дѣйствій Сперанскаго, выражался теперь передъ нимъ въ слѣдующихъ фразахъ: «Облеченіе вашего превосходительства въ новое званіе, сообразнѣйшее достоинствамъ вашимъ и опредѣляющее пространнѣйшій кругъ дѣятельности и попечительности вашей къ благосостоянію обширной страны Сибирской, принято всѣми любящими и почитающими васъ съ неизъяснимымъ чувствованіемъ. Въ числѣ сихъ и я бывъ, ласкалъ себя сугубымъ удовольствіемъ увидѣться здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) еще разъ съ вами: но узнавъ, что вы отправились прямо въ мѣсто своего назначенія, осталось мнѣ только искреннѣйше желать вамъ благополучнаго успѣха во всѣхъ великихъ подвигахъ вашихъ, на общую пользу подъемлемыхъ (*).»—Писалъ, наконецъ, и Пестель, льстивость словъ котораго, въ *его* положеніи, по крайней мѣрѣ была и понятнѣе и, можетъ быть, простительнѣе. Отправляя въ распоряженіе новаго генералъ-губернатора бывшую свою канцелярію, онъ такъ заключилъ свое письмо къ нему: «Пріятна мнѣ, при семъ случаѣ, обязанность поручить чиновниковъ оной въ покровительство ваше, которое потому болѣе дорого и надежно, что въ достоинствѣ другихъ находили вы всегда собственное ваше удовольствіе, а свободу отъ временныхъ предубѣжденій пріобрѣли въ кругу того покойнаго положенія, которымъ обыкновенно награждается человѣкъ,

---

(*) Трощинскій еще и прежде того, при назначеніи Сперанскаго Пензенскимъ губернаторомъ, писалъ ему: «Вѣрьте, ваше превосходительство, что я никогда не увлекался никакими на счетъ васъ толками, которыхъ впрочемъ человѣку, хотя нѣсколько отдѣляющемуся отъ круга людей обыкновенныхъ, избѣжать почти невозможно: но зная васъ лучше другихъ, сохранялъ всегда неизмѣнное къ вамъ уваженіе, и по сему чувствованію пріятно мнѣ возобновить съ вами сношенія, какъ по службѣ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ могу удостовѣрить васъ въ отличномъ почтеніи, и пр.»

сквозь большой трудъ прошедшій. Откровенно признаюсь передъ вами, что я обрадованъ—и за утѣшительное мое чувство благодарю Бога—что какъ моя собственная судьба, такъ и судьба всѣхъ, съ честью служащихъ въ Сибири людей, зависитъ нынѣ отъ васъ. Сіе особенное милосердіе Божеское въ полной мѣрѣ я цѣню. Посвятивъ вамъ съ давнихъ лѣтъ совершенное почтеніе и уважительную приверженность, сохранялъ я къ вамъ сіи чувства неизмѣняемо и навсегда съ оными пребуду непоколебимо, и пр.»

Но въ самомъ Сперанскомъ ничто не могло ослабить скорбныхъ его ощущеній. При всей ловкости оборота, они отпечатлѣлись и въ его отвѣтѣ Голицыну. «Мысль, изъявленная мною въ письмѣ къ графу Аракчееву—писалъ онъ князю, уже изъ Казани—была слѣдствіемъ первыхъ впечатлѣній. Мнѣ простительно видѣть иногда вещи съ мрачной ихъ стороны. Впрочемъ и сія мрачная сторона и вся забота о мнѣніи публики изчезаютъ предъ чувствомъ долга и личной моей привязанности къ Государю. Научась опытомъ покоряться Промыслу, иду въ предлежащій мнѣ путь, конечно, не безъ прискорбія, но не теряя ни надежды, ни довѣрія къ рукѣ меня ведущей.» Гурьеву онъ, около того же времени, писалъ: «Въ теченіи нынѣшняго лѣта я надѣялся имѣть удовольствіе принести вашему высокопревосходительству лично мою благодарность за всѣ знаки довѣрія и вниманія, кои, въ продолженіи трехъ лѣтъ, непрерывно отъ васъ видѣлъ. Судьбѣ угодно было расположить иначе: вмѣсто Петербурга, я нынѣшнимъ же лѣтомъ долженъ быть въ Иркутскѣ. По множеству причинъ, отправленіе сіе весьма для меня горестно. Послѣ всего, что я испыталъ, мнѣ простительно видѣть вещи съ самой мрачной ихъ стороны; но да будетъ во всемъ воля Божія!..... Весьма утѣшительно для меня будетъ сохранить и въ Сибири довѣріе ваше къ моимъ правиламъ; основаніемъ ихъ

будетъ: *помогать* всѣмъ частямъ и *не мѣшаться ни въ одну* (*).» Въ сохранившемся черновомъ отпускѣ письма его, нѣсколько позднѣйшаго, къ графу Кочубею, есть слѣдующія строки: «Отправленіе въ Сибирь я всегда причислялъ къ составу бѣдствій, девятый годъ меня преслѣдующихъ. Сія часть бытія моего одною оттѣнкою раз-

---

(*) Очень интересенъ, по разнымъ отношеніямъ, отвѣтъ Гурьева (отъ 22 апрѣля) на это письмо. «Когда пронеслись здѣсь слухи о вашемъ пріѣздѣ въ Петербургъ—писалъ онъ—я сердечно былъ обрадованъ; но вскорѣ съ удивленіемъ, случайно и *отъ самого источника* узналъ я, прежде всѣхъ, о вашемъ новомъ назначеніи; тогда не могъ я не возобновить повторенія, сколь полезно бы было занять васъ важнѣйшими дѣлами при самомъ центрѣ общаго правленія, а не въ отдѣльной какой либо части; тогда мнѣ отозвались, что взглядъ вашъ на столь мало открытый и неизвѣстный край довершитъ ваши общія свѣдѣнія о положеніи всѣхъ частей государства и тогда съ большимъ еще совершенствомъ вы можете здѣсь привести въ образованіе и порядокъ все то̀, что на васъ возлагаемо будетъ; при чемъ весьма убѣдительно меня увѣрили, что черезъ самое короткое время вы къ намъ будете и съ тѣмъ, чтобы навсегда здѣсь остаться; я сего искренно желаю: десятилѣтнее управленіе столь трудное и съ большою отвѣтственностію сопряженное, превозможеніе, съ помощію Божіею, эпохи столь тяжкой и приведеніе части въ нѣкоторое улучшеніе, внушаютъ новое участіе въ успѣхѣ; но одна часть безъ помощи другихъ съ пользою идти не можетъ. Юстиція и полиція суть спутницы финансовъ и онѣ неразрывно должны идти вмѣстѣ. Что же дѣлать, если одна дѣйствуетъ въ духѣ 19-го вѣка, а другія нѣсколько вѣковъ назади, и ежели еще какая-то посторонняя сила домогается все обратить къ состоянію кочующихъ? Въ семъ-то положеніи, чѣмъ болѣе восхищаешься величіемъ и славою высшей степени, на которую возвелъ Россію безпримѣрный нашъ Государь, чѣмъ болѣе его любишь, чѣмъ болѣе желаешь быть ему полезнымъ, тѣмъ болѣе упадаешь духомъ и подкрѣпляешься въ желаніи отъ всего удалиться, когда въ таковомъ порядкѣ вещей видишь невозможность дѣйствовать съ тою пользою, съ какою могли бы мы при колоссальныхъ нашихъ способахъ. *Вы одни* въ состояніи дать направленіе и совокупить къ единству дѣйствіе правительственныхъ частей, ежели бъ были введены въ кругъ прежняго вашего положенія. Вы, конечно, увѣрены въ искренности сей моей мысли: я, право, льстить не умѣю.»

нится отъ цѣлаго!» Эти строки, бывъ зачеркнуты въ черновомъ, хотя и не вошли въ отправленное письмо, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ о тогдашнемъ настроеніи духа писавшаго ихъ. Масальскому онъ, тотчасъ послѣ своего назначенія, писалъ: «Прощаясь съ вами, любезный Петръ Григорьевичъ, желалъ бы представить вамъ какія либо утѣшенія, но и самъ, по истинѣ, ихъ не имѣю. Предаю и васъ, какъ и себя, неисповѣдимому руководству Провидѣнія.»—Наконецъ, говоря о той же печали своей въ письмѣ къ Х. І. Лазареву, Сперанскій прибавлялъ: «въ судьбѣ моей есть столь много страннаго, что всѣ разсчеты вѣроятностей теряются и друзья мои ничего вѣрнаго не должны полагать, кромѣ моего сердца и чувствъ, не знающихъ ни мѣстъ, ни разстояній.»

II.

Сперанскій не могъ ѣхать къ новой должности тотчасъ, по полученіи указа. Дочь его уже давно находилась опять въ Петербургѣ, и съ этой стороны онъ былъ спокоенъ; но необходимость устроить хозяйственныя свои дѣла, въ особенности же дождаться пріѣзда преемника, которымъ былъ назначенъ прежній его подчиненный и другъ, Өедоръ Петровичъ Лубяновскій, задержала его въ Пензѣ долѣе нежели онъ сперва разсчитывалъ. «Получивъ высочайшій указъ 31-го марта—писалъ онъ Аракчееву 5-го апрѣля—я распорядился отправиться въ путь чрезъ двѣ или три недѣли. Не взирая на разлитіе рѣкъ и чрезмѣрно худую дорогу, надѣюсь что въ первыхъ числахъ мая буду уже въ Казани. Здѣсь полагаю я пробыть дней десять (*), чтобъ сождаться съ канцеляріею и дѣлами, кои, какъ я

(*) Дѣйствительно же онъ пробылъ потомъ въ Казани только три дня.

предполагаю, отъ предмѣстника моего отправятся ко мнѣ прямо изъ Петербурга.» Вмѣсто того позднее прибытіе Лубяновскаго, которому онъ хотѣлъ лично сдать губернію и поручить Хапеневку, дозволило ему выѣхать не прежде 7-го мая.

Между тѣмъ въ Пензѣ готовились проводы. Разлука съ любимымъ губернаторомъ составила, для города и губерніи, историческое произшествіе. Выпишемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ статьи, которая была напечатана о томъ въ современныхъ газетахъ. Подобные оффиціальные восторги и демонстраціи, конечно, не много имѣютъ вѣса, но въ настоящемъ случаѣ газетное описаніе, по увѣренію живыхъ еще самовидцевъ, вполнѣ соотвѣтствовало истинѣ и было, при всѣхъ реторическихъ его фразахъ, прямымъ выраженіемъ общаго чувства: къ тому же дѣло шло не о *новомъ* начальникѣ, а о *бывшемъ*, который навсегда оставлялъ край и терялъ всякое на него вліяніе. Наконецъ эта статья примѣчательна еще и въ другомъ отношеніи: кто бы за три года передъ тѣмъ, могъ предсказать, что имени Сперанскаго позволено будетъ снова появиться *передъ публикою*, окруженному *такимъ* сіяніемъ!

«Въ прошедшую среду, мая 7-го дня (напечатано было въ Московскихъ вѣдомостяхъ, по письму изъ Пензы отъ 13-го мая), разстались мы съ почтеннѣйшимъ начальникомъ нашимъ Михаиломъ Михайловичемъ Сперанскимъ. Взысканный отличною довѣренностію Монарха, онъ возведенъ въ званіе Сибирскаго генералъ-губернатора. Любя и почитая его душевно, всѣ жители какъ города, такъ и губерніи Пензенской, радовались сему событію; но чувство невольнаго огорченія отравляло радость сію: мы должны были съ нимъ разстаться! 29-го апрѣля Пензенское дворянство и именитое купечество давали ему, въ знакъ признательности, блистательный балъ въ домѣ благороднаго

собранія, а 7-го мая, въ день его отъѣзда, приготовили на берегахъ Суры, на томъ мѣстѣ, гдѣ ему должно было черезъ сію рѣку переправляться, большой завтракъ. Всѣ, кто только могъ быть тутъ, желали еще разъ видѣть любимаго начальника. Стеченіе народа было чрезвычайное. Когда губернскій предводитель отъ лица цѣлой губерніи изъявилъ ему благодарность за кроткое и правосудное управленіе и пожелалъ безпрерывныхъ благъ, никто не могъ удержаться отъ слезъ и отъѣзжающій также заплакалъ и одними слезами могъ отвѣчать на искреннее изъявленіе чувствъ истинной привязанности. Взоры присутствовавшихъ провожали его за Суру, до того времени когда карета скрылась изъ виду: безпрестанные крики народа сопровождали его благословеніями: да и кто жъ бы не благословилъ его? Кто могъ быть имъ недоволенъ? Какой несчастный остался неутѣшеннымъ? Утро 7-го мая на берегахъ Суры было истиннымъ торжествомъ добродѣтели. Хвала начальнику, умѣющему такимъ образомъ привязывать управленію его ввѣренныхъ! Никогда память о пребываніи Михаила Михайловича не истребится у Пензенскихъ жителей и мы увѣрены, что, гдѣ бы онъ ни былъ, всегда будетъ почитать здѣшнихъ жителей своимъ семействомъ, привязаннымъ къ нему узами благодарности, почтенія и любви нелицемѣрной (*).»

(*) Въ запискѣ, доставленной намъ отъ бывшаго Пензенскаго губернатора Панчулидзева, это описаніе дополняется еще слѣдующими подробностями: «Отслушавъ обѣдню и молебенъ въ каѳедральномъ соборѣ и принявъ благословеніе отъ епископа Аѳанасія, Михаилъ Михайловичъ выѣхалъ изъ Пензы въ 1-мъ часу. У Городищенской заставы, подлѣ устроеннаго на берегу Суры парома, толпилось нѣсколько тысячъ человѣкъ въ праздничныхъ платьяхъ, а у дома купца Калашникова, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ, дожидались предводители съ дворянствомъ, голова съ гражданами и всѣ служащіе чиновники. Послѣ завтрака, обходя кругъ, бывшій губернаторъ всѣхъ благодарилъ и со сле-

Такіе проводы, отчасти и самое это описаніе, польстили, кажется, и чувству и тщеславію Сперанскаго. Въ «дневникѣ» его, напримѣръ, подробно описанъ балъ 29-го апрѣля (*). Дочери онъ писалъ, уже изъ Тобольска: «Вели себѣ сыскать и прочитай непремѣнно № 43-й мая мѣсяца Московскихъ вѣдомостей. Ты увидишь тамъ мое прощанье съ Пензою. Не знаю еще моего Гомера, но онъ правдивѣе Греческаго.» Наконецъ печатный пригласительный билетъ на балъ 29-го апрѣля Сперанскій всегда хранилъ какъ бы родъ трофея. Послѣ его смерти,— слѣдственно спустя двадцать лѣтъ,—этотъ билетъ найденъ въ картонѣ съ разными другими документами и бумагами, на которомъ была надпись: *матеріалы къ біографіи.*

До границы Пензенской губерніи Сперанскаго провожали депутаты отъ дворянства. 10-го мая онъ уже былъ въ Казани. Тамъ его ожидала высланная изъ Петербурга часть бывшей канцеляріи Пестеля и туда же прибыли причисленные къ новому генералъ-губернатору, по ходатайству его о томъ, неизмѣнно вѣрный Цейеръ и сынъ г-жи

зами прощался. Когда онъ вышелъ изъ дому, народъ столпился и, окруживъ его въ слезахъ, не хотѣлъ пускать далѣе. Почетнѣйшія лица провожали его на паромѣ и простились уже на другомъ берегу рѣки. При отъѣздѣ многіе просили его о родныхъ и знакомыхъ, сосланныхъ въ Сибирь за преступленія. Вниманіе Михаила Михайловича было таково, что онъ и на эти просьбы отвѣчалъ изъ Сибири, а нѣкоторыхъ обрадовалъ исходатайствованіемъ облегченія участи ихъ родныхъ.»

(*) «Противъ дома—записано въ немъ—горѣла иллюминація. При входѣ, надъ портикомъ, транспарантъ: *М. М. Сперанскому.* Въ залѣ два транспаранта, одинъ съ вензелемъ, съ надписью:

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ!

Другой представлялъ пирамиду съ солнцемъ освѣщающимъ. На базисѣ надпись: *21-го октября 1816 и 29-го апрѣля 1819.* При входѣ— хоръ, сочиненіе П. П. Арапова; на ужинѣ хоръ его же сочиненія.»

Вейкардтъ, Егоръ Егоровичъ, или, какъ его называли запросто, Жоржъ, молодой мальчикъ, только что начавшій службу и вызванный Сперанскимъ преимущественно для того, чтобы подъ своимъ надзоромъ окончить его воспитаніе. За тѣмъ при генералъ-губернаторѣ еще были только два лица, до нѣкоторой степени ему извѣстныя: упомянутый нами выше Рѣпинскій и сынъ Дерптскаго купца и бургомистра, Густавъ Григорьевичъ Вильде, который, поступивъ изъ Дерптскаго университета въ домашніе учители къ Г. Д. Столыпину, по своему музыкальному таланту сблизился съ Сперанскимъ и былъ имъ взятъ къ себѣ болѣе изъ человѣколюбія, чтобы составить ему положеніе въ обществѣ (*). Еще просился на службу въ Сибирь Х. І. Лазаревъ; но его другъ отклонилъ это намѣреніе: «Служить и жить съ вами—отвѣчалъ онъ ему—мнѣ вездѣ и всегда будетъ пріятно; но положеніе мое въ Сибири еще неопредѣленно и первый годъ пройдетъ весь въ обозрѣніяхъ.»

Остановясь въ Казани на три дня, Сперанскій провелъ это время въ пріемахъ и въ ознакомленіи съ прибывшими изъ Петербурга дѣлами и людьми, а также съ примѣчательностями самаго города, черезъ который, въ 1812-мъ году, его провезли мелькомъ и почти тайно. Главное мѣсто въ его осмотрахъ занялъ, разумѣется, университетъ. Вотъ что записано о немъ въ «дневникѣ»: «Обозрѣніе университета. Библіотека прекрасна; она составлена изъ остатковъ библіотеки князя Потемкина, въ которую влилась прекрасная библіотека Евгенія Болгара, изъ библіоте-

---

(*) Вильде умеръ въ 1855-мъ году, въ отставкѣ, въ Петербургѣ. Братъ его былъ здѣсь извѣстнымъ артистомъ Нѣмецкой труппы, а самъ онъ—ревностнымъ посѣтителемъ Англійскаго клуба. Г. Вейкардтъ служитъ нынѣ членомъ С.-Петербургской таможни.

ки, купленной у Франка, и небольшой библіотеки, подаренной покойнымъ помѣщикомъ Полянскимъ, жившимъ долгое время во Франціи и знакомымъ съ Волтеромъ. Древностей нѣтъ, кромѣ Острожской библіи обыкновенной. Кабинеты недостаточны, кромѣ электрической машины съ весьма обширными приборами, сдѣланной и подаренной Турчаниновымъ. Университетъ весьма помѣстителенъ. Обсерваторія ничтожная. Профессоръ одинъ, Фуксъ, чудо! Проректоръ Солнцовъ говоритъ по-латыни и изрядно . . . . . Ввечеру визита (*) профессору Фуксу. Многообразность его познаній. Страсть и знаніе Татарскихъ медалей. Знанія его въ Татарскомъ и Арабскомъ языкѣ. Благочестивый и нравственный человѣкъ. Весьма дѣятеленъ. Большое его вліяніе на Татаръ по медицинѣ (**).» Далѣе, при выѣздѣ изъ Казани, въ «дневникѣ» (***) отмѣчено: «Воспоминанія. Я ѣхалъ, или, лучше сказать, *меня везли* въ Сибирь (т. е. въ Пермь) тѣми же улицами 18-го сентября 1812-го!» Прибывъ въ Пермь, гдѣ губернаторъ (уже не Гермесъ, а замѣнившій его Криденеръ) далъ, въ честь ему, балъ, онъ написалъ Х. І. Лазареву: «мы хотя и не могли остановиться въ вашемъ домѣ (****), но обѣдали тамъ и ужинали. Сколько тутъ было для меня и пріятныхъ и горестныхъ воспоминаній.» а своей дочери: «я въ Перми, и ты мо-

(*) Сперанскій всегда такъ писалъ это слово.

(**) Профессоръ К. Ѳ. Фуксъ былъ потомъ нѣкоторое время и ректоромъ Казанскаго университета.

(***) Онъ началъ вести этотъ, уже упомянутый нами «дневникъ» съ полученія указа о своемъ назначеніи генералъ-губернаторомъ и продолжалъ его до августа 1821-го года. Тутъ, большею частію, лишь краткія замѣтки, иногда даже одни имена или простыя оглавленія, записанныя въ помощь памяти, безъ всякаго притязанія на что либо въ родѣ *мемуаровъ*. Впрочемъ, мѣстами, встрѣчается въ немъ и нѣсколько подробностей довольно любопытныхъ.

(****) Ему было отведено помѣщеніе въ домѣ Кнауфа.

жешь представить всю странность, всю противуположность моихъ впечатлѣній. Это есть мѣсто моихъ страданій, училище терпѣнія, покорности и духовнаго величія.» Нашъ Пермскій пріятель Поповъ, съ своей стороны, отмѣтилъ при этомъ случаѣ: «Въ Перми, на пути въ Сибирь, Михаилъ Михайловичъ былъ хотя и отлично ко всѣмъ благосклоненъ и обязателенъ, но уже не тотъ, котораго прежде каждый почиталъ своимъ другомъ, а сановникъ, передъ которымъ всѣ благоговѣйно себя держали . . . . .» Изъ Перми дорога его лежала черезъ Кунгуръ, Екатеринбургъ и Камышловъ. По пути, онъ обозрѣлъ Сукcунскій и Верхнейсетскій заводы и Екатеринбургскій монетный дворъ, и осматривалъ также вездѣ присутственныя мѣста, больницы и остроги. Наконецъ 22-го мая, поздо вечеромъ, между Маріинскою и Тугулымскою станціями, его встрѣтили Тюменскіе чиновники съ казаками.

Сперанскій—былъ въ Сибири.

Поздо вечеромъ въ тотъ же день онъ пріѣхалъ въ Тюмень и на другое утро занялся обозрѣніемъ города и его общественныхъ учрежденій. Купечество поднесло ему хлѣбъ и соль на серебряномъ блюдѣ. «Хлѣбъ принятъ,—записано въ «дневникѣ»—а блюдо возвращено (*).»

(*) К. Г. Рѣпинскій дополнилъ намъ эти слова «дневника» слѣдующимъ анекдотомъ: «При прощаньи съ Тюменцами, городской голова, или одинъ изъ депутатовъ, подносившихъ Михайлу Михайловичу хлѣбъ-соль, вызвалъ меня въ другую комнату и, кланяясь, представилъ свертокъ ассигнацій—«*поминанчикъ, батюшка, отъ насъ на дорогу*!»—Я ужасно смутился и, не отвѣчая ни слова, убѣжалъ отъ него въ общую залу; Жоржъ замѣтилъ мое смущеніе и я разсказалъ ему случившееся, а онъ дорогою передалъ Цейеру, послѣдній же, по пріѣздѣ на станцію, Михайлу Михайловичу. Послѣ того, на одной изъ станцій отъ Тюмени къ Тобольску, Михайло Михайловичъ, въ присутствіи всѣхъ насъ, спутниковъ своихъ, говорилъ, что деньги, взятыя имъ въ Пензѣ въ число подъемныхъ, на исходѣ, такъ что едва станетъ ихъ на прогоны до То-

24-го, переправясь въ бурную погоду черезъ Туру и потомъ черезъ Иртышъ, онъ вечеромъ пріѣхалъ въ Тобольскъ, гдѣ высыпали къ нему на встрѣчу чиновники, купечество и народъ. 25-е число, Троицынъ день, прошло въ представленіяхъ, обѣдѣ у губернатора, посѣщеніи архіерея и пр. Духовъ день проведенъ былъ такимъ же образомъ, а 27-го генералъ-губернаторъ далъ предложеніе всѣмъ Сибирскимъ губернскимъ правленіямъ, что «прибывъ на мѣсто, вступаетъ въ отправленіе должности.»

III.

Если два года, проведенные Сперанскимъ въ Сибири, не представляли того романическаго интереса, которымъ такъ обиловало его прошедшее, то, въ замѣнъ, они обогатили его множествомъ новыхъ свѣдѣній и массою опытности, отразившимися какъ на послѣдующей его дѣятельности, такъ и на будущности самой Сибири. Болѣе сорока лѣтъ прошло со времени его тамъ подвиговъ; важными событіями, внутренними и внѣшними, пережитыми съ тѣхъ поръ молодымъ государствомъ, эти подвиги отодвинуты, въ кругѣ нашей общественной жизни, на задній планъ, по крайней мѣрѣ утратили, для большинства, свою занимательность и даже свое значеніе; но въ лѣтописяхъ Сибири они всегда будутъ занимать важное мѣсто. Сперанскій, и по дѣйствіямъ и по времени, стоитъ здѣсь поворотнымъ столбомъ, и хотя тоскливое стремленіе къ столицѣ, объясняемое страхомъ остаться на вѣки отъ нея удаленнымъ и же-

---

больска, и обратясь ко мнѣ примолвилъ смѣючись: «оба мы съ тобою сдѣлали, кажется, большую глупость; я не взялъ *блюда*, ты *денегъ*: вѣдь теперь пригодились бы!»

ланіемъ какъ болѣе славной для себя дѣятельности, такъ и возобновленія семейной жизни, омрачило его личное существованіе, однако въ немъ все еще оставалось довольно энергіи, чтобы бросить лучи свѣта на этотъ отдаленный край. Самъ онъ въѣхалъ въ Сибирь, послѣ свѣдѣній, сообщенныхъ ему изъ Петербурга, съ сильнымъ предубѣжденіемъ: но для ея жителей назначеніе его было большимъ, неожиданнымъ праздникомъ, первымъ, такъ сказать, проблескомъ надежды на лучшую будущность. Въ одномъ только онъ ошибся. Содержаніе рескриптовъ, первыя бумаги изъ Петербурга, самое даже его опредѣленіе,—все заставляло думать, что Петербургскія власти приняли въ Сибирскомъ населеніи и въ Сибирскихъ дѣлахъ наиживѣйшее участіе: но это—только такъ казалось; дѣло между ними уже было предрѣшено афоризмомъ: «Сперанскій все уладитъ!» и этого для нихъ было достаточно чтобы успокоиться.

Начавъ вникать въ сущность и таинственный духъ бывшаго до него управленія, новый генералъ-губернаторъ поставилъ себѣ первою обязанностію увѣрить жителей, что жалобы на мѣстное начальство не составляютъ преступленія и что есть, наконецъ, возможность ихъ приносить. Уже одно поселеніе такой увѣренности должно было послужить великою отрадою для притѣсненныхъ и обузданіемъ для притѣснителей, хотя, съ другой стороны, подняло, болѣе можетъ быть чѣмъ предвидѣли, затѣйливыхъ притязаній, личныхъ мщеній и напрасныхъ чаяній. Повѣстивъ изъ Тобольска по всѣмъ уѣздамъ и волостямъ о своемъ прибытіи, Сперанскій ожидалъ послѣдствій. «Зла—писалъ онъ—вездѣ много; но здѣшнее зло имѣетъ то особое свойство, что люди, чѣмъ менѣе надѣются быть услышаны, тѣмъ болѣе ропщутъ.» Первыя жалобы и первыя по нимъ слѣдствія, произведенныя черезъ посланныхъ чиновниковъ, удостовѣрили, что главный ропотъ былъ противъ земскаго управленія. Впро-

чемъ, въ Тобольскѣ ревизія не была копотливою. Пробывъ тамъ мѣсяцъ, генералъ-губернаторъ перемѣнилъ и отрѣшилъ, на первый разъ, только гласно нетерпимое и исправилъ въ ходѣ дѣлъ то́, что скоро и легко можно было исправить. Между тѣмъ къ поѣзду его присоединилось здѣсь новое лицо, Тобольскій уроженецъ, воспитанный во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, Гавріилъ Степановичъ Батеньковъ, который, участвовавъ въ кампаніяхъ 1812—1815-го годовъ, въ 1816-мъ перешелъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія, съ назначеніемъ на службу въ Сибирь. Въ описываемое нами время еще молодой человѣкъ 26-ти лѣтъ, только что произведенный въ капитаны, онъ состоялъ производителемъ работъ въ Томскѣ и Иркутскѣ и носилъ званіе управляющаго X-мъ округомъ путей сообщенія, который, однако, и открытъ еще не былъ. Выѣхавъ на встрѣчу генералъ-губернатору изъ Томска въ Тобольскъ, онъ представилъ ему записку по своей части. Сперанскому нуженъ былъ знающій инженеръ для его проектовъ по устройству сообщеній въ Сибири; сверхъ того и записка и ея сочинитель, въ которомъ тотчасъ можно было замѣтить пылкое воображеніе, творческія идеи и вообще блестящія дарованія, такъ ему понравились, что, оставя Батенькова при себѣ, онъ взялъ его съ собою въ Томскъ и въ Иркутскъ, а наконецъ, при выѣздѣ изъ Сибири, и въ Петербургъ. Постепенно, этотъ молодой человѣкъ, заслуживъ всю довѣренность своего начальника, сдѣлался какъ бы членомъ его семьи. Имя его еще не разъ встрѣтится у насъ ниже.

26-го іюня генералъ-губернаторъ выѣхалъ въ Томскъ (*), но съ дороги свернулъ въ Омскую крѣпость, гдѣ, за смертью

(*) Въ обозначеніи маршрута Сперанскаго и нѣкоторыхъ другихъ подробностей его путешествія мы слѣдуемъ его «дневнику» и частнымъ письмамъ, а также свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ гг. Рѣпинскаго и Батенькова.

корпуснаго командира Глазенапа, былъ принятъ начальникомъ штаба барономъ Клотомъ фонъ Юргенсбургомъ, имѣвшимъ изъ Петербурга повелѣніе отдавать Сперанскому военныя почести наравнѣ съ корпуснымъ командиромъ (*). На этомъ предѣлѣ Европейскаго общежитія, дикіе Киргизы, придвинувшись съ своими юртами, дали новому начальнику праздникъ, т. е. показали ему, сначала, какъ пожираютъ почти сырыхъ барановъ, грызя съ жадностью самыя ихъ кости, и пьютъ кумысъ, а потомъ устроили ристалище, на которомъ молодые люди, верхами, поочередно старались нагнать скачущую дѣвушку, одну изъ лучшихъ невѣстъ, отбивавшуюся отъ жениховъ плетью. Тотъ, который, не смотря на удары, обнималъ бѣглянку, становился ея женихомъ. «Нѣтъ ничего отвратительнѣе дикой природы—писалъ Сперанскій, по этому случаю, своей дочери,—если это въ самомъ дѣлѣ есть природа, а не одичавшее ея произведеніе.» Праздникъ заключился фейерверкомъ, отъ котораго бо́льшая часть Киргизовъ разбѣжалась.

Изъ Омска путь лежалъ на Каинскъ, черезъ Барабинскую степь. Извѣстно что эта мѣстность вполнѣ оправдываетъ угрозу Сибирью. Безплодный, солончаковый грунтъ, дурная вода, мошки и оводъ дѣлаютъ лѣтній проѣздъ по ней нестерпимымъ. Если бъ случилось дождливое время, то не было бы и никакой дороги; но Сперанскому пришлось перенести пытку только отъ насѣкомыхъ и смертельной духоты; о самомъ же переѣздѣ онъ, напротивъ, записалъ въ своемъ «дневникѣ»: «нѣтъ въ свѣтѣ глаже дорогъ какъ на Барабѣ; нѣтъ рѣзвѣе лошадей; нѣтъ неуто-

(*) Такъ, во все время пребыванія въ Сибири, Сперанскій имѣлъ при квартирѣ гауптвахту и ежедневно ординарцовъ и вѣстовыхъ, и принималъ рапорты отъ комендантовъ.

мимѣе кнута тамошнихъ извощиковъ.» Ѣхали не останавливаясь, потому что Сперанскій дорожилъ временемъ и любилъ ѣздить ночью, вполнѣ обладая искусствомъ спокойно спать въ дормезѣ. Свита его увеличилась докторомъ Албертомъ, котораго ямщики принимали за чудовище. «Оставивъ въ Омскѣ сломавшуюся коляску—разсказываетъ Батеньковъ — Албертъ ѣхалъ на длинныхъ дрогахъ, одѣтый въ бурку и мохнатый башлыкъ, съ очками на глазахъ, подъ черною волосяною маскою (отъ насѣкомыхъ), а въ ногахъ везъ пару охотничьихъ собакъ. На одной станціи, ночью, при расплатѣ прогоновъ, мы слышали какъ ямщикъ разсказывалъ казачьему офицеру, что везъ звѣря генеральскаго, а когда стали ближе расспрашивать, то всѣ крестьяне хоромъ повторили: «точно такъ, звѣрь мохнатый, съ страшными глазами, и чуть подойдешь—ворчитъ.»

Въ Томскѣ, куда поѣздъ прибылъ 6-го іюля, тамошній губернаторъ долженъ былъ почувствовать всю неловкость первой своей встрѣчи съ новымъ начальникомъ. Съ выхода изъ Кіевской духовной академіи, куда Илличевскій перешелъ изъ Александроневской семинаріи, онъ постоянно пользовался добрымъ расположеніемъ своего прежняго товарища, по ходатайству котораго и былъ опредѣленъ, въ началѣ 1812-го года, изъ начальниковъ отдѣленія министерства финансовъ, въ губернаторскую должность; но еще прежде чѣмъ онъ успѣлъ къ ней отправиться, Сперанскаго заточили въ Пермь. Узнавъ что Томскій губернаторъ проѣзжаетъ, заточенный вышелъ къ нему на встрѣчу за городъ; однако тотъ испугался предстоявшаго свиданія и проскакалъ мимо, не показавъ и вида что знаетъ ожидавшаго его. Теперь роли перемѣнились; но «старикъ Божій» — такъ любили называть Сперанскаго, говоря о немъ, приближенные—не зналъ чувства мести. Онъ тот-

часъ сдѣлалъ Иличевскому визитъ, успокоилъ его своимъ обращеніемъ и ничѣмъ не напомнилъ о случившемся. Но что касается дѣла, то оно въ Томскѣ представлялось въ краскахъ гораздо болѣе мрачныхъ, нежели въ Тобольскѣ: поборы были тягостнѣе, чиновники дерзновеннѣе, преступленія очевиднѣе, на самого губернатора падали сильныя подозрѣнія. «Бываютъ минуты—писалъ Сперанскій, подъ этими первыми впечатлѣніями, князю Голицыну—когда все терпѣніе изчезаетъ; желалось бы и должно бы было бо́льшую часть исполнителей смѣнить и отрѣшить: но кѣмъ замѣстить отрѣшаемыхъ? что́ можно прочное сдѣлать безъ людей и безъ правилъ, мѣстному положенію сообразныхъ? По необходимости должно рѣшиться оставлять много зла безъ исправленія и утѣшаться только тѣмъ, что оно замѣчено, обнаружено и со временемъ, при лучшихъ правилахъ и съ другими людьми, можетъ быть исправлено.» Много дней занялъ личный разборъ жалобъ на притѣсненія, монополіи и взятки; но жестокость наказанія, по тогдашнему закону, за послѣднія побудила Сперанскаго исключить слово «взятки» изъ лексикона Сибирской ревизіи и дѣла́ такого рода обратить въ простой гражданскій искъ, заставляя обличенныхъ, или сознавшихся, тутъ-же возвращать незаконно ими себѣ присвоенное. Сверхъ такой личной расправы, сверхъ обозрѣнія присутственныхъ мѣстъ и пр. (*), оставалось, впрочемъ, не мало дѣла и для бумажнаго производства. Надобно было ознакомиться съ порядкомъ и теченіемъ дѣлъ; учесть движеніе суммъ приказа общественнаго призрѣнія и расходы по части отправки и поселенія ссыльныхъ; произвести, посредствомъ особой коммиссіи, ревизію въ сѣверномъ Нарым-

(*) «Наружный порядокъ—сказано въ «дневникѣ» — изрядный; но внутри, исключая казенной палаты, все исполнено костей и мерзости.»

скомъ краѣ, гдѣ торговля была выше всякой мѣры монополизирована, и собрать свѣдѣнія объ одномъ несчастномъ событіи въ Туруханскомъ краѣ, вызывавшемъ, уже и до того, нѣсколько слѣдствій, именно объ Остякахъ, заблудившихся въ полярныхъ снѣгахъ и съѣвшихъ, для спасенія отъ голодной смерти, одного изъ товарищей (*). Наконецъ встрѣтилось еще одно особенное обстоятельство, вынудившее Сперанскаго, наканунѣ выѣзда его изъ Томска, обратиться непосредственно къ Государю. По дѣйствовавшей тогда для Сибирскаго генералъ-губернатора инструкціи, онъ могъ чиновниковъ, опредѣленныхъ къ должностямъ сенатомъ, удалять и отрѣшать самъ собою, но на смѣну лицъ, опредѣленныхъ верховною властію, долженъ былъ испрашивать особое разрѣшеніе. Предвидя что можетъ настать необходимость, если не отрѣшить, то по крайней мѣрѣ временно удалить отъ управленія губернаторовъ Томскаго и Иркутскаго, Сперанскій 31-го іюля представилъ о необходимости уполномочить его къ такой мѣрѣ, на случай, если бы въ ней оказалась настоятельная нужда. Пославъ Государю бумагу о томъ, онъ 1-го августа выѣхалъ по направленію къ Енисейску: поѣздка туда прибавляла къ его пути около тысячи верстъ, но онъ жалѣлъ о такомъ кругѣ только потому, что всѣ свѣдѣнія нудили его спѣшить прибытіемъ въ Иркутскъ.

«Благополучно—пишетъ Батеньковъ—прослѣдовали мы Красноярскій уѣздъ, гдѣ, пользуясь доброю погодою, во время перепряжки лошадей обыкновенно шли нѣкоторое разстояніе впередъ пѣшкомъ, окруженные толпою народа, съ которымъ Михайло Михайловичъ входилъ

(*) Слѣдствіе по этому дѣлу, наряженное Сперанскимъ, кончилось также почти ничѣмъ; обнаружено было только, что хлѣбъ, отправленный на Толстой мысъ, гдѣ полагался магазинъ, замерзъ на Енисеѣ не доійдя до мѣста, что и послужило виною несчастному произшествію.

въ разговоръ. Помню два случая. Волостный голова разсказывалъ, что собранныя въ 1812-мъ году на ополченіе деньги велѣно было, по заключеніи мира, возвратить крестьянамъ; «но вѣрно—прибавилъ онъ—худы были ноги у указа, едва ли за недѣлю до тебя дотащился къ намъ,» т. е. черезъ пять лѣтъ. Второй случай. Говорливый крестьянинъ проболтался передъ генералъ-губернаторомъ, что у нихъ были готовы просьбы на исправника, но послѣ разсудили, что онъ еще человѣкъ порядочный, что «ты, можетъ, опредѣлишь худшаго, потому что гдѣ же тебѣ взять хорошаго, а намъ отъ новаго за просьбу крѣпко достанется. Притомъ этотъ ужъ сытъ, другой пріѣдетъ голодный.»—«Странно—продолжаетъ Батеньковъ—теперь вспомнить о Енисейскомъ уѣздѣ и самомъ городѣ. Мы застали тамъ рѣшительно патріархальную простоту; жители выходили смотрѣть на наши лица, одежды, экипажи, какъ на чудо. Не нашлось въ разсмотрѣніи ни одного уголовнаго дѣла. Нынѣ, съ открытіемъ въ тайгахъ того же уѣзда добычи золота, нѣтъ, можетъ быть, во всей Сибири мѣста болѣе развитаго, болѣе страстнаго къ деньгамъ и привыкшаго къ роскоши. Вся свойственная Русскому человѣку хитрость влилась въ тамошнихъ жителей.» И у самого Сперанскаго въ «дневникѣ» противъ Енисейска отмѣчено: «Все въ порядкѣ. Дѣлъ почти нѣтъ;» а потомъ, при отмѣткѣ о знакомствѣ съ братьями Черепановыми: «Семейство сильное и богатое, съ отличными, но здѣсь не рѣдкими нравами. Вообще, кто хочетъ видѣть старую, святую Русь, тотъ долженъ путешествовать въ сихъ мѣстахъ. Здѣсь все старожилы, зашедшіе или переселенные сюда вскорѣ по открытіи Енисейска, большею частью потомки древнихъ казаковъ. Нравы отмѣнно чистые и простые. Въ теченіи десяти лѣтъ не было въ уѣздномъ судѣ ни одного подсудимаго изъ всѣхъ обывателей уѣзда. Нѣтъ другихъ дѣлъ

кромѣ о бѣглыхъ съ двухъ казенныхъ заводовъ, винокуреннаго и солovареннаго.» Его поразило и мѣстное нарѣчіе: «самый языкъ—продолжаетъ онъ—здѣсь примѣчателенъ по своей древности. Черепановъ, разсказывая о Тунгускѣ, изъяснялъ что *слава* сей рѣкѣ при впаденіи и до соединенія съ Илимомъ Тунгуска; а до (sic) соединенія ей же *слава* Ангара.»

14-го августа, съ пріѣздомъ въ Канскій острогъ, Сперанскій вступилъ въ предѣлы Иркутской губерніи.

Здѣсь было уже настоящее гнѣздо злоупотребленій.

Смѣтливый и изворотливый Трескинъ умѣлъ, въ продолженіе долговременнаго своего управленія, основать, для своихъ беззаконныхъ дѣйствій, твердыя связи и съ чиновниками и съ купечествомъ. «Надобно было—писалъ Сперанскій графу Кочубею—чтобъ къ этому человѣку присоединился другой, еще его рѣшительнѣе и притомъ лучшее, самое дѣловое перо, какое только случалось мнѣ встрѣчать въ жизни.» То былъ нѣкто Бѣлявскій. Возвысившись изъ низшихъ должностей до званія предсѣдателя гражданской палаты, онъ всегда былъ секретаремъ Трескина, правою его рукою. Записки и представленія, которыя Пестель подавалъ въ Петербургѣ, самыя даже письма его къ Государю, были сочиняемы обоими друзьями въ Иркутскѣ. Сперанскій нашелъ все это тамъ въ проектахъ. Онъ уже былъ въ Тобольскѣ, какъ Бѣлявскій вдругъ сошелъ съ ума и вскорѣ за тѣмъ умеръ, оставя по себѣ чувство страха въ жителяхъ и значительное богатство. Съ Трескинымъ и Бѣлявскимъ три исправника, люди также очень не глупые и отважные, составляли неразрывный союзъ. На границѣ губерніи, на рѣкѣ Канѣ, Сперанскій былъ встрѣченъ однимъ изъ нихъ, Нижнеудинскимъ, Лоскутовымъ, котораго имя обдавало страхомъ цѣлый край и уже пріобрѣло нѣкоторую знаменитость въ самомъ Петербургѣ. Человѣкъ дѣятельный и энергическій, но столько же суровый и самовластный какъ

его начальникъ, онъ успѣлъ сперва населить ссыльными Бирюсинскую волость, которой былъ смотрителемъ, а потомъ ввелъ въ своемъ уѣздѣ такую дисциплину, что, по общему мнѣнію, иголка не могла пропасть тамъ, гдѣ прежде непрерывно происходили дневные грабежи. За то и средства къ этому употреблялись самыя крайнія. Лоскутовъ не пріѣзжалъ въ селеніе иначе, какъ съ казаками, которые везли по нѣскольку возовъ прутьевъ и лозъ; тутъ онъ приступалъ къ осмотру жилищъ, кухонь и всего скарба, и за всякую неисправность безжалостно сѣкъ и мужчинъ и женщинъ. Всѣ трепетали его взгляда и терроризмъ, карающій смертію, не могъ бы внушать бо̀льшаго страха. Передъ прибытіемъ Сперанскаго онъ отобралъ въ цѣломъ уѣздѣ чернила, перья и бумагу и сложилъ ихъ въ волостныхъ правленіяхъ. Не смотря, однако, на всѣ эти предосторожности, просьбы были написаны и вручены, для поданія, двумъ сѣдымъ старикамъ. Неизобразимъ былъ ужасъ послѣднихъ, когда, переправясь, на встрѣчу генералъ-губернатору, черезъ Канъ, они увидѣли возлѣ него—самого Лоскутова! Оба упали почти безъ чувствъ на колѣни, держа свои просьбы на головѣ. Сперанскій, принявъ эти просьбы, велѣлъ Рѣпинскому читать ихъ въ слухъ. Тогда просители растянулись на землѣ. Немедленно по выслушаніи просьбъ, подтверждавшихъ всѣ, уже прежде полученныя свѣдѣнія о своеволіи и поборахъ Лоскутова, Сперанскій, тутъ же на мѣстѣ, отрѣшилъ его и арестовалъ. Когда старики были приведены въ чувство и имъ объявили что ихъ исправникъ удаленъ отъ должности, то они, трясясь всѣмъ тѣломъ, схватили Сперанскаго за полу и едва сами помня что̀ говорятъ, зашептали ему: «батюшка, вѣдь это Лоскутовъ, что̀ ты это баешь; чтобъ тебѣ за насъ чего худаго не было: вѣрно ты не знаешь Лоскутова (*).» Не смотря на то,

(*) Разсказъ Батенькова.

Сперанскій «оставилъ страшнаго исправника за Каномъ какъ за Стиксомъ» (слова дневника), и отправилъ забранное у него въ Бирюсинской волости имущество—деньги, серебро и мѣха, на сумму до 80,000 р.—съ передовымъ въ Иркутскъ, а самъ поѣхалъ въ Нижнеудинскъ, гдѣ, учредивъ надъ нимъ слѣдственную коммиссію, остался на двѣ недѣли, для надзора за производствомъ первоначальныхъ розысканій.

«Памятны мнѣ эти двѣ недѣли»—пишетъ Рѣпинскій въ своихъ запискахъ: «онѣ были для меня мучительнѣйшими изо всей дороги отъ Тюмени до Иркутска. Михайло Михайловичъ никогда не бралъ съ собою въ дорогу никакой части оффиціальной генералъ-губернаторской канцеляріи, кромѣ меня, въ ней считавшагося: вся она обыкновенно ѣхала отдѣльно, впереди или позади, а на этотъ разъ, во время его поѣздки въ Енисейскъ, отправлена была изъ Томска прямо въ Иркутскъ. По этому, въ дорогѣ, записываніе жалобъ словесныхъ, чтеніе или докладъ письменныхъ, и всѣ распоряженія по рѣшеніямъ Михайла Михайловича лежали на мнѣ одномъ: ибо, изъ ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами, Цейеръ этими дѣлами не занимался, Жоржъ (Вейкардтъ) былъ мальчикомъ, ничего тогда въ нихъ не смыслившимъ, а Вильде смыслилъ не болѣе его и еще безъ Русской грамоты (*). До Нижнеудинска и по пріѣздѣ туда, Михайло Михайловичъ былъ заваливаемъ жалобами, въ полномъ смыслѣ этого слова, и мнѣ не было никакого отдыху, даже по ночамъ въ Нижнеудинскѣ, потому что ко всякому утру надобно было и составить и самому же переписать либо доклады, либо предписанія по поданнымъ жалобамъ. Въ Нижнеудинскѣ тогда было едва ли пятнадцать, чиновничьихъ и мѣщанскихъ, домовъ, деревянныхъ, одноэтажныхъ, сколько нибудь год-

(*) Всѣ трое, т. е. Рѣпинскій, Вейкардтъ и Вильде первые классные чины получили уже только по пріѣздѣ въ Томскъ.

ныхъ для жилья. Мѣщанскіе были домы бѣдняковъ, а чиновники—хозяева другихъ—всѣ у насъ подъ слѣдствіемъ, и оставалась одна старая полуразвалина, принадлежавшая доброму и честному старику городничему Дипаталю, гдѣ мы и жили всѣ вмѣстѣ, съ нимъ, съ его семьею и съ генералъ-губернаторомъ. Къ довершенію и ѣсть было почти нечего: запасовъ съ собою не взяли, а на мѣстѣ рѣшительно никакихъ ни за что достать было нельзя,—по простой причинѣ: никто ихъ не имѣлъ. Кое-какъ питались мы куринымъ супомъ и яичницею, да ленками (родъ Сибирской форели, нѣжной и вкусной); но и то въ послѣдніе дни оскудѣло; лишь однажды какому-то счастливцу удалось подстрѣлить молодую сайгу и мы полакомились жаренымъ мясомъ, но *не вдоволь*, потому что «старикъ» нашъ и супъ раздавалъ, и жареное, или иное что, рѣзалъ по порціямъ всегда самъ и хотя всегда искренно потчивалъ насъ предложеніями и никогда не отказывалъ въ прибавкѣ порціи, однако на просьбы о прибавкѣ всѣ мы, кромѣ Вильде, совѣстились, видя, что самъ онъ продолжаетъ быть воздержнымъ (*).»

Въ эти тяжелыя двѣ недѣли, среди всѣхъ заботъ и многодѣлія, Сперанскій умѣлъ, однако жъ, найти довольно и досуга и спокойствія духа, чтобы заняться тѣмъ, чего, конечно, никто прежде не дѣлывалъ, ни послѣ него, вѣроятно, не повторилъ въ Нижнеудинскѣ. Онъ прочелъ—первую часть *Шлегелевой исторіи древней и новой литературы* и даже сдѣлалъ на нее нѣкоторыя замѣчанія. Въ тоже время онъ, изъ этого самозаточенія, съ нѣкоторою гордостію,

---

(*) Другой соучастникъ этой грустной экспедиціи прибавляетъ, что въ продолженіе ея пребыванія въ Нижнеудинскѣ, она сожгла всѣ свѣчи въ городѣ, у жителей и въ церкви. Здѣсь же Сперанскій впервые увидѣлъ бродячихъ инородцевъ. На дворъ квартиры неожиданно въѣхали, привѣтствовать его, Карагасы, верхомъ на рогатыхъ оленяхъ.

писалъ своей дочери: «Здѣсь-то настоящая Сибирь и здѣсь-то, наконецъ, я чувствую, что Провидѣніе, всегда правосудное, не безъ причины меня сюда послало. Я былъ здѣсь дѣйствительно Ему нуженъ, чтобъ уменьшить страданія, чтобъ оживить надежды, почти уже изчезавшія, и ободрить терпѣніе слишкомъ утомленное.» Такого же мнѣнія были и всѣ его спутники. Печальное зрѣлище началось еще съ Кемчуговъ, по сю сторону Ачинска: тамъ предстала нищета, еще нигдѣ дотолѣ не видѣнная въ Сибири. Въ настоящее время все исправлено золотопромышленностію.

29-го августа, наканунѣ Александрова дня, съ наступленіемъ ночи, генералъ-губернаторъ достигъ Иркутска. Не смотря на старанія отклонить всѣ пышности, встрѣча была великолѣпная. По пространству, занимаемому городомъ, и по стеченію народа, Иркутскъ показался ему столицею, особенно съ переправы черезъ величавую Ангару, откуда открывался видъ на ярко иллюминованные городскіе ворота и соборъ. Правда, что на другое утро очарованіе изчезло, но все еще остался городъ, сравнительно съ другими губернскими, довольно многолюдный, торговый и опрятный. За совершенною негодностію и ветхостію генералъ-губернаторскихъ палатъ, для Сперанскаго отведено было помѣщеніе на берегу рѣчки Ушаковки, въ домѣ, принадлежавшемъ тогдашнему товарищу откупщика, а впослѣдствіи богатому золотопромышленнику, выведенному и въ чины, Кузнецову. Нашъ путешественникъ радъ былъ отдохнуть отъ трехмѣсячной кочевой жизни, расположиться—какъ онъ говорилъ—«на постоянныя зимнія квартиры», въ надеждѣ удѣлить часть своего времени занятіямъ болѣе питательнымъ для духа и менѣе тягостнымъ для сердца, нежели одни слѣдствія и произнесеніе приговоровъ. Вскорѣ по прибытіи на эту, почти крайнюю черту западнаго просвѣщенія, онъ писалъ президенту академіи наукъ Уварову: «Не заключи-

те, что я сожалѣю о моемъ странствованіи. Не выбралъ бы я его самъ собою; но радъ, что оно для меня выбрано. Нравственная, или, лучше сказать, политическая сторона сего края, мѣстное управленіе его и родъ дѣлъ, на меня возложенныхъ, превышаютъ почти все мое терпѣніе; но чудесная сила здѣшней природы, удобность видѣть и почти считать всѣ степени общественнаго образованія, и чувство, что въ общемъ движеніи разума человѣческаго, въ развитіи его, я здѣсь не лишній; что, тѣмъ или другимъ образомъ, въ настоящемъ или будущемъ, могу быть полезенъ,—сіе одно заставляетъ меня забывать всѣ трудности и пренебрегать всѣ опасности моего положенія. Присоедините къ сему и надежду, нѣкогда, сидя у пристани, бесѣдовать съ вами о здѣшнихъ быляхъ и небылицахъ, представлять вамъ Сибирскія картины, узорочность здѣшняго края и, какъ старики многоглаголивы (а я старѣю), сто разъ вамъ повторять и вмѣстѣ съ вами выводить изъ всѣхъ опытовъ, изъ всѣхъ наблюденій, одну и ту же истину: что вездѣ, на всѣхъ концахъ свѣта, есть всеобщее движеніе отъ тѣлеснаго къ духовному, отъ тьмы къ свѣту, отъ заблужденія къ истинѣ — мысль утѣшительная, необходимое возмездіе всего настоящаго!»

Снисходительность, оказанная Сперанскимъ въ Тобольскѣ, и увѣренность Трескина и его приверженцевъ въ силѣ ихъ союза ослѣпили и обнадежили ихъ до того, что они пренебрегли самыми простыми мѣрами осторожности. Нѣкоторое денежное пожертвованіе обиженнымъ, вѣроятно, заглушило бы жалобы; но ложная съ ихъ стороны разсчетливость сдѣлала то̀, что генералъ-губернатора, до границъ Иркутскаго уѣзда, провожалъ на каждомъ шагу вопль. Послѣдній вдругъ смолкъ только въ этомъ уѣздѣ и въ самомъ городѣ. Такова была сила страха, тяготѣвшаго надъ всѣми въ теченіе тринадцати лѣтъ. Этотъ страхъ продолжалъ

дѣйствовать, потому что Сперанскій еще не имѣлъ разрѣшенія удалить Трескина. «Устраненіе губернатора—писалъ онъ Голицыну—рѣшивъ колебанія, облегчило бы изысканія. Не имѣя сего средства, я долженъ развивать клубокъ, чрезмѣрно спутанный, съ медленностію и терпѣніемъ. Чѣмъ злоупотребленіе очевиднѣе, тѣмъ тягостнѣе искать еще на очевидность сію доказательствъ, и искать ихъ среди страха, здѣсь еще дѣйствующаго, и какихъ-то надеждъ, изъ Петербурга съ каждою почтою сюда льющихся.»

При всемъ томъ, уже черезъ три дня по пріѣздѣ въ Иркутскъ, открылось достаточно данныхъ, чтобы сверхъ слѣдственной коммиссіи, учрежденной прежде въ Нижнеудинскѣ, открыть еще двѣ новыя: одну, главную, въ губернскомъ городѣ, другую—въ Верхнеудинскѣ. Въ первую былъ назначенъ предсѣдателемъ Цейеръ. Сколько, при его необыкновенно кроткомъ, добросердечномъ и тихомъ нравѣ, ни тягостно было ему такое участіе въ коммиссіи, которую Иркутяне прозвали «инквизиціею»; однако, ненавидя беззаконія, онъ въ ней почти ожесточился, разстроилъ свое здоровье и сдѣлался мрачнымъ нелюдимомъ до того, что стали даже опасаться за его разсудокъ. Именно отъ этого, его коммиссія затянулась бы до безконечности, если бъ не дѣйствовалъ въ ней самъ Сперанскій. Обременительное занятіе этими грязными и—какъ онъ ихъ называлъ—«удаленными отъ всѣхъ соображеній чистаго здраваго разсудка» дѣлами, продолжало, въ началѣ, на перекоръ его надеждамъ, отнимать почти все его время. Въ октябрѣ онъ отмѣтилъ въ своемъ «дневникѣ»: «Здѣсь прекращается журналъ моего путешествія. Единообразіе служебныхъ тягостныхъ, мрачныхъ дѣлъ составляетъ связь ежедневныхъ упражненій и не допускаетъ никакихъ произшествій.» Министру финансовъ, который съ своими проектами отыскалъ Сперан-

скаго и въ Сибири. послѣдній, на просьбу сообщить его мнѣніе по отчету государственныхъ кредитныхъ установленій, отвѣчалъ: «Среди ежедневныхъ жалобъ, доносовъ и вопля злоупотребленій, большіе государственные вопросы не находятъ почти мѣста въ головѣ. Можетъ быть со временемъ, обозрѣвшись, найду способъ перевести духъ и исполнить ваше порученіе.» Далѣе, ссылаясь на содержаніе писемъ своихъ къ Голицыну, онъ прибавлялъ: «Кратко и въ откровенности вамъ скажу: все то́, что о здѣшнихъ дѣлахъ говорили въ Петербургѣ, не только есть истина, но—и это бываетъ рѣдко—истина неувеличенная.» Чуждый, однако, по прежнему, всякой устали, онъ съ того же времени приступилъ къ другому дѣлу, которое казалось ему и, дѣйствительно, было еще болѣе существеннымъ, нежели обнаруженіе опутавшихъ Сибирь злоупотребленій, именно къ собранію и соображенію данныхъ для будущаго ея образованія. «Ревизія—писалъ онъ Голицыну—есть дѣло временное и повторять ее часто, на сихъ разстояніяхъ, невозможно. Порядокъ управленія, мѣстному положенію свойственный, одинъ можетъ упрочить добро на долгое время. Учрежденія безъ людей тщетны, но и люди, безъ добрыхъ учрежденій, мало добра произвести могутъ. Съ сей стороны 13 лѣтъ минувшаго управленія почти потеряны невозвратно: все ограничено было однимъ отправленіемъ текущихъ дѣлъ, да и то́ по здѣшнимъ частнымъ и весьма невѣрнымъ направленіямъ.» Многое изъ новыхъ проектовъ (о нихъ будетъ говориться ниже), какъ равно и общіе всему планы, Сперанскій самъ непосредственно обдумывалъ и писалъ; другое, вмѣстѣ съ собираніемъ свѣдѣній, предварительными начертаніями и пр., онъ, не имѣя времени, ни даже наклонности заниматься подробностями, возлагалъ на Батенькова, говоря что не можетъ безъ него обойтись «какъ мастеръ безъ ученика.» Сотрудниками послѣднему по разнымъ

отдѣльнымъ предметамъ были даровитый князь Александръ Егоровичъ Шаховскій, прежній начальникъ въ Гижигѣ, и нѣсколько дѣльныхъ купцовъ и мѣщанъ, бывавшихъ въ Киргизской степи; другіе, находившіеся при Батеньковѣ чиновники: Протопоповъ, сынъ учителя Тобольской гимназіи, Текутьевъ, бывшій помощникъ Иркутскаго почтмейстера, и Буличъ, отецъ нынѣшняго Казанскаго профессора, употреблялись болѣе лишь для переписки.

Въ концѣ октября (1819-го года) пришелъ наконецъ рескриптъ, которымъ генералъ-губернаторъ, согласно его просьбѣ, уполномочивался: губернаторовъ—Илличевскаго и Трескина—«впредь до окончательнаго усмотрѣнія, устранить на время отъ управленія губерніями, если, по производству дѣлъ и по обозрѣнію края, сіе найдено будетъ нужнымъ.» Рескриптъ былъ полученъ именно тогда, когда по Иркутской губерніи открывалась въ немъ самая настоятельная нужда. Мѣстныя изысканія уже были доведены до такой полноты, что всякая медленность могла казаться послабленіемъ, а безъ устраненія губернатора предвидѣлись большія препятствія въ ходѣ и окончаніи слѣдствій. Сперанскій ограничился, впрочемъ, удаленіемъ одного Трескина, котораго называлъ *учителемъ*, а Илличевскаго счелъ возможнымъ оставить при должности, потому что въ Томской губерніи слѣдствія приняли другое направленіе и вліяніе губернатора, по разнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, не могло ни остановить ихъ, ни положить имъ препятствій. Продолжая все еще затрудняться недостаткомъ способныхъ и надежныхъ чиновниковъ, Сперанскій даже и собственно въ кругу ревизіи многое долженъ былъ дѣлать и писать самъ. На утѣшенія Голицына, что многіе согласятся служить съ нимъ въ Сибири, онъ отвѣчалъ, что изъ опыта видитъ противное и что даже тѣ, которые прежде сами вызывались, стали отказываться. «Просятся—продолжалъ

онъ — одни титулярные совѣтники (*); но и то подъ сомнѣніемъ. Вообще служба здѣшняя требуетъ другихъ правилъ и другихъ поощреній. Присоедините къ сему, что на одинъ вопросъ и отвѣтъ, на одно предложеніе, потребны три мѣсяца. Я не могу даже составить своей канцеляріи и долженъ довольствоваться тѣмъ, что поступило ко мнѣ отъ моего предмѣстника. Какъ трудно, какъ несносно всегда остерегаться (**)!» Въ подобныхъ же жалобахъ онъ изли-

(*) Тогда еще дѣйствовалъ законъ, по которому титулярные совѣтники, за поѣздку въ Сибирь, получали чинъ коллежскаго ассессора безъ установленнаго указомъ 1809-го года испытанія.

(**) Изчислимъ здѣсь, хотя и нѣсколько поздо, чиновниковъ генералъ-губернаторской канцеляріи, которыхъ передалъ Сперанскому Пестель и изъ которыхъ, сверхъ Цейера, Батенькова и Рѣпинскаго, состояли всѣ, такъ сказать, орудія его дѣйствій. Это были:

Иванъ Ивановичъ Шкларевскій (правитель канцеляріи), изъ Малороссіянъ, человѣкъ не безграмотный, бывшій, когда-то, довольно дѣловымъ сенатскимъ секретаремъ, а потомъ занимавшійся болѣе частными дѣлами графа Орлова, нежели дѣлопроизводствомъ у Пестеля. Онъ былъ старикъ, почти дряхлый, притомъ скучный говорунъ, который при Сперанскомъ уже ни къ чему не годился; послали его однажды изъ Томска въ Нарымъ, въ качествѣ ревизора и слѣдователя, и, по пріѣздѣ оттуда, онъ проволочился съ отчетомъ по одному этому дѣлу до своего отбытія въ Петербургъ.

Миронъ Филиппович Молчановъ, тоже изъ Малороссіянъ, менѣе Шкларевскаго грамотный, но смѣтливый и бойкій на словахъ. Принадлежа къ Трескинской партіи, онъ повсюду разглашалъ, что новый генералъ-губернаторъ находится въ Сибири въ ссылкѣ и ничего сдѣлать не можетъ. Замѣтивъ Молчанова не только въ распространеніи такихъ нелѣпостей, но и въ нечистотѣ на руку съ подсудимыми, Сперанскій выпроводилъ его изъ Иркутска сперва въ Томскую губернію, подъ предлогомъ доследованія чего-то неважнаго, а потомъ въ отпускъ въ Петербургъ, гдѣ онъ перешелъ секретаремъ въ сенатъ, но и отъ этой должности былъ уволенъ, впослѣдствіи, безъ просьбы. Мѣсто его въ генералъ-губернаторской канцеляріи заступилъ, по рекомендаціи князя А. Н. Голицына, *Егоръ Даниловичъ Борисоглѣбскій*, изъ Тамбовскихъ семинаристовъ, чистыхъ правилъ и съ замѣчательнымъ перомъ.

Николай Васильевичъ Жуковскій, чиновникъ честный, добрый, раз-

вался и передъ другими. «Никогда—писалъ онъ, напримѣръ, Гурьеву—во все теченіе странической моей жизни, не бывалъ я въ положеніи болѣе огорчительномъ. Управленіе безъ людей, обширное производство дѣлъ почти безъ канцеляріи, или, что́ еще хуже, съ канцеляріею чужою, и, въ довершеніе всего, родъ дѣлъ, совершенно противный и склонностямъ моимъ и привычкамъ! Если бы успѣхъ порученнаго мнѣ дѣла должно было измѣрять количествомъ обнаруженныхъ злоупотребленій, то было бы мнѣ чѣмъ утѣшаться; но какое же утѣшеніе преслѣдовать толпу мелкихъ исполнителей, увлеченныхъ примѣромъ и попущеніемъ главнаго ихъ начальства! Дѣла́ сего начальства приведены теперь въ такую ясность, что мудрено было бы ихъ затемнить. Я ничего еще не доносилъ и, признаюсь, не могу и рѣшиться доносить за шесть тысячъ верстъ. Ка-

---

судительный и заботливый, бывшій потомъ губернаторомъ въ Уфѣ, Калугѣ и Петербургѣ, а наконецъ сенаторомъ, и уже давно умершій. Ему мы также были обязаны многими разсказами о Сперанскомъ.

Николай Васильевичъ Крестниковъ, изъ Тверскихъ семинаристовъ, бойкій, но полагавшій цѣлью жизни сладострастіе, вино и—полученіе наградъ за службу, ничѣмъ не выходившую изъ рядовой; честности сомнительной, преданности какой-то наемнической, все въ видахъ тѣхъ же наградъ. Онъ умеръ въ молодыхъ еще лѣтахъ, отъ безпутства, состоя на службѣ въ военно-коннозаводскомъ вѣдомствѣ.

Ѳедоръ Ивановичъ Шульгинъ, изъ Тобольскихъ уроженцевъ и туземныхъ чиновниковъ, человѣкъ очень начитанный, какихъ, впрочемъ, въ Сибири много, но подверженный запою и суевѣрный почти до помѣшательства. Онъ служилъ послѣ при генералъ-губернаторѣ Капцевичѣ и умеръ, тоже давно, на своей родинѣ.

При этихъ четырехъ лицахъ, носившихъ званіе начальниковъ отдѣленій (какъ переименовалъ Сперанскій прежнихъ секретарей), состояло еще шесть чиновниковъ для письма, между которыми двое: Зеленцовъ, сынъ бывшаго нѣкогда въ Тобольскѣ богатаго, но потомъ разорившагося откупщика и заводчика, и упомянутый выше Протопоповъ, отличались и благородною нравственностію и способностію къ службѣ; прочіе же были люди рядовые и даже ниже рядовыхъ.

кая бы была цѣль сихъ донесеній? Обнаруживъ зло, должно представить и способы къ его исправленію, а способы сіи зависятъ не отъ Иркутска, и даже сообразить ихъ основательно нельзя въ Иркутскѣ. Мѣстныя свѣдѣнія тутъ, конечно, нужны; но Сибирь достойна и по всѣмъ отношеніямъ требуетъ государственныхъ соображеній.»

Не все, однако, время генералъ-губернатора проходило въ служебныхъ занятіяхъ. Если не по собственному влеченію, то по умному разсчету, онъ выѣзжалъ также на вечера и большіе званые обѣды, и не только принималъ участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ, но даже самъ старался возбуждать ихъ. «Завожу и здѣсь—писалъ онъ дочери— еженедѣльныя собранія: ибо мнѣ нужны точки соединенія; нужно снять оковы прежняго суроваго и угрюмаго правительства. Едва вѣрятъ здѣшніе жители, что они имѣютъ нѣкоторую степень свободы и могутъ, безъ спроса и дозволенія, собираться, танцовать, или ничего не дѣлать.» Рядомъ съ этимъ возникали, по его инціативѣ, и разныя общеполезныя установленія: учреждена въ Иркутскѣ школа взаимнаго обученія; положено начало благотворительному обществу, на которое, тотчасъ въ первый день, собрано 8,000 руб., и открыто, подобно какъ въ Пензѣ, библейское отдѣленіе. Нашлось нѣсколько досуга и для любимыхъ ученыхъ занятій. Посреди жалобъ Тургеневу и Уварову, что время его почти все расхищено дѣлами «огорчительными и несносными,» Сперанскій прибавлялъ, что имѣетъ съ собою Миллера, Клопштока и литературныя лекціи Шлегеля и просилъ снабжать его книгами и новостями литературы (*). Наконецъ, въ часы отдохновенія, онъ готовилъ къ универси-

(*) Съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ продолженія Исторіи государства Россійскаго. «Меня увѣдомили—писалъ онъ Уварову—что уже печатается IX-й томъ исторіи Н. М. Карамзина—камень преткновенія; но вѣрно онъ пройдетъ его благополучно: sine ira et studio!»

тетскому курсу молодаго Вейкардта, лично занимаясь съ нимъ языками Латинскимъ и Французскимъ, и, сверхъ того, усердно продолжалъ совершенствовать собственныя свои познанія въ Нѣмецкомъ языкѣ. У себя онъ мало кого принималъ въ Иркутскѣ. Чиновникамъ наслѣдованной отъ Пестеля канцеляріи былъ устроенъ общій столъ, съ выдачею имъ на то помѣсячныхъ денегъ; у самого генералъ-губернатора обѣдали, безъ зова, только Цейеръ, Батеньковъ, Рѣпинскій, Вильде и Вейкардтъ, жившіе съ нимъ въ одномъ домѣ. Каждый день, не смотря ни на какую погоду, онъ прогуливался пѣшкомъ, съ одного конца города въ другой, а по воскресеньямъ и праздникамъ непремѣнно бывалъ у обѣдни, чаще всего въ приходской церкви. Изъ мѣстныхъ жителей генералъ-губернаторъ приблизилъ къ себѣ лишь стараго своего товарища Словцова, въ то время директора Иркутской гимназіи; но и въ бесѣдѣ съ нимъ, кажется, уже не находилъ прежняго для себя удовольствія. «Словцовъ—писалъ онъ своей дочери—одинъ здѣсь умный и нѣкогда острый человѣкъ, боленъ и старъ. Это—потухающій огонекъ, который изрѣдка только вспыхнетъ», а въ письмѣ къ Магницкому прибавлялъ: «физическія силы его уже не тѣ. Онъ весь въ благочестіи, и духовныя его силы возрастаютъ по мѣрѣ обветшанія тѣлесныхъ.»

13-го февраля 1820-го года, когда въ Иркутскѣ большая часть слѣдственныхъ дѣлъ приходила къ концу, Сперанскій отправился въ Нерчинскъ. Этотъ путь—по прямому направленію изъ Иркутска въ 1200, а съ заѣздами въ Кяхту, по заводамъ и по другимъ мѣстамъ слишкомъ въ 1500 верстъ—онъ сдѣлалъ совершенно *одинъ*, въ сопровожденіи только передоваго изъ Сибирскихъ казаковъ (*). Поѣздка его, сверхъ обозрѣнія Верхнеудин-

(*) Цейеру, Вейкардту, Вильде и нѣкоторымъ чиновникамъ канцеляріи хотѣлось воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ также побывать

скаго и Нерчинскаго уѣздовъ и личнаго разбора поступившихъ жалобъ, имѣла еще и другую цѣль. Ему хотѣлось самому взглянуть на образъ управленія разныхъ Бурятскихъ родовъ и удостовѣриться, до какой степени они близки къ принятію христіанской вѣры. «Мнѣнія о семъ—писалъ онъ Голицыну—здѣсь различны; но то̀ достовѣрно, что примѣръ одного или двухъ родовъ, между ними значительныхъ, увлекъ бы съ собою и другихъ постепенно. Они прежде всѣ преданы были шаманству. Ламайская вѣра (она же Шигемоніанская, Хошинская, Браминская и вѣра, въ Китаѣ подъ именемъ Фо извѣстная; всѣ сіи именованія означаютъ почти одно и тоже) проникла къ нимъ недавно и, конечно, не болѣе столѣтія. Она принесена была сначала изъ Тибета, чрезъ Монгольскія степи, къ пограничнымъ нашимъ Бурятамъ, и отъ нихъ начала уже распространяться къ другимъ. Средоточіе ея за Байкаломъ. Буряты, въ Иркутскомъ уѣздѣ по сю сторону Байкала живущіе и письмянъ Монгольскихъ еще не имѣющіе, оттуда заимствуютъ всѣ свои познанія. Слѣдовательно важный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобъ узнать на какой именно родъ и какимъ образомъ полезнѣе будетъ дѣйствовать за Байкаломъ. Я много о семъ бесѣдовалъ и буду еще говорить съ однимъ тайшею Селенгинскихъ родовъ, человѣкомъ особенно между ними уважаемымъ и, по счастью, знающимъ Русскій языкъ до того, что онъ на немъ и читаетъ и пишетъ (*).»

въ Кяхтѣ. Сперанскій отпустилъ ихъ, но безъ выдачи казенныхъ прогоновъ, и они всѣ съѣздили туда отдѣльно отъ него и на собственный счетъ. Рѣпинскій, по нездоровью, остался въ Иркутскѣ. Батеньковъ уже прежде былъ въ Кяхтѣ.

(*) Сперанскій не имѣлъ, однако, успѣха въ этомъ дѣлѣ, которое продолжалъ потомъ Иркутскій архіепископъ Нилъ (нынѣ Ярославскій), самъ изучившій Монгольскій языкъ, переведшій на него богослужебныя книги и разрѣшившій на немъ богослуженіе.

Принявъ отъ купечества, на первой за Иркутскомъ станціи (Пашковской), прощальный завтракъ, Сперанскій 14-го февраля рано утромъ пріѣхалъ въ Верхнеудинскъ. Здѣсь онъ нашелъ толпу Хоринскихъ родоначальниковъ и четырехъ ихъ тайшей. Раздѣлясь на партіи, всѣ они приносили жалобы и предъявляли разныя притязанія другъ на друга и на бывшее ихъ уѣздное начальство. Но какъ все это уже состояло въ разсмотрѣніи особой слѣдственной коммиссіи, то оставалось только повѣрить ихъ жалобы личными свидѣтельствами и объясненіями. Въ ночь съ 15-го на 16-е февраля генералъ-губернаторъ прибылъ въ Троицко-Савскую крѣпость. Подробности пребыванія его тамъ, въ Кяхтѣ и въ Маймачинѣ, передадимъ словами его «дневника»:

«16. Посѣщеніе отъ дзаргучея (*). Вслѣдъ за тѣмъ подарки маловажные: два куска фанзы; четыре ящичка чаю; три свертка конфектовъ; лучшее—два ящичка туши; четыре бизани; два фазана и два кувшина ихъ вина со-ши. Приношенія отъ купечества: хлѣбъ, три ящика чаю. Обѣдъ у директора таможни (**). Китайскія обои, выписанныя для Двора, стоятъ около 26,000 р. 60 кусковъ; истинная же цѣна 38,000 р.: изъ нихъ на цѣнѣ Колесовъ уступилъ до 6,000 р., прочіе директоръ. Женскій Китайскій нарядъ. Вечеръ у него же. Свѣдѣнія о торговлѣ и ея подробностяхъ.

(*) Намъ разсказывали что Сперанскій принималъ дзаргучея въ полномъ мундирѣ и—чего никогда ни прежде, ни послѣ не бывало—въ лентѣ (желтой) Прусскаго краснаго орла. Дзаргучей, увидя на немъ высокочтимый въ Китаѣ желтый цвѣтъ, упалъ на колѣни и, дойдя ползкомъ, протянулъ къ нему руки; Сперанскій, съ своей стороны, по Китайскому обычаю, далъ ему только—*мизинецъ*.

(**) Въ этой должности былъ тогда Петръ Филипповичъ Голяховскій, родственникъ Словцова и старый товарищъ Сперанскаго. Послѣдній нашелъ его очень «окитаившимся.»

«17. Вторникъ. Пріемъ Бухарцовъ и назначеніе чиновниковъ для трактованія о ревенѣ. Они на колѣняхъ предстали и откланялись. Дары обыкновенные: двѣ черныя канфы, яблоки, виноградъ и два коврика.

«Обозрѣніе канцеляріи. Архивъ драгоцѣнный—въ анбарѣ. Таможня—развалины; милліоны на открытомъ дворѣ. Ратуша. Въ ней два учрежденія. Установленіе хлѣбнаго запаснаго магазейна въ Усть-Кяхтѣ и обученіе мѣщанскихъ дѣтей мастерствамъ слесарному, и пр., на счетъ бургомистра, Николая Матвѣича Игумнова. Магазейнъ будетъ, по просьбѣ ихъ, называться *Михайловскимъ*. Уѣздное училище. Открытіе библейскаго сотоварищества. Число членовъ 17, благотворителей 59, сумма 4020 р.

«Тутъ же открыта подписка на Селенгинское военно-сиротское отдѣленіе. Сумма 2160 р.

«Обѣдъ въ Кяхтѣ. Изрядные домики, около 30-ти. Обѣдъ отъ общества въ домѣ Николая Алексѣича Колесова. Первый компаньонъ Прокофій Ѳедоровичъ Пахомовъ; ихъ всего четыре. Посѣщеніе въ Кяхтѣ Игумнова. Церковь деревянная ветхая.

«Въ 6 часовъ въ Маймадчинахъ (sic). Наши ворота полуразвалившіяся. Маймадчины похожи на наши ярмоночные гостиные дворы. Нѣтъ способа проѣхать въ экипажѣ.

«Освѣщеніе. Три выстрѣла изъ пушки. Встрѣча чиновниками у городскихъ воротъ; пріемъ дзаргучея въ воротахъ его двора. На открытомъ дворѣ пляска и музыка плясуновъ, называемыхъ янгочай. На открытомъ дворѣ три фигляра. Безобразное корченье въ клубокъ: лучшее то̀, что фигляръ на палкѣ играетъ и бросаетъ фарфоровоѐ блюдо и потомъ на ногахъ неподвижно съ четверть часа держитъ лѣстницу, по коей кривляется въ переломъ стана мальчикъ.

«Посѣщеніе кумирни. При входѣ преграда, на коей не-

кусственные цвѣты въ видѣ приношенія; потомъ два ангела, или стража—двѣ гигантскія фигуры, не безобразныя. Храмъ раздѣленъ на три части. Въ главной, средней, одинъ богъ Тіунъ, богъ неба и земли; по обѣ стороны двѣ фигуры: одна держитъ печать, другая съ свиткомъ, означающимъ законъ; передъ ними бараны, разныя печеныя хлѣбныя закуски. На правой сторонѣ, во второмъ придѣлѣ, два бога: богъ огня и богъ воды. На лѣвой также два: богъ скота и богъ обилія. Жертвы тѣже.

«Театръ. Декламація in recitatione. Музыка недурна. Содержаніе піесы: одинъ герой преображенный (sic) научаетъ людей вести войну съ порядкомъ. Ужинъ у дзаргучея. Множество блюдъ; сперва соусы, потомъ похлебки и рисъ. Посѣщеніе двухъ главныхъ фузъ. Чай и конфекты. Домы ихъ суть лавки.

«Вечеромъ, въ 9½, бесѣда съ директоромъ.

«18. Отъѣздъ изъ крѣпости. Отдарки дзаргучею изъ посольскихъ хрусталей и половинки сукна. Бухарцамъ—двѣ половинки сукна. Провожаніе купечества до Усть-Кяхты.»

Въ эту же свою поѣздку посѣтивъ Англійскихъ миссіонеровъ, жившихъ въ то время на берегу Селенги, въ мѣстѣ, прилегавшемъ къ главнымъ кочевьямъ Селенгинскихъ Бурятъ, Сперанскій былъ и въ этихъ кочевьяхъ, видѣлъ Ламайское богослуженіе и осмотрѣлъ Нерчинскіе заводы, о которыхъ написалъ министру финансовъ: «Отъ черты сихъ заводовъ, на всемъ протяженіи заводскаго вѣдомства, не слыхалъ я ни одной личной на начальство жалобы.—случай рѣдкій и можетъ быть единственный, особливо въ Иркутской губерніи.» Но онъ не дописалъ здѣсь, что крестьянъ заводскихъ нашелъ въ весьма жалкомъ положеніи и что вообще этотъ край произвелъ на него самое непріятное и грустное впечатлѣніе. Нѣкоторыя замѣтки о томъ, содержащіяся въ его «дневникѣ», те-

перь, послѣ сдѣланныхъ въ послѣднее время преобразованій, не могли бы имѣть другаго интереса кромѣ историческаго.

Проѣхавъ, такимъ образомъ, въ саняхъ, въ коляскѣ и въ телегѣ, въ три недѣли, болѣе 3000 верстъ (считая въ оба конца), Сперанскій возвратился 7-го марта въ Иркутскъ, который, послѣ всего перенесеннаго имъ въ пути и жестокаго изнуренія, снова показался ему столицею. «Не жалѣю, однако же,—писалъ онъ дочери—ни трудовъ, ни усталости; ибо я видѣлъ бѣдствія человѣческія, кажется, на послѣдней ихъ линіи.»

Въ мартѣ же, съ окончаніемъ ревизіи въ Иркутской губерніи (*), Сперанскій отправилъ къ Государю небольшое донесеніе,—общую, въ короткихъ чертахъ, картину всего имъ сдѣланнаго. Но еще прежде выѣзда изъ этой губерніи, ему представился случай принять покровительственное участіе въ одномъ ученомъ предпріятіи, заслужившемъ, впослѣдствіи, Европейскую извѣстность. «Я читалъ твое solo объ Исландіи»—писалъ онъ 28-го мая своей дочери.—«Вообрази, что я ничего почти о ней не знаю. Это страна новыхъ для меня открытій. Но можетъ быть мы откроемъ въ Сибири новую Исландію. Ко мнѣ прислали цѣлыя двѣ партіи молодыхъ морскихъ офицеровъ, для открытій по Ледовитому морю. На сихъ дняхъ отправляю ихъ въ путь къ бѣлымъ медвѣдямъ. Есть, дѣйствительно, признаки большаго острова, а можетъ быть и земли, соединяющей Сибирь съ Америкою. Со временемъ

(*) Личная его ревизія далѣе Иркутска на сѣверъ не простиралась. Въ Киренскъ былъ посыланъ особый чиновникъ; Лену Сперанскій видѣлъ только въ истокѣ: любопытство его было парализировано стремленіемъ возвратиться въ Петербургъ, а сверхъ того въ Якутской области, которою управлялъ зять Трескина, Михайло Ивановичъ Миницкій, не оказывалось, по повѣркѣ слуховъ другими данными, надобности въ особенно строгой ревизіи.

можно будетъ ходить пѣшкомъ чрезъ Иркутскъ въ Бостонъ или Филадельфію.» Онъ разумѣлъ здѣсь экспедицію, которая отправлялась, въ то время, для обозрѣнія сѣверовосточныхъ береговъ Сибири и поступила въ полное распоряженіе Сибирскаго генералъ-губернатора. Упоминаемые имъ морскіе офицеры были баронъ Врангель, Анжу и Матюшкинъ. Первый, въ напечатанномъ имъ описаніи своего путешествія, довольно подробно коснулся содѣйствія и помощи, оказанныхъ экспедиціи главнымъ начальникомъ Сибири и заключилъ свой разсказъ объ этомъ откровеннымъ признаніемъ, что, безъ особеннаго и сильнаго покровительства Сперанскаго, предпріятіе рушилось бы въ самомъ началѣ, отъ недостатка мѣстныхъ способовъ (*). Дѣйствительно, увѣрясь въ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ присланныхъ молодыхъ людей, онъ далъ имъ почти диктаторскую власть надъ территоріею, начальниками и всею администраціею, и—не ошибся. Мы имѣли въ рукахъ записки одного изъ нихъ, Θедора Θедоровича Матюшкина, тогда мичмана (**). Въ отношеніи къ сущности дѣла, въ нихъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго; но простой разсказъ молодаго человѣка, записывавшаго свои впечатлѣнія только для себя, служитъ новымъ подтвержденіемъ тому искусству, съ которымъ Сперанскій умѣлъ обворожать и привязывать къ себѣ каждаго, даже и тѣхъ, кто знакомился съ нимъ подъ вліяніемъ сильныхъ предубѣжденій. При проѣздѣ своемъ черезъ Томскъ, Матюшкинъ остановился у губернатора Илличевскаго, или, лучше сказать, у его сына, бывшаго своего товарища по воспитанію въ Царскосельскомъ лицеѣ, числившагося въ почтовомъ вѣдомствѣ, но жившаго и служив-

(*) «Путешествіе къ сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, Фердинанда ф. Врангеля.» Ч. I, стр. 146, 147, 151 и 152.

(**) Нынѣ онъ вице-адмиралъ и, послѣ долговременнаго служенія въ морскомъ вѣдомствѣ, сенаторъ.

шаго, въ то время, при своемъ отцѣ. Въ этомъ домѣ много говорили о Сперанскомъ и осуждали его образъ дѣйствій въ Сибири; правда что сынъ, писавшій стихи, сочинилъ длинную оду въ честь генералъ-губернатора; но мать находила что послѣдній нисколько не сто̀илъ стиховъ. Матюшкину шелъ тогда 21-й годъ, а въ эти лѣта человѣкъ легко воспріимчивъ ко всякимъ впечатлѣніямъ; потому очень понятно, что онъ пріѣхалъ въ Иркутскъ сильно вооруженный противъ Сперанскаго, представлявшагося, въ его глазахъ, притѣснителемъ отца его школьнаго товарища. Вотъ что̀ сказано въ его запискахъ: «На другой день послѣ моего пріѣзда въ Иркутскъ, я явился къ Михаилу Михайловичу по долгу службы: ибо обѣ экспедиціи въ Ледовитое море (*) были отданы въ полное его распоряженіе. Я его нашелъ въ саду съ Батеньковымъ (съ которымъ я впослѣдствіи сдружился). Мои отвѣты ему были дерзки и молоды. Такъ, напримѣръ, на вопросъ, ка̀къ мнѣ нравится Сибирь и какое она сдѣлала на меня впечатлѣніе, я отвѣчалъ, что вижу въ ней—Россію черезъ сто лѣтъ: образованность и довольство крестьянъ, привѣтливость и безкорыстную услужливость чиновниковъ, порядокъ на станціяхъ, прекрасныя дороги, невѣроятную честность, и пр. Я говорилъ иное что̀ самъ видѣлъ, другое—что̀ только слышалъ и все это— лишь изъ желанія оправдать и поднять тѣхъ, которыхъ онъ прибылъ преслѣдовать. Михайло Михайловичъ выслушалъ меня терпѣливо, улыбаясь, поговорилъ о предстоящемъ мнѣ путешествіи и пригласилъ заходить къ нему иногда, по вечерамъ, въ садъ. Черезъ недѣлю я зашелъ. У него было болѣзненное лицо: онъ страдалъ геморроемъ. Никого не было. Онъ меня встрѣтилъ улыбкою, которая ясно выражала:

(*) Одна была направлена на устье Лены, другая на устье Колымы. Анжу съ Матюшкинымъ шли отдѣльно отъ Врангеля.

ка́къ я доволенъ что ты пришелъ! Полагаю, что Батеньковъ говорилъ ему обо мнѣ хорошо. «Я слышалъ—сказалъ онъ мнѣ—что у васъ есть книги и есть Палласъ.» — «У меня только его Nordische Beiträge.»—«На Нѣмецкомъ языкѣ? очень кстати: я эту книгу давно желалъ прочесть; буду по ней прилежнѣе учиться Нѣмецкому языку.»—Остальной разговоръ—о лицеѣ, Пушкинѣ, Русланѣ и Людмилѣ. Я долго не пробылъ: онъ страдалъ. Уменъ, милъ и добръ! На другой день я принесъ книги и отдалъ ему. Онъ былъ занятъ дѣлами. 11-го іюня я ходилъ съ ружьемъ по окрестностямъ Иркутска. Вышедъ изъ густаго кустарника на поляну, я увидѣлъ Михайла Михайловича, который стоялъ одинъ надъ рѣчкою Ушаковкою и, упершись на палку, смотрѣлъ въ даль. Я хотѣлъ его миновать; но онъ меня увидѣлъ. «Куда это, нарушитель закона?» — «Кто́ нарушитель, какого закона?»—«До Петрова дни охота запрещена.»— «Ваше Превосходительство, какъ нарушитель закона я уже въ Сибири; впрочемъ, я преступникъ самый невинный: вотъ уже шесть часовъ какъ хожу, а ничего еще не убилъ. Я учусь стрѣлять: скоро пригодится эта наука.» Мы пошли. Въ четверти версты отъ рѣчки ждали его дрожки. Онъ поѣхалъ къ городу, а я пошелъ пѣшкомъ. 19-го іюня (за два дни до моего отъѣзда) я пошелъ къ нему проститься. Онъ поцѣловалъ меня въ лобъ, положилъ руки на плечи и благословилъ на дальній путь. У меня навернулись слезы. За что этотъ человѣкъ полюбилъ меня, за что я полюбилъ его?»—«Впослѣдствіи—дополнилъ намъ еще Матюшкинъ—я получилъ отъ Сперанскаго въ Колымскѣ письмецо (котораго не отыскалъ). Онъ, помнится, извѣщалъ меня о своемъ выѣздѣ въ Петербургъ и что книги мои беретъ съ собою, что ихъ еще не кончилъ и что возвратитъ мнѣ при свиданіи. Странно: часто я видѣлъ послѣ Михайла Михайловича: вѣроятно его видѣлъ и во фракѣ, и въ звѣз-

дахъ, и въ мундирѣ; но никакъ не могу его себѣ такимъ припомнить: онъ мнѣ иначе теперь не рисуется, какъ такимъ, какимъ я видѣлъ его въ первый разъ въ Иркутскѣ: въ длиннополомъ свѣтлосѣромъ сюртукѣ, сѣромъ пуховомъ картузѣ, башмакахъ, бѣломъ, слабо завязанномъ галстухѣ и нанковомъ нижнемъ платьѣ . . . . . . »

Другимъ любопытнымъ эпизодомъ во время Иркутской жизни Сперанскаго было отправленіе въ Китай, на смѣну извѣстному Іакинѳу Бичурину, новой духовной миссіи, подъ начальствомъ архимандрита Петра Каменскаго и въ сопровожденіи пристава Тимковскаго. «22-го іюня—писалъ онъ дочери—я давалъ прощальный обѣдъ, какой въ Сибири только быть можетъ. На одной сторонѣ сидѣли архимандритъ и свита его, отправлявшіеся въ Пекинъ, на восточный конецъ свѣта; на другой—трое молодыхъ морскихъ офицеровъ, отправлявшихся на Ледовитое море. Эти двѣ, противуположныя по всѣмъ видамъ, экспедиціи оставляли отечество одна на пять, другая на десять лѣтъ, почти безъ сожалѣнія, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.» Далѣе онъ продолжалъ: «Я думаю, Сибирь есть настоящая отчизна Донъ-Кишотовъ. Въ Иркутскѣ есть сотни людей, бывшихъ въ Камчаткѣ, на Алеутскихъ островахъ, въ Америкѣ, съ женами и дѣтьми, и они все сіе разсказываютъ какъ дѣла́ обыкновенныя. . . . (*).»

(*) Въ томъ же іюнѣ Сперанскій посѣтилъ Иркутскую гимназію, о чемъ мы упоминаемъ здѣсь только потому, что это посѣщеніе было описано въ современныхъ газетахъ («Казанскія Извѣстія,» 3-го ноября 1820 года, № 88); одинъ изъ старшихъ учителей произнесъ ему рѣчь, преизобиловавшую реторикою и называвшую его «столь примѣрнымъ по добродѣтели и просвѣщенію.» Вслѣдъ за тѣмъ ученикъ Ипатовъ прочиталъ сочиненіе на заданную тему: «Изобразить, въ прозѣ, сходство и несходство Лены и Ангары.» Это сочиненіе было, впрочемъ, обыкновенною школьною хріею, безъ всякихъ намековъ на почетнаго посѣтителя.

1-го августа 1820-го Сперанскій окончательно оставилъ Иркутскъ. Въ «дневникѣ» его записано: «Отъѣздъ изъ Иркутска. Обѣдня въ соборѣ. Водоосвященіе, яко въ день происхожденія честныхъ древъ. Посѣщеніе архіерея; оттуда пѣшкомъ по набережной къ Ангарѣ, въ сопровожденіи архіерея. Стеченіе всего города; множество женщинъ. Прощанье съ частью обывателей на берегу. Смѣшной видъ казацкихъ пѣвчихъ, кои, провожая шлюпку въ маленькой лодкѣ, пѣли: Тебе Бога хвалимъ. Купечество и мѣщанство на той сторонѣ. Посѣщеніе Вознесенскаго монастыря. Поклоненіе мощамъ (святителя Иннокентія). Здѣсь простились съ архіереемъ и со всѣмъ духовенствомъ. На станціи Зуевской пиръ отъ головы Сибирякова. Знатнѣйшее Иркутское купечество. При глупой пальбѣ изъ чугунныхъ малыхъ орудій едва не загорѣлись работники, ихъ заряжавшіе (*). Обѣдъ подъ шатромъ на острову. Въ 5 или 6 часовъ общее прощанье.» При переѣздѣ, у Краснорѣчинскаго завода, черезъ рѣку Чулымъ, въ дождь, Сперанскій простудился и занемогъ, такъ что нѣсколько дней не выходилъ изъ кареты, продолжая, однако, свой путь. Далѣе, по нѣкоторомъ отдыхѣ въ Томскѣ, онъ осматривалъ Барнаульскій заводъ и Змѣевскій рудникъ и видѣлъ Колыванское озеро. Въ Барнаулѣ интересна была его встрѣча съ извѣстнымъ Англійскимъ чудакомъ Джономъ Кохрэномъ, о

(*) Очевидцы разсказываютъ, что эти орудія, взятыя съ купеческихъ судовъ, лежали престо на землѣ: для заряжанія, одинъ молодецъ ставилъ пушку стоймя, а другой пригоршнями всыпалъ въ нее порохъ, принесенный въ шляпѣ; при подобномъ младенческомъ способѣ стрѣльбы, въ одной изъ пушекъ, отъ оставшейся искры, вспыхнулъ только что всыпанный въ нее порохъ, а оттуда пламя сообщилось пороху въ шляпѣ и охватило всѣхъ стрѣлявшихъ. Къ счастію, это было возлѣ рѣки, куда они всѣ и вбѣжали, такъ что дѣло кончилось небольшими обжогами и общимъ смѣхомъ.

пѣшеходныхъ странствіяхъ котораго толковали и писали тогда въ цѣлой Европѣ. Приведемъ сперва разсказъ самого Кохрэна, а потомъ отзывы о немъ Сперанскаго.

«Когда я прибылъ въ Барнаулъ,—говоритъ первый въ напечатанномъ описаніи своего путешествія,—тамъ дѣлались большія приготовленія къ пріему генералъ-губернатора Сперанскаго, который объѣзжалъ въ то время Сибирь, съ неограниченными уполномочіями, для пресѣченія злоупотребленій. Черезъ день послѣ меня онъ пріѣхалъ и былъ принятъ со всѣми почестями, подобающими его сану, возвышенному образу чувствъ и прочимъ отличнымъ качествамъ. Губернаторъ (т. е. горный начальникъ Фроловъ) далъ два праздничныхъ обѣда, освѣщены были сады, устроены балы и повсюду было общее ликованіе. О Сперанскомъ скажу только, что я никогда и ни въ комъ не видѣлъ такого соединенія свѣтлаго разума съ сердечною добротою. Я буду всегда гордиться тою благосклонностію, которою онъ меня лично почтилъ. Сначала, по длинной моей бородѣ, онъ принялъ было меня за раскольника. Отъ него я узналъ, что на рѣкѣ Колымѣ находится, для разрѣшенія сомнѣній о сѣверовосточномъ берегѣ Азіи, особенная коммиссія, съ которою мнѣ можно будетъ проникнуть далѣе впередъ. Я рѣшился тотчасъ воспользоваться этимъ благосклоннымъ дозволеніемъ и онъ снабдилъ меня разными рекомендаціями во всѣ мѣста, которыя мнѣ слѣдовало проѣзжать, равно какъ и предписаніями ко всѣмъ городскимъ и земскимъ начальствамъ объ оказываніи мнѣ, въ случаѣ надобности, покровительства и гостепріимства. Съ этими важными для меня документами, я отправился въ Томскъ.»

Сперанскій, съ своей стороны, писалъ графу Кочубею: «Въ Барнаулѣ встрѣтился я съ Кохрэномъ. Образумясь и оставивъ странное свое притязаніе на пѣшеходство, онъ рѣшился путешествовать *по-людски*, на перекладныхъ.

Та́къ пріѣхалъ онъ въ Барнаулъ, та́къ отправился и далѣе. Я имѣю уже о немъ извѣстіе изъ Иркутска. Теперь онъ долженъ быть въ Якутскѣ. Примѣчательная черта его путешествія есть та, что около Москвы его ограбили, а Сибирь проѣхалъ онъ благополучно и не можетъ довольно ею нахвалиться. Впрочемъ, понятіе его о цѣли и средствахъ его путешествія столь поверхностно и географія столь неосновательна, что не много сто́ило труда вывести его изъ заблужденія. Вмѣсто Охотска и Камчатки, онъ отправится изъ Якутска на Колыму. Тамъ увидится съ одною изъ нашихъ экспедицій, отправленныхъ для открытій по Ледовитому морю, и рѣшится, ка́къ идти далѣе. Во всѣхъ случаяхъ я совѣтывалъ ему дѣйствовать въ изысканіяхъ своихъ отдѣльно: ибо нельзя предполагать, чтобы наши морскіе офицеры допустили его дѣлить съ ними *славу новыхъ открытій*. Изъ сего вышли бы одни сплетни и неудовольствія. Если проберется онъ чрезъ Чукчей до Берингова пролива (вещь не невозможная), тогда онъ кончитъ тѣмъ, что сядетъ тамъ на Американскій корабль.»

Описывая встрѣчу съ Кохрэномъ и своей дочери, Сперанскій та̀къ его характеризировалъ: «Острота, бродяжничество, упрямство и вмѣстѣ безразсудное легкомысліе и несвязность предпріятій! Онъ кончитъ сумасшествіемъ и, по моему мнѣнію, уже и теперь помѣшанъ (*). Совсѣмъ неправда чтобъ онъ путешествовалъ пѣшкомъ. Онъ благополучно нанимаетъ лошадей и ѣдетъ довольно покойно: здѣсь купилъ даже и повозку; доселѣ онъ ихъ перемѣнялъ. Вся особенность состоитъ только въ томъ, что онъ одинъ,

(*) Сперанскій не угадалъ: Кохрэнъ умеръ не въ сумасшествіи, а отъ желтой горячки, на переѣздѣ, въ 1838-мъ году, изъ Мексики въ Европу. Передъ тѣмъ, Кохрэнъ посѣтилъ Петропавловскъ и адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, бывшій въ то время начальникомъ Камчатки, разсказывалъ намъ, какъ онъ женилъ его тамъ на красавицѣ, дочери Русскаго дьячка.

безъ слуги, и отпустилъ себѣ маленькую рыженькую бородку. Добрый путь.»

На продолженіи пути къ Тобольску, Сперанскаго особенно поразилъ Семипалатинскъ, гдѣ онъ пробылъ съ 28-го августа по 31-е. Въ «дневникѣ» помѣщены разныя замѣтки о происхожденіи имени этого города, объ его мѣстоположеніи, о Киргизъ-Кайсакахъ и пр., а дочери своей онъ писалъ оттуда: «Въ Россіи ли мы? Въ одномъ ли я съ тобою отечествѣ? Здѣсь окружаютъ меня Бухарцы, Ташкинцы, Киргизы. Это сущій маскерадъ и хотя, послѣ Иркутска, я долженъ бы привыкнуть къ симъ превращеніямъ, тѣмъ не менѣе они поразительны. Домы безъ крышъ, по Азіятскому обычаю; всѣ почти головы въ чалмахъ, или скуфьяхъ; три мечети и ни одной церкви. Путешествіе по Сибири есть сущій бредъ, особенно когда путешествуешь съ примѣчаніемъ. Два дни тому назадъ мы были въ самыхъ ущельяхъ Алтайскихъ горъ, коихъ верхи покрыты вѣчными льдами. Сегодня — въ степи, коей одна сторона примыкаетъ къ Ледовитому морю, другая идетъ почти непрерывно до Тибета, и гдѣ снѣгу почти не бываетъ.»

8-го сентября Сперанскій достигъ Тобольска и остался тамъ на всю зиму. «Тотъ же самый Тобольскъ,—писалъ онъ опять оттуда дочери (18-го сентября)—но совсѣмъ иначе мнѣ нынѣ представляется. Минувшаго года предъ нимъ стояла грозная туча—Иркутскъ; теперь туча назади, а передъ нимъ яркіе цвѣта радуги. Отъ нихъ все принимаетъ другой видъ. Дѣла и люди иначе смотрятъ. Правда что дѣла и сами по себѣ становятся стройнѣе, и люди привыкаютъ къ порядку. Какъ непріятно, горестно, безпрестанно обвинять и подозрѣвать. Слава Богу, это прошло и я живу если не среди друзей, то по крайней мѣрѣ не среди непріятелей.»

IV.

Если вспомнить что Сперанскій провелъ въ Сибири менѣе двухъ лѣтъ; что ему, въ это время, надлежало и управлять, и производить ревизію, и собирать матеріалы къ преобразованіямъ, и писать новыя учрежденія: что тогдашняя Сибирь была—по его выраженію и по общему отзыву—настоящимъ *дномъ* злоупотребленій, и что по одной Иркутской губерніи слѣдственныя дѣла разрослись до множества томовъ; если, наконецъ, принять въ соображеніе, сколько времени сенаторы, назначавшіеся туда послѣ него, употребляли на одну ревизію, при готовыхъ уже данныхъ: то нельзя, конечно, не изумляться массѣ всего, что онъ успѣлъ тамъ совершить. Но какъ объемъ, который мы назначили нашей книгѣ, не позволяетъ подробно входить здѣсь во всѣ результаты его дѣятельности въ Сибири, то мы изобразимъ ихъ только въ главныхъ чертахъ, сгрупировавъ въ два слѣдующія подраздѣленія: а) ревизія и ея послѣдствія, б) предположенія къ будущему устройству края.

а) Ревизія.

При самомъ отправленіи Сперанскаго въ Сибирь, графъ Кочубей писалъ ему, въ частномъ письмѣ: «По дѣламъ Сибирскимъ располагайтесь, пожалуйте, *не стѣсняя себя ничѣмъ* и со всевозможною твердостію. Сіе будетъ принято наилучшимъ образомъ и произведетъ пользу, такъ какъ ходъ нѣсколько застѣнчивый приписанъ будетъ къ прежнимъ заключеніямъ о перѣмчивости, о двоякомъ направленіи и проч.».

Сперанскій, какъ кажется, принялъ эти слова главнымъ для себя руководствомъ. Ревизія его болѣе была совѣстна, чѣмъ строго соотвѣтствовала законнымъ формальностямъ,

и многое въ ней было окончено собственною его властію, безъ мѣръ особенно крутыхъ, но однако же и безъ послабленія. Уже выше мы замѣтили что дѣла́ о взяткахъ, какъ скоро были въ нихъ несомнѣнныя улики, онъ оканчивалъ преимущественно словеснымъ разборомъ и возвращеніемъ обиженнымъ самовольно у нихъ забраннаго. Съ другой стороны, въ ходѣ слѣдствій онъ ограничивалъ стремленія коммиссій, когда они казались ему черезъ мѣру инквизиціонными, и никогда не искалъ одного, такъ сказать, мстительнаго преслѣдованія, потому, что неправильный ходъ дѣлъ введенъ и терпимъ былъ многолѣтними попущеніями. При всемъ томъ, въ окончательномъ выводѣ ревизіи, не смотря на множество рѣшеннаго на мѣстѣ, все еще оказалось 73 дѣла, слѣдовавшія къ высшему разсмотрѣнію, и по нимъ насчитывалось обвиненныхъ 680 человѣкъ и суммъ ко взысканію до 2,850,000 р. (*). Послѣ, эти огромныя цифры породили въ Петербургѣ большія укоризны противъ Сперанскаго, отъ котораго многіе скорѣе ждали нѣкотораго снисхожденія, и на него посыпались упреки въ жестокости, хотя, очевидно, болѣе только по сохранявшейся еще, отъ прежняго времени, привычкѣ порицать все что́ онъ ни дѣлалъ. На мѣстахъ были другаго мнѣнія, и это мнѣніе раздѣляли и всѣ люди безпристрастные; принимавшіе въ соображеніе обширность края, массу должностныхъ тамъ лицъ и почти общую, въ то время, ихъ безнравственность. Никто, въ Сибирскую ревизію, не потерпѣлъ свыше мѣры своей вины и всѣмъ, исключая развѣ преданныхъ

(*) Должно, впрочемъ, замѣтить, что эти суммы не всѣ обратились въ личныя обогащенія. Значительная ихъ часть перешла въ казну, но путями незаконными, или чистою реквизиціею, или раскладкою на земледѣльцевъ поставки хлѣба въ разные магазины, по произвольно назначавшейся цѣнѣ.

формальному суду, уже позже, въ Петербургѣ, были опредѣлены наказанія самыя легкія, для многихъ равнявшіяся почти совершенному прощенію (*). Не то́, разумѣется, говорили сами наказанные, а голосъ порицанія, по несчастному свойству человѣческой природы, всегда и громче раздается и болѣе находитъ себѣ вѣры и сочувствія нежели похвала самая справедливая.

б) Предположенія къ будущему устройству края.

«Всѣ мѣры надзора и исправленія—писалъ Сперанскій въ концѣ своего отчета о ревизіи — не имѣютъ и не могутъ имѣть иного дѣйствія кромѣ временнаго, или, такъ сказать, личнаго. Онѣ могутъ пріостановить зло, но не могутъ истребить его въ корнѣ. Къ сему нужны другіе способы, коихъ твердое постановленіе зависитъ не отъ мѣстнаго, а отъ высшаго начальства. Способы сіи состоятъ кратко въ томъ: 1) чтобъ учредить въ Сибири порядокъ управленія, положенію сей страны наиболѣе сообразный; 2) снабдить ее положеніями и уставами, въ разныхъ частяхъ управленія ея необходимыми.»

Съ этою цѣлью имъ были составлены и внесены на утвержденіе *десять* разныхъ проектовъ. Вотъ ихъ исчисленіе, съ нѣсколькими, о нѣкоторыхъ изъ нихъ, особыми замѣтками (**).

(*) Эти наказанія будутъ изчислены ниже, когда мы дойдемъ до разсмотрѣнія ревизіи Сперанскаго въ Сибирскомъ комитетѣ.

(**) Нѣкоторыя матеріальныя данныя при изложеніи этихъ замѣтокъ заимствованы изъ записки, составленной для насъ, съ обязательною готовностію, Г. С. Батеньковымъ, которымъ написаны были, подъ руководствомъ Сперанскаго, проекты, означенные здѣсь подъ №№ II—VII-мъ: все прочее принадлежало непосредственно перу самого генералъ-губернатора.

I. Учрежденіе для управленія Сибирскихъ губерній. Автора въ свое время упрекали, а отчасти еще и теперь продолжаютъ упрекать въ томъ, что это новое учрежденіе безмѣрно размножило въ Сибири число инстанцій и что въ устройствѣ ихъ, обнимавшемъ всѣ степени администраціи, суда и полиціи, онъ замѣтно возвратился къ коллегіальной идеѣ, которую нѣкогда такъ горячо опровергалъ. Вотъ что́ самъ онъ, излагая главныя основанія проекта, о немъ говорилъ (*): «Въ совокупности всѣ сіи основанія (проекта) утверждаются на слѣдующихъ положеніяхъ: 1) преобразить личную власть въ установленіе и, согласивъ единство ея дѣйствія съ гласностію, охранить ее отъ самовластія и злоупотребленій законными средствами, изъ самого порядка дѣлъ возникающими, и учредить дѣйствіе ея такъ, чтобъ оно было не личнымъ и домашнимъ, но публичнымъ и служебнымъ; 2) усилить надзоръ, собравъ раздробленныя и потому безсильныя его части въ одно установленіе и тѣмъ, вмѣсто безплодной переписки, сдѣлать его средствомъ къ дѣйствительному исполненію, замѣнивъ имъ, съ одной стороны, удаленный отъ Сибири надзоръ высшаго правительства, а съ другой— недостаточный надзоръ общаго мнѣнія: 3) раздѣлить и раскрыть тѣ установленія, кои, бывъ сокрыты и смѣшаны въ губернскомъ правленіи, не производили своего дѣйствія: 4) постепенностію, связью, средоточіемъ всѣхъ частей управленія достигнуть того, чтобъ части сіи одна другой содѣйствовали, чтобъ весь составъ губернскаго управленія представлялъ нѣчто цѣлое и совокупное и могъ

(*) Слѣдующія слова Сперанскаго взяты изъ пространной объяснительной записки, которая въ 1841 году, уже послѣ его смерти, была составлена изъ его бумагъ и напечатана, по повелѣнію Императора Николая, вмѣстѣ съ разными другими актами, для Сибирскаго комитета и мѣстныхъ начальствъ, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе главныхъ основаній мѣстнаго управленія Сибири.»

бы, въ назначенномъ ему кругу, самъ собою двигаться, находя въ себѣ и средства къ сему движенію и побудительную силу; 5) приспособить управленіе къ особенному положенію тѣхъ Сибирскихъ областей, кои, при великомъ пространствѣ, весьма мало имѣютъ населенія; 6) наконецъ, простотою и удобностію обрядовъ доставить каждому роду дѣлъ свойственное и успѣшное движеніе.» Впрочемъ Сперанскій никогда не считалъ этой работы своей ни окончательною, ни даже совершенно зрѣлою, а выдавалъ ее лишь за одно предварительное начертаніе, еще требовавшее развитія. Когда проектъ уже былъ утвержденъ (объ этомъ скажется ниже), его авторъ, въ августѣ 1822-го, писалъ назначенному послѣ него генералъ-губернаторомъ одной части Сибири, Капцевичу: «Общая черта сихъ учрежденій есть та, чтобъ вводить новый порядокъ постепенно и по мѣрѣ способовъ, не разрушая стараго. Всѣ они представляютъ болѣе планъ къ постепенному образованію Сибирскаго управленія, нежели внезапную перемѣну.» Вопросъ о томъ: былъ ли впослѣдствіи этотъ планъ вполнѣ осуществленъ и вполнѣ ли также преемники его составителя приняли и усвоили себѣ его основную мысль, или же Сибирское учрежденіе было введено въ дѣйствіе болѣе лишь по формѣ? выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи. Замѣтимъ только, что Сперанскій и прежде покровительствовалъ коллегіальной формѣ въ дѣлахъ, гдѣ можно было ожидать пользы отъ совокупнаго совѣщанія (*), но всегда былъ врагомъ ея тамъ, гдѣ требовались дѣйствіе и иниціатива. «Дѣла нѣкоторой важности—говаривалъ онъ—дѣлаются не мѣстами, а лицами.» Помнимъ еще другой его афоризмъ въ томъ же родѣ: «Совѣты полезны только для совѣщанія на предметы уже об-

(*) Доказательство тому—совѣты и общія присутствія, введенные имъ въ учрежденіе министерствъ.

думанные; всякое сословіе есть, по существу своему, нестройная толпа, какъ скоро его заставятъ составлять, а не обсуживать уже составленное.» Сибирское учрежденіе ни въ чемъ не отступало отъ этой доктрины.

II. Уставъ объ управленіи Сибирскихъ инородцевъ. Сибирскіе аборигены, носившіе дотолѣ одно общее названіе *иновѣрцевъ* и *ясашныхъ*, то есть платившихъ подати звѣриными шкурами, не были различены по образу ихъ жизни, и всѣ они,—земледѣльцы, пастухи и звѣроловы,—составляли одинъ разрядъ, всѣ служили доходною статьею для земской полиціи, а считавшіеся христіанами—частію и для духовной власти. Новый уставъ имѣлъ предметомъ, раздѣливъ ихъ, по степени гражданскаго образованія и по свойству промысла, на осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ, установить права́ тѣхъ и другихъ и порядокъ въ родовыхъ ихъ управленіяхъ. Названіе «инородцы» было придумано Сперанскимъ, подобно многимъ другимъ неологизмамъ, имъ впервые употребленнымъ и получившимъ, съ тѣхъ поръ, полное право гражданства въ нашемъ языкѣ.

III. Уставъ объ управленіи Сибирскихъ Киргизовъ. Киргизская степь, долгое время служившая, посредствомъ мѣновой своей торговли, источникомъ благосостоянія для линейныхъ жителей и особливо для линейныхъ казаковъ, превратилась, отъ обоюднаго вліянія на нее Россіи и Китая, въ страну, раздираемую междуусобіями и до того оскудѣвшую въ средствахъ, что отцы продавали, подъ именемъ Калмыковъ, собственныхъ своихъ дѣтей. Сперанскій рѣшился обратить эту степь въ полное подданство одной Россіи и, установивъ среди нея правительственные пункты, воспользоваться случившеюся въ то время смертію хана, чтобы навсегда прекратить вліяніе Китайцевъ на выборъ и утвержденіе въ ханское званіе.

Средствами къ этому онъ придумалъ учрежденіе новой области, подъ именемъ Омской, и изданіе устава о Сибирскихъ Киргизахъ. Такое мирное завоеваніе степи посредствомъ одного письменнаго устава, не довольно, можетъ быть, оцѣненное въ свое время, исторія не можетъ не признать фактомъ огромной важности. Въ вышеприведенномъ письмѣ къ Канцевичу Сперанскій самъ коснулся этого предмета. «Шагъ въ Киргизскую степь на примѣрной картѣ,—писалъ онъ—хотя и кажется смѣлымъ, но въ уставѣ онъ та́къ расположенъ, что новая черта представляетъ только цѣль, куда идти и куда, можетъ быть, только въ полвѣка придти будетъ можно, подаваясь всегда тихимъ и измѣреннымъ движеніемъ, нечувствительно, но всегда по одному плану и пользуясь случаями и мѣстными обстоятельствами. Сіе постепенное движеніе гражданскаго устройства въ степь найдено удобнѣйшимъ, нежели предположеніе, давно уже бывшее и покойнымъ Глазенапомъ возобновленное, о переносѣ линіи (*).»

IV и *V*. *Уставы о ссыльныхъ и объ этапахъ*. До Сперанскаго партіи ссыльныхъ были отправляемы и препровождаемы въ Сибирь безъ малѣйшаго порядка. Управленіе не имѣло точныхъ, большею частію даже и никакихъ, свѣдѣ-

(*) Когда Сперанскій уже былъ въ Петербургѣ, Китайцы опять пытались поставить и водворить хана; но присланныхъ его посадить Китайскихъ чиновниковъ областный начальникъ Броневскій удалилъ легко и безъ всякихъ послѣдствій; когда же ханъ, недовольный сдѣланною ему помѣхою принять Китайскую инвеституру, началъ, впослѣдствіи, бунтовать, то Канцевичъ сослалъ его въ Березовъ; но Сибирскій комитетъ не одобрилъ этой мѣры, и хана возвратили въ степь. Впрочемъ Китайское правительство, какъ кажется, радо было само, что мы занялись безпокойнымъ и его Киргизскою степью, и когда, вмѣсто повторявшихся въ прежнее время, при каждомъ столкновеніи, угрозъ закрыть Кяхтинскую торговлю, его извѣстили что область—уже въ Русскомъ подданствѣ, то вполнѣ этимъ удовольствовалось.

ній о томъ, кто и за что именно сосланъ и къ какому роду и сроку ссылки приговоренъ, а составлявшіеся въ пограничныхъ мѣстахъ статейные списки смѣшивали въ одно и каторжныхъ и поселенцевъ, и мужчинъ и женщинъ, и взрослыхъ и дѣтей. Дальнѣйшая судьба сосланныхъ находилась въ рукахъ смотрителей и ихъ разбирали, по произволу, даже въ личныя услуги. Кто куда попадалъ, тотъ тамъ и оставался, совершенно независимо отъ важныхъ различій, опредѣленныхъ уголовными законами и основанными на нихъ приговорами. Въ Томскѣ Сперанскій нашелъ подпоручика Козлинскаго, который, лечась, отъ ранъ или болѣзни, въ Перми, вдругъ былъ схваченъ и препровожденъ сюда вмѣстѣ съ партіею ссыльныхъ. Разслѣдованіе по принятой отъ него просьбѣ доказало, что онъ дѣйствительно состоялъ на службѣ и не имѣлъ за собою никакой вины, но что дотолѣ не могъ заявить о своемъ бѣдственномъ положеніи, такъ какъ ссыльнымъ было запрещено подавать просьбы и вообще писать изъ Сибири. Открывалось также множество нелѣпыхъ свѣдѣній, какъ напримѣръ, что такой-то сосланъ изъ «Шенгурской» губерніи по запискѣ подъячаго, и все это происходило отъ того, что не было никакого контроля. Отряжавшіеся срочно изъ Оренбургской губерніи Башкирцы и Мещеряки гнали несчастныхъ какъ гуртъ, обижали ихъ, били и истязали, а смотрители съ своей стороны наживались на ихъ продовольствіи. Этому печальному неустройству должны были положить конецъ новые уставы о ссыльныхъ и объ этапахъ. Для завѣдыванія ссыльными учреждены въ Тобольскѣ приказъ и при каждомъ губернскомъ правленіи, начиная съ Казанскаго, особая экспедиція. На первый возложены были пріемъ и распредѣленіе присылаемыхъ и общій ихъ счетъ во всей Сибири, со вмѣненіемъ въ обязанность не принимать ни одного человѣка, о которомъ не будетъ сообщенъ судомъ уголовный приговоръ, и до-

искиваться причинъ, если бы тотъ, о комъ послѣдовало сообщеніе, не поступилъ въ приказъ. Экспедиціямъ поручалось: учрежденнымъ внѣ Сибири, приводить въ порядокъ документы ссыльныхъ, снабжать ихъ пищею и одеждою и распоряжаться о дальнѣйшемъ ихъ препровожденіи, а состоящимъ при Сибирскихъ губернскихъ правленіяхъ—размѣщать передаваемыхъ изъ приказа въ опредѣленные для нихъ пункты и имѣть все остальное о нихъ попеченіе. Въ числѣ благодѣтельныхъ нововведеній, доставившихъ Сперанскому, конечно, одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній на всю жизнь, должно назвать эмансипацію цѣлыхъ поколѣній несчастныхъ, именно дѣтей и дальнѣйшаго потомства каторжныхъ, которыя, по прежнимъ законамъ, оставались навсегда въ одномъ состояніи съ ихъ отцами, тогда какъ новый уставъ далъ имъ право вступать въ свободныя сельскія и городскія сословія. Съ другой стороны, Башкирцы и Мещеряки, о которыхъ Оренбургское начальство уже давно поставляло на видъ, что они командировками къ препровожденію ссыльныхъ разоряются въ своемъ хозяйствѣ, причемъ въ самомъ образѣ отправленія ими такой службы представляется нѣчто варварское, освобождены отъ этой обязанности и замѣнены вновь учрежденными этапными командами, для которыхъ кадрами послужилъ Селенгинскій гарнизонный полкъ, стоявшій за Байкаломъ и оказавшійся, при большихъ расходахъ на его продовольствіе, совершенно ненужнымъ на мирной Китайской границѣ.

VI. Уставъ о сухопутныхъ сообщеніяхъ въ Сибири (*).

VII. Уставъ о Сибирскихъ городовыхъ казакахъ. Онъ былъ вызванъ совершеннымъ неустройствомъ этой важной полицейской силы, которая, получая самое скудное содер-

(*) Проектъ о сухопутныхъ сообщеніяхъ, составленный Батеньковымъ на Русскомъ языкѣ, Вильде перевелъ на Французскій, для извѣстнаго генерала Бетанкура, главнаго, въ то время, начальника этой части въ имперіи, мало разумѣвшаго по-русски.

жаніе и добывая его болѣе злоупотребленіями, не рѣдко была обращаема въ опричнину. Такъ, въ началѣ XIX-го столѣтія, собственно посредствомъ этихъ казаковъ, Енисейскій городничій Кукалевскій держалъ въ трепетѣ два уѣзда и, — чему едва вѣрится, если бы не разсказывали сами поруганные, — проѣхалъ однажды по городу на уѣздныхъ чиновникахъ, запряженныхъ въ экипажъ, за то, что они осмѣлились составить собраніе для его отрѣшенія. Тѣ же казаки служили орудіемъ Лоскутову для всѣхъ его истязаній и черезъ нихъ наиболѣе была грозна и Иркутская губернія, въ которую не безъ страха вступали жители Западной Сибири, хотя тѣми же самыми казаками были истреблены въ этой губерніи грабежи и воровство и устроены удобныя дороги.

VIII. Положеніе о земскихъ повинностяхъ въ Сибири.

IX. Положеніе о хлѣбныхъ тамъ запасахъ.

X. Положеніе о долговыхъ обязательствахъ между крестьянами и инородцами.

Всѣ эти проекты, сопровождавшіеся подробными объясненіями, вѣдомостями, табелями и пр., содержали въ себѣ *болѣе трехъ тысячъ* параграфовъ. Легко себѣ представить сколько на составленіе ихъ, почти безъ всякихъ заранѣе подготовленныхъ матеріаловъ, требовалось изысканій и труда: сколько времени нужно было даже на одинъ процессъ редакціи и письма (*): и между тѣмъ все это, среди кочевой жизни и дѣлъ слѣдственныхъ и текущихъ, созрѣло (считая со времени прибытія Сперанскаго въ Иркутскъ) менѣе нежели въ полтора года!

Сверхъ изчисленныхъ нами учрежденій и уставовъ, которые образовали одно, такъ сказать, цѣлое, для Сибири изданы были, по предположеніямъ дѣятельнаго ея гене-

(*) На бѣло проекты переписывались уже позже, въ Петербургѣ, чиновниками, командированными изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

ралъ-губернатора, и многія другія постановленія, болѣе или менѣе важныя, о разныхъ отдѣльныхъ предметахъ. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

1. О мѣрахъ къ умноженію населенія Гижигинскаго края (8-го марта 1821-го, № 28.575).

2. Объ отводѣ земель на внутренней части Сибирскихъ линій для кочевья Киргизъ-Кайсаковъ (13-го іюня 1821-го, № 28.645).

3. Постановленіе о предѣлахъ плаванія и о порядкѣ приморскихъ сношеній вдоль береговъ Восточной Сибири, Сѣверо-западной Америки и острововъ Алеутскихъ, Курильскихъ и пр. (4-го сентября 1821-го, № 28.747).

4. Правила для соляного управленія въ трехъ Сибирскихъ губерніяхъ (23-го января 1822-го, № 28.880).

5. Правила для переселенія (дотолѣ запрещеннаго) казенныхъ крестьянъ, по ихъ желанію, въ Сибирь (10-го апрѣля 1822-го, № 28.997).

6. О устроеніи поселенцевъ, въ Гижигинскомъ краѣ водворяемыхъ (30-го января 1823-го, № 29.290).

Драгоцѣнны, наконецъ,—хотя уже и не столько *нынѣ*, какъ были *тогда*,—многочисленныя письменныя свѣдѣнія о Сибири, вывезенныя оттуда Сперанскимъ. Они относились къ топографіи, географіи, статистикѣ и этнографіи этого, въ то время такъ еще мало извѣстнаго, края, къ его исторіи и древностямъ, торговлѣ и торговымъ путямъ, къ Монгольскому языку и къ Ламаизму. Пока статистическія табели, по данной отъ генералъ-губернатора формѣ, составлялъ чиновникъ его канцеляріи Жуковскій, Батеньковъ печаталъ разныя статьи о Сибири въ «Сынѣ Отечества», откуда онѣ были переводимы въ Нѣмецкіе журналы. Въ тоже время дѣлались розысканія, зимнимъ и лѣтнимъ временемъ, для проложенія сухопутной дороги до Кяхты вокругъ Байкала: кончены были переговоры

съ Китаемъ о способѣ означенія границы; предположена и успѣшно приведена въ дѣйствіе замѣна деревянной набережной на Ангарѣ землянымъ откосомъ (*), и пр. Все это, вмѣстѣ съ упомянутыми выше матеріалами и описаніями, наполнившими собою цѣлые шкафы, показывало какъ многосторонне, какимъ умнымъ и ученымъ глазомъ Сперанскій смотрѣлъ на ввѣренную ему, по его выраженію «часть свѣта», хотя все это онъ готовилъ единственно на общую пользу и на употребленіе другимъ, отнюдь не прочя самого себя для Сибири. Много еще было имъ собрано любопытныхъ данныхъ для изученія и сосѣднихъ странъ: Китая и Японіи. Послѣ его смерти, изъ числа бумагъ, картъ, плановъ, чертежей и пр., входившихъ въ составъ этихъ коллекцій, нѣкоторыя, по повелѣнію Императора Николая I-го, были оставлены семейству (**); но самая большая часть распредѣлена по подлежащимъ министерствамъ.

«Macte animo....sic itur ad astra!»—писалъ Сперанскому, 1-го декабря 1819-го года, Уваровъ:—«говоря недавно о Сибири случилось мнѣ сказать, что исторія ея дѣлится на двѣ только эпохи: 1) отъ Ермака до Пестеля, 2) отъ Сперанскаго до X. X. Это моя мысль и мое убѣжденіе.»

V.

По выраженіямъ рескрипта 22-го марта 1819-го года, Сперанскій назначеніе свое въ Сибирь считалъ, съ самаго начала, за порученіе только временное, а себя болѣе за

(*) При работахъ по укрѣпленію береговъ Ангары былъ сломанъ домъ прежней губернской канцеляріи, въ которомъ нашли застѣнокъ, съ разными орудіями пытки.

(**) Теперь они хранятся въ императорской публичной библіотекѣ.

ревизора, нежели за генералъ-губернатора. По этому, какъ только розысканія о злоупотребленіяхъ и составленіе проектовъ для будущаго образованія Сибири стали приближаться къ концу, онъ тотчасъ сталъ ходатайствовать и настаивать о своемъ отозваніи. Уже и прежде, едва туда прибывъ, онъ писалъ дочери: «Окончивъ здѣсь (въ Тобольскѣ) дѣла, я поспѣшу въ Иркутскъ, какъ къ цѣли моего путешествія—*путешествія*, конечно: ибо никогда не найду я въ себѣ ни силъ, ни способовъ, не только здѣсь остаться, но и представить себѣ сіе вѣроятнымъ. Милость Божія никогда меня не оставляла и здѣсь не оставитъ. Ожидаю зимы какъ ты весны: ибо зима для меня въ Иркутскѣ будетъ послѣднею эпохою моего удаленія; съ весною я начну обратный путь (*). Молись только, чтобъ я былъ здоровъ; все прочее устроится въ своемъ порядкѣ.»

Это стремленіе оставить Сибирь, этотъ порывъ въ Петербургъ постепенно приняли въ Сперанскомъ характеръ какой-то моральной болѣзни, сдѣлались чѣмъ-то похожимъ на мучительное чувство *тоски по отчизнѣ*. Чтобъ изобразить страданія отъ этой тоски, овладѣвшей всѣмъ его существомъ; силу убѣжденій, которыя она ему внушала; лихорадочную, почти неестественную тревогу, съ какою онъ

(*) Мысли его о Сибири, имѣющей, по общему отзыву, свойство привязывать къ себѣ каждаго, кто нѣкоторое время въ ней поживетъ, утратили, впослѣдствіи, часть мрачнаго своего колорита и, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ часто говаривалъ: «Сибирь мнѣ теперь своя.» Но если, отъѣзжая изъ Иркутска, онъ увѣрялъ жителей, что опять туда возвратится, и потомъ утверждалъ что, говоря это, не думалъ обманывать, но что, «не уцѣпясь за Петербургъ, въ Сибири быть нельзя,» то въ искренности первыхъ изъ этихъ увѣреній позволено сильно сомнѣваться. Атмосфера столицы и Двора была слишкомъ необходима Сперанскому, чтобы онъ могъ себѣ представить возможность спокойно и счастливо дышать другою.

рвался къ своей цѣли: мы лучше всего представимъ здѣсь выписки изъ его писемъ къ разнымъ лицамъ. Хотя чувство, ихъ внушавшее, переходило иногда въ родъ малодушія—упрекъ, который, какъ мы увидимъ далѣе, Сперанскій и самъ предусматривалъ;—однако многимъ изъ этихъ писемъ нельзя отказать въ благородной смѣлости и въ сознаніи собственнаго достоинства, котораго не могло подавить несчастіе.

Прежде всего онъ обратился къ графу Кочубею, который, послѣ двѣнадцатилѣтняго къ нему охлажденія Императора Александра, 4-го ноября 1819-го года, снова (послѣ Козодавлева) былъ призванъ управлять министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и, по этому званію, за упраздненіемъ, со смертію Вязмитинова, министерства полиціи, снова сталъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, начальникомъ прежняго своего подчиненнаго. Поздравляя графа съ его назначеніемъ и давъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по Сибири, Сперанскій писалъ ему (18-го декабря 1819-го года): «Къ марту 1820-го всѣ слѣдствія будутъ окончены и всѣ свѣдѣнія къ образованію изготовлены. Послѣ сего мнѣ здѣсь будетъ дѣлать нечего. Смѣю даже утверждать, что пребываніе мое было бы вредно. Правительство лишится послѣдняго къ себѣ довѣрія, если, обнаруживъ безпорядки и злоупотребленія, оно не поспѣшитъ ввести лучшаго устройства, а введеніе сіе отъ меня не зависитъ: оно должно быть разсмотрѣно и рѣшено въ Петербургѣ. Отсюда вопросъ: долженъ ли я въ мартѣ пуститься отсюда обратно? По выраженію рескрипта, дѣло, мнѣ поручаемое, могло продолжиться годъ или полтора. Посему я могъ бы имѣть право считать и возвращеніе мое и срокъ его уже рѣшеными. Но привыкнувъ къ строгой покорности, я не хочу испортить осьмилѣтняго моего терпѣнія минутною нетерпѣливостію и потому полагаю въ январѣ мѣсяцѣ дать

краткій отчетъ въ положеніи дѣлъ и, означивъ срокъ ихъ окончанія, письмомъ на имя всемилостивѣйшаго Государя испрашивать и ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Они могутъ придти ко мнѣ въ концѣ марта и тогда, если получу я другое какое либо назначеніе, могу ускорить моимъ путешествіемъ и найду способъ быть въ концѣ мая, или въ началѣ іюня, въ Петербургѣ. Если же получу что либо противное, тогда, отправивъ всѣ дѣла и всѣ мои предположенія съ Цейеромъ, буду просить увольненія отъ службы и буду ожидать его въ Тобольскѣ. Разстоянія не дозволяютъ мнѣ ожидать на сіе вашего совѣта (письмо было изъ Иркутска): но, по всѣмъ опытамъ прежней вашей ко мнѣ благосклонности, смѣю надѣяться что, съ возвращеніемъ Трапезникова (*), ваше сіятельство изволите сказать мнѣ ваши мысли и разсѣять мракъ, меня окружающій.»

Потомъ, однако, Сперанскій самъ нѣсколько отдалилъ назначавшійся имъ сперва срокъ. Отправляя, въ концѣ января 1820-го года, краткій отчетъ о томъ что̀ имъ найдено въ Сибири, онъ, въ докладѣ Государю, писалъ: «Если видъ страстей и слабостей человѣческихъ оскорбитъ вниманіе Вашего Величества, то, въ замѣнъ того, возможность и средства устроить въ сей части свѣта лучшій порядокъ, безъ сомнѣнія представятъ благотворной душѣ Вашей пріятное упражненіе. Я не могу съ точностію опредѣлить времени окончанія сихъ работъ, но надѣюсь, что къ *маю мѣсяцу* (**) онѣ будутъ готовы. Къ сему же времени окончены будутъ и частныя порученія объ отправленіи духов-

(*) Иркутскій купецъ, съ которымъ это письмо отправлялось въ Петербургъ.

(**) Мы означаемъ курсивомъ, здѣсь и ниже, слова, показывающія отсрочку противъ первоначально предположеннаго самимъ Сперанскимъ срока возвращенія.

ной миссіи въ Пекинъ и экспедиціи къ Ледовитому морю. Между тѣмъ на сихъ дняхъ отправляюсь для обозрѣнія такъ называемаго здѣсь заморскаго края, т. е. округовъ, за Байкаломъ лежащихъ. Послѣ сего пребываніе мое въ Иркутскѣ будетъ безполезно и я полагаю *часть лѣтняго времени* употребить на вторичное и окончательное обозрѣніе Томской и Тобольской губерній. Окончивъ оное, я смѣю думать, что дальнѣйшее пребываніе мое въ Сибири не будетъ имѣть цѣли. Милосердіе Вашего Величества ко мнѣ не попуститъ, чтобъ, съ утратою здоровья и семейныхъ обязанностей, утратилъ я здѣсь и то малое право, которое доселѣ могъ пріобрѣсть на довѣріе, а утратить его я непремѣнно долженъ, если, обнаруживъ злоупотребленіе, возбудивъ надежды къ лучшему и не бывъ въ состояніи съ прочностію сдѣлать ничего лучшаго, я оставленъ буду здѣсь для однихъ текущихъ дѣлъ, безъ людей и безъ способовъ. Способы и люди отъ меня не зависятъ. Способы требуютъ соображеній государственныхъ, а людей пріискать мнѣ въ Сибири невозможно. Повергая все сіе въ милостивое и правосудное Вашего Величества усмотрѣніе, съ благоговѣніемъ буду ожидать рѣшенія.»

Пересылая этотъ докладъ, для поднесенія Государю, къ князю Голицыну, и повторивъ въ письмѣ къ послѣднему почти тоже самое, Сперанскій прибавлялъ: «Все сіе, вѣроятно, *кончится къ осени;* но ваше сіятельство не изволите, конечно, найти страннымъ, что въ январѣ я помышляю и пишу къ вамъ объ осени. Въ Сибири это не слишкомъ рано.» Далѣе, настаивая на томъ, какъ необходимо, и для него лично и для дѣлъ, благовременно разрѣшить его донесеніе, онъ продолжалъ: «Покамѣстъ тотъ же порядокъ и тѣ же люди, тѣ же будутъ и послѣдствія. Возникнутъ ропотъ и жалобы, и я, бывъ присланъ сюда для слѣдствій, въ концѣ сего года самъ могу быть подверженъ

слѣдствіямъ. Присоедините къ сему, что ревизія поставила меня, по необходимости, въ непримиримую вражду почти со всѣми чиновниками. Одни преданы суду, другіе находятся подъ слѣдствіемъ. Могу ли я дѣйствовать не только съ честію, но даже и безъ опасности? Признаюсь вамъ въ моей слабости: при мрачныхъ здѣшнихъ дѣлахъ, сіи мрачныя мысли столько меня смущаютъ, что я не помню въ жизни положенія—вѣрьте всей силѣ и искренности сего слова—болѣе для меня затруднительнаго и жестокаго. Столько можетъ быть противорѣчія между внѣшнимъ видомъ и внутренними чувствами!» Въ заключеніе онъ говорилъ: «Всѣ письма ваши для меня драгоцѣнны; но, признаюсь, отвѣта на сіе письмо буду ожидать съ нетерпѣливостію, которую другіе назвали бы малодушіемъ; но вы уважите мои побужденія и покроете все любовію, которая одна *всему вѣру емлетъ и николиже отпадаетъ.*»

Эти изъясненія, по содержанію своему, требовали отвѣта положительнаго. Онъ и послѣдовалъ, но не черезъ Голицына, а черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ начальника Сперанскаго. Въ формальной бумагѣ, отъ 8 марта 1820-го года, Кочубей объявилъ ему высочайшую волю—прибыть въ Петербургъ, съ дѣлами Сибирскими, *къ исходу октября того года.*

Отвѣтъ министра радостно взволновалъ Сперанскаго. Онъ поспѣшилъ отправить бо́льшую часть своего имущества съ отходившими тогда изъ Иркутска судами и оставилъ при себѣ только то́, что могло ему понадобиться въ теченіе лѣта.

Такъ прошло, отъ времени полученія бумаги Кочубея, двѣ недѣли.

Вдругъ, 7-го мая, пришелъ, *черезъ князя Голицына,* слѣдующій рескриптъ, подписанный Государемъ 20-го марта: «Съ удовольствіемъ читалъ я, въ донесеніи вашемъ отъ 30 января, обо всѣхъ распоряженіяхъ, дѣлаемыхъ вами для

пресѣченія открытыхъ злоупотребленій и неустройствъ въ Сибирскомъ краѣ, управленію вашему ввѣренномъ, и надѣюсь несомнѣнно, что предположенія ваши къ водворенію тамъ лучшаго впредь порядка и правосудія получатъ вожделѣнный успѣхъ при продолжающейся попечительности вашей.

«По окончаніи возложеннаго мною на васъ порученія, ожидаю я возвращенія вашего сюда, какъ прежде о томъ къ вамъ писалъ. *Расположите путь вашъ такимъ образомъ, чтобы прибыть въ С.-Петербургъ къ послѣднимъ числамъ марта будущаго* (т. е. 1821-го) *года*. Но предварительно желаю знать, на какомъ основаніи предполагаете вы оставить управленіе Сибирскими губерніями по отбытіи вашемъ оттуда. О семъ пришлите ко мнѣ донесеніе ваше.»

Подписанный Государемъ рескриптъ отмѣнялъ, такимъ образомъ, распоряженіе, за двѣ недѣли передъ тѣмъ *объявленное министромъ*, и отмѣнялъ не только не объясняя причины, но даже и не содержа въ себѣ никакого указанія, никакой ссылки на прежнее повелѣніе. Все это было столько же неожиданно, сколько казалось и непонятнымъ.

20-го мая Сперанскій отправилъ Государю отвѣтное свое донесеніе.

Вопросу: какъ управлять Сибирью по его отъѣздѣ? было посвящено здѣсь лишь нѣсколько строкъ. «Ни въ какомъ случаѣ—писалъ онъ—отсутствіе генералъ-губернатора изъ Сибири на четыре или пять мѣсяцовъ не можетъ сдѣлать значительной разности въ управленіи. Каждая часть остается въ обыкновенномъ своемъ положеніи и сохраняетъ сношенія съ главнымъ ея начальствомъ. Отсутствіе мое въ Иркутскъ не прервало сношеній моихъ съ Тобольскомъ; разстоянія совершенно одинаковы.»

Но изъясненія объ отвергнутой просьбѣ были пространнѣе

и притомъ проникнуты нескрытымъ чувствомъ сердечнаго огорченія: «Пять или шесть мѣсяцовъ, при личныхъ изъясненіяхъ—продолжалъ онъ—мнѣ казались достаточны, чтобъ разсмотрѣть мои предположенія въ ихъ совокупности и рѣшить будущее устройство сего края. Послѣ, тотъ, кому предназначено было бы сіе званіе, могъ бы, бывъ снабженъ новыми и полными инструкціями, избравъ людей по его усмотрѣнію, окруженный не врагами, но помощниками, не занимаясь ни слѣдствіями, ни старыми злоупотребленіями, не бывъ въ необходимости употреблять въ дѣлахъ тѣхъ самыхъ людей, коихъ онъ обличилъ, безопасенъ отъ ненависти и мщенія,—онъ могъ бы съ успѣхомъ ввести и утвердить лучшій порядокъ и оправдать довѣріе къ нему правительства.

«Таковы были мои предположенія.

«Но Вашему Величеству благоугодно было отсрочить ихъ—еще на одинъ годъ. Мнѣ остается сожалѣть, что я или не умѣлъ представить ни моего положенія, ни положенія здѣшнихъ дѣлъ, въ истинномъ ихъ видѣ, или не заслужилъ довѣрія къ моимъ изъясненіямъ. Остается желать, чтобъ силъ моихъ достаточно было прожить здѣсь еще почти годъ, безъ всякой, впрочемъ, вѣроятной пользы: ибо управлять безъ людей, безъ средствъ и безъ моральной власти, никому и нигдѣ невозможно. Но если и сія жертва нужна, я приношу ее, съ глубокимъ чувствомъ прискорбія, но съ покорностію и благоговѣніемъ.»

Въ тотъ же день Сперанскій написалъ князю Голицыну и графу Кочубею.

Письмо къ Голицыну, одинаковаго содержанія съ отправленнымъ къ Государю, оканчивалось такъ: «Не буду обременять ваше сіятельство личнымъ моимъ положеніемъ: постепеннымъ погашеніемъ тѣлесныхъ моихъ силъ; совершеннымъ пренебреженіемъ домашнихъ моихъ обязан-

ностей и разстройствомъ малаго моего имущества. Всѣ сіи жалобы, сдѣлавшись обыкновенными, давно уже потеряли къ себѣ вѣроятіе. Но вѣрьте имъ, или нѣтъ,—онѣ не менѣе тягостны.»

Къ Кочубею было два письма: одно полуоффиціальное, другое—совершенно частное.

Въ первомъ, увѣдомляя о новомъ высочайшемъ повелѣніи, полученномъ *въ отмѣну объявленнаго имъ, Кочубеемъ,* и повторяя сказанное въ прежнихъ представленіяхъ: о необходимости для Сибири не перемѣнъ отдѣльныхъ, а общаго преобразованія, о невозможности управлять ею по тѣмъ же правиламъ какъ другими губерніями, и о томъ, что въ ней корень зла лежитъ не въ однихъ людяхъ, а въ самыхъ установленіяхъ, Сперанскій заключалъ свое письмо такъ: «Мнѣ остается сожалѣть, что представленіямъ моимъ не дано надлежащей вѣры и Сибирь должна остаться еще почти цѣлый годъ въ семъ положеніи; по крайней мѣрѣ за послѣдствія я уже не отвѣчаю.»

Частное письмо очень любопытно. Мы выпишемъ изъ него вполнѣ все, относящееся къ настоящему предмету:

«Все, что могъ бы я сказать о благодарности моей за послѣднія письма вашего сіятельства, было бы слабо. Вы одни приняли въ положеніи моемъ свойственное вамъ искреннее участіе, и если надежда моего возвращенія отсрочена, а можетъ быть и вовсе отложена, тѣмъ не менѣе я никогда не престану чувствовать цѣну вашихъ побужденій. Всѣ увѣренія другихъ суть учтивости, возникающія отъ соображенія обстоятельствъ и времени. Въ истинномъ ихъ смыслѣ я никогда не сомнѣвался.

«Изъ полуоффиціальнаго моего письма вы изволите усмотрѣть какимъ образомъ первое движеніе Государя, всегда мнѣ благотворное, успѣли перемѣнить. Точно такъ же какъ и въ Перми первое движеніе, мнѣ съ достовѣрностію

тогда означенное, было вызвать меня въ Петербургъ; второе—проводить меня за присмотромъ въ деревню.

«Срокъ, въ предписаніи вашего сіятельства назначенный, совершенно былъ для меня сходенъ; и по собственному выбору я не могъ бы прибыть ранѣе. Но отсрочка до марта и сама по себѣ для меня горестна, и еще горестнѣе по тому смыслу, который она имѣть можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мудрено ли въ теченіи десяти мѣсяцовъ найти причину и изобрѣсть благовидный предлогъ еще отсрочить и наконецъ рѣшиться вовсе заточить меня въ Сибири (*)? Если бы и не было сего намѣренія, то смутныя дѣла Европы легко могутъ родить мысль о какомъ нибудь конгрессѣ, а тогда, въ сихъ высшихъ обстоятельствахъ, маловажное бытіе мое и совсѣмъ уже потеряется изъ виду. Всѣ сіи опасенія представляются мнѣ столько вѣроятными, что я рѣшился сдѣлать еще шагъ, тотъ самый, который и прежде имѣлъ въ виду, а именно просить—совершенной отставки. Я разсчелъ, кажется, правильно всѣ послѣдствія. Если отставка послѣдуетъ, то, вѣроятно, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы, и я отправлюсь умирать въ Пензу. Остатокъ жизни, по всѣмъ предчувствіямъ моимъ не долголѣтній, проведу не безъ утѣшенія и по крайней мѣрѣ въ безопасности. Если не дадутъ отставки, то по крайней

(*) Опасенію этому могли способствовать и собственныя слова Кочубея въ одномъ изъ прежнихъ его писемъ (отъ 3-го апрѣля 1819-го). «Съ того времени и доселѣ—писалъ онъ—никто о семъ (о перемѣнѣ срока его возвращенія) и словомъ не заикается, чему я чрезмѣрно радъ: ибо иначе, по большой опытности нашей въ интригахъ и по большому движенію партій, я бы не удивился отнюдь разнымъ направленіямъ къ тому, чтобъ по крайней мѣрѣ, подъ благовидными предлогами, продержать васъ долѣе въ Сибири. Болѣе сего, правду сказать, не думаю я чтобъ кто либо могъ и сдѣлать. Расположенія къ вамъ Его Величества суть наилучшія и я не сомнѣваюсь, чтобъ вы не обратили къ себѣ особеннаго высочайшаго вниманія, коль скоро вы сюда пріѣдете.»

мѣрѣ симъ я рѣшительно заявлю, что служу здѣсь по неволѣ, а сдѣлать поступокъ мой гласнымъ я всегда имѣю способы: пусть же знают, что девять лѣтъ, безъ суда и малѣйшаго обвиненія, влача меня по всей Россіи, наконецъ заточили въ Сибирь. Сей примѣръ, если не для меня, то для другихъ пригодится. Въ семъ разсчетѣ я полагаю, чрезъ мѣсяцъ или два, послать формальное прошеніе, которое, въ порядкѣ службы, представлю къ вашему сіятельству. Я не солгу ни въ одной буквѣ, если въ немъ скажу, что здоровье мое разстроено: оно можетъ еще поправиться, но не здѣсь, не съ здѣшними зимами и не при здѣшнихъ дѣлахъ. Я, по истинѣ, не знаю какъ проведу будущую зиму, полагая провести ее въ Тобольскѣ. Бывъ брошенъ сюда нечаянно, я не успѣлъ ничего приготовить. Дому нѣтъ ни въ одной изъ трехъ губерній; въ Иркутскѣ осталась одна развалина, 13 лѣтъ никѣмъ уже необитаемая; морозу 40°; вездѣ помѣщеніе самое скудное; всю зиму я провелъ въ двухъ комнатахъ и не выходилъ изъ теплыхъ сапоговъ (*).

«Впрочемъ, какъ настоящую мою полуоффиціальную бумагу, такъ и будущее прошеніе, предаю въ совершенную вашу волю и, какое бы употребленіе ни расположили вы изъ нихъ сдѣлать, или и совсѣмъ не сдѣлать никакого, я все признаю лучшимъ и для меня благотворнымъ.

«Нынѣшнею осенью, или зимою, Трескинъ будетъ въ Петербургѣ (**). Я достовѣрно знаю путь его: онъ пой-

(*) Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1847-го года, 1-го апрѣля, № 71-й, напечатано было письмо изъ Иркутска, содержавшее въ себѣ любопытныя замѣтки о тамошнемъ климатѣ. Изъ нихъ видно, что зима съ 1819-го на 1820-й годъ, которую Сперанскій провелъ въ этомъ городѣ, была, дѣйствительно, самою жестокою. Въ декабрѣ термометръ двѣнадцать разъ опускался ниже 40 и три или четыре раза ниже 43-хъ градусовъ.

(**) Онъ былъ вытребованъ сенатомъ по одному изъ начавшихся уже надъ нимъ дѣлъ.

детъ чрезъ Шмидта (*) и вообще чрезъ Сарептское общество: ибо какъ онъ, такъ и Пестель, Богъ знаетъ почему, но принадлежатъ уже нѣсколько лѣтъ къ Моравскимъ братьямъ. Согласите, если можно, съ здравымъ смысломъ сіе странное смѣшеніе! Но я никакъ не удивлюсь, если они въ происках своихъ успѣютъ, если они будутъ правы, а я останусь виноватымъ. Не удивлюсь даже, если Трескинъ будетъ здѣсь генералъ-губернаторомъ, какъ то̀ онъ, положительно и съ свойственною ему наглостію, увѣряетъ. Если изъ меня, рожденнаго истиннымъ христіаниномъ, сдѣлали безбожника, а потомъ произвели опять въ христіане, то чего не можетъ быть и съ другими! Мнѣ могутъ сдѣлать вопросъ: почему я не присылаю образованія Сибири, если оно готово? Искренно вамъ признаюсь, что была бы съ моей стороны большая простота; но, независимо отъ личныхъ соображеній, какого успѣха можно бы ожидать отъ сего заочнаго представленія? Можно ли положить на бумагу всѣ подробности столь обширнаго дѣла? И кому у меня писать, когда и переписать даже некому? Сверхъ сего, предположенія мои о Сибири столь сами по себѣ сильны, что и при личныхъ изъясненіяхъ, даже при большомъ благопріятствѣ обстоятельствъ, я сомнѣваюсь еще, чтобъ они были приняты. Но сіе сомнѣніе никакъ не остановитъ меня сказать всю правду и ни мало не перемѣнитъ видовъ, основанныхъ на совѣсти и внутреннемъ моемъ убѣжденіи.

«Я пойду далѣе и, по довѣренности вашего сіятельства, буду говорить съ полною откровенностію. Какою волшебною силою человѣкъ, брошенный сюда изъ Пензы безъ всякихъ знаковъ особаго довѣрія, не получивъ и не предъя-

(*) Это тотъ самый Шмидтъ, академикъ С.-Петербургской академіи наукъ, котораго труды по части Монгольскаго и Тибетскаго языковъ и Буддизма еще и теперь составляютъ авторитетъ.

вивъ никакихъ новыхъ и значительныхъ инструкцій, вступивъ въ борьбу со всѣми почти чиновниками, со всѣмъ составомъ управленія, могъ, одинъ съ Цейеромъ, обуздать извѣстныя Сибирскія мерзости, обнаружить злоупотребленія, потрясти фортуны, въ тринадцать лѣтъ составленныя, и ниспровергнуть цѣлую систему связей твердыхъ, обдуманныхъ и привычкою скрѣпленныхъ? Мы не въ томъ вѣкѣ живемъ и Сибирь не тотъ край, гдѣ бы истина одна могла произвести сіи явленія. Сія волшебная сила была не что другое какъ страхъ, какъ увѣренность, что я скоро въ состояніи буду обличить всѣхъ *лично предъ правительствомъ*. Я долженъ былъ поддерживать сію увѣренность, и поддерживалъ ее по самой крайнѣй возможности; но она слабѣетъ и должна слабѣть, по мѣрѣ какъ страхъ и возможность сего личнаго обличенія отлагаются. Не разсѣваетъ ли уже и теперь г. Трескинъ (всегда лучше меня знающій Петербургскія вѣсти) что онъ возвратится сюда генералъ-губернаторомъ? Что же будетъ тогда, когда онъ будетъ нынѣшнею зимою въ Петербургѣ, а я въ Иркутскѣ, или въ Тобольскѣ? Сенатъ требуетъ его къ отвѣту, удержать его я не могу, ибо всѣ слѣдствія здѣсь кончены, и онъ на сихъ дняхъ отправляется. Какъ могу я управлять безъ моральной власти? Скажутъ—законами. Какъ будто существуютъ законы въ Сибири, всегда управляемой самовластіемъ, и какъ будто законы могутъ исполняться безъ исполнителей? Страхъ есть дѣло внезапности, родъ очарованія. Надобно знать его мѣру, чтобъ имъ пользоваться.

«Вопросъ: кто наиболѣе пострадаетъ отъ сего положенія дѣлъ? Сибирь: ибо первое послѣдствіе всякаго пренебреженія власти есть собственный свой вредъ. А что власть, мнѣ данная, будетъ пренебрегаема, въ семъ не могу я имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія. . . . .

. . . .

«Въ заключеніе желалъ бы изъяснить всѣ чувства благодарности моей за вниманіе ваше къ моей дочери (*). Безъ нея, собственныя мои огорченія были бы для меня сносны. По счастію, я вхожу въ такія лѣта, когда можно видѣть ихъ конецъ; да и чувство личное съ лѣтами и съ опытомъ слабѣетъ. Но мысль что *она* должна быть жертвою моихъ обстоятельствъ, есть, по истинѣ, для меня убійственна. Я всегда имѣлъ и надѣюсь впредь имѣть не менѣе религіи, какъ и тѣ, кои столь громко и столь исключительно ее себѣ присвояютъ; но, со всѣмъ тѣмъ, *духъ бодръ, а плоть немощна*!»

Прочелъ ли Александръ это письмо, или же ему были представлены только прочія бумаги, вмѣстѣ съ нимъ полученныя отъ Сперанскаго, не знаемъ; но министръ внутреннихъ дѣлъ въ *предварительно одобренномъ* Государемъ формальномъ отношеніи (6-го іюля) отвѣчалъ, «что предположеніе о прибытіи Сперанскаго въ Петербургъ въ исходѣ октября отмѣнено было Его Величествомъ по соображеніи какъ времени, которое Его Величество предназначалъ нужнымъ для обозрѣнія имъ, Сперанскимъ, Сибири и составленія полнаго по всѣмъ частямъ управленія оной плана, такъ и потому, что по предполагаемомъ возвращеніи Государя изъ поѣздки въ Варшаву, именно въ октябрѣ, не можно было бы Его Величеству заняться скоро, за многими другими, имѣющимися въ виду дѣлами, разсмотрѣніемъ съ нимъ тѣхъ предметовъ, кои онъ представить можетъ. Но признавая, вслѣдствіе того, удобнымъ призвать его въ Петербургъ въ мартѣ 1821-го года, Государь не назначаетъ, однако, никакого срока къ выѣзду его изъ Сибири, который можетъ

(*) Она, по возвращеніи изъ Пензы, была принята въ домѣ Кочубеевъ какъ своя. Графиню Сперанскій еще прежде, въ письмѣ къ своей дочери отъ 5-го ноября 1815-го года, называлъ «прекраснѣйшимъ моральнымъ женскимъ существомъ, какое только удавалось ему знать.»

онъ расположитъ соотвѣтственно удобности своей и по соображеніи времени, какое признаетъ нужнымъ для покойнаго путешествія.»—Въ томъ же самомъ смыслѣ писалъ Сперанскому, частно, и князь Голицынъ.

Если такой отвѣтъ былъ, конечно, не вполнѣ удовлетворителенъ, потому что разрѣшеніе *выѣхать изъ Сибири* отнюдь еще не было разрѣшеніемъ *возвратиться въ Петербургъ*: все же однако онъ клалъ конецъ прежнимъ возраженіямъ и оставлялъ мѣсто развѣ только страху, столь понятному въ Сперанскомъ послѣ всего предшествовавшаго. Этотъ страхъ, дѣйствительно, и продолжалъ его терзать. «Не отсрочка—писалъ онъ снова Кочубею (19-го августа 1820-го) уже изъ Томска,—но смыслъ ея и послѣдствія были мнѣ огорчительны. Дай Богъ, чтобъ я ошибся въ моихъ заключеніяхъ; но я столько разъ ошибался въ моихъ надеждахъ, что пора, кажется, ошибиться хотя одинъ разъ и въ страхѣ. Я пробуду въ Томскѣ столько, сколько дѣла здѣшнія потребовать могутъ. Зиму всю проведу въ Тобольскѣ и никакъ не дозволю себѣ, раннимъ изъ Сибири отъѣздомъ, навлечь себѣ упрекъ излишней торопливости, или нескромнаго домогательства.» Голицыну онъ писалъ тогда же: «Всякое слово утѣшенія въ обстоятельствахъ моихъ для меня важно, а *ваше* слово, по многимъ отношеніямъ, составляетъ для меня истинную нужду. Никогда не сомнѣвался я въ милости Государя; но за 6000 верстъ мнѣ простительно было не постигнуть истинныхъ причинъ и смутиться, видя, что дѣло мнѣ ввѣренное идетъ медленно, а отвѣтственность его лежитъ тѣмъ не менѣе на мнѣ.»

Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ приближалась эпоха возвращенія, переписка Сперанскаго съ дочерью, въ которой находили себѣ такой вѣрный отголосокъ истинныя его чувства, принимала характеръ все болѣе и болѣе тревожный. Чѣмъ вѣроятнѣе было событіе, которое онъ ожидалъ

столько лѣтъ въ страданіяхъ, тѣмъ, кажется, сильнѣе колебалась его надежда въ возможность такого счастія. «Молись—писалъ онъ дочери, отъ 5-го февраля 1821-го года, изъ Тобольска—молись! мнѣ нужна твоя молитва болѣе еще въ радости нежели въ печали, чтобы взглядомъ недовѣрія, или излишнихъ надеждъ, не изурочить счастія, не оскорбить Провидѣнія, ко всему снисходительнаго, кромѣ гордости (*)!»

Въ огромной перепискѣ Сперанскаго за этотъ періодъ времени намъ нельзя оставить безъ вниманія еще слѣдующее мѣсто изъ письма къ нему графа Кочубея, отъ 3-го августа 1820-го года: «По мѣрѣ расположенія сего (т. е. Императора Александра къ вызову Сперанскаго въ Петербургъ) обращаются уже всѣ желанія *наружныя* къ возвращенію вашему, къ прочному вашему въ дѣлахъ водворенію. Я вижу тѣхъ, кои самому мнѣ утверждали, что вы не вѣруете во Христа и что всѣ ваши распоряженія клонились къ пагубѣ отечества и пр., утверждающихъ нынѣ, что правила ваши христіанскія перемѣнились и что понятія ваши даже о дѣлахъ управленія не суть прежнія. Несчастіе заставило васъ размышлять. Многіе забѣгаютъ ко мнѣ спрашивать: будетъ ли Михаилъ Михайловичъ сюда? Какъ вы думаете? Надобно бы обратить стараніе къ тому, чтобъ его вызвали и пр. На все сіе отвѣтъ мой: не знаю, хорошо бы было, и тому подобное. Знаете ли вы: исторія ваша открыла мнѣ новый свѣтъ въ семъ мірѣ, но свѣтъ самый убійственный для чувствъ, сколько нибудь насъ возвышающихъ. Я, до ссылки вашей, жилъ какъ монастырка. Мнѣ болѣе или менѣе казалось, что люди говорятъ то̀, что̀ чувствуютъ и ду-

(*) Передъ тѣмъ, 15-го января, онъ писалъ дочери. «Третьягодня былъ у меня большой обѣдъ—послѣдній обѣдъ въ Сибири. Слово *послѣдній* есть магическое. Къ нему относятся и имъ поправляются всѣ непріятности.»

маютъ; но тутъ я увидѣлъ, что они говорятъ сегодня одно, а завтра другое, и говорятъ не краснѣя и смотря вамъ въ глаза, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Признаюсь, омерзеніе мое превышаетъ мѣру и, при слабомъ здоровьи моемъ, имѣетъ, конечно, нѣкоторое надъ онымъ вліяніе......»

Въ отвѣтѣ на другія части этого письма, очень длиннаго, Сперанскій съ своей стороны писалъ Кочубею: «Одинъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ ко всѣмъ моимъ знакомымъ всегда былъ о вашемъ здоровьи. Изъ писемъ, ко мнѣ доходящихъ, вижу, что не я одинъ принимаю въ семъ самое искреннее участіе. Не мое одно мнѣніе, но мнѣніе многихъ людей, кои лично васъ даже и не знаютъ, есть то̀, что присутствіе ваше въ дѣлахъ, всегда полезное, нынѣ кажется почти необходимо. Всѣ чувствуютъ трудности управленія, какъ въ средоточіи, такъ и въ краяхъ его. Нѣтъ ничего справедливѣе вашего о семъ замѣчанія. Люди вообще, у насъ, какъ и вездѣ, ко всему сдѣлались чувствительнѣе и взыскательнѣе. Прежде знали въ провинціяхъ одно дѣйствіе власти, нынѣ требуютъ законности, и хотя худо ее понимаютъ, но послѣдній крестьянинъ готовъ спорить съ мірскимъ головою, а дворянинъ съ губернаторомъ. Къ сему присовокупляется недостатокъ людей. Тутъ корень зла; о семъ прежде всего должно было помыслить тѣмъ юнымъ законодателямъ, которые, мечтая о конституціяхъ, думаютъ, что это новоизобрѣтенная какая-то машина, которая можетъ идти сама собою вездѣ, гдѣ ее пустятъ.......».

Наконецъ насталъ желанный, столь давно и горячо вымаливаемый часъ освобожденія. 8-го февраля 1821-го года, во вторникъ, въ 3 часа по полудни, Сперанскій началъ обратный свой путь изъ Тобольска. Передъ тѣмъ, онъ еще отдалъ на почту два письма къ обыкновеннымъ своимъ корреспондентамъ: Голицыну и Кочубею. Извѣщая ихъ, что оставляетъ Сибирь, онъ благодарилъ обоихъ за по-

стоянные знаки ихъ вниманія и участія. Голицыну, сверхъ того, давая отчетъ въ положеніи Тобольской паствы, въ обозрѣніи тамошней семинаріи и въ учрежденіи благотворительнаго общества, онъ писалъ: «Какъ легко, какъ пріятно было бы ни о чемъ болѣе не заботиться, ничего другаго не писать, какъ только о сихъ предметахъ. Но, къ сожалѣнію, они составляютъ только каплю въ бездиѣ горестей, коими дѣла жизни преисполнены.» Въ письмѣ къ Кочубею явственно выразилась радость отъ предстоящаго возвращенія въ Петербургъ, худо скрытая подъ личиною мнимой боязни. Восторгъ, казалось, захватывалъ Сперанскому духъ. «Великимъ счастіемъ почитаю—писалъ онъ—что отвѣтъ на ваше письмо могу самъ привезти и представить лично. Въ мартѣ будетъ ровно девять лѣтъ какъ я оставилъ Петербургъ. Сколько съ того времени перемѣнъ и въ вещахъ, и въ людяхъ, и въ образѣ мыслей! Я найдуся какъ въ лѣсу безъ руководства вашего. Но желанія мои такъ ограниченны и виды такъ просты, что и заблудиться, кажется, не въ чемъ..... Путь мой такъ расположенъ, что одна совершенная распутица можетъ заставить меня ускорить его нѣсколькими днями до конца марта. Одного болѣе всего желаю: чтобъ не быть въ Петербургѣ до возвращенія Государя (*).»

11-го февраля Сперанскій уже ночевалъ въ Екатеринбургѣ. «Триста верстъ въ сутки», замѣчаетъ онъ въ своемъ «дневникѣ», говоря о переѣздѣ туда изъ Тюменя. Въ Екатеринбургѣ ему дали обѣдъ и балъ. Потомъ, на дальнѣйшемъ пути, онъ осматривалъ Березовскіе промыслы и Ревдинскій заводъ Зеленцовыхъ, къ которымъ былъ особенно расположенъ (одинъ изъ братьевъ служилъ въ его канцеляріи), въ Перми обѣдалъ у губернатора и навѣстилъ архіерея

(*) Императоръ Александръ былъ тогда на конгрессѣ въ Лайбахѣ.

Іустина, стараго своего знакомца, и наконецъ 17-го числа прибылъ въ Казань, гдѣ остался два дня и снова посѣтилъ такъ полюбившагося ему, въ первый проѣздъ, профессора Фукса и университетъ. «Хозяйство въ порядкѣ — записано въ его «дневникѣ»;—учебная часть то же. Недостатокъ учебныхъ книгъ. Сильнѣйшая часть есть математика.» Нѣкоторые изъ тогдашнихъ студентовъ (*) еще помнятъ день его посѣщенія. Разумѣется, что молодые люди съ сильнымъ чувствомъ любопытства смотрѣли на человѣка, пріобрѣтшаго такую извѣстность, особенно же находившіеся между ними Сибиряки, которыхъ онъ всѣхъ чрезвычайно обласкалъ.

Изъ Казани Сперанскій, какъ по дѣламъ своего имѣнія, такъ и разсчитывая срокъ, назначенный для его пріѣзда въ Петербургъ, повернулъ на Пензу, располагая остановиться тамъ на нѣсколько времени. При чрезвычайно дурной дорогѣ, позволявшей дѣлать иногда не болѣе двухъ станцій въ день (**), онъ прибылъ къ своей цѣли только 25-го февраля. У городской заставы его встрѣтило дворянство: потомъ всѣ дни его пребыванія въ Пензѣ были заняты обѣдами и празднествами въ честь его, и вообще пріемъ ему былъ самый радушный. Отъ 1-го марта онъ писалъ своей дочери: «Пишу къ тебѣ на томъ самомъ столѣ, изъ той самой комнаты, гдѣ писалъ тому два года—писалъ о надеждѣ свиданія, которое тогда казалось столь близкимъ и вдругъ стало столь далекимъ. Такъ угодно было Богу. Съ сей точки зрѣнія всѣ происшествія двухлѣтняго моего странствованія

(*) Одинъ изъ нихъ, Александръ Васильевичъ Виноградскій, теперь гражданскимъ губернаторомъ въ Тобольскѣ.

(**) При другомъ случаѣ Сперанскій писалъ: «Путешествіе по Россіи есть сущая пытка и много пройдетъ еще времени прежде, нежели оно сдѣлается споснымъ. Урокъ тѣмъ, кои мѣряютъ образованіе народовъ по блеску ихъ столицъ!»

кажутся мечтою. Да будетъ сія жестокая мечта *послѣднею* въ моей и твоей жизни.....Я здѣсь встрѣченъ не только съ радостію, но, можно сказать, торжественно. Весь городъ пришелъ въ движеніе. Живу въ толпѣ, непрестанно меня окружающей, и, отъ усталости, чуть переношу всѣ изъявленія участія и приверженности. Что сдѣлалъ я для сихъ людей? Ничего почти, кромѣ желанія быть имъ полезнымъ, желанія, впрочемъ, большею частію безплоднаго (*).»

Но и посереди всѣхъ этихъ изъявленій, Сперанскій продолжалъ болѣть душою. Лубяновскій, въ откровенныхъ съ нимъ бесѣдахъ, нашелъ его все еще съ незажившею, почти какъ бы свѣжею раною: ее не могли изгладить даже извѣстныя намъ собственноручныя письма Императора Александра. Много было тутъ между обоими друзьями и другихъ задушевныхъ изъясненій. «Признайся, Ѳедоръ Петровичъ,—говорилъ, между прочимъ, Сперанскій—что во время оно, еще не знавъ Россіи и мѣряя все по одному Петербургскому аршину, мы надѣлали тьму глупостей.» Былъ ли онъ вполнѣ искрененъ въ этихъ словахъ, или хотѣлось ему, такимъ осужденіемъ прошедшаго, обезпечить свое будущее, представя себя человѣкомъ уже отжившимъ, склоннымъ поддаваться личнымъ разсчетамъ, котораго нечего болѣе бояться,—не беремся рѣшить: но по крайней мѣрѣ по наружности онъ казался тутъ, во многомъ, совсѣмъ другимъ чѣмъ прежде, не повторялъ болѣе своихъ любимыхъ Французскихъ фразъ о необходимости всеобщей ломки и, напротивъ, утверждалъ что перемѣны, нужныя по времени и обстоятельствамъ, должно вводить постепенно, съ большою осторожностію, не отважи-

(*) Впослѣдствіи Пензенцы всегда видѣли въ немъ родъ попечителя о себѣ, и когда только кто изъ нихъ бывалъ по дѣламъ въ столицѣ, то непремѣнно къ нему обращался. Сосѣдній Симбирскъ иногда слѣдовалъ въ этомъ ихъ примѣру.

ваясь ничего передѣлывать наскоро. Не смотря, однако же, на радости свиданія и откровенныхъ разговоровъ съ человѣкомъ, издавна къ нему близкимъ, его замѣтно мучилъ страхъ, чтобы, послѣ столькихъ лѣтъ ожиданій и надеждъ, не явилось вдругъ опять какой нибудь отмѣны и, за нею, приказанія—не ѣхать въ Петербургъ. Почтальонъ, привезшій въ Пензу почту, донесъ, что въ Муромѣ отдѣлился отъ него курьеръ съ бумагами на имя Сибирскаго генералъ-губернатора въ Тобольскъ. Эта вѣсть сильно встревожила Сперанскаго. «Ну какъ да опять назадъ, въ Сибирь!» повторялъ онъ безпрестанно, и Лубяновскому приходилось успокоивать его все однимъ и тѣмъ же: что въ Петербургѣ еще не знаютъ объ его отъѣздѣ, или не знаютъ, что онъ своротилъ на Пензу, и потому послали ему, на встрѣчу, по Сибирскому тракту, какія нибудь, можетъ статься, ничтожныя бумаги. Такъ, дѣйствительно, послѣ и вышло.

На пути Сперанскаго въ Петербургъ изъ Пензы, откуда онъ выѣхалъ 6-го марта, любопытный моментъ должно было составить свиданіе его съ Балашовымъ—первое послѣ событій 1812-го года—въ Рязани, гдѣ бывшій министръ полиціи имѣлъ въ то время свою резиденцію въ званіи генералъ-губернатора пяти губерній, ввѣренныхъ его управленію на особыхъ правахъ. Въ «дневникѣ» записано: «11 (марта). Пятница. Рано утромъ Рязань. Въ 9 часовъ посѣтилъ генералъ-губернаторъ. Въ 10 посѣщеніе ему. Дополненіе къ исторіи моей ссылки.» Но слѣдующее за тѣмъ содержаніе этого «дополненія» такъ кратко и такъ загадочно изложено, что, въ сущности, оно не только не разъясняетъ, но почти еще болѣе затемняетъ дѣло. Видно только, что ударъ въ 1812-мъ году былъ направленъ и противъ самого Балашова—или по крайней мѣрѣ что послѣдній теперь старался въ томъ увѣрить своего собесѣдника, собственные намеки котораго, приведенные при разгово-

рахъ его въ Нижнемъ (*), какъ бы тоже указывали на нѣчто подобное. Впрочемъ, свиданіе, что́ бы ни происходило внутри сердецъ, было, по наружности, совершенно пріязненное, такъ что Сибирскій генералъ-губернаторъ даже и отобѣдалъ у Рязанскаго. Мы уже говорили, что онъ давно опустилъ завѣсу надъ всѣмъ прошедшимъ. . . .

Въ Москву Сперанскій прибылъ 16-го марта и остановился въ домѣ стараго своего пріятеля, Григорія Даниловича Столыпина. «Москва въ недоумѣніи,—говорилъ послѣдній близкимъ своего друга—не знаетъ, что́ дѣлать съ Михайломъ Михайловичемъ: ласкать ли его, или быть равнодушною.» Не смотря на то, явилось множество посѣтителей, нашедшихъ, видно, не лишнимъ, заблаговременно и на всякій случай, покадить вновь восходящему свѣтилу. Но Сперанскій торопился къ цѣли и спустя день, т. е. 17-го, оставилъ древнюю столицу, гдѣ нѣкогда такъ усердно выдумывались и разносились противъ него клеветы и зловѣщія сплетни. Поспѣшность выѣзда, вмѣстѣ, можетъ быть, съ неувѣренностію въ своемъ положеніи, не позволила ему сдѣлать тамъ никому визитовъ. Онъ былъ только—въ острогѣ. Москвичи, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, не простили ему такого упущенія. Трощинскій, снова оставившій службу и поселившійся въ Москвѣ, того же 17-го марта писалъ Л. И. Голенищеву-Кутузову: «Позабылъ, было, сказать вамъ, что Сибирскій генералъ-губернаторъ третьяго дня сюда пріѣхалъ, а сегодня, говорятъ, по утру уже отправился въ Петербургъ. Въ такое краткое свое пребываніе, видно, не успѣлъ или же не разсудилъ навѣстить меня, считая, можетъ быть, несовмѣстнымъ съ высокимъ званіемъ его вспомнить о прежнемъ начальникѣ. Богъ съ нимъ! Я желаю ему всякаго счастія и отнюдь не

(*) См. въ томѣ II-мъ стр. 55.

въ претензіи на его забвеніе. Сказываютъ, онъ такъ состарѣлся, что его почти узнать нельзя (*).»

Предѣлъ многолѣтнему душевному томленію и затаеннымъ ожиданіямъ былъ положенъ. 22-го марта засіяли передъ Сперанскимъ, какъ маякъ послѣ продолжительнаго и труднаго странствованія, главы и шпицы Петербургскіе. Вотъ слова его «дневника»: «Къ обѣду въ Царскомъ Селѣ. Встрѣча Елисаветы (дочери). Какая встрѣча! Сколько горестей! Ввечеру Петербургъ. Выѣхалъ 17-го марта 1812-го, воротился 22-го марта 1821-го. Странствовалъ девять лѣтъ и пять дней.»

(*) Сперанскій и самъ находилъ себя очень состарѣвшимся. Онъ еще изъ Иркутска писалъ графу Нессельроду: «En vérité, je ne suis plus bon qu' à m' ensevelir à jamais dans mon village. Ma vue s'affaiblit; je ne puis plus travailler à la lumière des bougies; enfin j' ai vieilli de dix ans depuis que j'avais le plaisir de vous recevoir à Penza.»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возвращеніе Сперанскаго къ лицу Императора Александра I.

I.

Войны 1812—1815-го годовъ, съ ихъ громадными послѣдствіями, политическими и нравственными, придали девяти годамъ, истекшимъ со времени высылки Сперанскаго изъ Петербурга, значеніе цѣлаго столѣтія, особенно, какъ самъ онъ говаривалъ, «выкинули много новыхъ людей», тогда какъ нѣкоторые изъ прежнихъ дѣятелей уже лежали въ могилѣ. Такія же перемѣны произошли въ образѣ мыслей и въ ихъ направленіи. Можно сказать, что вся среда, весь моральный строй общества измѣнились съ того времени, когда Сперанскій былъ отторгнутъ отъ Александра. Появленіе его снова въ Петербургѣ, послѣ этихъ событій и послѣ всѣхъ превратностей собственной его судьбы, не могло не представить цѣлаго ряда любопытныхъ и примѣчательныхъ явленій, какъ въ личныхъ его ощущеніяхъ, такъ и во всѣхъ его встрѣчахъ и первыхъ свиданіяхъ. Это было какъ бы воскресеніе мертваго. Къ сожалѣнію, главное зеркало, въ которомъ до тѣхъ поръ отражалось для насъ внутреннее состояніе его души при разныхъ внѣшнихъ переворотахъ, т. е. письма его къ дочери, къ друзьямъ и къ Масальскому, сами собою прекратились, какъ скоро онъ опять соединился съ ними, а «дневникъ» его за мартъ, апрѣль и май 1821-го года, т. е. за первые три мѣсяца по его возвращеніи — эпоху самую интересную въ психологическомъ отношеніи—содержитъ въ себѣ всего—12 строкъ! Постараемся пополнить этотъ пробѣлъ,

на сколько то возможно, изъ другихъ, доступныхъ намъ, достовѣрныхъ матеріаловъ.

Желаніе, изъявленное Сперанскимъ въ послѣднемъ его письмѣ изъ Сибири къ графу Кочубею, не сбылось. Онъ не только что не засталъ Императора Александра въ Петербургѣ, но и предварилъ его пріѣздъ двумя слишкомъ мѣсяцами. Москва поспѣшила и при этомъ случаѣ явиться съ своими вѣстями. «Отправленіе въ Лайбахъ Ермолова—писалъ оттуда (31-го марта 1821-го года) Троицинскій (*)—здѣсь уже извѣстно; прибавляютъ еще, что позванъ туда и Сперанскій. Первый, вѣроятно, употребленъ будетъ къ начальству надъ войсками; но послѣдній на что бы тамъ понадобился? Это отгадать трудно.»—Ничего подобнаго и не было; но положеніе Сперанскаго, въ сказанный промежутокъ времени, имѣло свои трудности. Отославъ въ Лайбахъ донесеніе о своемъ прибытіи, онъ, въ избѣжаніе всякихъ толковъ, рѣшился, до возвращенія Государя, не быть ни у кого кромѣ самыхъ короткихъ прежнихъ своихъ пріятелей. Какъ единственное изъятіе изъ этого, онъ, въ первой половинѣ мая, дозволилъ себѣ съѣздить въ Грузино, откуда, въ удовлетвореніе желанію Аракчеева, объѣхалъ, для осмотра въ подробности, любимое дѣтище послѣдняго—военныя поселенія. Всѣ его старанія не дать повода къ публичному о себѣ говору, были, однако жъ, напрасны. Столичное общество имѣетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, всѣ привычки и слабости маленькихъ городовъ; притомъ романическая участь бывшаго любимца Государева и память о близкомъ его прошедшемъ слишкомъ дѣйствовали на воображеніе. Пріѣздъ Сперанскаго былъ, можно сказать, чѣмъ-то торжественнымъ; съ нимъ ожидали и обновленія дѣлъ и всѣ, по крайней мѣрѣ огромное большинство, были убѣждены,

(*) А. И. Голенищеву-Кутузову.

что онъ снова вознесется на прежнюю высоту. Одни полагали, что Аракчеевъ сдастъ ему все управленіе гражданскою частію; другіе, возобновляя прежніе слухи, предсказывали въ немъ будущаго министра юстиціи (*); третьи увѣряли, что ему, съ титуломъ, по прежнему, государственнаго секретаря, присвоена будетъ та власть, какую при Екатеринѣ II имѣлъ князь Вяземскій, и т. д. Но и публика, которая занималась, какъ часто бываетъ, простымъ угадываніемъ на обумъ, и самъ Сперанскій, который могъ основывать свои надежды и разсчеты на послѣднихъ благосклонныхъ отзывахъ Александра, одинаково ошиблись въ своихъ предвидѣніяхъ. Ему, въ это царствованіе, уже не суждено было выдвигаться на первый планъ.

Государь возвратился въ Царское Село 26-го мая. Сперанскій не сомнѣвался, что тотчасъ будетъ туда потребованъ, но—ошибся и въ этомъ. Нѣсколько безконечныхъ дней протекло для него въ легко-объяснимомъ волненіи, котораго онъ даже не могъ скрыть отъ приближенныхъ. Уже только 6-го іюня послѣдовало первое свиданіе, безъ всякихъ, однако, объясненій о прошедшемъ. Потомъ, начиная съ 9-го числа, Сперанскій работалъ съ Государемъ, по Сибирскимъ дѣламъ, почти каждую недѣлю; слышалъ, при своихъ докладахъ, отзывы его о людяхъ и о вещахъ; часто обѣдалъ во дворцѣ; встрѣчался съ Государемъ и у Императрицъ, и, при всемъ томъ, *первый* разговоръ о происшествіяхъ 1812-го года былъ между ними не прежде 31-го августа (**).

(*) Въ одномъ частномъ письмѣ той эпохи мы встрѣтили слѣдующее мѣсто: «Tout le Sénat, ainsi que la majeure partie du public, s' attendent à la nomination de Mr. Speransky au siège curial. Plusieurs s'en réjouissent, mais on rencontre aussi mainte figure bien triste, которыя кулачкомъ слезы утираютъ.»

(**) Краткая замѣтка въ «дневникѣ» о содержаніи этого разговора вы-

19-го іюня Сперанскій переѣхалъ на лѣто въ Царское Село, гдѣ ему было отведено помѣщеніе отъ Двора; черезъ мѣсяцъ потомъ (17-го іюля) данъ былъ указъ о назначеніи его членомъ государственнаго совѣта, по департаменту законовъ, а 5-го августа пожаловано ему 3.486 десятинъ земли въ Пензенской губерніи,—единственная награда, которую онъ получилъ съ тѣхъ поръ въ царствованіе Александра, если не считать пожалованіе дочери его во фрейлины (15-го октября 1821-го), послѣдовавшее, впрочемъ, не прямо отъ Государя, а по собственному ходатайству отца.

писана въ третьей части нашей книги. Въ «Воспоминаніяхъ» Булгарина первое свиданіе Государя съ Сперанскимъ въ 1821-мъ году разсказано, будто бы съ собственныхъ словъ послѣдняго, такъ: «Императоръ Александръ принялъ Сперанскаго не только милостиво, но съ чувствомъ, и Михаилъ Михайловичъ, до своей кончины, всегда съ умиленіемъ вспоминалъ объ этомъ свиданіи. Я хотѣлъ говорить, изъявить благодарность мою Государю—сказалъ мнѣ Сперанскій—и не могъ . . . . взглянулъ на него. . . . . и залился слезами! Государь обнялъ меня и сказалъ: забудемъ прошедшее.—Нѣтъ, Государь, отвѣчалъ я сквозь слезы: я помнилъ всегда и никогда не забуду вашихъ милостей и вашей благости. Вы—человѣкъ, слѣдовательно могли ошибиться.» Если этотъ разсказъ и не въ прямомъ противорѣчіи съ показаніями «дневника» Сперанскаго, то по крайней мѣрѣ ихъ трудно между собою согласить, такъ какъ, по «дневнику», первый разговоръ о прошедшемъ былъ только черезъ три почти мѣсяца послѣ начальнаго свиданія. Сверхъ того въ истинѣ сцены, описанной Булгаринымъ, тѣмъ болѣе позволено сомнѣваться, что человѣкъ гораздо болѣе его приближенный къ Сперанскому, именно Врончено, передавалъ намъ эту сцену, тоже какъ бы со словъ главнаго дѣйствовавшаго лица, совсѣмъ иначе, а наконецъ отъ князя Голицына мы слышали разсказъ о ней въ третьей формѣ, совершенно различной отъ двухъ другихъ. Подробностей этого объяснительнаго свиданія теперь нечѣмъ уже восполнить кромѣ одного воображенія.

II.

Чтобъ не пропустить ничего существеннаго и между тѣмъ удержать послѣдовательность въ изложеніи, мы распредѣлимъ нашъ разсказъ о дальнѣйшихъ событіяхъ, до конца 1825-го года, на слѣдующія части:

а) Дѣла̀ Сибирскія.

б) Часть законодательная.

в) Особыя порученія.

г) Отношенія въ это время Сперанскаго къ Императору Александру.

д) Частная и семейная жизнь Сперанскаго.

а) Дѣла̀ Сибирскія.

Для *разсмотрѣнія отчета* по обозрѣнію Сибири, указомъ 28 іюня 1821-го года (№ 28.706), былъ составленъ особый комитетъ, изъ графовъ Кочубея, Гурьева и Аракчеева, князя Голицына, барона Кампенгаузена и самого Сперанскаго, который, и въ новомъ своемъ званіи члена государственнаго совѣта, продолжалъ еще, покамѣстъ, числиться Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Производителями дѣлъ были назначены Цейеръ и Батеньковъ. Засѣданія открылись 5-го августа, въ Царскомъ Селѣ, у Кочубея. Комитетъ безусловно одобрилъ все сдѣланное генералъ-губернаторомъ и эта часть дѣла получила свое окончаніе въ именномъ указѣ 26-го января 1822-го. Онъ былъ обнародованъ тогда въ общее свѣдѣніе, но въ «Полное Собраніе Законовъ», какъ распоряженіе лишь одновременное, не вошелъ. Изложивъ многое почти подлинными словами отчета и означивъ степень участія начальниковъ губерній въ открытыхъ злоупотребленіяхъ, указъ повелѣ-

валъ: 1) Пестеля отставить отъ службы (*); 2) Трескина (уже удаленнаго отъ должности) предать суду; 3) Илличевскаго удалить отъ должности и поступки его подвергнуть отвѣту и разсмотрѣнію въ сенатѣ (**); 4) надъ 48-ю человѣками, преданными формальному суду, окончить его въ губернскихъ судебныхъ мѣстахъ; 5) изъ прочихъ лицъ (въ томъ числѣ 256-ти тайшей и другихъ инородческихъ начальниковъ) 43-хъ человѣкъ отрѣшить отъ мѣстъ, 13 чиновныхъ навсегда удалить изъ Сибири и на десять лѣтъ отъ службы, другихъ подвергнуть разнымъ административнымъ взысканіямъ, и наконецъ 25 человѣкъ, по бездоказательности вступившихъ противъ нихъ обвиненій, оставить отъ дѣла свободными. Фанъ-Бринъ еще прежде того былъ пожалованъ въ сенаторы и замѣщенъ Тобольскимъ почтдиректоромъ Осиповымъ, а на мѣсто Трескина Иркутскимъ губернаторомъ назначенъ тамошній комендантъ Цейдлеръ, котораго Сперанскій очень полюбилъ въ бытность свою въ Иркутскѣ и съ которымъ онъ, и послѣ, состоялъ въ постоянной перепискѣ.

Разсмотрѣніе новыхъ предположеній для будущаго устройства Сибири было, въ концѣ августа 1821-го года, возложено на тотъ же комитетъ, который разсматривалъ

(*) О Пестелѣ сначала комитетъ было ничего не сказалъ; но Государь возвратилъ докладъ, съ повелѣніемъ постановить заключеніе и о немъ.

(**) Пестель умеръ въ 1843-мъ году, въ глубокой старости, въ своихъ деревняхъ. Трескина, по суду, лишили чиновъ и знаковъ отличій, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы, а Илличевскій, при живомъ покровительствѣ, оказанномъ ему самимъ Сперанскимъ, былъ очищенъ въ Сенатѣ отъ падавшихъ на него обвиненій, но въ службу никогда болѣе не вступалъ и жилъ уединенно въ Петербургѣ. И Трескинъ и Илличевскій оба также давно умерли. Младшій сынъ послѣдняго, Платонъ, былъ долго товарищемъ министра юстиціи, а старшій, Алексѣй, давно забытый поэтъ, умеръ еще въ 1837-мъ году.

и ревизію, съ передачею нѣкоторыхъ частей, а именно предположеній объ этапахъ и о съемкѣ земель въ Сибири, на предварительное соображеніе главнаго штаба. Начавъ свои занятія 13-го октября и собираясь каждый четвергъ, комитетъ окончилъ ихъ 19-го мая 1822-го года, въ двадцать засѣданій. Приговоръ его не могъ быть ни строгъ, ни даже очень отчетливъ, по малой извѣстности членамъ мѣстныхъ обстоятельствъ; между тѣмъ внимательность къ Сперанскому обнаруживалась уже и въ томъ, что никто изъ членовъ не пропускалъ ни одного засѣданія, хотя всѣ сидѣли, большею частію, молча и, безъ сомнѣнія, скучая при слушаніи нескончаемаго ряда параграфовъ по предметамъ, имъ болѣе или менѣе чуждымъ. Два или три разномыслія были устранены взаимными уступками; все прочее прошло очень легко, и опасеніе, которое Сперанскій прежде изъявлялъ въ своихъ письмахъ, что предположенія его будутъ отвергнуты, на дѣлѣ не оправдалось. Еще до окончанія этого разсмотрѣнія, Сибирь, по его представленію, была раздѣлена, указомъ 26-го января 1822-го года (№ 28.892), на *Восточную* и *Западную*, а 22-го марта назначены, тоже по его выбору, новые въ каждую часть генералъ-губернаторы: въ Восточную—тайный совѣтникъ Лавинскій, въ Западную—Гатчинскій сослуживецъ Аракчеева, генералъ-лейтенантъ Капцевичъ, который, еще въ бытность Сперанскаго въ Иркутскѣ, получилъ, послѣ смерти Глазенапа, мѣсто корпуснаго командира. За тѣмъ всѣ проекты, миновавъ государственный совѣтъ, были утверждены Государемъ, 22-го іюля 1822-го года, въ Петергофѣ, среди празднествъ, которыми, по обыкновенію, торжествовался тамъ день тезоименитства Императрицы Маріи Ѳеодоровны. «Корабль спущенъ—писалъ Сперанскій Капцевичу—дай Богъ ему счастливаго плаванія (*)!» Вмѣстѣ

(*) При наступленіи въ томъ году дня рожденія графа Аракчеева

съ этимъ комитетъ, разсматривавшій проекты, оставленъ въ отдѣльномъ своемъ существованіи и на будущее время, подъ именемъ *Сибирскаго*, какъ для введенія въ дѣйствіе всѣхъ новыхъ учрежденій и уставовъ, такъ и для мѣръ по дальнѣйшему устройству края (*).

Сперанскій былъ чрезвычайно радъ назначенію новыхъ генералъ-губернаторовъ. «Когда я пришелъ къ нему послѣ подписанія указовъ—разсказываетъ Батеньковъ—онъ, казалось, какъ будто бы вышелъ изъ какой-то душной атмосферы и сказалъ мнѣ: слава Богу: сидѣть въ государственномъ совѣтѣ я почиталъ всегда вождѣленнымъ успокоеніемъ; могу теперь дѣлать не болѣе какъ сколько самъ захочу.»—«Онъ—прибавляетъ Батеньковъ—все продолжалъ воображать себя лѣнивымъ!»..... Между тѣмъ это

(23-го сентября), Сперанскій написалъ ему: «Вмѣсто дара представляю вашему сіятельству Сибирское учрежденіе, на сихъ дняхъ отпечатанное. Увѣренъ, что вамъ пріятно будетъ взглянуть, въ свободныя минуты, на дѣло, которое вамъ большею частію обязано успѣшнымъ его движеніемъ и совершеніемъ.»

(*) Сибирскій комитетъ, на этомъ основаніи, съ разными перемѣнами въ его составѣ, но съ удержаніемъ постоянно въ числѣ его членовъ Сперанскаго, существовалъ весьма долго, безъ пріуроченія къ *большому* комитету, какъ Аракчеевъ называлъ комитетъ министровъ. Уже только въ 1838-мъ году велѣно было его закрыть и все поступавшее въ него размѣстить по принадлежности. Цейеръ, доложивъ слѣдственное дѣло и проектъ Сибирскаго учрежденія, былъ уволенъ, по болѣзни, за границу; остальное докладывалъ уже одинъ Г. С. Батеньковъ, который оставался при комитетѣ до конца царствованія Александра I, бывъ съ тѣмъ вмѣстѣ назначенъ членомъ совѣта военныхъ поселеній. Канцелярія комитета имѣла обширный составъ; но работали въ ней, при Батеньковѣ, собственно только два лица: Семенъ Трофимовичъ Аргамаковъ, котораго почеркъ очень нравился Государю, и извѣстный намъ К. Г. Рѣпинскій. Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая I мѣсто Батенькова заступилъ чиновникъ той же канцеляріи Александръ Павловичъ Величко, но болѣе по имени; главнымъ дѣятелемъ, подъ руководствомъ Сперанскаго, былъ всегда К. Г. Рѣпинскій.

назначеніе не тотчасъ прекратило непосредственное вліяніе Сперанскаго на Сибирь; ему было вмѣнено въ обязанность продолжать сношенія свои по управленію ею до тѣхъ поръ, пока въ Петербургѣ получится извѣстіе, что Канцевичъ и Лавинскій прибыли къ своимъ мѣстамъ (*). Разумѣется, что и послѣ, въ званіи члена Сибирскаго комитета, онъ оставался душою всего дѣла. Самое установленіе постояннаго комитета было, такъ сказать, изобрѣтено имъ, какъ необходимое въ личныхъ его видахъ. Его искуству, ловкости, дару слова и убѣжденія и превосходству въ діалектикѣ легко было сглаживать и смягчать все, что постепенный опытъ могъ открывать въ новомъ образованіи несовершеннаго, или недостаточнаго. Съ другой стороны, Сибирскій комитетъ, черезъ одобреніе основныхъ проектовъ, самъ нѣкоторымъ образомъ принялъ на себя отвѣтственность въ ихъ достоинствѣ; отъ того и мѣры исправленія или усовершенствованія проходили, при руководствѣ Сперанскаго, легко и непримѣтно, безъ тѣхъ толковъ и порицаній, которые непремѣнно были бы возбуждены ими въ многолюдныхъ собраніяхъ государственнаго совѣта, уже и потому одному, что совѣтъ не принималъ участія въ обсужденіи первоначальныхъ проектовъ.

(*) При всемъ томъ, увольненіе свое отъ поста Сибирскаго генералъ-губернатора Сперанскій считалъ съ назначенія себѣ преемниковъ, и именно съ 22-го марта. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ его писемъ къ дочери (16-го марта 1823-го года) мы находимъ слѣдующее мѣсто: «Многія примѣчательныя эпохи моей жизни совершались въ мартѣ. 19-го марта 1801-го я сдѣланъ статсъ-секретаремъ. Въ мартѣ дана мнѣ анненская лента. Въ мартѣ я сосланъ. Въ мартѣ опредѣленъ генералъ-губернаторомъ; въ мартѣ оттуда возвратился; въ мартѣ уволенъ отъ Сибири и слѣдственно мартомъ заключился кругъ десятилѣтнихъ произшествій моего удаленія.» Добавимъ съ нашей стороны, что, во всѣ остальныя шестнадцать лѣтъ жизни Сперанскаго, съ нимъ, какъ бы на перекоръ этой, немножко суевѣрной примѣтѣ, не случилось болѣе въ мартѣ ничего не только примѣчательнаго, но и сколько нибудь необыкновеннаго.

Впрочемъ дѣла Сибирскія скоро были постигнуты общею участію всѣхъ почти дѣлъ. Занявъ сначала все вниманіе Государя и публики, они. мало по малу, отошли на задній планъ. Не далѣе какъ въ ноябрѣ 1821-го, Лавинскій писалъ Сперанскому: «Изъясненіе ваше, что дѣла Сибирскія начинаютъ подвергаться общему удѣлу, ведетъ меня къ тому заключенію, что сего, конечно, должно было ожидать заранѣе; ибо неестественно, чтобы одинъ предметъ могъ удержать за собою надолго постоянное вниманіе, которое тѣмъ легче остываетъ, чѣмъ сильнѣе бываетъ въ началѣ.»

б) Часть законодательная.

11-го іюля 1821-го, слѣдственно еще за нѣсколько дней до пожалованія Сперанскаго членомъ государственнаго совѣта, ему велѣно было, по случаю отъѣзда князя Лопухина въ свои имѣнія, временно управлять старою его знакомкою—коммиссіею законовъ. Такое назначеніе, по тому же самому поводу, возобновлялось еще трижды: въ іюлѣ 1822-го, въ іюлѣ 1823-го и въ августѣ 1824-го годовъ. Какъ хозяинъ *временный*, онъ не могъ и не хотѣлъ предпринимать ничего существеннаго; но, продолжая оставаться посторонним коммиссіи по званію, Сперанскій скоро былъ поставленъ въ *постоянное* съ нею сношеніе по особо порученной ему работѣ. Послѣдняя возникла отъ возобновившейся, съ его пріѣздомъ, мысли объ *уложеніяхъ*.

Съ 1812-го по 1821-й годъ, коммиссія законовъ, продолжая состоять, въ главномъ завѣдываніи Лопухина, подъ начальствомъ особаго совѣта, котораго главою былъ баронъ Розенкампфъ, окончила подготовленную еще при Сперанскомъ третью часть гражданскаго уложенія; составила первую часть устава гражданскаго судопроизводства; напечатала, съ нѣкоторыми перемѣнами, прежніе проекты

торговаго уложенія и уложенія уголовнаго, и, кромѣ того, составила и напечатала сводъ указовъ къ двумъ первымъ частямъ гражданскаго уложенія и къ незначительной части уложенія уголовнаго. Какъ только Сперанскій былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, Государь поручилъ ему обозрѣть эти работы и донести, что̀ можно изъ нихъ сдѣлать и какой дать имъ дальнѣйшій ходъ. Отзывъ его былъ самый неблагопріятный, и каждый, кому памятны труды коммиссіи за названную эпоху, не найдетъ въ немъ ни преувеличенія, ни личности (*). Сперанскій донесъ Государю, что проекты коммиссіи исполнены пропусковъ и несовершенствъ; что слогъ ихъ не только не имѣетъ свойственныхъ закону ясности и точности, но, какъ бы съ намѣреніемъ, до того затемненъ и неопредѣлителенъ, что сенатъ и судебныя мѣста принуждены будутъ часто обращаться къ той же коммиссіи за истолкованіемъ смысла ея постановленій; наконецъ, что такъ названный «сводъ» есть безобразная смѣсь, гдѣ, для тѣхъ двухъ или трехъ существенныхъ словъ, которыя составляютъ силу закона, выписаны цѣликомъ кипы частныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ никакого къ нему отношенія (**). Для приведенія всѣхъ этихъ работъ въ надлежащій порядокъ, онъ считалъ нужнымъ дополнить недостатки внесеніемъ пропущенныхъ

(*) Многимъ старожиламъ вѣрно памятно, какъ однажды изъ надписи на доскѣ надъ воротами коммиссіи выпала буква С и весь Петербургъ нѣсколько времени читалъ: коммиссія *оставленія* законовъ.

(**) Этотъ мнимый «сводъ», котораго разныя части были уже и напечатаны, не имѣлъ ничего схожаго съ нынѣшнимъ. Онъ содержалъ въ себѣ, послѣ нѣсколькихъ статей, кратко излагавшихъ сущность закона на заданныя темы, безконечный рядъ переписанныхъ отъ слова до слова подлинныхъ указовъ, высочайшихъ и сенатскихъ, изъ которыхъ будто бы извлечена была эта сущность, но которые, часто, не представляли ни одной соотвѣтствующей ей мысли.

статей, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и цѣлыхъ главъ, и исправить слогъ, т. е. бóльшую часть статей вновь передѣлать.

«Чтобъ произвести сіе исправленіе въ самой коммиссіи—писалъ Сперанскій—къ сему надлежало бы: 1) на каждую часть работы сдѣлать нужныя примѣчанія; 2) сравнить сіи примѣчанія съ текстомъ и рѣшить правильность ихъ или неправильность; 3) по сему рѣшенію произвести самое исправленіе. Примѣчанія сдѣлать можно; но ктó въ коммиссіи будетъ судить ихъ? Коммиссія есть Розенкампфъ и ничего болѣе. Слѣдовательно это будетъ одно только личное состязаніе между примѣчателемъ и составителемъ; личности же во всякомъ дѣлѣ, а особливо въ дѣлѣ законовъ, не могутъ быть совмѣстны. Потомъ, предположивъ, что примѣчатель въ семъ спорѣ одержалъ бы верхъ, ктó по его примѣчаніямъ будетъ производить самое исправленіе? Коммиссія? Но сія коммиссія есть опять тотъ же самый Розенкампфъ, и нѣтъ большой вѣроятности, чтобъ онъ нынѣ могъ сдѣлать удачнѣе, нежели прежде (*).»

Вслѣдствіе этихъ соображеній Сперанскій предлагалъ другое средство исправить проектъ, именно—провести его черезъ государственный совѣтъ, съ тѣмъ, чтобы коммиссія представила туда свои работы, чтобы онъ, какъ членъ совѣта, внесъ письменныя свои на нихъ примѣчанія и чтобы совѣтъ все это разсмотрѣлъ и обсудилъ. «Когда—говорилъ онъ—такимъ образомъ обличены будутъ пропуски и недостатки, и обличены будутъ не частнымъ мнѣніемъ одного

(*) Розенкампфъ оставался при этомъ дѣлѣ уже очень не долго, бывъ уволенъ изъ коммиссіи законовъ, по его о томъ просьбѣ, въ апрѣлѣ 1822-го года, по вслѣдствіе неудовольствій не съ Сперанскимъ, а съ Лопухинымъ. Разумѣется, впрочемъ, что, послѣ всего происшедшаго за десять лѣтъ передъ тѣмъ, отношенія его и къ Сперанскому, не смотря на всю незлопамятность послѣдняго, сдѣлались сами по себѣ невыносимы и, такъ сказать, невозможны.

лица, по цѣлымъ сословіемъ, тогда уже можно будетъ приняться за окончательное разсмотрѣніе. Между тѣмъ пріисканы къ сему будутъ два или три способныхъ редактора, а настоящіе члены коммиссіи получатъ размѣщеніе, соотвѣтственное тому понятію, какое составится о ихъ трудахъ. Такимъ образомъ вся работа раздѣлится на двѣ части, изъ коихъ въ первой, такъ сказать предварительной, разсмотрѣны и оцѣнены будутъ настоящіе проекты, во второй получатъ они окончательное ихъ исправленіе.»

По одобреніи Государемъ этого плана, 3-го ноября 1821-го состоялись два указа: одинъ государственному совѣту—о томъ, чтобы для разсмотрѣнія трудовъ коммиссіи законовъ назначить особый день въ недѣлю (четвергъ) и чтобы всѣ по этому дѣлу изъясненія представлялъ Сперанскій; другой—на имя князя Лопухина, которому объявлялось, что журналы совѣта по проектамъ коммиссіи будетъ подносить Государю также Сперанскій.

Разсмотрѣніе трудовъ коммиссіи въ государственномъ совѣтѣ началось снова съ проекта гражданскаго уложенія, и притомъ опять съ *двухъ первыхъ* его частей, хотя онѣ уже дважды обсуживались совѣтомъ (въ 1810-мъ и 1815-мъ годахъ). Къ такому новому пересмотру было приступлено въ томъ же ноябрѣ и Сперанскій повелъ дѣло съ обыкновенною своею дѣятельностію, тѣмъ еще успѣшнѣе, что въ настоящемъ случаѣ предлежало не составлять проектъ вновь, а только разсматривать готовый, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ исправленъ по прежнимъ замѣчаніямъ совѣта. Къ каждой главѣ прилагались подробныя изъясненія, иногда очень обширныя, и всѣ эти изъясненія, какъ и всѣ журналы совѣта, содержавшіе въ себѣ его разсужденія и заключенія, Сперанскій писалъ собственноручно, безъ всякаго участія и помощи ни отъ канцеляріи совѣта, ни отъ коммиссіи законовъ, что̀ доказывается сохранившимися

черновыми бумагами. Потомъ подписанные журналы онъ лично подносилъ Государю и принималъ его приказанія. Разсмотрѣніе въ совѣтѣ шло безостановочно. Членамъ были розданы печатные экземпляры проекта и въ каждое засѣданіе прочитывалось по одной или по нѣскольку главъ, а въ слѣдующій разъ выслушивались письменныя и словесныя замѣчанія на прочитанное въ прошлый четвергъ. Одна только глава *о бракѣ* дала поводъ, сначала, къ спору и почти ссорѣ съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, съ которымъ Сперанскій такъ сладко и такъ, казалось, задушевно бесѣдовалъ изъ Пензы и изъ Сибири, а потомъ—къ примѣчательной перепискѣ между Сперанскимъ и Императоромъ Александромъ, обнаружившей истинное понятіе перваго о Голицынѣ.

Упомянутая глава была прочитана въ засѣданіи 12-го января 1822-го года, вмѣстѣ съ мнѣніемъ, даннымъ по ней сѵнодомъ еще въ 1810-мъ году, съ журналами, въ то время состоявшимися въ совѣтѣ, и съ новыми «изъясненіями», теперь представленными на нее Сперанскимъ. Въ послѣднихъ было сказано, что «въ *первобытной* христіанской церкви бракъ былъ совершаемъ гражданскимъ договоромъ и отъ совѣсти христіанина зависѣло договоръ сей освящать церковнымъ священнодѣйствіемъ.» На другое утро князь Голицынъ прислалъ просить у Сперанскаго помянутыя его «изъясненія». Хотя это требованіе, котораго цѣль можно было угадать по разнымъ предшествовавшимъ разговорамъ, выходило изъ обыкновенныхъ формъ совѣта: однако Сперанскій счелъ неумѣстнымъ отказать въ немъ, особенно когда Голицынъ возобновлялъ свое настояніе три дня сряду. 18-го числа, т. е. наканунѣ засѣданія, назначеннаго для разсужденій въ совѣтѣ о прочитанной главѣ, Голицынъ внесъ бумагу, надписанную: *Примѣчанія на изъясненія*, въ которой, возражая на вышеприведенныя слова, повторялъ

мнѣніе, высказанное имъ въ 1810-мъ году: чтобы главу о бракѣ совсѣмъ исключить изъ уложенія, оставя въ немъ лишь то̀, что касается гражданской стороны брачнаго союза, а именно его послѣдствій для дѣтей. Эту бумагу, какъ направленную противъ «изъясненій», слѣдственно противъ работы самого Сперанскаго, послѣдній принялъ за личное себѣ оскорбленіе и за намѣреніе снова заподозрить образъ его мыслей. Выйдя, подъ такими впечатлѣніями, изъ своего обыкновеннаго хладнокровія, уже укрѣпленнаго опытами, онъ написалъ Государю слѣдующее письмо:

«Обстоятельство, на первый взглядъ незначительное, но по послѣдствіямъ важное, заставляетъ меня неблаговременно обременить Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, слѣдующимъ изъясненіемъ:

«Сейчасъ князь А. Н. Голицынъ прислалъ мнѣніе его *о бракѣ*, которое завтра должно быть читано въ совѣтѣ.

«Мнѣніе сіе не есть просто мнѣніе на главу о бракѣ, но есть, вмѣстѣ, личный доносъ на тѣ изъясненія, кои въ предъидущемъ собраніи совѣту мною были представлены.

«Въ мнѣніи семъ его сіятельству угодно присоединить меня нѣкоторымъ образомъ къ числу тѣхъ профессоровъ, кои проповѣдуютъ начала противныя ученію церкви (*), съ тѣмъ еще различіемъ, что они проповѣдуютъ въ университетахъ, а я въ совѣтѣ.

«Отсюда вопросъ: должно ли мнѣ оставить сіе нареканіе безъ отвѣта? Молчаніе для меня никогда не трудно, но молчаніе могутъ принять сознаніемъ. Отвѣтъ же превратитъ главу о бракѣ въ личный судъ предъ совѣтомъ между нимъ и мною. Я долженъ буду показать, что слова мои

(*) Это былъ намекъ на современное религіозное гоненіе князя Голицына противъ нѣкоторыхъ профессоровъ с.-петербургскаго университета, возбужденное наиболѣе навѣтами Магницкаго.

въ мнѣніи его искажены и смыслъ имъ данъ совершенно ложный. Кто изъ насъ потерпитъ въ семъ судѣ, неизвѣстно; но тò достовѣрно, что и самый выигрышъ буду я считать для себя потерею.

«Должнò ли, чтобъ я былъ выставленъ какъ противникъ церкви, а онъ какъ поборникъ? Должнó ли чтобъ наша публика, всегда готовая ко всѣмъ нелѣпымъ разглашеніямъ, нашла новую пищу въ соблазнительномъ спорѣ и, вмѣсто университетскихъ профессоровъ, пересуживала двухъ членовъ Вашего совѣта?

«Я знаю свое мѣсто въ сей публикѣ. Святоши запишутъ меня въ безбожники, а противники ихъ причислятъ къ своему стаду: а я, гнушаясь тѣми и другими, принадлежу и желаю принадлежать единственно, исключительно, Вамъ.

«Въ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ Вашемъ образѣ мыслей, равно отъ той и другой крайности удаленныхъ, могу я искать и надѣюсь всегда найти твердую защиту противъ хитросплетенныхъ тонкостей враговъ моихъ, враговъ, ни десятилѣтнимъ молчаніемъ, ни кротостію всего моего поведенія, ни уступчивостію моею, смѣю сказать, примѣрною, неумолимыхъ.»

19-го числа, передъ совѣтомъ, пришла записка отъ графа Аракчеева, чтобы безъ него не открывать засѣданія. Пріѣхавъ вслѣдъ за тѣмъ, онъ привезъ Сперанскому собственноручный отвѣтъ Государя, слѣдующаго содержанія:

«Съ должнымъ вниманіемъ прочелъ я какъ письмо ваше, такъ и мнѣніе министра духовныхъ дѣлъ, при ономъ приложенное.

«Тщетно искалъ я въ ономъ *личнаго доноса* на изъясненія, вами представленныя, или похожее на присоединеніе васъ къ проповѣдующимъ *начала, противныя ученію церкви.*

«Но единственно нашелъ я въ семъ мнѣніи простое изложеніе тѣхъ же понятій на главу о бракѣ, кои я слышалъ еще въ 1810-мъ году, во время личныхъ моихъ засѣданій въ совѣтѣ. Посему и не понимаю я, какимъ бы образомъ могъ министръ духовныхъ дѣлъ иное мнѣніе представить на главу сію, не бывъ въ явномъ противорѣчіи самому съ собою.

«Вамъ, какъ и всякому члену совѣта, не возбраняется защищать свой образъ мыслей, особливо пояснить то̀, что въ иномъ смыслѣ или превратно было понято. Но желательно, чтобы сіи изъясненія были предъявлены безъ укоризнъ и той ѣдкости, которую, признаюсь, съ сожалѣніемъ нашелъ я въ письмѣ вашемъ.

«Пребываю навсегда вамъ доброжелательнымъ.»

Прочитавъ это письмо, Сперанскій отозвался Аракчееву, что принимаетъ съ благодарностію замѣчаніе Государя, въ видѣ наставленія; но въ то же время показалъ слова̀ своихъ изъясненій, неправильно приведенныя Голицынымъ. Аракчеевъ, сличивъ ихъ, согласился въ неточности ссылки и обѣщалъ донести обо всемъ этомъ Государю. Потомъ начались разсужденія совѣта и, при разнообразіи мнѣній, графъ Кочубей предложилъ, въ соглашеніе ихъ, прибавить, въ началѣ главы, что бракъ есть таинство и потому дѣла̀ брачныя принадлежатъ вѣдѣнію синода, но, по связи ихъ съ дѣлами гражданскими, въ уложеніи гражданскомъ помѣщаются статьи сообразно съ установленіями церкви. Это мнѣніе поддержалъ Аракчеевъ и всѣ съ нимъ согласились, кромѣ Голицына, нѣсколько разъ повторявшаго, что хорошее въ кодексѣ Наполеоновомъ не можетъ быть пригодно для Русскаго. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, въ «дневникѣ» Сперанскаго мы читаемъ: «20-е, пятница. Вечеромъ въ 6 часовъ работа у Его Величества. Началась изъясненіемъ о письмѣ. Я далъ разумѣть, что въ связи моихъ понятій о

личныхъ отношеніяхъ князя Голицына ко мнѣ, письмо мое имѣетъ свое основаніе и что, со временемъ, сіе откроется. Какъ не было на сіе вызова, то на семъ дѣло и остановилось.»

Впрочемъ описанный нами эпизодъ не имѣлъ никакого вліянія на самое разсмотрѣніе гражданскаго уложенія. Проектъ былъ пройденъ съ небольшимъ въ годъ, занявъ 38 засѣданій (послѣднее изъ нихъ было 21-го декабря 1822-го года). Но надъ этимъ дѣломъ какъ бы тяготѣлъ особенный фатализмъ. *Три* пересмотра, въ теченіе *десяти лѣтъ*, не могли привести ни къ чему окончательному. Государственный совѣтъ перемѣнилъ, или назначилъ перемѣнить 721 параграфъ, въ томъ числѣ цѣлыя главы, и съ такими исправленіями полагалъ проектъ утвердить; но тогда поднялъ противъ него оружіе самъ Сперанскій, который, внутренно сознавая слабость всей работы, продолжалъ, не смотря на то, что бо́льшая ея часть была передѣлана имъ, выдавать ее за работу коммиссіи. Онъ представилъ Государю, что гражданскаго уложенія нельзя ввести въ дѣйствіе безъ устава о судопроизводствѣ, а этому уставу едва только положено начало, и что, кромѣ того, въ самомъ проектѣ уложенія, за всѣми пересмотрами и поправками, все еще осталось много недостатковъ и неточностей, которыхъ можно избѣгнуть только новою передѣлкою его въ цѣломъ составѣ. Къ такой передѣлкѣ, однако жъ, ни тогда, ни послѣ, не было приступлено. При видимомъ охлажденіи Александра къ этому дѣлу, гражданское уложеніе снова умерло, и уже навсегда. 17-го декабря, т. е. за нѣсколько дней передъ окончаніемъ разсмотрѣнія проекта въ государственномъ совѣтѣ, Сперанскій писалъ Московскому военному генералъ-губернатору, князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну: «Составъ коммиссіи (законовъ) весьма слабъ и людьми и матеріалами, а усилить его не въ моей волѣ, да и не вижу я большой возможности; къ сему нуженъ *другой*

образъ мыслей и, можетъ быть, другія понятія о важности сего дѣла.»

Въ мартѣ 1823-го года, по настояніямъ министра финансовъ о томъ, что, для возстановленія частнаго кредита, необходимо скорѣе составить уставы о коммерціи и коммерческомъ судопроизводствѣ и исправить уставъ банкротскій, государственному совѣту велѣно было возобновить разсмотрѣніе проекта другаго уложенія, торговаго. Но этотъ проектъ, при самомъ первомъ обозрѣніи, былъ найденъ до такой степени несовершеннымъ, что совѣтъ тогда же возвратилъ его въ коммиссію, для исправленія и дополненія (*).

На этомъ дѣло уложеній и остановилось. Только осенью 1824-го года, вдругъ, какъ бы послѣдняя вспышка потухающаго огня, состоялось (11-го августа) высочайшее повелѣніе, чтобы совѣтъ *немедленно* приступилъ къ разсмотрѣнію, на прежнемъ основаніи, изготовленныхъ коммиссіею проектовъ и старался сколь возможно скорѣе привести ихъ къ окончанію (**). Но и это повелѣніе не имѣло

(*) Н. И. Тургеневъ въ приведенномъ нами (въ предисловіи) сочиненіи своемъ упоминаетъ нѣсколькими словами объ этомъ проектѣ и объ его разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ, при которомъ онъ исправлялъ, въ то время, должность статсъ-секретаря. Г. Тургеневъ пишетъ: «Всѣ разсужденія въ совѣтѣ, говорилъ мнѣ Сперанскій, одна формальность. Эти господа ничего тутъ не понимаютъ. Вы да я обработаемъ дѣло какъ найдемъ лучшимъ. Я нисколько не раздѣлялъ пренебреженія Сперанскаго къ совѣту, въ которомъ было нѣсколько членовъ, ни мало не уступавшихъ ему въ свѣдѣніяхъ, въ особенности же не раздѣлялъ его дерзкой самоувѣренности. Я, напротивъ, желалъ преній, считая ихъ во многихъ отношеніяхъ весьма полезными.» Сочиненіе г. Тургенева содержитъ въ себѣ и нѣсколько другихъ любопытныхъ замѣтокъ о Сперанскомъ, которому, не оспоривая его блестящихъ достоинствъ, онъ отказываетъ, однако, въ гражданскомъ мужествѣ,—упрекъ, часто дѣланный ему и другими.

(**) «Сіе высочайшее повелѣніе—писалъ тогда Лопухинъ, въ собствен-

почти никакихъ послѣдствій. Правда, что 18-го того же августа былъ внесенъ въ совѣтъ проектъ уголовнаго уложенія, изъ котораго въ пять мѣсяцовъ, т. е. по 26 января 1825-го года, разсмотрѣны первыя пять главъ; но какъ эти именно главы содержали въ себѣ всѣ коренные и главные вопросы, а онѣ, бывъ представлены Государю, остались въ его кабинетѣ безъ дальнѣйшаго рѣшенія, то совѣтъ не могъ продолжать своихъ занятій по этому проекту. Вскорѣ за тѣмъ Императоръ Александръ скончался и трудамъ по части законодательной дано было, какъ мы увидимъ, новое, совсѣмъ иное направленіе.

в) Особыя порученія.

Исчислить теперь всѣ особыя порученія, которыя возлагаемы были на Сперанскаго по возвращеніи его изъ Сибири и вступленіи снова въ кругъ высшей государственной дѣятельности, было бы столько же трудно, какъ и въ періодъ 1808—1812-го годовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны, но о другихъ не сохранилось ничего, кромѣ нѣсколькихъ словъ въ «дневникѣ», ведущихъ лишь къ однѣмъ неяснымъ догадкамъ. Въ формулярѣ только показано, за это время, назначеніе его въ четыре особые комитета: Сибирскій (28 іюня 1821-го), Азіатскій (16 іюля 1821-го), о проектѣ учрежденія для военныхъ поселеній (24 января 1823-го) и о такомъ же учрежденіи для войска

поручной запискѣ Сперанскому—я получилъ съ таковымъ объясненіемъ, что произшедшую остановку относятъ *на мой счетъ*, хотя вамъ извѣстно, что я въ оной никакого участія не имѣлъ и имѣть не могъ.» Вѣроятно къ этому времени относится слово Императора Александра, приведенное въ книгѣ Н. И. Тургенева, что Сперанскій «излѣчился.» Нѣчто подобное Государь говорилъ, въ концѣ своего царствованія, и Карамзину.

Донскаго (21 мая 1823-го); но изъ «дневника» видно участіе его, сверхъ того, и въ разныхъ другихъ комитетахъ, напримѣръ: о торговлѣ въ Грузіи; библейскомъ; финансовомъ; о налогахъ на соль; о призовыхъ деньгахъ; тарифномъ и вообще коммерческомъ (*), и въ комитетѣ о раскольникахъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ митрополитъ. Онъ занимался также составленіемъ учрежденія для управленія Кавказскою областью, которое потомъ, бывъ сообщено на предварительное соображеніе Алексѣя Петровича Ермолова, поступило, съ его замѣчаніями, на разсмотрѣніе Сибирскаго комитета (**); въ 1821 году Императоръ Александръ передалъ ему еще составленный кѣмъ-то изъ тогдашнихъ правительственныхъ дѣятелей проектъ *учрежденія намѣстничествъ*, или округовъ, въ ко-

(*) Касательно коммерческаго комитета въ «дневникѣ» записанъ отзывъ Сперанскаго князю Друцкому-Любецкому, въ то время министру финансовъ царства Польскаго, замѣчательный для характеристики перваго. Вотъ слова «дневника»: «Разговоръ (съ Любецкимъ) sur les droits des consommations pour lesquels il plaide dans son mémoire. Я отозвался qu'étant préoccupé, par mes études, des lois, je ne pouvais que superficiellement prendre connaissance des affaires commerciales; que mon esprit, naturellement paresseux, se refuse à des discussions qui n' ont aucun but déterminé; que le travail sur le code civil, au contraire, a quelque chose de positif et d' un interêt déterminé.»

(**) Это, поражающее своею странностію, разсмотрѣніе *Кавказскаго* учрежденія въ *Сибирскомъ* комитетѣ, объяснено Сперанскимъ въ одномъ изъ его писемъ къ генералъ-губернатору Капцевичу. «Въ то самое время—писалъ онъ—какъ занимались здѣсь разсмотрѣніемъ устава Омской области, А. П. Ермоловъ, прибывъ сюда, представилъ проектъ образованія Кавказской области. Главныя черты найдены столь сходными, что положено оба проекта разсмотрѣть и дополнить въ Сибирскомъ комитетѣ.» Сохранившееся письмо Сперанскаго къ Аракчееву отъ 12-го ноября 1822-го года показываетъ, впрочемъ, что не Ермоловъ представилъ проектъ, а ему самому (какъ сказано у насъ въ текстѣ) сообщены были два, и онъ изъ нихъ выбралъ тотъ, который былъ полнѣе и ближе къ Сибирскому, отмѣтивъ на немъ разныя прибавленія и перемѣны.

торые предполагалось соединить по нѣскольку губерній. Сперанскій оспорилъ этотъ проектъ со всею силою практическаго взгляда, пріобрѣтеннаго имъ въ трехлѣтнее управленіе Пензенскою губерніею и въ двухлѣтнее Сибирью. Замѣчанія его были уважены: Государь поручилъ ему составить другой планъ, съ устройствомъ, въ историческихъ областяхъ, главныхъ управленій, или генералъ-губернаторствъ: Сперанскій это исполнилъ; но потомъ его планъ, какъ и вообще все дѣло, остались, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, безъ дальнѣйшаго движенія. Было тогда еще и другое предположеніе: раздѣлить духовное управленіе на митрополіи, архіепископства и епископства. Аракчеевъ комически смѣшался, когда митрополитъ Серафимъ принесъ къ нему огромный фоліантъ соборныхъ постановленій и все опровергнулъ указаніемъ на соборъ Халкидонскій. Послѣ Аракчеевъ справлялся объ этомъ дѣлѣ у Сперанскаго и самъ смѣялся своему пораженію, говоря: «книгою меня доѣхалъ, вся черная, кожаная, съ застежками . . . .» Въ заключеніе должно, наконецъ, упомянуть объ одной работѣ, совершенной Сперанскимъ, въ эту же эпоху, если и не по прямому порученію, то по крайней мѣрѣ въ угоду Государю. Выше сказано, что, тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, Сибирскій генералъ-губернаторъ, бывъ въ Грузинѣ, обозрѣвалъ военныя поселенія. Въ августѣ 1823-го года онъ повторилъ эту поѣздку вмѣстѣ съ графомъ Кочубеемъ и тутъ еще ближе ознакомился съ колоссальнымъ установленіемъ, о которомъ, въ то время, такъ много было разнородныхъ толковъ не только у насъ, но и за границею. Еще передъ тѣмъ онъ далъ Аракчееву мысль написать *общее учрежденіе* военныхъ поселеній, заимствовавъ матеріалы къ нему изъ послѣдовавшихъ разновременно отдѣльныхъ постановленій, съ нужными, по опыту, дополненіями и усовершенствованіями,—работа огромная, потому что цѣлью ея бы-

ло *полное* образованіе, такъ сказать, царства въ царствѣ. Для этого дѣла были учреждены: приготовительная коммиссія, изъ разныхъ, находившихся при Аракчеевѣ лицъ, и высшій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ самого Аракчеева, изъ Сперанскаго и начальника штаба отдѣльнаго корпуса военныхъ поселеній, Петра Андреевича Клейнмихеля. Коммиссія составила общую программу и по ней обработала первыя двѣ части учрежденія. Но когда онѣ вошли въ высшій комитетъ, то возникло столько важныхъ вопросовъ, что дѣло заглохло на самыхъ первыхъ шагахъ и уже не было возобновляемо, тѣмъ болѣе что и самъ Аракчеевъ, въ сущности, не очень желалъ его совершенія. Все кончилось тѣмъ, что Сперанскій взялся написать общій взглядъ на устройство военныхъ поселеній, чтобы хотя нѣсколько примирить съ ними общественное мнѣніе, возстававшее всею своею силою противъ этого созданія желѣзной воли Аракчеева. Дѣйствительно, въ началѣ 1825-го года появилась брошюра, подъ заглавіемъ: *О военныхъ поселеніяхъ*, написанная съ обыкновеннымъ искуствомъ Сперанскаго. Бывъ напечатана въ маломъ числѣ экземпляровъ, тогда же большею частію раздаренныхъ, она теперь сдѣлалась библіографическою рѣдкостью. На это похвальное слово учрежденію, самому у насъ непопулярному, на эту, по выраженію одного современника, «реляцію послѣ сраженія,» должно смотрѣть единственно какъ на жертву, принесенную Сперанскимъ своему положенію. За четыре года передъ тѣмъ, на возвратномъ пути изъ Сибири въ Петербургъ, проѣзжая Новгородскими поселеніями, самъ онъ, въ «дневникѣ» своемъ, отмѣтилъ: «fumus ex fulgore! . . . . . .»

г) Отношенія Сперанскаго къ Императору Александру въ періодъ съ 1821-го по 1825-й годъ.

«Милостиво принятый Государемъ—сказано въ *Думѣ* Магницкаго—Сперанскій *уклонился отъ предложеннаго ему министерства* и остался членомъ государственнаго совѣта и Сибирскаго комитета.» Это *предложеніе* министерства и *уклоненіе* отъ него есть одинъ изъ вымысловъ автора «Думы». Если въ бумагахъ могло, конечно, не остаться слѣдовъ словесныхъ объясненій, то они, *непремѣнно*, нашлись бы въ «дневникѣ» Сперанскаго, гдѣ бесѣды его съ Императоромъ Александромъ отмѣчены подробнѣе всего другаго, а тамъ—нѣтъ объ этомъ ни слова. Кромѣ того Александръ, въ 1823-мъ году, въ разговорѣ съ Кочубеемъ, между прочимъ, сказалъ, что, занявъ бывшаго Сибирскаго генералъ-губернатора уложеніемъ, придаетъ этому дѣлу такую важность, что «никуда отъ него Сперанскаго отрывать не хочетъ (*).» Наконецъ самъ Сперанскій въ 1823-мъ году (11-го мая) писалъ своей дочери: «Не бойся: по всѣмъ вѣроятностямъ никакія перемѣны меня не постигнутъ. Одна могла бы нѣсколько, и то *нѣсколько,* поколебать: это министерство юстиціи; но и то все остается въ прежнемъ положеніи. Слухъ объ увольненіи князя Лобанова миновался; онъ самъ его разгласилъ, а на повѣрку вышло, что никогда не просилъ увольненія. Магницкій (разсказывавшій о томъ дочери) слишкомъ въ этомъ случаѣ положился на городскіе слухи, не имѣвшіе, какъ часто бываетъ, никакого основанія (**).»

(*) Письмо графа Кочубея къ Сперанскому отъ 12-го іюля 1823-го года.

(**) Въ связи съ этимъ можно привести письмо Сперанскаго къ Аракчееву (отъ 23-го апрѣля того же года), въ которомъ, увѣдомляя о назначеніи министромъ финансовъ Канкрина, онъ прибавилъ: «Но заботы

Сперанскій, повторяемъ, уже никогда болѣе не возвышался на прежнюю ступень при Императорѣ Александрѣ и даже не получилъ никакого самостоятельнаго назначенія. Но очень примѣчательно, что самъ онъ, при всемъ своемъ тактѣ и тонкомъ умѣ, не могъ или не хотѣлъ—по крайней мѣрѣ *въ началѣ*—ни понять истиннаго своего положенія, ни убѣдиться въ невозвратности прежняго. Сперва, когда работы по Сибирскимъ учрежденіямъ и по возобновившемуся пересмотру гражданскаго уложенія давали ему довольно частый доступъ къ Государю, онъ, смотря на предметы сквозь призматическое стекло своихъ желаній, старался увѣрить себя, будто бы возрастающимъ его вліяніемъ пробуждается негодованіе Аракчеева, даже будто бы, видя необходимость уступить поле сопернику болѣе счастливому, Аракчеевъ намѣревается—все бросить. Но такое добровольное самозаблужденіе, такая фантасмагорія воображенія, слѣды которыхъ безпрестанно проявляются въ его «дневникѣ», не могли длиться долго. Тотъ же «дневникъ» свидѣтельствуетъ, что Государь, при свиданіяхъ съ Сперанскимъ, не разъ повторялъ, что считаетъ его *своимъ человѣкомъ*, что никто *запятнать его не можетъ*, и пр.; а между тѣмъ, все важнѣйшее изъ его работъ онъ утверждалъ, всѣ подносимые имъ указы подписывалъ *не иначе*, какъ по предварительному совѣщанію съ Аракчеевымъ. Уже съ декабря 1821-го года Сперан-

города этимъ не кончились; одна прошла, другая наступила: кого сдѣлать министромъ юстиціи? ибо и самъ онъ (т. е. тогдашній министръ князь Лобановъ-Ростовскій) и всѣ его знакомые увѣряютъ, что онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Легко изволите себѣ представить, какъ городъ хлопочетъ чтобъ выбрать ему преемника. Кандидатовъ множество. Одинъ проповѣдуетъ князя Куракина, другой Ланскаго (Василія Сергѣевича), третій Болотникова. Каждый хочетъ быть во пророцѣхъ и всѣ вмѣстѣ ничего достовѣрнаго не знаютъ.»

скій самъ началъ замѣчать нѣкоторые признаки охлажденія. Въ февралѣ слѣдующаго года, все болѣе и болѣе разочаровываясь, онъ писалъ Ермолову: «Хилое мое здоровье не дозволяетъ мнѣ много заниматься, и хотя занятія мои весьма нынѣ ограничены, тѣмъ не менѣе боюсь, что и для нихъ скоро силъ у меня не станетъ.» Со второй половины 1822-го года, т. е. по окончаніи дѣлъ Сибирскихъ, и къ личнымъ докладамъ онъ былъ призываемъ гораздо рѣже. Въ слѣдующемъ 1823-мъ году, Государь принималъ его съ бумагами всего только *три* раза; въ 1824-мъ и 1825-мъ, кажется, уже—*ни одного.* Тоже самое отразилось и въ приглашеніяхъ къ императорскому столу: изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно что въ 1821-мъ году Сперанскій безпрестанно обѣдалъ у Государя; въ 1822-мъ несравненно рѣже; въ 1823-мъ только одинъ разъ, а въ 1824 и 1825-мъ ни разу. Наконецъ всѣ замѣтили, что и на балахъ Государь не разговаривалъ съ нимъ, хотя онъ всегда былъ на глазахъ. Это охлажденіе не могло не отразиться на общественномъ положеніи Сперанскаго. Бывъ встрѣченъ, по возвращеніи своемъ изъ Сибири, чрезвычайною предупредительностію отъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ власть, онъ, впослѣдствіи, уже только съ большимъ трудомъ успѣвалъ выпрашивать, для покровительствуемыхъ имъ, даже самыя маловажныя мѣста, и то не всегда прямо у министровъ, а больше черезъ директоровъ департаментовъ....

Мы говорили выше, въ чемъ заключались скудныя награды, полученныя бывшимъ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ въ эти года. Самые труды его по составленію Сибирскихъ учрежденій не были ознаменованы свыше особыми знаками благоволенія. Все ограничилось тѣмъ, что пожалованы были, по его представленію, награды нѣкоторымъ Сибирскимъ чиновникамъ, а также Цейеру, Батенькову и др.; ему же самому, при назначеніи

повыхъ Сибирскихъ генералъ-губернаторовъ, сохранили то содержаніе, какое онъ получалъ въ Сибири, т. е. по 20.000 руб. ассигн. въ годъ (*). «Ultima linea desideriis»—записалъ тогда Сперанскій въ своемъ «дневникѣ», едва ли, впрочемъ, думая чтобъ этимъ въ самомъ дѣлѣ все и кончилось.

Здѣсь мѣсто коснуться отношеній Сперанскаго и къ Аракчееву, въ дополненіе того, что сказано объ этомъ въ разныхъ другихъ частяхъ нашей книги. Распространенное до нѣкоторой степени мнѣніе, будто бы эти два лица были смертельными между собою врагами, совершенно неосновательно. Когда Сибирскій генералъ-губернаторъ возвратился снова ко Двору, министру-докладчику уже не было опасно ничье соперничество, а первый, при неопредѣлительности своего положенія, старался болѣе заискивать, нежели противуборствовать. Конечно, нравъ ихъ, правительственныя начала и личныя свойства стояли на двухъ противуположныхъ полюсахъ, но близкіе къ Аракчееву, Н. Ѳ. Самбурскій и Г. С. Батеньковъ, единогласно засвидѣтельствовали намъ, что, не смотря на эти рѣзкія различія, онъ уважалъ Сперанскаго, вѣрилъ въ него, даже его любилъ, на сколько подобныя натуры вообще способны любить. Подтвержденіе того же самаго мы слышали отъ человѣка еще болѣе приближеннаго къ могущественному временщику, графа Петра Андреевича Клейнмихеля. Аракчеевъ даже называлъ Сперанскаго «умнѣйшимъ человѣкомъ» и своимъ другомъ, хотя, впрочемъ, въ похвалахъ его, кому бы то ни было, всегда проявлялся оттѣнокъ самолюбивой ироніи, какъ то видно и изъ приведенныхъ нами его писемъ. Правда, что и Сперанскій съ своей стороны, передъ довѣреннымъ кружкомъ, отзывался объ Аракчеевѣ не такъ какъ въ глаза, называя его «великимъ

(*) Сверхъ 2.000 руб. пенсіи, еще въ 1801-мъ году пожалованной ему по смерть.

притворщикомъ» и, при всей неуклюжей наружности, ловкимъ царедворцемъ; но такое мнѣніе онъ тщательно таилъ во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ. Передъ нами до пятнадцати писемъ изъ этого періода (съ 1821-го по 1825-й годъ), которыми онъ не переставалъ, при временныхъ отлучкахъ Аракчеева изъ С.-Петербурга въ Грузино, напоминать ему о себѣ, всегда въ формахъ величайшей преданности и глубокаго уваженія. Та́къ нельзя, напримѣръ, не остановиться на выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: «Со днемъ рожденія, т. е. съ приближеніемъ къ старости, искренно ваше сіятельство поздравляю. Кто прошелъ поле юности своими собственными силами и, борясь со всѣми препятствіями, усѣялъ его добромъ и истинными заслугами, того можно поздравить съ приближеніемъ къ старости, какъ со временемъ жатвы и собиранія плодовъ. Дай Богъ, чтобъ жатва сія была для васъ обильнѣйшая и время сіе было счастливѣйшее (письмо 1821-го года, безъ числа).»—«Ваше сіятельство не усомнитесь, конечно, что 23-е число сего мѣсяца (сентября—день рожденія графа) есть большой для меня праздникъ. Я желалъ бы означить сей день всѣмъ, что только можетъ показать искренность моего сердечнаго поздравленія (22-го сентября 1822-го года).»—«Ваше сіятельство, вспомнивъ о мнѣ въ день архистратига Михаила (хотя и не въ день моего ангела (*), изволили дать мнѣ новый знакъ продолженія вашей цѣнимой благосклонности: ибо въ Грузинѣ, выходя изъ храма съ духомъ правымъ и съ сердцемъ чистымъ, вспоминаютъ только о тѣхъ, коихъ любятъ (19-го ноября того же года).»—«Примите совершенную мою благодарность за Багрѣева (**).

* Сперанскій праздновалъ свои имянины 11-го января, въ день св. Михаила Клопскаго.

(**) Зять Сперанскаго, о которомъ будетъ сказано ниже. Ему выпрошена была тогда Аракчеевымъ какая-то милость.

Я передалъ ему, какъ лучшее наслѣдство, чувство благодарности, чувство нынѣ рѣдкое, хотя и весьма естественное. Будетъ ли онъ Александровскимъ кавалеромъ, не знаю, но къ старшему въ семъ орденѣ (*) онъ всегда будетъ искренно привер женъ, въ семъ я совершенно увѣренъ (16-го іюня 1824-го года).»—«Съ тѣхъ поръ (т. е. со времени назначенія его Пензенскимъ губернаторомъ) сколько перемѣнъ! Одно только осталось непремѣннымъ: ваше ко мнѣ добро и мое къ вамъ чистое сердце (тоже самое письмо).»

д) Частная и семейная жизнь.

Остановясь, въ первые дни послѣ пріѣзда въ Петербургъ, у друга своего Жерве (въ Малой Морской), Сперанскій переѣхалъ потомъ въ домъ Неплюева на Фонтанкѣ, гдѣ теперь училище правовѣдѣнія, а въ сентябрѣ 1823-го года въ домъ Армянской церкви, въ которомъ уже и оставался постоянно до кончины Императора Александра и долго послѣ (до 1832-го года). Въ образѣ его жизни замѣтна была та перемѣна, что, имѣя болѣе свободнаго времени и чувствуя, вѣроятно, болѣе прежняго, необходимость жить не посреди однихъ дѣлъ, а также для взрослой своей дочери, онъ очень много выѣзжалъ въ свѣтъ и безпрестанно обѣдалъ и проводилъ вечера внѣ дома. Чаще всего онъ бывалъ у Кочубеевъ, Столыпиныхъ, Нессельродовъ, князя Дмитрія Николаевича Салтыкова; часто также у графа Гурьева, котораго домъ былъ въ то время самымъ открытымъ въ Петербургѣ, князя А. Н. Голицына (болѣе утромъ и по дѣламъ), у оберъ-гофмейстера Родіона Александровича

(*) Извѣстно что Аракчеевъ отказался отъ пожалованнаго ему Андреевскаго ордена и всегда носилъ только Александровскій.

Кошелева и у старыхъ своихъ пріятелей Кремеровъ. Сверхъ того онъ былъ нерѣдкимъ гостемъ и во всѣхъ вообще домахъ тогдашняго высшаго общества, а также у членовъ дипломатическаго корпуса. Но если прежній отшельникъ превратился такимъ образомъ въ свѣтскаго, искательнаго человѣка, то это было слѣдствіемъ, конечно, не перемѣны во вкусахъ, а скорѣе разсчета, и продолжалось только до тѣхъ поръ, пока, еще лаская себя возвращеніемъ къ нему старой милости, онъ не пренебрегалъ никакими къ тому средствами. Позже, когда политическія надежды испарились, въ особенности когда дочь вышла за мужъ, Сперанскій, все болѣе и болѣе тяготясь такимъ, новымъ для него, родомъ жизни, сталъ думать о томъ, какъ бы незамѣтно перемѣнить его опять на старый. «Прошелъ слухъ—писалъ онъ дочери по выѣздѣ ея изъ Петербурга—что меня не увидятъ болѣе въ обществѣ; что, не имѣя въ немъ болѣе нужды, я брошу всѣ пріязни и знакомства. Не отгадали—ибо гадали въ дурную сторону. Хотя не безъ тягости, но я являюсь вездѣ, гдѣ бывалъ съ тобою. Отстану, но не вдругъ, а постепенно.» Въ другой разъ онъ писалъ ей же: «Здѣсь все по прежнему: тѣ же балы, тѣ же обѣды, тѣ же собранія, съ тою для меня разницею, что въ минувшемъ году я былъ *у нихъ въ службѣ*, а теперь, *въ ожиданіи чистой отставки*, я пользуюсь всѣми правами свободнаго, ни къ чему не привязаннаго, равнодушнаго наблюдателя, и положеніе сіе весьма для меня выгодно, по крайней мѣрѣ сносно до апрѣля мѣсяца (*).» Наконецъ въ заключеніи «дневника» его за 1823-й годъ мы читаемъ: «Commencé à me soutirer doucement de la société.» Впрочемъ, совершенно отказаться отъ свѣта Сперанскій уже болѣе не могъ, даже если бъ и хотѣлъ. При увлекательной его бесѣдѣ и

(*) Въ апрѣлѣ онъ полагалъ ѣхать къ своей дочери.

необыкновенно пріятномъ въ общежитіи характерѣ, ему было трудно, не прослывъ причудливымъ и почти не поссорясь, перестать посѣщать тѣ дома, гдѣ привыкли его видѣть. Бывъ однажды введенъ въ аристократическій міръ, онъ до конца своихъ дней, уже невольно оставался его членомъ. Замѣчательно одно: у графа Аракчеева Сперанскій, кромѣ бытности своей въ Грузинѣ, обѣдалъ всего только *дважды*, и то *въ первый разъ* не прежде 22-го декабря 1823-го года, т. е. спустя болѣе двухъ съ половиною лѣтъ послѣ новаго водворенія своего въ Петербургѣ (*).

Февраль 1822-го года ознаменовался въ семейной жизни Сперанскаго важнымъ событіемъ. Рѣшенъ былъ союзъ его дочери, его возлюбленной, боготворимой Елисаветы, съ Александромъ Алексѣевичемъ Фроловымъ-Багрѣевымъ, въ то время Черниговскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Фроловъ-Багрѣевъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, какъ самъ всѣмъ разсказывалъ, для того, чтобы *найти себѣ жену*, былъ человѣкъ честный и добрый, и если не отличался ничѣмъ блестящимъ, то, въ глазахъ многихъ, его значительно возвышали богатое наслѣдство, ожидавшееся послѣ родителей, и, еще болѣе, *родство съ графомъ Кочубеемъ*, котораго онъ былъ роднымъ племянникомъ. Самый бракъ его устроился въ домѣ Кочубеевъ, посредствомъ живаго содѣйствія Натальи Кирилловны Загряжской, тетки и воспитательницы графини (**). Въ свѣтскихъ отношеніяхъ партія была болѣе нежели выгодна: дочь бѣднаго семинариста вступала въ самое близкое свойство съ *первымъ* тогдашнимъ домомъ въ Петербургѣ. Но и въ отношеніяхъ сердечныхъ от-

(*) Это видно изъ «дневника», въ которомъ Сперанскій неупустительно отмѣчалъ у кого онъ каждый день обѣдалъ.

(**) «Наталья Кирилловна—писалъ Сперанскій своей дочери 9-го января 1823-го года—считаетъ себя первымъ орудіемъ твоего счастія, что до нѣкоторой степени и справедливо.»

цу казалось—судя по словамъ его «дневника»—что молодые люди нѣжно полюбили другъ друга. Въ томъ же «дневникѣ» онъ нѣсколько разъ, какъ бы уже оканчивались этимъ союзомъ всѣ заботы его жизни и достигнута была ея цѣль, торжественно восклицалъ: «Нынѣ отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему съ миромъ,» а подъ 6-мъ февраля, когда было сдѣлано формальное предложеніе, отмѣтилъ: «Сей нареченный и святый день, моя суббота. Сердце мое привыкаетъ къ радости. Отсюда, съ 6-го февраля, начинается новая эпоха моего бытія.» Въ письмѣ его къ Аракчееву отъ 14-го мая находимъ слѣдующее мѣсто: «Погода у насъ стоитъ прекрасная, но я не могу ею пользоваться: весь въ свадебныхъ хлопотахъ и приготовленіяхъ. Утѣшаюсь только тѣмъ что, устроивая счастіе моей дочери въ Малороссіи, устроиваю, вмѣстѣ съ тѣмъ, и себѣ, на старость лѣтъ, пріютъ и спокойствіе.» Послѣ свадьбы, которая была 16-го августа 1822-го года, молодые, проживъ еще около шести недѣль въ родительскомъ домѣ, отправились въ Черниговъ. Отецъ снова былъ разлученъ съ дочерью. «Письмо ваше изъ Томска—писалъ онъ состоявшему въ родствѣ съ Фроловымъ-Багрѣевымъ генералъ-губернатору Капцевичу—дошло ко мнѣ въ то самое время, какъ я занятъ былъ горестною, хотя и предвидѣнною разлукою съ моею дочерью. Не дорожу жертвами для ея счастія, но нужно время, чтобъ снова привыкнуть къ одиночеству.» Лѣтомъ 1823-го года онъ посѣтилъ дочь въ Черниговѣ (*), а въ фев-

(*) «Отправясь изъ Петербурга 27-го мая—писалъ онъ Аракчееву 26-го іюня 1823-го—въ пять сутокъ очутился я въ Черниговѣ. Здѣсь нашелъ дочь мою въ мучительной, хотя и не опасной болѣзни, и самъ отъ чрезмѣрныхъ жаровъ и отъ усталости долго не оправился. Теперь, слава Богу, и ей лучше и я здоровъ по прежнему, но отложилъ всякое помышленіе о путешествіи въ Одессу; можетъ быть, по близости, взгляну на Кіевъ и святыя его древности и потомъ къ 1-му августа тѣмъ же путемъ обращусь восвояси.»

ралѣ 1824-го она обрадовала его внукомъ Михаиломъ (*). 9-го мая того же года Фроловъ-Багрѣевъ былъ назначенъ, по просьбѣ тестя, членомъ совѣта министерства финансовъ и переѣхалъ въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ, по самую кончину Сперанскаго, дочь и зять жили при немъ и имѣли съ нимъ одно хозяйство. На лѣто они переселялись, тоже всею семьею, въ Парголово, надъ дѣтьми покойнаго владѣльца котораго, графа Шувалова, Сперанскій былъ опекуномъ, вмѣстѣ съ тогдашнимъ сенаторомъ (впослѣдствіи государственнымъ контролеромъ). Алексѣемъ Захаровичемъ Хитрово.

Около этого же времени «старикъ Божій» пристроилъ и извѣстную уже намъ Анюту, оставшуюся послѣ покойной Маріанны Злобиной. По окончаніи ея воспитанія попеченіемъ и на иждивеніи Сперанскаго, чрезвычайно ее любившаго, она была выдана въ замужство за Алексѣя Осиповича Имберха, въ то время правителя дѣлъ при Малороссійскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Рѣпнинѣ. Послѣ свадьбы, молодая помѣщалась нѣсколько времени въ покояхъ Фроловой-Багрѣевой, а мужъ у Батенькова, который, вмѣстѣ съ Николаемъ Бестужевымъ, былъ у него и шаферомъ. Г-жа Имберхъ уже очень давно умерла, а оставшійся послѣ нея вдовецъ состоитъ теперь на службѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ.

Въ 1824-мъ году постигла Сперанскаго семейная потеря. Онъ лишился матери, умершей, въ глубокой старости, 24-го апрѣля, въ Черкутинѣ. Смерть ея мы уже описали въ I-ой главѣ I-ой части. Портретъ старушки, въ простой одеждѣ и съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, висѣлъ

(*) Къ этому Мишенькѣ была взята нянькою Англичанка Сарра Бенсонъ, которой не давалъ покою полупомѣшанный Франсисъ Стивенсъ, желавшій на ней жениться. Сперанскій былъ убѣжденъ что Англичанки лучшія на свѣтѣ няньки,—и Сарра оправдывала это мнѣніе.

въ кабинетѣ сына до конца его дней. «Въ горести, насъ постигшей—писалъ онъ зятю своему Третьякову по полученіи извѣстія о ея смерти—остается искать утѣшенія въ Богѣ и въ молитвахъ матушки. Онѣ теперь дѣйствительнѣе нежели были на землѣ. Отношенія мои къ вамъ и къ сестрицамъ останутся тѣже, какъ были при матушкѣ и ни въ чемъ не перемѣнятся. Я всегда буду радъ вамъ помогать, въ чемъ могу и какъ могу.» Въ самомъ дѣлѣ, Сперанскій, и послѣ, никогда не переставалъ переписываться съ Черкутинскими своими родными и благотворить имъ, по мѣрѣ силъ, деньгами, подарками и своимъ покровительствомъ. Изъ сохранившихся писемъ его къ нимъ видно, какъ онъ умѣлъ примѣнять свое перо ко всѣмъ степенямъ образованія и какъ мало почести и внѣшнее величіе охладили его сердце, хотя онъ, кажется для избѣжанія упрека въ тщеславіи, и не любилъ величаться своими чувствами при другихъ (*). Въ исходѣ 1825-го года, еще до кончины Императора Александра, Сперанскій понесъ вторую семейную потерю. Въ ночь съ 18-го на 19-е октября умеръ, въ Пензѣ, единственный его братъ Косьма. Послѣднія слова его, обращенныя къ одному изъ ближайшихъ Пензенскихъ его

(*) Братъ Михаила Өедоровича Третьякова, преосвященный Аркадій, нынѣ архіепископъ Петрозаводскій и Олонецкій, съ которымъ мы также списались о Сперанскомъ, сообщилъ намъ, называя его «общимъ благодѣтелемъ семьи,» слѣдующую, не лишенную интереса замѣтку: «Покойный любилъ родныхъ своихъ, благодѣтельствовалъ имъ постоянно, много, *больше* нежели родной. Всего же болѣе онъ оберегалъ счастіе тѣхъ изъ насъ, кои нѣсколько выходили изъ ряду сельскихъ жителей. Онъ зналъ стрѣлы зависти и пр. По сей высокой, безпримѣрной любви своей онъ даже предостерегалъ насъ отъ переписки съ нимъ. Не хотѣлъ онъ, чтобы родные его гдѣ либо и какъ либо казались его родными. Наединѣ съ нами предавался онъ свободно всѣмъ изліяніямъ роднаго сердца своего, мы видѣли его плачущимъ, обнимающимъ насъ; но при постороннихъ онъ былъ высокъ, безмѣрно выше окружающихъ его, какъ солнце, съ полдневной высоты свѣтомъ и теплотою обливающее всѣхъ!»

друзей, нѣкоему Дмитревскому, были слѣдующія: «Ну, братъ Степанъ, прощай: не долго мнѣ остается жить; напиши братцу, что я очень доволенъ его благодѣяніями.»

Въ заключеніе описываемаго теперь періода жизни Сперанскаго, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ его автобіографіи, относящейся къ этому же времени.

Званіе, возложенное на Сибирскаго генералъ-губернатора по возвращеніи его въ столицу, и порученія, данныя ему Императоромъ Александромъ, сами собою должны были заявить, что къ нему возстановилось довѣріе правительства. Но многіе въ публикѣ могли принимать это довѣріе за плодъ только той *новой* усердной службы, которою указъ 1816-го года предоставлялъ ему себя «очистить»; а онъ, какъ весьма понятно, хотѣлъ доказать, что и *прошедшее* его было столько же чисто и безукоризненно, словомъ смыть съ себя, передъ Россіею и Европою, тотъ позоръ и тѣ подозрѣнія, которые наложила на его гражданскую честь долговременная ссылка и не вполнѣ сняли неопредѣлительныя выраженія указа. Единственнымъ къ тому средствомъ ему оставалось выставить свои дѣйствія въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Отсюда родилась мысль объ автобіографіи. Но эта мысль была приведена въ исполненіе не прежде 1824-го года, вслѣдствіе біографической статьи неизвѣстнаго сочинителя, появившейся въ дополнительныхъ томахъ къ извѣстному Нѣмецкому изданію: «Conversationslexicon». «На вопросъ вашъ, любезный Францъ Ивановичъ, о моей біографіи— отвѣчалъ Сперанскій Цейеру, жившему тогда, для поправленія своего здоровья, на югѣ Россіи и неоднократно напоминавшему ему о прежнемъ намѣреніи—примите въ отвѣтъ слѣдующее: вчера только я услышалъ, что Нѣмцы въ Supplement zum Conversationslexicon написали мое житье-бытье довольно пространно и, какъ увѣряютъ меня, выгодно и справедливо. Я не видалъ сей статьи и, вѣроятно, долго

не увижу. Но все, чего я желаю, состоитъ только въ томъ, чтобъ меня не хвалили и не злословили. *Не хвалили* для того, что я не хочу быть предметомъ публичнаго вниманія, *не злословили* для того, что никому непріятно быть злословиму, и для того еще, чтобъ Михайло Александровичъ Багрѣевъ (*) могъ встрѣчать въ книгахъ имя своего дѣда не краснѣя. Извѣстны клеветы, нѣкогда разсѣянныя о мнѣ во Французскихъ біографіяхъ. Я не хочу опровергать ихъ; но если въ изданіи, продолжающемся подъ именемъ Contemporains, сіи господа вздумаютъ повторять прежнее, то, признаюсь, мнѣ будетъ сіе не равнодушно. Самое уваженіе къ мѣсту, нынѣ мною занимаемому, было бы симъ нарушено. Въ предупрежденіе сего прилагаю при семъ une courte notice, qui pourrait servir comme base élémentaire à un article. Въ запискѣ сей все соображено: пристойность съ истиною. Предаю ее въ совершенную вашу волю: одно условіе—не хвалить и не распространяться, чтобъ не возбудить зависти, или прежнихъ воспоминаній. Все, чего я желаю, есть забвеніе; но понеже люди забывать не соглашаются, то пусть говорятъ правду, но говорятъ ее съ пристойностію, съ уваженіемъ къ мѣсту и обстоятельствамъ. Слогъ совершенно въ вашей волѣ. Еще одна осторожность: согласенъ, чтобъ изъ сего составлена была статья въ кинѣ другихъ именъ, въ какомъ нибудь большомъ біографическомъ сборникѣ; но никакъ не согласенъ, чтобъ изъ нея сдѣлана была какая либо отдѣльная статья для какой либо газеты. Словомъ, повторяю, величайшее мое желаніе есть—быть забытымъ.» Приложенная записка, написанная по-французски, подъ заглавіемъ: «Notice sur M-r de Spéransky», была, однако жъ,

---

(*) Внукъ его Мишенька, тогда всего еще одномѣсячный. Впослѣдствіи онъ былъ убитъ на Кавказѣ, о чемъ будетъ сказано ниже.

почти однимъ сухимъ перечнемъ, одною рамою. Цейеръ попытался наполнить эту раму; но Сперанскій остался недоволенъ его работою и написалъ новую записку, обширнѣе первой, въ которой, впрочемъ, не было ни жалобъ, ни именъ, а содержалось только довольно подробное изложеніе и оправданіе прежнихъ его предположеній и операцій, особенно финансовыхъ. Для напечатанія этой статьи выбрали, по совѣту А. И. Тургенева, издававшійся въ Лейпцигѣ сборникъ подъ заглавіемъ «Zeitgenossen», куда и передали ее черезъ живщаго тамъ въ то время, впослѣдствіи генеральнаго нашего консула въ Венеціи, Фрейганга. Переводъ на Нѣмецкій языкъ былъ порученъ, рекомендованному тоже Тургеневымъ, чиновнику его вѣдомства Петру Петровичу фонъ Гёцу (нынѣ тайный совѣтникъ въ отставкѣ), который, въ концѣ, прибавилъ отъ себя нѣсколько словъ о наружности Сперанскаго. Въ такомъ видѣ статья появилась въ упомянутомъ сборникѣ въ 1824-мъ году (*), разумѣется безъ подписи автора. Французскій подлинникъ, кажется, никогда напечатанъ не былъ.

(*) «Neue Reihe». Band IV, 2, S. 167.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

СПЕРАНСКІЙ ПРИ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ I-мъ.

1825—1839.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сперанскій въ началѣ новаго царствованія.

I.

Сперанскій искренно оплакалъ кончину того, кто нѣкогда былъ его земнымъ провидѣніемъ. Дочь, свидѣтельница и повѣренная всѣхъ тайныхъ думъ своего отца, очень трогательно описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него неожиданною вѣстію изъ Таганрога. Все, что́ бывшій любимецъ Александра испыталъ и перенесъ въ жизни тяжкаго, всѣ постигшія его несчастія, онъ и прежде, какъ мы уже видѣли изъ его писемъ, постоянно приписывалъ не личному недоброжелательству или несправедливости Монарха, а единственно ухищреніямъ клеветы и тѣхъ лицъ, которыя руководились въ своихъ дѣйствіяхъ или страстями и своекорыстными разсчетами самолюбія, или неразумною угодливостію и преувеличеннымъ усердіемъ при исполненіи данныхъ имъ приказаній. Теперь, послѣ смерти Александра, въ Сперанскомъ ожила память только о его благодѣяніяхъ, о томъ, какъ усопшій, въ счастливыя лѣта́ молодости и увлеченія, выдвинулъ его изъ общаго ряда, оцѣнилъ, приблизилъ

къ себѣ, почтилъ своею дружбою и довѣріемъ и щедро осыпалъ милостями. Все прочее было забыто.

Участвовавъ, по званію члена государственнаго совѣта, въ обоихъ историческихъ его засѣданіяхъ: 27-го ноября и 13-го декабря 1825-го года, рѣшившихъ судьбу Русскаго престола, Сперанскій еще до послѣдняго изъ этихъ засѣданій началъ свою службу преемнику Александра. По странному стеченію обстоятельствъ, онъ и здѣсь, на первыхъ, такъ сказать, шагахъ, былъ поставленъ въ соперничество, впрочемъ только минутное и невольное, съ другимъ замѣчательнымъ лицомъ, нѣкогда такъ сильно порицавшимъ образъ его дѣйствій.

Карамзинъ до 1812-го года не былъ знакомъ съ тогдашнимъ государственнымъ секретаремъ и впервые его увидѣлъ, на минуту, какъ мы уже знаемъ, въ Нижнемъ, у графа Толстаго; настоящее же ихъ сближеніе началось лишь съ возвращенія Сперанскаго въ Петербургъ изъ Сибири. Въ это время они оба проводили лѣтніе мѣсяцы въ Царскомъ Селѣ, гдѣ, часто встрѣчаясь при Дворѣ и въ обществѣ, наконецъ стали и посѣщать другъ друга. Въ періодъ величія и могущества Государева статсъ-секретаря, Карамзинъ не любилъ его, не какъ измѣнника отечеству—онъ не вѣрилъ слухамъ о мнимой его измѣнѣ, хотя также не вполнѣ вѣрилъ и тому, что̀ говорили самъ Сперанскій и его друзья—а какъ опаснаго нововводителя, въ которомъ ревностный приверженецъ монархическаго начала и преданій старины подозрѣвалъ тайный замыселъ извратить наше государственное устройство. Узнавъ его короче, онъ убѣдился въ томъ, что у Сперанскаго не было закоренѣлыхъ идей, не было ничего упорнаго, сектаторскаго, а напротивъ была удивительно гибкая, всепонимающая, многосторонняя натура. Иного впечатлѣнія умный и наблюдательный Карамзинъ не могъ вынести изъ знакомства, для нихъ

обоихъ почти совершенно новаго. Съ тѣхъ поръ, оцѣнивъ всю пользу, которую можно было бы извлечь изъ дарованій и опытности такого человѣка; онъ не только началъ смотрѣть на него другими глазами, но и старался всячески поддерживать его у Императора Александра, а Сперанскій, съ своей стороны, показалъ видъ, что прощаетъ, или, по свойственному ему добродушію, въ самомъ дѣлѣ простилъ насмѣшки и укоризны сочинителя записки «О древней и новой Россіи». Когда, послѣ извѣстныхъ колебаній, слѣдовавшихъ за неожиданною кончиною Александра, великій князь Николай Павловичъ рѣшился, наконецъ, провозгласить себя Императоромъ, первый, на которомъ остановился его выборъ для составленія манифеста о томъ, былъ Карамзинъ, издавна пользовавшійся благосклоннымъ его расположеніемъ. Карамзинъ уже было и набросалъ мысли свои на бумагу, но совѣты князя Голицына и графа Милорадовича измѣнили намѣреніе молодаго Императора. Онъ поручилъ написать манифестъ Сперанскому, какъ болѣе опытному въ редакціи государственныхъ актовъ, хотя самъ до тѣхъ поръ зналъ его исключительно только по репутаціи и по придворнымъ представленіямъ и встрѣчамъ во дворцѣ. Такимъ образомъ Сперанскій сталъ въ нѣкоторое приближеніе къ новому властителю Россіи еще прежде того дня, когда было обнародовано его воцареніе.

II.

Однимъ изъ первыхъ предметовъ, обратившихъ на себя всю заботливость Императора Николая, было печальное положеніе нашего правосудія. Непосвященный, ни своимъ воспитаніемъ, ни родомъ предшествовавшей своей служебной дѣятельности, въ таинства нашей юриспруденціи, онъ, при стремленіи своемъ вникать во все самому, старался про-

свѣтить себя и по этой части; но съ перваго приступа увидѣлъ какой непроницаемый хаосъ представляли, въ то время, наши законы и какъ трудны и даже совсѣмъ невозможны были пути къ ихъ изученію безъ долговременной, ежедневной практики. «При самомъ моемъ вступленіи на престолъ» — говорилъ онъ, слишкомъ семь лѣтъ спустя, передъ государственнымъ совѣтомъ, въ то примѣчательное засѣданіе (19-го января 1833-го года), когда совѣту былъ предложенъ Сводъ Законовъ, — «я счелъ долгомъ обратить вниманіе на разные предметы управленія, о которыхъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія. Главнымъ, занявшимъ меня дѣломъ, было, естественно, правосудіе. Я еще смолоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ, или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, не рѣдко между собою противурѣчивыхъ. Это побудило меня, съ первыхъ дней моего правленія, разсмотрѣть состояніе, въ которомъ находилась коммиссія, учрежденная для составленія законовъ. Къ сожалѣнію, представленныя свѣдѣнія удостовѣрили меня, что ея труды оставались почти совершенно безплодными. Не трудно было открыть и причину этому: недостатокъ результатовъ происходилъ, главнѣйше, отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня начать, прежде всего, съ опредѣленія цѣли, къ которой правительство должно направлять свои дѣйствія по части законодательства, и, изъ предложенныхъ мнѣ путей, я выбралъ совершенно противуположный прежнимъ. Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло, по его важности, взялъ въ непосредственное мое руководство, закрывъ прежнюю коммиссію.»

Дѣйствительно, въ ту эпоху, чтобы имѣть возможность ввести какое нибудь улучшеніе въ наше законодательство, надлежало прежде всего совершенно преобразовать коммиссію, не стоявшую болѣе въ уровнѣ съ своимъ назначеніемъ. Мы уже знаемъ, что съ 1812-го года, т. е, со времени удаленія директора коммиссіи, ею управлялъ, подъ главнымъ завѣдываніемъ князя Лопухина, особый совѣтъ. Этотъ совѣтъ составляли три члена, подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ нихъ, которымъ былъ, до 1822-го года, баронъ Розенкампфъ, а потомъ знакомый намъ, по участію, нѣкогда, въ финансовыхъ работахъ государственнаго секретаря, профессоръ Балугьянскій. Если занятія собственно по уложеніямъ лежали, въ послѣдніе годы царствованія Александра, исключительно на Сперанскомъ, то, во всемъ остальномъ, онъ не имѣлъ никакого соприкосновенія къ коммиссіи и только, какъ мы уже говорили, по временамъ управлялъ ею за отлучками Лопухина; дѣятельность же самой коммиссіи ограничивалась представленіемъ заключеній по законодательнымъ вопросамъ, изрѣдка передававшимся въ нее изъ государственнаго совѣта. Такія заключенія излагались въ формѣ журналовъ, которые были составляемы по указаніямъ и подъ руководствомъ старшаго члена, и уже совсѣмъ готовыми разсылались для подписи къ прочимъ. Послѣдніе никогда не сходились и не принимали никакого участія въ обсужденіи дѣлъ, довольствуясь приложеніемъ рукъ къ журналамъ небывалыхъ своихъ засѣданій. Одинаковою съ членами свободою отъ всякихъ занятій пользовались и принадлежавшіе къ коммиссіи, довольно многочисленные, чиновники. Съ пышными титулами редакторовъ, редакторскихъ помощниковъ и пр., они несли дѣйствительную службу, большею частію, въ другихъ мѣстахъ, получая оклады и тамъ и тутъ; въ коммиссію же почти никогда не являлись, да и не имѣли повода являться, потому,

что даже величайшее усердіе и полная готовность трудиться не доставили бы никому изъ нихъ никакой работы. Этой общей апатіи способствовалъ и главный начальникъ коммисіи. Княземъ Лопухинымъ, подъ старость, овладѣла какая-то странная скупость, не только относительно собственнаго домашняго хозяйства, но и въ управленіи ввѣренными ему частями. Обрѣзавъ до крайнихъ предѣловъ штатные оклады чиновниковъ коммиссіи, не назначая ни одному изъ нихъ полнаго жалованья, оставляя безъ замѣщенія открывавшіяся вакансіи, запуствъ и зданіе, въ которомъ она помѣщалась, до совершеннаго почти разрушенія, онъ обратилъ коммиссію законовъ въ родъ сберегательной кассы и заботился только о томъ, какъ бы изъ суммъ, отпускавшихся на ея содержаніе, копить капиталы. Словомъ, коммиссію бездѣйственную, лишь бы на нее поменѣе расходовалось, онъ предпочиталъ коммисіи, которая бы дѣйствовала, но съ тѣмъ вмѣстѣ стоила денегъ. Во всемъ сказанномъ здѣсь нѣтъ никакого преувеличенія. Доказательство то, что у коммиссіи, которая получала по штату всего 82,000 руб. въ годъ, при закрытіи ея осталось экономическихъ суммъ, внесенныхъ въ кредитныя установленія, 365,783 руб.!

Такое безотрадное положеніе важнѣйшаго дѣла въ государствѣ не могло, конечно, соотвѣтствовать энергическимъ намѣреніямъ Императора Николая. Но чтобы въ полумертвую коммиссію вдохнуть новую жизнь, надо было давъ иное направленіе ея дѣятельности, замѣнить и князя Лопухина свѣжимъ человѣкомъ.

31-го января 1826-го года (№ 111 по 2-му Полн. Собр. Зак.) Лопухинъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

«При первоначальномъ обозрѣніи разныхъ частей государственнаго управленія, обративъ особенное вниманіе на уложеніе отечественныхъ нашихъ законовъ, усмотрѣлъ я,

что труды, съ давнихъ лѣтъ по сей части предпринятые, были многократно прерываемы и потому доселѣ не достигли своей цѣли. Желая, сколь можно болѣе, удостовѣрить успѣшное ихъ совершеніе, я призналъ нужнымъ принять ихъ въ непосредственное мое вѣдѣніе. Для сего приказалъ я учредить въ собственной моей канцеляріи особое для нихъ отдѣленіе. Чиновники коммиссіи законовъ частію войдутъ въ составъ сего отдѣленія, частію получатъ другое назначеніе, службѣ ихъ и способностямъ соразмѣрное. Помѣщеніе сего отдѣленія будетъ въ томъ самомъ домѣ, который доселѣ занимаемъ былъ коммиссіею. Экономическія суммы, ей принадлежащія, поступятъ въ вѣдомство министерства финансовъ. Вамъ, болѣе, нежели кому либо, извѣстна вся важность добраго и твердаго законодательства. По главному управленію вашему коммиссіею законовъ, изъ отчета отъ васъ мнѣ представленнаго и изъ словесныхъ вашихъ изъясненій, я съ удовольствіемъ видѣлъ съ какимъ искреннимъ желаніемъ и отличною ревностію вы принимали участіе въ семъ дѣлѣ. Я удостовѣренъ, что, и въ настоящемъ его образованіи, опытность ваша и свѣдѣнія въ дѣлахъ государственныхъ, многолѣтнимъ служеніемъ вашимъ въ разныхъ частяхъ пріобрѣтенныя, будутъ полезнымъ и всегда вѣрнымъ мнѣ содѣйствіемъ.»

Удаленіе устарѣвшаго сановника было, слѣдственно, обставлено всѣми внѣшними знаками милости и довѣрія. Но то содѣйствіе съ его стороны, на которое тутъ изъявлялась надежда, осталось—одною лестною фразою. Лопухинъ былъ замѣщенъ Сперанскимъ и ничѣмъ, до послѣдовавшей вскорѣ потомъ (въ 1827-мъ году) своей смерти, не участвовалъ болѣе въ законодательныхъ трудахъ.

Здѣсь довольно замѣчательно одно обстоятельство: гласно для публики, въ главу новаго отдѣленія собственной Государевой канцеляріи, учрежденнаго для этихъ трудовъ

и наименованнаго *вторымъ* (*), былъ назначенъ, съ званіемъ его *начальника*, прежній старшій членъ совѣта коммиссіи составленія законовъ Балугьянскій, вслѣдъ за тѣмъ пожалованный въ статсъ-секретари; Сперанскій же, на котораго были возложены и управленіе всѣмъ дѣломъ, и всѣ доклады по этой части у Государя, не получилъ никакого оффиціальнаго титула. Въ продолженіе тринадцати лѣтъ онъ носилъ одно лишь званіе члена государственнаго совѣта по департаменту законовъ (**), и не только никогда не послѣдовало указа, которымъ поручалось бы ему завѣдывать дѣлами II-го отдѣленія, но и въ самомъ послужномъ его спискѣ сдѣлана о томъ единственно выноска подъ строкою, безъ сомнѣнія позднѣйшая, слѣдующаго содержанія: «Въ 1826-мъ году коммиссія составленія законовъ преобразована во II-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и работы ея поступили въ непосредственное вѣдѣніе Его Величества, а главное распоряженіе ими въ отдѣленіи и доклады возложены на графа Сперанскаго.» Званіе главноуправляющаго было установлено только со времени его преемника (Д. В. Дашкова). Еще болѣе: въ первые три года существованія втораго отдѣленія всѣ внѣшнія сношенія по

(*) Мы уже говорили, что при Императорѣ Александрѣ собственная Государева канцелярія была, въ существѣ, канцеляріею графа Аракчеева, которою управлялъ, подъ нимъ, статсъ-секретарь Николай Назарьевичъ Муравьевъ, прежній начальникъ Новгородской губерніи. Когда вступилъ на престолъ Императоръ Николай и Аракчеевъ, по устраненіи его отъ всѣхъ докладовъ и другихъ дѣлъ, лично на него возлагавшихся, сохранилъ одинъ лишь титулъ главнаго начальника военныхъ поселеній, Муравьевъ былъ поставленъ въ непосредственныя отношенія къ Государю; съ образованіемъ же въ Государевой канцеляріи II-го отдѣленія, прежняя получила названіе I-го отдѣленія, которымъ продолжалъ управлять Муравьевъ, безъ всякаго вліянія на II-е.

(**) Съ 1838-го года—председателя этого же департамента.

отдѣленію производились и даже всѣ доклады подписывались Балугьянскимъ, а Сперанскій лишь вносилъ эти доклады къ Государю и потомъ состоявшіяся по нимъ высочайшія повелѣнія, когда они касались внутренняго хода работъ, передавалъ Балугьянскому изустно, или въ отмѣткахъ на его докладныхъ запискахъ, а прочія, напримѣръ о наградахъ чиновниковъ, о денежныхъ назначеніяхъ изъ государственнаго казначейства и др., сообщалъ Муравьеву, для объявленія ихъ черезъ I-е отдѣленіе. Такимъ образомъ имя того, который двигалъ и велъ все дѣло, никогда и нигдѣ, въ эти три года, не являлось въ бумагахъ. Было ли это послѣдствіемъ какого либо личнаго разсчета со стороны Сперанскаго? Едва ли не такъ. Онъ вѣрно опасался, чтобы громкій титулъ не возбудилъ противъ него новыхъ завистниковъ и враговъ, и предпочелъ быть истиннымъ хозяиномъ дѣла безъ всякой внѣшней обстановки. Уже только въ апрѣлѣ 1829-го года Муравьевъ, получивъ кипу утвержденныхъ докладовъ о наградахъ чиновниковъ по II-му отдѣленію, вдругъ возвратилъ всѣ эти бумаги безъ всякаго по нимъ исполненія. Сперанскій удивился и спросилъ Государя о причинѣ перемѣны прежняго порядка. Не знаемъ какой былъ отвѣтъ, но съ тѣхъ поръ Сперанскій сношенія съ министрами сталъ вести самъ, а Балугьянскому предоставилъ одну переписку съ второстепенными мѣстами и лицами: впрочемъ и тутъ сношенія перваго производились всегда не иначе, какъ въ формѣ писемъ (милостивый государь и пр.), безъ употребленія, въ подписи, какого либо оффиціальнаго титула. Министры принимали и исполняли эти сообщенія, такъ сказать, на́ слово, по безмолвному соглашенію, не утвержденному никакимъ письменнымъ актомъ.

Но еще несравненно замѣчательнѣе то обстоятельство, что Императоръ Николай избралъ Сперанскаго,

для дѣла, столь близкаго своему сердцу, отнюдь не по какому либо особому довѣрію къ его образу мыслей и дѣйствій, а только—*по необходимости*, не найдя вокругъ себя никого къ тому болѣе способнаго. Слухи и толки, распространенные о бывшемъ государственномъ секретарѣ при его паденіи и пережившіе возвращеніе его на службу и въ Петербургъ, естественно нашли себѣ злонамѣренныхъ или легкомысленныхъ проводниковъ и къ молодому великому князю, такъ что онъ вступилъ на престолъ хотя и съ высокимъ мнѣніемъ объ умственныхъ достоинствахъ Сперанскаго, но съ очень сильнымъ предубѣжденіемъ противъ политическихъ его идей и вообще противъ его характера. Княгиня Ливенъ, бывшая нѣкогда воспитательницею великихъ княженъ и весьма близкая ко Двору, разсказывала, что однажды, спустя нѣсколько недѣль послѣ 14-го декабря 1825-го года, Государь, зайдя къ ней по окончаніи своей работы съ Сперанскимъ, выразился о немъ, чрезвычайно рѣзко, въ самыхъ неблагопріятныхъ выраженіяхъ. Потомъ, видясь, въ началѣ своего царствованія, очень часто съ Балугьянскимъ, однимъ изъ любимѣйшихъ своихъ наставниковъ, Императоръ Николай, при назначеніи его начальникомъ II-го отдѣленія, сказалъ ему, въ разговорѣ о Сперанскомъ: «Смотри же, чтобы онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810-мъ году: ты у меня будешь за него въ отвѣтѣ (*).» Уже только впослѣдствіи, ближайшее знакомство новаго Монарха съ личностію, возбуждавшею въ немъ сперва такія подозрѣнія, блестящій ходъ работъ II-го отдѣленія и успѣшное выполненіе, совершенно по его желаніямъ и въ его духѣ, разныхъ другихъ порученій, измѣнили образъ его мыслей; болѣе же всего и, можно сказать, рѣшительно способствовали этой перемѣнѣ тѣ соб-

(*) Буквально со словъ самого Балугьянскаго, который былъ правдивѣйшимъ и, вмѣстѣ, безпритязательнѣйшимъ изъ людей.

ственноручные (напечатанные у насъ выше) рескрипты или письма, которыми Александръ почтилъ Сперанскаго 22-го марта 1819-го года, при назначеніи его Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Во время первой раздачи знаковъ отличія безпорочной службы, установленныхъ, какъ извѣстно, въ августѣ 1827-го года, Сперанскій утверждалъ, что время удаленія его съ 17-го марта 1812-го по 30-е августа 1816-го года не слѣдуетъ исключать изъ счета лѣтъ его *безпорочной* службы; но орденскій канцлеръ князь Куракинъ (Павловскій генералъ-прокуроръ) рѣшительно въ томъ отказалъ Сперанскому, и ему, 22-го августа 1828-го, знакъ былъ пожалованъ, вмѣсто 30-ти лѣтъ, только за 25-ть. Это его крайне огорчило въ томъ отношеніи, что числомъ годовъ на знакѣ, для всѣхъ видимомъ, какъ бы подтверждалось выраженіе указа 1816-го года *о вящшемъ оправданіи*, и злопамятство публики могло получить черезъ то новую пищу. Подъ вліяніемъ этой мысли, онъ пожаловался на Куракина Императору Николаю, при чемъ, зная все его благоговѣніе къ памяти своего предшественника, представилъ, въ доказательство своей невинности, упомянутыя письма. Съ тѣхъ поръ Государь уже совершенно измѣнилъ свой взглядъ на прошедшее Сперанскаго и сталъ оказывать ему все болѣе и болѣе довѣрія (*). Когда, въ 1839-мъ году, государственный секретарь баронъ Корфъ явился съ докладомъ о смерти графа Сперанскаго, Императоръ Николай, въ продолжительной бесѣдѣ о покойномъ, выразился, между прочимъ, такъ: «Михайла Михайловича не

(*) Объ этомъ главномъ побужденіи къ перемѣнѣ своихъ мыслей на счетъ Сперанскаго Императоръ Николай самъ разсказывалъ, въ 1833-мъ году, генералъ-адъютанту графу (послѣ князю) Алексѣю Ѳедоровичу Орлову и, въ 1848-мъ, члену государственнаго совѣта барону Корфу. Изъ числа другихъ лицъ, слышавшихъ отъ Государя такой же отзывъ, намъ еще извѣстенъ покойный предсѣдатель государственнаго совѣта, князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

всѣ понимали и не всѣ умѣли довольно цѣнить; сперва я и самъ въ этомъ болѣе всѣхъ, можетъ статься, противъ него грѣшилъ. Мнѣ столько было наговорено о его превратныхъ идеяхъ, о его замыслахъ; клевета осмѣлилась коснуться его даже и по случаю исторіи 14-го декабря! Но потомъ время и опытъ уничтожили во мнѣ дѣйствіе всѣхъ этихъ наговоровъ. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностію, съ неустававшею никогда дѣятельностію. *Теперь* всѣ знаютъ, чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны, и клеветники давно замолчали. Одинъ только упрекъ, который я могъ бы ему сдѣлать—это его чувства къ покойному брату; но и тутъ, конечно......» На этихъ словахъ прервалась фраза. Какая мысль скрывалась въ недосказанной рѣчи? Какія чувства подразумѣвалъ здѣсь Государь? Сперанскій, всегда и передъ всѣми, въ публикѣ и въ домашнемъ кругу, отзывался объ Императорѣ Александрѣ съ самою глубокою почтительностію и, безъ сомнѣнія, еще менѣе позволилъ бы себѣ въ чемъ-либо упрекать его передъ преемникомъ, благоговѣвшимъ къ памяти своего брата. Не должно ли думать, что недоговоренныя слова Императора Николая были, можетъ статься, минутно навѣяны старыми подозрѣніями, нѣкогда внушенными ему противъ Сперанскаго, и, въ этомъ смыслѣ, заключали въ себѣ тайное, невольное оправданіе многолѣтняго страдальца........

Прежде продолженія нашего разсказа о важнѣйшемъ, или по крайней мѣрѣ обильнѣйшемъ плодами изъ всѣхъ трудовъ Сперанскаго, мы еще должны коснуться, хотя эпизодически, участія его въ другомъ дѣлѣ, относившемся къ самому началу царствованія Императора Николая. Извѣстно, что происшествія 14-го декабря 1825-го года повлекли за собою учрежденіе слѣдственной коммиссіи. Сперанскій не былъ назначенъ въ число ея членовъ, что̀

легко объяснить тогдашнимъ мнѣніемъ о немъ Государя. Но когда коммиссія окончила свои дѣйствія, то правителю ея дѣлъ, Дмитрію Николаевичу Блудову, велѣно было прочесть ея донесеніе Государю въ присутствіи, сверхъ членовъ коммиссіи, еще нѣсколькихъ, нарочно приглашенныхъ лицъ, и между ними, на этотъ разъ, уже находился и Сперанскій. Участвовавъ, потомъ, какъ членъ государственнаго совѣта, въ учрежденномъ 1-го іюня 1826-го года верховномъ уголовномъ судѣ, онъ былъ избранъ этимъ судомъ въ члены особаго комитета, которому предоставлялось опредѣлить степень преступности и мѣру наказанія каждаго обвиненнаго. Наконецъ тотъ же верховный судъ выбралъ его и въ число трехъ членовъ для составленія окончательнаго доклада Государю. Всѣ эти занятія, по самому характеру своему, чрезвычайно тягостно подѣйствовали на духъ Сперанскаго. Положеніе его было тѣмъ ужаснѣе, что нѣкоторые изъ несчастныхъ, подпавшихъ обвиненію и потомъ осужденію, были лично ему знакомы и вхожи къ нему въ домъ, а одинъ даже жилъ у него и пользовался особенною его пріязнью и довѣренностію. Дочь пишетъ въ своихъ запискахъ, что въ это мучительное время она не рѣдко видѣла отца въ терзаніяхъ и съ слезами на глазахъ, и что онъ даже покушался совсѣмъ оставить службу........

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кодификаціонныя работы Сперанскаго.

I.

Для нынѣшняго поколѣнія, такъ мало знающаго *о прежнемъ* Сперанскомъ, понятіе о его личности связывается, почти исключительно, со словомъ: «Сводъ». При имени Сперанскаго, тотчасъ, въ умѣ каждаго, возстаетъ это колоссальное дѣло, котораго никто изъ его современниковъ не только не могъ бы совершить, но не смѣлъ бы и задумать. Императору Николаю, въ его, почти невольномъ, выборѣ, поблагопріятствовало особенное счастіе, и Россіи было дано произвести того дѣятеля, котораго нѣкогда Бэконъ искалъ для осуществленія своей величественной программы. «Когда законы,—говорилъ Англійскій канцлеръ—нарастая одни надъ другими, умножатся до такой массы и придутъ въ такое смѣшеніе, что настанетъ необходимость разобрать ихъ въ полномъ составѣ и передѣлать въ другое, болѣе стройное и болѣе подвижное цѣлое, то да будетъ это *первымъ* долгомъ. Такой подвигъ вполнѣ достоинъ названія героическаго, а тотъ, кто совершитъ его—имени законодателя и реформатора.» У насъ этотъ подвигъ не только *былъ* совершенъ, но еще и въ такихъ размѣрахъ, которымъ подобныхъ мы не находимъ ни въ одной странѣ міра. Истекла ли мысль кодификаціи нашихъ законовъ отъ непосредственныхъ указаній Императора Николая, или, напротивъ, возбудилъ ее въ немъ самъ Сперанскій, вслѣдствіе личныхъ опытовъ и размышленій, вынесенныхъ изъ продолжительной государственной жизни, или же она явилась, быть можетъ, откликомъ того, что́

въ 1811-мъ году писалъ и совѣтывалъ Карамзинъ,—для потомства важнѣе этихъ вопросовъ общій результатъ дѣла и та настойчивость, которая была приложена къ его исполненію. Во всѣхъ государствахъ, гдѣ предпринимали составлять уложенія, законодательство уже нѣсколько столѣтій стояло на твердомъ и обширномъ основаніи свода Юстиніанова, на которомъ и строили новое зданіе. Россіи, напротивъ, почти ничего не досталось изъ Римскаго наслѣдства. Ея законодательство должно было выработываться изъ собственныхъ источниковъ. Нѣкоторыя заимствованія изъ Византійскаго права, большею частью утратившія свой первобытный характеръ (кромѣ законовъ церковныхъ), едва ли могутъ быть приняты здѣсь въ разсчетъ, а подражанія чужеземному, являющіяся у насъ съ XVIII-го вѣка, касались почти одной только вѣтви законовъ, именно *учрежденій*, перенесенныхъ къ намъ не изъ Рима, а изъ Германіи и Швеціи. «Все богатство наше въ семъ родѣ—замѣчалъ Сперанскій въ одной изъ своихъ записокъ—есть наше собственное, благопріобрѣтенное, и справедливѣе можно дивиться тому, что мы имѣемъ, нежели тому, чего у насъ нѣтъ.» Между тѣмъ всѣ эти матеріалы, и собственные и заимствованные, всѣ эти законы, и старые и новые, лежали въ глубокомъ хаосѣ, недоступномъ ни наукѣ, ни практикѣ, и, никогда не доходивъ до народнаго знанія, вращались въ однихъ судахъ и администраціяхъ, болѣе по преданію, часто на выдержку. *Новый* Сперанскій, Сперанскій 1826-го года, поставилъ себѣ задачею уже не ломку всего прежняго и дѣйствующаго, а живое, разумное его воспроизведеніе, и отъ теоріи, отъ чисто-книжнаго, онъ перешелъ въ здравую и болѣе практическую область исторической школы. Отсюда родились два великіе отечественные памятника: 1) «Полное Собраніе Законовъ», начатое съ Уложенія царя Алексѣя

Михайловича, какъ древнѣйшаго изъ числа нашихъ постановленій, еще сохраняющихъ свою силу, и доведенное первоначально до вступленія на престолъ Императора Николая, и 2) систематическій «Сводъ», извлеченный въ формѣ уложеній, уставовъ и пр., изъ тѣхъ же постановленій.

Мы уже видѣли въ какомъ печальномъ положеніи находилась коммиссія законовъ при преобразованіи ея во II-е отдѣленіе Государевой канцеляріи. Сперанскому, для осуществленія его обширныхъ плановъ, необходимы были руки, а въ коммиссіи ихъ не оказывалось, потому что не только почти никто изъ ея чиновниковъ ничего не дѣлалъ, но немногіе изъ нихъ имѣли и способность что нибудь дѣлать. Ученыхъ юристовъ и въ то время, какъ прежде при Новосильцовѣ, у насъ все еще было очень мало, а сама коммиссія не успѣла образовать такихъ ни теоретически, ни практически. Новый ея распорядитель принужденъ былъ начать дѣло, по примѣру 1808-го года, съ увольненія множества прежнихъ чиновниковъ; но, почти чуждый тогдашнему служебному міру, онъ замѣстилъ ихъ, — не по близкой ему извѣстности, не по какому нибудь строгому испытанію, а почти на удачу,—нѣсколькими профессорами и, частію, молодыми людьми, окончившими курсъ наукъ въ тогдашнемъ Царскосельскомъ лицеѣ и въ университетахъ. Случайно, наборъ новыхъ работниковъ вышелъ довольно счастливый. Сперанскій, и собственнымъ своимъ примѣромъ, и бдительнымъ личнымъ надзоромъ, и щедрыми, истинно безпримѣрными наградами, въ которыхъ Императоръ Николай, вовсе на нихъ не расточительный, за это дѣло никогда не отказывалъ — умѣлъ вдохнуть своимъ новобранцамъ необыкновенное одушевленіе. Не всѣ между ними были равны по дарованіямъ и знаніямъ, но всѣ сдѣлались болѣе или менѣе полезными по ревностному усердію. Работа, бывъ распредѣлена по мѣрѣ способностей

и свѣдѣній каждаго, закипѣла съ самою успѣшною дѣятельностію. Сперанскій любилъ и уважалъ Балугьянскаго какъ добрѣйшее и благороднѣйшее существо въ мірѣ и берегъ его какъ человѣка близкаго къ Государю; сверхъ того онъ дорожилъ имъ и какъ источникомъ познаній дѣйствительно энциклопедическихъ, изъ котораго можно было черпать сколько угодно, не боясь оскудѣнія. Между тѣмъ, сохранивъ и на службѣ всѣ привычки смиреннаго ученаго, чуждый всякаго искусства блеснуть своими произведеніями, Балугьянскій работалъ много, можно сказать безпрестанно, но, при всемъ томъ, по чрезвычайной добросовѣстности, медленно, а это не соотвѣтствовало требованіямъ поспѣшной работы. Произведенія его поступали на просмотръ, большею частію, въ видѣ неоконченномъ, иногда только въ видѣ плановъ или предварительныхъ очерковъ, и это заставило Сперанскаго, хотя онъ и продолжалъ льстить тщеславію добраго старика, окружая его всѣми внѣшними признаками власти, все направленіе работѣ и всѣ ея подробности сосредоточивать въ одномъ себѣ. Онъ велъ дѣло съ чрезвычайнымъ умѣньемъ и съ живою распорядительностію, не теряя напрасно ни минуты. Для каждой главной части «Свода» и предшествовавшихъ ей историческихъ обозрѣній имъ самимъ были составлены отдѣльные планы или оглавленія, въ которыхъ содержалось означеніе ея предметовъ и всѣ дѣленія ея на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. Многія изъ этихъ предварительныхъ рубрикъ, впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи подробностей, измѣнились, но работавшіе имѣли въ нихъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ, нѣкоторую путеводную нить, полагавшую и границы противъ произвольныхъ забѣговъ изъ одной части въ другую. При II-мъ отдѣленіи была учреждена огромная типографія и, пока одни изъ чиновниковъ сносили отовсюду и потомъ повѣряли и от-

давали въ печать матеріалы, долженствовавшіе войти въ «Полное Собраніе Законовъ», другіе готовили нужныя изъ нихъ извлеченія для «Свода», располагая предметы въ порядкѣ, указанномъ программами. Совокупность всѣхъ этихъ отдѣльныхъ дѣятельностей можно было сравнить съ благоустроенною фабрикою, гдѣ каждая часть въ постоянномъ движеніи, а движеніе каждой согласовано съ общимъ. «Я ненавижу всякую хлопотливость—говаривалъ Сперанскій:—непріятны не дѣла, но бездѣлки, черезъ которыя надобно пройти къ дѣламъ.» Этому правилу, которое практически соблюдалось въ занятіяхъ II-го отдѣленія, должно, можетъ быть, приписать и одну изъ главныхъ причинъ ихъ успѣшности. Всѣ работали много и усердно, но никто не «хлопоталъ»: «бездѣлки» же старались сколько возможно отстранять, оставляя, по необходимости, только тѣ, безъ которыхъ уже никакой трудъ обойтись не можетъ, и совершенно откидывая всякій бюрократическій формализмъ. Сперанскій очень часто самъ бывалъ въ отдѣленіи и слѣдилъ тамъ за ходомъ и успѣхомъ занятій, а каждый вечеръ, въ семь часовъ, старшіе редакторы, поочередно, являлись съ своими тетрадями въ его кабинетъ и здѣсь, при Балугьянскомъ (эти совѣщанія назывались «присутствіемъ»), проходили съ нимъ, сперва историческія обозрѣнія, потомъ *догматическую* часть (такъ, въ домашней терминологіи отдѣленія, принято было тогда именовать «Своды»), изъ которой ни одна строка во всѣхъ 15-ти томахъ не осталась безъ личной его повѣрки и, очень часто, передѣлки. Участники этихъ вечернихъ работъ, или, лучше сказать, этихъ практическихъ лекцій, при которыхъ, хотя онѣ длились не рѣдко за полночь, великій учитель до послѣдней минуты сохранялъ самое полное вниманіе, никогда, конечно, ихъ не забудутъ. Сколько каждый слышалъ тутъ мѣткихъ наблюденій, остроумныхъ замѣчаній, тонкихъ выводовъ; ка-

кая была въ этомъ, для молодыхъ людей, школа высшей государственной науки и дѣловаго краснорѣчія; какія развивались передъ ними плодотворныя идеи, общечеловѣческія воззрѣнія, и какимъ, наконецъ, все это было проникнуто живымъ участіемъ и къ дѣлу и къ его сподвижникамъ!.... По мѣрѣ того какъ поспѣвала какая нибудь часть, имѣвшая значеніе нѣкотораго цѣлаго, Сперанскій представлялъ ее Государю и, когда оба были въ Петербургѣ, не проходило пяти, шести дней, чтобы они не работали вмѣстѣ, часто по цѣлымъ часамъ. Кромѣ того, всѣ безъ исключенія чиновники должны были еженедѣльно давать письменный отчетъ о сдѣланномъ ими въ продолженіе недѣли, и эти отчеты постоянно подносились Государю въ меморіяхъ, на которыхъ онъ не разъ дѣлалъ свои отмѣтки. Только такою твердостію воли и непрерывною бдительностію высшихъ дѣятелей можно объяснить, какимъ образомъ, при разнородности элементовъ, изъ которыхъ было составлено II-е отдѣленіе, при очень небольшомъ числѣ трудившихся въ немъ и при малой еще, въ началѣ, опытности ихъ, лѣтомъ 1827-го года уже лежали передъ Государемъ основы будущаго Свода—*историческія обозрѣнія* всего движенія и всѣхъ переходовъ нашего законодательства, начиная отъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Если этотъ предварительный трудъ, въ основаніе котораго была принята только *часть* данныхъ, потому что самое «Собраніе Законовъ» еще не было ни напечатано, ни даже окончательно сведено, не могъ, безъ сомнѣнія, выдержать строгой критики; то, тѣмъ не менѣе, онъ служилъ уже весьма существенною подмогою для продолженія работъ, а сверхъ того изумлялъ и матеріальною своею массою, составившею *нѣсколько тысячъ* листовъ. Государь былъ восхищенъ такимъ важнымъ шагомъ въ дѣлѣ, которое онъ, съ первой минуты своего царствованія, всегда на-

зывалъ *своимъ*. «Это—*монументальная* работа!» выражался онъ гласно передъ всѣми, и Сперанскій, пожалованный въ день коронаціи новаго Монарха (22-го августа 1826), орденомъ св. Владиміра 1 степени, 8 іюля 1827-го, за поднесеніе этихъ начатковъ своего труда, былъ награжденъ брильянтовыми знаками ордена св. Александра Невскаго, а вслѣдъ за тѣмъ, 2-го октября, произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Первое «Полное Собраніе Законовъ», 45 огромныхъ томовъ, въ 48-ми частяхъ, въ 4 д. л., въ два столбца, начатое печатаніемъ 1 мая 1828-го года, было окончено къ 17-му апрѣля 1830-го (*), а «Сводъ», въ 15-ти томахъ, содержавшихъ въ себѣ болѣе 42,000 статей, по обревизованіи его учрежденными въ министерствахъ особыми комитетами и однимъ главнымъ, подъ предсѣдательствомъ управлявшаго, въ то время, министерствомъ юстиціи князя Алексѣя Алексѣевича Долгорукова, поступилъ въ типографію въ началѣ 1832-го года и былъ отпечатанъ къ его исходу. Полное обозрѣніе этихъ двухъ произведеній, процесса ихъ зарожденія, совершенія и ревизіи, системы въ нихъ принятой и пр., не входитъ въ раму нашей книги. Принадлежа не къ личной біографіи Сперанскаго, а къ исторіи II-го отдѣленія собственной Государевой канцеляріи, или, что́ здѣсь почти все равно, къ исторіи нашего законодательства со вступленія на престолъ Императора Николая I-го, это обозрѣніе могло бы, само по себѣ, составить предметъ

(*) Замѣтимъ здѣсь одну мелкую, но довольно любопытную, и едва ли теперь многимъ извѣстную подробность. До тѣхъ поръ въ печатаніи прописная буква Т имѣла у насъ форму, отличную отъ строчной, которая печаталась такъ: ш. Сперанскій, для значительнаго выигрыша мѣста и вмѣстѣ для большей четкости, уничтожилъ это различіе и въ «Полномъ Собраніи Законовъ» строчной буквѣ т впервые дано было нынѣшнее очертаніе, одинаковое съ прописною, что́ съ тѣхъ поръ принято во всѣхъ нашихъ типографіяхъ.

цѣлаго обширнаго сочиненія. Лучшими къ нему матеріалами должно, покамѣстъ, признать предисловіе, помѣщенное передъ «Полнымъ Собраніемъ Законовъ», и чрезвычайно примѣчательную книжку, изданную въ 1833-мъ году подъ заглавіемъ «Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ» (*). И предисловіе (XXXI стр.), и эта книжка (200 и VII стр.) принадлежатъ, отъ начала до конца, перу самого Сперанскаго.

И такъ многолѣтняя задача была разрѣшена; *первое* назначеніе II-го отдѣленія было исполнено. Оставалось всѣ эти кабинетные труды, оконченные въ тиши и безъ всякихъ преждевременныхъ возгласовъ, призвать къ дѣйствительной жизни, т. е. обнародовать ихъ въ общее свѣдѣніе. 19-го января 1833-го года государственный совѣтъ былъ созванъ въ чрезвычайное собраніе, для открытія котораго ожидали прибытія Государя. На столѣ совѣтской залы лежали 15 томовъ «Свода» и 56 «Полнаго Собранія Законовъ» (**). Въ длинной, продолжавшейся болѣе часа рѣчи, Императоръ Николай, послѣ введенія, которое уже выше у насъ выписано, означилъ, главными чертами, сущность и пространство труда, совершеннаго II-мъ отдѣленіемъ собственной его канцеляріи, степень личнаго своего участія въ немъ и всѣ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя онъ предусматриваетъ отъ новой грани, положенной этимъ трудомъ для дальнѣйшаго движенія нашего законодательства, для его изученія и для практическаго дѣлопроизводства. Рѣчь свою (***) Государь, заключилъ

(*) Оно тогда же появилось и въ переводѣ на всѣ главнѣйшіе Европейскіе языки.

(**) Къ этому времени уже были отпечатаны, въ прибавку къ *первому* собранію, 6-ть томовъ, въ 8-ми частяхъ, *втораго*, вмѣщавшаго въ себѣ законы, обнародованные съ начала царствованія Императора Николая I-го.

(***) При выходѣ изъ засѣданія совѣта, Сперанскій, въ бесѣдѣ,

обращеніемъ къ членамъ: изъяснить ихъ мнѣнія о томъ, въ какой силѣ и съ какого времени оконченный и обревизованный во всѣхъ вѣдомствахъ «Сводъ» долженъ начать свое дѣйствіе? Министръ юстиціи Дашковъ представилъ нѣсколько замѣчаній на редакцію, но и онъ и всѣ согласились въ несомнѣнной и чрезвычайной пользѣ предложеннаго имъ великаго труда. Сперанскій и Государь не отстаивали своей работы, сознавая, что и въ ней, какъ во всякомъ произведеніи рукъ человѣческихъ, могутъ быть недостатки, которыхъ исправленіе должно предоставить времени и опыту. За тѣмъ, по предложенному Государемъ вопросу, возникли три предположенія: 1) признать статьи «Свода» единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ, но такъ, чтобъ текстъ законовъ служилъ только указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ статьи составлены, и не былъ самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ; 2) признать статьи «Свода» закономъ, но не единственнымъ и не исключительнымъ, а дѣйствующимъ въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ нѣтъ сомнѣнія ни о существованіи закона, ни о его смыслѣ; какъ же скоро родится такое сомнѣніе, то прибѣгать къ самому тексту закона и разрѣшать сомнѣніе по этому тексту; 3) признать текстъ законовъ единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ при рѣшеніи дѣлъ, а статьи «Свода» только средствомъ вспомогательнымъ, или такъ сказать, совѣщательнымъ къ пріисканію ихъ и къ удостовѣренію въ ихъ смыслѣ (*). Третье предположеніе тотчасъ было от-

---

съ глазу на глазъ, съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, выразился такъ: «Государь говорилъ какъ *профессоръ*. Ни я и никто изъ работавшихъ исключительно надъ этимъ дѣломъ столько лѣтъ не могли бы представить его такъ полно, такъ отчетливо и убѣдительно. Жаль, истинно жаль, что не было тутъ стенографа и что ни Европа, ни даже сама Россія ничего не узнаютъ объ этой рѣчи!» Въ журналѣ государственнаго совѣта она занесена только въ краткомъ очеркѣ.

(*) Подробная записка, которая была составлена самимъ Сперанскимъ

клонено, такъ какъ, съ принятіемъ его, «Сводъ», не получивъ никакого законнаго значенія, никакой обязательной силы, и не принадлежа собственно къ законодательству, былъ бы почти тоже самое, что частные труды нашихъ законовѣдцевъ, и всѣ столѣтнія усилія кончились бы только—большою учебною книгою. Но выборъ между остальными двумя предположеніями далъ поводъ къ пространнымъ разсужденіямъ, и совѣтъ лишь послѣ долгихъ преній остановился—на первомъ; вслѣдствіе чего положено было: «Сводъ» обнародовать съ полною силою закона и привести въ дѣйствіе съ 1-го января 1835-го года, до того же времени предоставить подлежащимъ вѣдомствамъ вносить всѣ замѣчанія, какія могли бы возникнуть на практикѣ, для соотвѣтственныхъ исправленій въ «Продолженіяхъ Свода», которыя издавать по мѣрѣ накопленія для нихъ матеріаловъ. На этихъ основаніяхъ состоялся манифестъ 31-го января 1833-го года. «Симъ исполнились— сказано было въ немъ—желанія предковъ нашихъ, въ теченіи ста двадесяти шести лѣтъ почти непрерывно продолжавшіяся.»

Въ заключеніе этого историческаго засѣданія, Государь подозвалъ къ себѣ Сперанскаго и, въ присутствіи всѣхъ, обнявъ своего Трибоніана, надѣлъ на него снятую тутъ же съ себя Андреевскую звѣзду (*).

обо всѣхъ этихъ трехъ предположеніяхъ и о взаимныхъ выгодахъ и неудобствахъ каждаго изъ нихъ, напечатана въ шестой книжкѣ (1861-го года) «Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній» г. Калачова, стр. 1—8.

(*) Этотъ моментъ изображенъ, по волѣ Государя Императора Александра Николаевича, на одномъ изъ барельефовъ, украшающихъ пьедесталъ памятника, воздвигнутаго его родителю. Рескриптъ Сперанскому на орденъ св. Андрея былъ подписанъ 20-го января. Прежде того, сверхъ изчисленныхъ выше наградъ, онъ получилъ еще, 22-го января 1828-го, табакерку съ портретомъ Государя и того же года, 17-го февраля, имѣніе

II.

Никто и никогда не оспоривалъ и не могъ бы оспорить пользы «Полнаго Собранія Законовъ». Не смотря на нѣкоторые въ немъ пропуски, неизбѣжные при спѣшности работы и при малой еще, въ то время, извѣстности матеріаловъ, это собраніе составляетъ драгоцѣнную сокровищницу какъ для настоящаго и будущаго нашего законодательства, такъ и для нашей исторіи за послѣдніе два вѣка. Россія только съ выхода его въ свѣтъ положительно узнала свои законы, разсѣянные дотолѣ или въ рукописныхъ архивныхъ сборникахъ, или въ сотняхъ книгъ, изданныхъ безъ системы и порядка, даже хронологическаго, лишенныхъ, по самому своему характеру, всякой полноты и достовѣрности, къ тому же, частію, давно изчезнувшихъ изъ торговли и не рѣдко замѣнявшихся копіями, наполненными грубыхъ описокъ и вообще еще менѣе достовѣрными. По мнѣнія о «Сводѣ» были различны. Оцѣнка его, не въ дѣлѣ совершенія, огромность котораго всѣ также безусловно признавали, но въ самой его сущности, оцѣнка, недоговоренная въ первоначальныхъ сужденіяхъ государственнаго совѣта, была досказана публикою, и ея приговоръ, быть можетъ, еще болѣе укрѣпился тридцатилѣтнимъ опытомъ. Были, и еще теперь есть, голоса, которые утверждали и утверждаютъ, что слѣдовало бы лучше остановиться на «Полномъ Собраніи», съ хорошими къ нему указателями, а систематизацію, если можно такъ выразиться, помѣщенныхъ въ немъ законовъ предоставить тому времени, когда болѣе распространится и созрѣетъ

Волколаты въ аренду на 12-ть лѣтъ, съ производствомъ, до вступленія во владѣніе имъ, по 5,000 руб. въ годъ, не въ примѣръ другимъ; наконецъ 6-го апрѣля 1830-го года повелѣно, оставя это имѣніе въ казенномъ вѣдомствѣ, въ замѣнъ его производить Сперанскому, съ 12-го апрѣля того года, въ теченіе 12-ти лѣтъ, ежегодно по 10,000 руб.

юридическое наше образованіе: что «Сводъ», держась правила лишь сохранять *букву* закона независимо отъ ея разума, т. е. составлять свой текстъ изъ однихъ *предписаній*, съ исключеніемъ всѣхъ собственно вступительныхъ частей указовъ, именно *исторіи дѣла, поводовъ* и *разсужденій* (considérants), отнялъ тѣмъ и у буквы настоящее ея значеніе, или придалъ ей, мѣстами, противуположный цѣли законодателя смыслъ и, изъ частныхъ случаевъ, или изъ постановленій, имѣвшихъ въ виду временную и преходящую потребность, извлекъ общія правила, не всегда удобопримѣнимыя: что, впрочемъ, «Сводъ» не вездѣ представляетъ даже и вѣрное извлеченіе изъ существующихъ законовъ, такъ какъ многія статьи его образованы лишь посредствомъ наведеній, весьма натянутыхъ и произвольныхъ; что онъ искуственно воззвалъ къ жизни не одно обветшавшее постановленіе, которое, при общемъ движеніи законодательства, само собою должно было изчезнуть и уступить мѣсто другимъ, болѣе соотвѣтственнымъ дѣйствительности; что редакторы «Свода», будучи стѣснены буквою и считая сохраняющимъ свою силу все то, что не было впослѣдствіи *прямо* отмѣнено, часто не имѣли возможности уничтожить противорѣчія между разновременными законами, которые и вводили въ «Сводъ» всѣ наравнѣ, не смотря на эпоху ихъ изданія; нѣкоторыя же изъ этихъ противорѣчій выступили въ немъ еще явственнѣе и породили еще большую сбивчивость и недоумѣніе въ исполнителяхъ (*); что общая система «Свода», въ которомъ часто

(*) Эту укоризну, предвидѣнную самимъ Сперанскимъ, онъ старался отклонить, въ одной изъ своихъ записокъ, слѣдующими разсужденіями: «Есть два рода противорѣчій: одни въ законѣ, а другія въ самыхъ началахъ, на коихъ онъ основанъ. Такъ напр.: много было противорѣчій въ законахъ о выкупѣ родовыхъ имѣній. Въ «Сводѣ» всѣ они соглашены и подведены подъ одинъ послѣдній законъ единообразный; но въ основа-

разъединены предметы, имѣющіе, по сродству своему, неразрывную связь, и на оборотъ, не во всемъ правильна и многія его части составляютъ одни напрасныя повторенія; что условною ровностію и гладкостію новаго языка, принятаго для изложенія старыхъ законовъ, языка отчасти и не довольно опредѣлительнаго, вытѣснились старинныя юридическія аксіомы, которыя, бывъ выражены въ формѣ сжатой, пластической и всякому понятной, по этому самому твердо врѣзывались въ память и служили, для исполнителей, какъ бы *изустною* справочною книгою; наконецъ, что въ «Сводѣ» весьма чувствителенъ недостатокъ общихъ коренныхъ началъ, того, что́ слѣдовало бы выразить въ немногихъ, такъ сказать, заповѣдяхъ, и, напротивъ, онъ наполненъ множествомъ частныхъ, мелкихъ регламентацій и формъ, подверженныхъ ежедневной перемѣнѣ и нигдѣ, въ другихъ странахъ, не вводимыхъ въ составъ постановленій общихъ. За законъ, говорили раздѣлявшіе это мнѣніе, каждый членъ государства должень быть готовъ умереть; но возможно ли и справедливо ли требовать или ожидать чего нибудь подобнаго при нашемъ безконечномъ «Сводѣ» съ его 42,000 (впослѣдствіи разросшимся почти до 80,000) статьями? Съ другой стороны въ упрекъ «Своду» ставили еще и то, что имъ какъ бы устранилась необходимость новыхъ уложеній, потому что работа приготовитель-

---

нія сего самаго закона есть противорѣчіе: дозволено выкупать проданное родовое имѣніе въ теченіи двухъ лѣтъ; между тѣмъ другимъ закономъ, каждому купившему имѣніе, хотя бы оно было и родовое, дозволено обращать его въ залогъ неограниченно; по сему закону купившій родовое имѣніе всегда можетъ заложить его втрое выше цѣны его и слѣдовательно выкупъ сдѣлать невозможнымъ. Такимъ образомъ между закономъ о дозволеніи выкупа и закономъ о дозволеніи залога есть очевидное противорѣчіе. Но противорѣчія сего никакимъ сводомъ исправить невозможно: тутъ самый законъ требуетъ исправленія.»

ная, болѣе литературная чѣмъ учено-зрѣлая, прикрылась обольстительною правильностію внѣшней формы и, съ раздѣленіемъ ея на томы, книги, раздѣлы, главы и пр., получила обманчивый видъ полнаго кодекса, тогда какъ въ истинномъ кодексѣ каждое слово и даже мѣсто, имъ занимаемое, должны быть строго опредѣлены и взвѣшены, по собственному выраженію творца «Свода», утверждавшаго, что, въ законахъ управленія, первое дѣло есть «знать *силу словъ*.»

Мы нарочно выставили здѣсь сильнѣйшія изъ обвиненій, возникавшихъ противъ знаменитаго труда Сперанскаго, чтобы дать будущему историку возможность прослѣдить, и въ этомъ отношеніи, мнѣнія нѣкоторыхъ современниковъ той и настоящей эпохи. Но если иное въ этихъ сужденіяхъ, конечно, трудно оспорить (*), то кто же, однако, не согласится и въ томъ, что, при всѣхъ несовершенствахъ «Свода», которыя сознавалъ самъ Императоръ Николай, систематическое, хотя бы даже не всегда одинаково удачное, извлеченіе изъ разнородныхъ и разно-

(*) Было и множество другихъ нареканій, но тѣ уже не имѣли вовсе никакого основанія, проистекая или отъ невѣжества и закоснѣлости въ старыхъ навыкахъ, или отъ *непризнанныхъ геніевъ*, которые завидовали великому подвигу, совершенному не ими, а другимъ, или наконецъ, просто, отъ столь частой, у насъ какъ и вездѣ, наклонности—все порицать. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ изданія «Свода», мы слышали отъ одного государственнаго человѣка, чрезвычайно умнаго, но не умѣвшаго хвалить ни одного полезнаго дѣла, когда оно исходило не отъ него самого, упрекъ, выраженный слѣдующимъ образомъ: до «Свода» путаница нашихъ безчисленныхъ указовъ и недостатокъ точной ихъ извѣстности останавливали подчиненныя мѣста входить съ представленіями о дополненіи или измѣненіи закона, изъ страха, что отъ нихъ укрылся какой нибудь существующій указъ и что имъ дадутъ нагонай за запрещенное «испрашиваніе указа на указъ»; теперь же, когда все сдѣлалось извѣстнымъ и яснымъ, всякій низшій чиновникъ сталъ всезнающимъ умникомъ и подобныхъ представленій не оберешься.

образныхъ постановленій, скопившихся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, было, все таки, огромнымъ шагомъ впередъ; что только съ эпохи «Свода» изученіе нашего права перешло въ область возможнаго, и первое, основное правило всякаго общественнаго устройства: «никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона», перестало, — по крайней мѣрѣ несравненно болѣе чѣмъ прежде, — казаться насмѣшкою, какою оно, до тѣхъ поръ, безусловно у насъ представлялось; что «Сводъ» если и не совсѣмъ еще истребилъ, то значительно уменьшилъ ту вредную, замкнутую касту нашихъ доморощенныхъ рабулистовъ — тѣхъ «подьячихъ», которые, до него, *одни* считались какъ бы привилегированными обладателями таинствъ безчисленныхъ нашихъ указовъ; что своею схемою, заимствованною у науки, онъ ввелъ въ наши идеи болѣе порядка, логики и анализа и хотя сколько нибудь водворилъ ихъ и между нашими законниками и такъ называемыми дѣльцами, даже между мало приготовленными (*); наконецъ, что обнаруженіе, посредствомъ «Свода», существующихъ въ законахъ противорѣчій и пробѣловъ, должно ему ставить не въ вину, а въ большую заслугу, такъ какъ этимъ самымъ открылось и болѣе удобства и болѣе настоятельности къ исправленіямъ. Прибавимъ, впрочемъ, что самъ Сперанскій никогда не считалъ «Свода» трудомъ окончательнымъ: онъ смотрѣлъ на него только какъ на очищенный матеріалъ для составленія, впослѣдствіи, настоящихъ уложеній, невозможныхъ, или по крайней мѣрѣ очень ненадежныхъ, безъ предварительнаго полнаго обозрѣнія того, что уже есть. Можетъ быть, сколько мы его знали, у него была, во всемъ этомъ, еще и другая, болѣе отдаленная цѣль, именно, черезъ извлеченіе нашихъ законовъ изъ прежняго хаоса и бо́льшую доступность ихъ, перевоспитать умы, ввести народъ въ юридическую

(*) Мы сами имѣли случай слышать отъ многихъ людей, не получив-

среду, расширить его понятія о правѣ и законности, и такимъ образомъ усилить его воспріимчивость къ высшему кругу идей и къ бо́льшему участію въ мѣрахъ, для него самого предпринимаемыхъ. Во всякомъ случаѣ «Сводъ» послужилъ весьма важною ступенью къ тому самомышленію и къ той самодѣятельности, которыхъ развитіе, обусловливаемое еще и другими обстоятельствами, хотя и началось у насъ, при содѣйствіи правительства, конечно, уже гораздо позже, но для которыхъ основные камни были положены, какъ нельзя въ томъ усомниться, твореніемъ Сперанскаго.

III.

Кодификаціонныя работы Сперанскаго обнимали не одну гражданскую часть и не однѣ губерніи, на общихъ правахъ состоящія. Предметомъ ихъ были еще постановленія военныя и отдѣльные законы Остзейскаго (Прибалтійскаго) и Западнаго края.

Для приведенія въ систему постановленій военныхъ была учреждена, въ одно время съ работами по составленію общаго «Свода», особая коммиссія, при военно́мъ министерствѣ, но также подъ непосредственнымъ руководствомъ Сперанскаго. Она дѣйствовала по одинаковымъ главнымъ началамъ съ данными для гражданскихъ кодификаціонныхъ работъ, съ тою только разницею, что, вмѣсто Уложенія царя Алексѣя Михайловича, здѣсь исходною точкою опредѣлено было принять Воинскій Уставъ Петра Великаго. Сводъ военныхъ постановленій, въ 12-ти томахъ, былъ совершенно окончень и напечатанъ еще при Сперанскомъ; но обнародованъ, при манифестѣ 25-го іюня 1839-го года, уже спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ его смерти.

шихъ теоретическаго образованія, что они только на «Сводѣ» выучились, такъ сказать, мыслить и разсуждать.

Для кодификаціи провинціальныхъ узаконеній Остзейскаго и Западнаго края, были составлены на мѣстахъ, еще во время существованія коммиссіи законовъ 1804-го года, губернскіе комитеты. Нѣкоторые изъ нихъ тогда же принялись за порученное имъ дѣло; прочіе просили и ожидали общаго плана и подробныхъ наставленій; но какъ имъ не было дано ни того, ни другаго, то они впали въ бездѣйствіе. Въ 1830-мъ году Сперанскій учредилъ при II-мъ отдѣленіи два особыхъ стола: одинъ для составленія Свода законовъ Остзейскихъ губерній, другой—для губерній Западныхъ, и свѣдущіе эксперты, призванные къ этому дѣлу въ Петербургъ, занимались имъ нѣсколько лѣтъ. Въ 1836-мъ году, по окончаніи перваго изъ названныхъ Сводовъ, образованъ былъ, для его просмотра, въ Петербургѣ же, особый ревизіонный комитетъ изъ членовъ отъ дворянства и городовъ трехъ Остзейскихъ губерній, котораго дѣйствія при Сперанскомъ еще не были окончены. По Западному краю, напротивъ, Сводъ, съ помощью такихъ же мѣстныхъ средствъ, былъ совершенно завершенъ, но обнародованіе его отложено за начавшимися, тогда же, соображеніями о распространеніи на губерніи, отъ Польши возвращенныя, общихъ Русскихъ законовъ, что̀ и осуществилось, какъ извѣстно, въ 1840-мъ году, безъ участія и уже послѣ смерти Сперанскаго.

Сверхъ мѣстныхъ Сводовъ для разныхъ частей имперіи, въ 1835-мъ году еще были начаты работы по кодификаціи законовъ великаго княжества Финляндскаго. Этими работами занималась особая коммиссія въ Гельсингфорсѣ, подъ предсѣдательствомъ Барона Валéна, который каждые три мѣсяца присылалъ Сперанскому рапорты о ходѣ ея занятій; но самыхъ произведеній коммиссіи при его жизни еще не было представлено въ Петербургъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Особыя занятія.

Дѣятельность Сперанскаго при Императорѣ Николаѣ I-мъ была едва ли менѣе многосторонняя, чѣмъ при Александрѣ, хотя, можетъ быть, болѣе сосредоточенна. Сверхъ лежавшихъ на немъ постоянныхъ работъ по кодификаціи и по званію члена департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ, Государь поручалъ ему составленіе всѣхъ чрезвычайныхъ государственныхъ актовъ, манифестовъ о войнѣ, о мирѣ, о событіяхъ въ императорскомъ домѣ и пр. Кромѣ того, одновременно съ этими случайными работами и съ занятіями по комитетамъ Сибирскому и Азіятскому, онъ былъ председателемъ или членомъ во множествѣ временныхъ комитетовъ: о составленіи уставовъ вексельнаго и о торговой несостоятельности, учрежденія коммерческихъ судовъ, рекрутскаго устава, объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ народнаго продовольствія, о казенныхъ подрядахъ, о духовныхъ завѣщаніяхъ, объ учрежденіи управленія войска Донскаго, объ уставахъ для учебныхъ заведеній и т. д. Если плоды этой дѣятельности также принадлежатъ скорѣе къ исторіи царствованія Императора Николая I-го чѣмъ къ личной біографіи Сперанскаго, то все же мы считаемъ долгомъ ввести въ послѣднюю, въ видѣ эпизодовъ, хотя тѣ изъ числа особыхъ занятій, въ которыхъ его роль наиболѣе выказывалась.

I.

Къ числу важныхъ заслугъ Сперанскаго, теперь почти забытыхъ, но и въ свое время, кажется, не доволь-

по оцѣненныхъ, должно причислить ту, что, возсоздавъ наши законы, онъ первый далъ и средства имъ учить и учиться.

Въ 1828-мъ году, когда уже было окончено историческое обозрѣніе нашего законодательства и приступлено къ составленію догматическихъ Сводовъ, Сперанскій представилъ Государю, что, для установленія правосудія на твердыхъ основаніяхъ, необходимы не одни ясные и положительные законы, но и знающіе судьи и законовѣдцы. «Обученіе Россійскаго законовѣдѣнія въ университетахъ нашихъ—писалъ онъ въ своемъ докладѣ—доселѣ не могло имѣть успѣха по двумъ причинамъ: по недостатку учебныхъ книгъ, и по недостатку учителей. Двѣ учебныя книги: одну для учителей, другую для учащихся, необходимо должно составить. Трудъ сей не маловаженъ; но составленіемъ Сводовъ и Уложеній онъ будетъ облегченъ и есть надежда, что во II-мъ отдѣленіи онъ можетъ быть совершенъ. Пріуготовленіе учителей представляетъ болѣе трудностей. Здѣсь должно начать почти съ самаго перваго образованія. Должно сперва снабдить каждый университетъ двумя или хотя однимъ Русскимъ профессоромъ правъ, пріуготовленнымъ исключительно для сей части. Къ сему пріуготовленію университеты наши мало представляютъ способовъ. Въ нихъ есть каѳедры Римскаго права; но въ Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ это—пустой обрядъ; ибо какъ учиться Римскому праву безъ Латинскаго языка? Въ другихъ университетахъ можетъ быть болѣе успѣховъ: въ Дерптѣ—въ правахъ Римскомъ и Нѣмецкомъ, въ Вильнѣ—въ Римскомъ и Польскомъ; но, къ сожалѣнію, нигдѣ въ Россійскомъ!» Вслѣдствіе того Сперанскій предлагалъ: 1) вызвавъ изъ духовныхъ академій С.-Петербургской и Московской по три лучшихъ студента, вполнѣ окончившихъ курсъ, помѣстить ихъ въ С.-Петербургскій универ-

ситетъ, на казенный счетъ, для слушанія лекцій только по Римскому праву и Латинской словесности; 2) этимъ студентамъ являться, сверхъ того, каждый день во II-е отдѣленіе, гдѣ слушать, у его чиновниковъ, уроки Русскаго публичнаго и гражданскаго права, а также читать лучшія юридическія сочиненія, съ представленіемъ письменныхъ о нихъ отчетовъ, практически упражняться въ дѣлопроизводствѣ и составлять систематическіе алфавиты къ «Полному Собранію Законовъ»; 3) по выдержаніи ими строгаго экзамена во всемъ пройденномъ, поручить этимъ новымъ профессорамъ образовать нѣсколькихъ лучшихъ изъ казенныхъ студентовъ С.-Петербургскаго и Московскаго университетовъ, для приготовленія себѣ достойныхъ помощниковъ и преемниковъ. «Такимъ образомъ—говорилъ онъ въ заключеніи докладной записки—положено будетъ твердое начало юридическому въ Россіи образованію и, судя по охотѣ къ сему роду ученія, въ молодыхъ людяхъ примѣтной, можно надѣяться, что оно скоро распространится и перестанетъ быть рѣдкимъ.»

Избранные, на этомъ основаніи, студенты духовныхъ академій, по окончаніи предназначенныхъ имъ курсовъ, доказали свои успѣхи на шести испытаніяхъ, при которыхъ Сперанскій всегда лично присутствовалъ. Во время экзаменовъ у него родилась мысль отправить ихъ, для дальнѣйшаго еще усовершенствованія, въ одинъ изъ иностранныхъ университетовъ. По сношенію съ знаменитымъ Александромъ Гумбольдтомъ, онъ выбралъ, для этого, университетъ Берлинскій, гдѣ наши молодые люди, подъ надзоромъ извѣстнаго Савиньи, были ввѣрены особенному попеченію и руководству профессора Рудорфа. Къ первымъ шести, присланнымъ сюда студентамъ, позже были присоединены еще новые, частію вызванные также изъ духовныхъ академій и подобно первымъ прослушавшіе курсы сперва въ Петербург-

скомъ университетѣ, а потомъ во II-мъ отдѣленіи. Всѣ они, во время пребыванія за границею, постоянно представляли II-му отдѣленію письменные отчеты о своихъ занятіяхъ, а въ 1830-мъ и 1832-мъ годахъ Сперанскій, при поѣздкахъ, для поправленія своего здоровья, къ заграничнымъ водамъ, по нѣскольку дней проводилъ въ Берлинѣ, чтобы лично удостовѣриться въ ихъ успѣхахъ и переговорить о ходѣ ихъ занятій съ профессорами. Одна часть студентовъ возвратилась въ Петербургъ въ 1832-мъ году, другая въ 1834-мъ, послѣ чего, бывъ еще оставлены на нѣкоторое время при II-мъ отдѣленіи для практическихъ занятій, частію же для перевода на Русскій языкъ приготовлявшагося тогда Свода законовъ Остзейскихъ губерній, они, по выдержаніи экзамена на степень доктора правъ, были размѣщены профессорами въ разные наши университеты. Между этими воспитанниками Сперанскаго назовемъ: Неволина, Рѣдкина, Калмыкова, двухъ братьевъ Баршевыхъ, Кранихфельда, Алексѣя Куницына и др., которыхъ имена сдѣлались болѣе или менѣе извѣстны не только по педагогической ихъ дѣятельности, но и въ юридической нашей литературѣ. Только съ этого времени открылась возможность замѣщать профессорскія каѳедры Русскими учеными правовѣдами и давать молодымъ поколѣніямъ настоящее юридическое образованіе, не одно, какъ прежде, общее, но и спеціальное въ области отечественнаго законовѣдѣнія.

Здѣсь же должно упомянуть объ участіи Сперанскаго и въ другомъ важномъ установленіи для юридическаго воспитанія нашего юношества, котораго пользу можно вполнѣ оцѣнить только сравнивая теперешній составъ нашихъ высшихъ судебныхъ канцелярій съ прежнимъ. Мы говоримъ объ училищѣ правовѣдѣнія, которому въ 1860-мъ году исполнилось первое двадцатипятилѣтіе его существованія. Извѣстно, что патріотическая мысль учрежденія этого училища

принадлежала принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, который посвятилъ ему задушевныя заботы цѣлой своей жизни, а сверхъ того принесъ на это дѣло и значительныя матеріальныя пожертвованія (*). Письмо принца отъ 26-го октября 1834-го года, въ которомъ онъ выражалъ свое намѣреніе и предлагалъ средства для его осуществленія, было передано Императоромъ Николаемъ Сперанскому, съ слѣдующею надписью: «Благородныя чувства принца достойны уваженія. Прошу, прочитавъ, переговорить съ нимъ и мнѣ сообщить какъ ваши замѣчанія, такъ и то́, что вами съ принцомъ условлено будетъ.» Составленные, на этомъ основаніи, по обоюдному ихъ соглашенію, проекты устава и штата были разсмотрѣны въ государственномъ совѣтѣ и утверждены Государемъ 29-го мая 1835-го года, а 5-го декабря Сперанскій имѣлъ удовольствіе присутствовать при открытіи училища, помѣщеннаго, какъ бы по особенному стеченію обстоятельствъ, именно въ томъ домѣ (бывшемъ Неплюева), въ которомъ самъ онъ, по возвращеніи изъ Сибири, снова былъ призванъ къ законодательнымъ работамъ (**).

II.

Остающимся въ живыхъ изъ числа сподвижниковъ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Николая I-го, еще памятенъ особый комитетъ, которому потомъ, въ его собственныхъ актахъ и въ сношеніяхъ съ нимъ Государя— въ общей связи государственнаго управленія онъ всегда оставался безгласнымъ—было дано названіе комитета 6-го декабря 1826-го года, по дню его учрежденія. Этому комитету, составленному первоначально изъ графа Кочубея, кня-

(*) На покупку дома для училища и на первоначальное его обзаведеніе было пожертвовано принцомъ болѣе милліона рублей.

(**) Кабинетъ Сперанскаго, вмѣщавшій въ себѣ и его библіотеку, находился тамъ, гдѣ теперь устроена церковь училища.

зя А. Н. Голицына, графа Дибича, графа Петра Александровича Толстаго, Иларіона Васильевича Васильчикова и Сперанскаго (*), Государь, въ собственноручной запискѣ, поручилъ: «1) Пересмотрѣть бумаги, найденныя въ кабинетѣ Императора Александра; 2) пересмотрѣть нынѣшнее государственное управленіе; 3) изложить мнѣніе: а) что̀ предполагалось, б) что̀ есть, в) что̀ оставалось бы еще кончить; 4) изложить мнѣніе, что̀ нынѣ хорошо, чего оставить нельзя, и чѣмъ замѣнить; 5) матеріалами къ сему употребить: а) то̀ что найдено въ кабинетѣ, б) что̀ Балашову поручено было (**), в) то̀ что сами члены предложатъ.»

Уже изъ одной этой краткой инструкціи видно, къ какому огромному, почти необъятному кругу соображеній призывался новый комитетъ. Но ни въ бумагахъ, найденныхъ въ кабинетѣ Императора Александра, ни въ предположеніяхъ Балашова, не открылось почти ничего, чѣмъ можно было бы воспользоваться. По этому членамъ оставалось обратиться только къ третьему разряду матеріаловъ изъ числа указанныхъ Государемъ, т. е. сообразить самимъ, что̀ могло бы представиться полезнымъ и нужнымъ исправить или ввести. Здѣсь Сперанскій, съ обыкновенною своею уклончивостію и съ своимъ даромъ владѣть людьми, умѣлъ не только сдѣлаться главною пружиною комитета, но и направить его къ нѣкоторымъ изъ прежнихъ своихъ организаціонныхъ идей, разумѣется, на сколько онѣ могли соотвѣтствовать перемѣнившимся обстоятельствамъ, въ особенности

(*) Производителями дѣлъ были статсъ-секретари: сперва Дмитрій Васильевичъ Дашковъ и Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, а потомъ баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ.

(**) По упомянутому уже нами его званію генералъ-губернатора пяти губерній, ему было поручено собрать и изложить результаты своей опытности въ проектѣ общаго преобразованія губернскаго управленія.

же характеру и намѣреніямъ новаго Монарха (*). Съ свойственною ему энергическою неутомимостію, онъ нашелъ въ себѣ достаточно силъ, рядомъ съ огромными работами по II-му отдѣленію Государевой канцеляріи, вести и эту.

«Не уновленіями—писалъ онъ въ одной изъ своихъ записокъ, сдѣлавшейся потомъ программою всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій комитета 6-го декабря,—но непрерывностію видовъ, постоянствомъ правилъ, постепеннымъ исполненіемъ одного и того же плана устрояются государства и совершаются всѣ части управленія. Слѣдовательно продолжать начатое, довершать неоконченное, раскрывать преднамѣренное, исправлять то̀, что временемъ, обстоятельствами, попущеніемъ исполнителей, или ихъ злоупотребленіями, совратилось съ своего пути—въ семъ состоитъ все дѣло, вся мудрость самодержавнаго законодателя, когда онъ ищетъ прочной славы себѣ и твердаго благосостоянія государству. Но продолжать начатое, довершать неоконченное, нельзя безъ точнаго удостовѣренія въ томъ, что̀ именно начато и не окончено, гдѣ и почему остановилось, какія встрѣтились препятствія, чѣмъ отвратить ихъ можно.» Выведя отсюда, что комитетъ долженъ имѣть главною цѣлью пересмотрѣть предположенія, возникавшія, по разнымъ частямъ управленія, въ прежнее время, Сперанскій та́къ означилъ сущность и ходъ предлежавшихъ занятій: *Предметы комитета*: 1) обозрѣніе учрежденій государственныхъ (совѣта, сената и министерствъ) и губернскихъ, со стороны ихъ исторіи, перемѣнъ въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, настоящаго положенія, коренныхъ свойствъ и мѣръ усовершенія; 2) обозрѣніе разныхъ частей управленія, и именно: *а)* дѣлъ финансовыхъ: податей,

(*) Та́къ, напримѣръ, была возобновлена мысль о правительствующемъ и судебномъ сенатѣ, и самый проектъ этого учрежденія, составленный въ 1811-мъ году, былъ вновь подробно пересмотрѣнъ и исправленъ.

земскихъ повинностей, пошлинъ, государственныхъ имуществъ, движенія внутренней и внѣшней торговли и фабрикъ и кредитныхъ установленій, и *б)* законовъ земскихъ, или о частной собственности (*), о правахъ различныхъ состояній, о правѣ вещественномъ и личномъ, и о порядкѣ судопроизводства. *Образъ дѣйствія:* 1) собраніе полныхъ свѣдѣній о всѣхъ предметахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію; 2) составленіе историческихъ изложеній, съ замѣчаніями о неудобствахъ и о мѣрахъ исправленія; 3) разборъ прежнихъ проектовъ; 4) постановленіе главныхъ началъ исправленія въ журналахъ комитета, подносимыхъ на высочайшее усмотрѣніе; 5) изготовленіе, по одобреннымъ Государемъ началамъ, подробныхъ положеній; 6) сообщеніе послѣднихъ подлежащимъ начальствамъ и исправленіе по ихъ замѣчаніямъ; 7) внесеніе исправленныхъ положеній въ государственный совѣтъ. *Порядокъ исполненія:* соединеніе всѣхъ пройденныхъ предметовъ въ кабинетѣ Государя, съ тѣмъ, чтобы всѣ новыя положенія были обращены къ исполненію не иначе, какъ *въ общей ихъ совокупности* и *въ одну опредѣленную эпоху*, когда Своды законовъ для каждой части будутъ готовы. «Симъ только образомъ — заключалъ авторъ записки — можно удостовѣрить полное ихъ дѣйствіе. Изъ сего правила, по настоятельности нуждъ, могутъ быть допущены нѣкоторыя изъятія; но чѣмъ менѣе будетъ сихъ изъятій, тѣмъ будетъ лучше и надежнѣе.»

(*) Терминомъ: «законы *земскіе*», Сперанскій сначала думалъ было замѣнить названіе, употреблявшееся у насъ, и въ учебникахъ и въ дѣловомъ слогѣ, *гражданскаго права*; но этотъ терминъ, хотя онъ и былъ заимствованъ изъ старинной нашей юридической номенклатуры, показался Императору Николаю имѣющимъ видъ какой-то, не совсѣмъ понятной и не довольно опредѣлительной новизны, вслѣдствіе чего Сперанскій возвратился отъ него къ прежнему, общеупотребительному названію.

На этихъ основаніяхъ, въ которыхъ такъ сильно отражалась часть мыслей прежняго государственнаго секретаря, приспособленныхъ впрочемъ къ новымъ обстоятельствамъ, но въ которыхъ, къ сожалѣнію, не довольно обращалось вниманія на контроль практики и на образъ и средства исполненія посредствомъ мѣстныхъ властей, были составлены Сперанскимъ и потомъ обсуждены въ комитетѣ 6-го декабря проекты новыхъ образованій для разныхъ частей и степеней управленія; но окончательное утвержденіе получилъ изъ нихъ только одинъ новый законъ *о выборахъ и собраніяхъ дворянства*, который, по разсмотрѣніи его въ государственномъ совѣтѣ, былъ обнародованъ при манифестѣ 6-го декабря 1831-го года (№ 4989). Сверхъ того въ 1830-мъ году поступилъ въ государственный совѣтъ, обработанный въ томъ же комитетѣ, проектъ новаго постановленія *о состояніяхъ*, слагавшійся изъ трехъ главныхъ частей: 1) дополнительнаго закона собственно о разныхъ состояніяхъ подданныхъ и о порядкѣ гражданской службы (уничтоженіе чиновъ и пр.); 2) указовъ и положенія о дворовыхъ людяхъ, и 3) указа объ ограниченіи раздробленія недвижимыхъ населенныхъ имуществъ. Всѣ предположенія комитета 6-го декабря по этимъ предметамъ повелѣно было разсмотрѣть непосредственно въ общемъ собраніи совѣта, минуя его департаменты, въ особыхъ чрезвычайныхъ засѣданіяхъ (*). Здѣсь по многимъ вопросамъ возникло разномысліе и нѣкоторые члены оспоривали даже основныя положенія проекта; но самое значительное число голосовъ было въ его пользу, съ разными только частными перемѣнами и исправленіями. Важность дѣла побудила и Государя принять личное участіе въ разсужденіяхъ

(*) Ихъ было въ мартѣ и апрѣлѣ 1830-го года, для этого дѣла, пятнадцать.

совѣта. Въ засѣданіи 26-го апрѣля, онъ приказалъ снова прочесть весь проектъ въ своемъ присутствіи и потомъ потребовалъ, «чтобы члены со всею откровенностію и по долгу присяги изъявили свои мнѣнія на тѣ онаго части, кои считаютъ неудобными, имѣя въ виду, что Его Величество желаетъ одной только пользы государству.» Хотя нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя вслѣдствіе этого вызова нѣсколькими членами, были тутъ же отклонены всѣми другими, и затѣмъ всѣ проекты совѣтъ поднесъ къ окончательной конфирмаціи въ одобренномъ большинствомъ видѣ, однако самое дѣло умерло тогда безъ результатовъ. Должно ли это приписать весьма сильнымъ возраженіямъ, представленнымъ отъ цесаревича Константина Павловича, къ которому проекты были пересланы въ Варшаву, или замѣчаніямъ, слышаннымъ въ совѣтѣ, или собственному убѣжденію Императора Николая, что предметъ еще не достигъ надлежащей зрѣлости, или, наконецъ, вліянію неожиданно разразившихся, въ это самое время, революцій Французской и Бельгійской (Польская послѣдовала позже), отвлекшихъ вниманіе Государя, только проекты остались неутвержденными и совѣту не было объявлено по нимъ никакого дальнѣйшаго повелѣнія. Лишь одинъ изъ числа ихъ (впрочемъ съ значительными перемѣнами противъ первоначальной редакціи), именно, проектъ указа объ ограниченіи раздробленія населенныхъ имуществъ, въ ноябрѣ того же 1830-го года вновь былъ предложенъ совѣту, но отдѣльно и какъ бы независимо отъ помянутаго дѣла, для соображенія единственно въ томъ отношеніи: не нужно ли этотъ указъ чѣмъ либо дополнить, или въ чемъ нибудь перемѣнить его редакцію? Совѣтъ отвѣчалъ, что хотя изложеніе указа и не требуетъ никакой перемѣны, но предписываемыя имъ мѣры не могутъ имѣть желаемыхъ полезныхъ послѣдствій, если не будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ запрещена продажа людей по одиночкѣ и безъ зем-

ли; «запрещеніе же такого рода—присовокупилъ совѣтъ— не смотря на всю благотворность его основаній, несвоевременно, такъ какъ у насъ свирѣпствуетъ холера и, при разстройствѣ, произведенномъ ею въ хозяйственныхъ дѣлахъ и распорядкахъ большей части жителей, подобная мѣра можетъ показаться стѣснительною вообще и въ особенности для мелкопомѣстнаго дворянства.» На этомъ все и покончилось. Хотя нѣкоторыя изъ мыслей, развитыхъ въ проектѣ закона *о состояніяхъ*, были, впослѣдствіи, осуществлены порознь, но съ разными измѣненіями, даже и во многомъ главномъ. Прочія предположенія комитета 6-го декабря не получили, какъ выше сказано, дальнѣйшаго движенія и не доходили до государственнаго совѣта. Государь, сосредоточивъ все свое вниманіе на наступившихъ, въ то время, важныхъ политическихъ переворотахъ, охладѣлъ къ этому дѣлу; комитетъ, не бывъ формально закрытъ, ослабилъ и потомъ совсѣмъ прекратилъ свои занятія, и всѣ его проекты были переданы въ I-е отдѣленіе Государевой канцеляріи—*для храненія*. Въ позднѣйшіе годы царствованія Императора Николая, комитетъ 6-го декабря иногда опять былъ собираемъ, но единственно для рѣшенія разныхъ отдѣльныхъ вопросовъ, и въ другомъ составѣ, такъ какъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ членовъ не было болѣе въ живыхъ. Смерть взяла изъ ихъ числа и Сперанскаго.

III.

Мы уже говорили, что составитель «Свода» никогда не считалъ его трудомъ окончательнымъ. Онъ, напротивъ, видѣлъ въ немъ лишь первое звено къ тому, чтобы, приведя въ извѣстность *настоящее* нашего законодательства, перейти къ его *будущему*, т. е. къ возможному его усовершен-

ствованію. А какъ дѣйствія комитета 6-го декабря ограничивались, преимущественно, одними учрежденіями, или частью организаціонною, то пересмотръ и уложеніе всѣхъ прочихъ частей падали на обязанность II-го отдѣленія Государевой канцеляріи, которое, по словамъ рескрипта 31-го января 1826-го года, именно съ этою цѣлью и было основано. Оставалось, слѣдственно, опредѣлить порядокъ, какимъ ему дѣйствовать въ исправленіи нашихъ законовъ, къ чему Сперанскій находилъ два пути: постепенный, или отдѣльный, и систематическій. «*Первый* путь—писалъ онъ въ своемъ докладѣ Государю—есть путь дѣлъ текущихъ. По мѣрѣ ихъ движенія постепенно раскрываются всѣ части управленія. Но сіе раскрытіе медленно и невѣрно. Тутъ важные вопросы, бывъ смѣшаны съ маловажными, рѣдко представляются въ истинномъ ихъ видѣ. Разсмотрѣніе ихъ, бывъ тѣснимо многосложностію, настоятельностію и стремленіемъ дѣлъ текущихъ, не можетъ имѣть ни надлежащаго пространства, ни твердости. *Второй* путь есть отдѣльное, независимое отъ дѣлъ текущихъ, обозрѣніе главныхъ предметовъ, разсмотрѣніе и разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, кои прежде были начаты, но не окончены, и кои, въ связи государственныхъ дѣлъ, составляютъ самыя существенныя начала управленія.» По совѣщаніи объ этомъ Сперанскаго съ тогдашнимъ министромъ юстиціи Дашковымъ, они предложили *второй* путь, какъ единственный, который, по ихъ мнѣнію, могъ вести къ исправленію прочному. Императоръ Николай, одобривъ ихъ взглядъ, приказалъ начать съ уложенія законовъ уголовныхъ, которыхъ недостатки, еще болѣе обнаружившіеся черезъ «Сводъ», представлялись, въ то время, особенно ощутительными. Важное это дѣло Государь возложилъ въ совокупности на Сперанскаго и Дашкова; но оба вскорѣ за тѣмъ умерли и новое «Уложеніе о Наказаніяхъ», утвержденное въ 1845-мъ году, было

составлено уже преемникомъ Сперанскаго, статсъ-секретаремъ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ (*).

Между тѣмъ, для одной по крайней мѣрѣ мѣстности, первая попытка исправленія постановленій, которыми опредѣлялись наказанія и взысканія, была сдѣлана еще при Сперанскомъ. Неустройство и слабый составъ С.-Петербургской полиціи уже давно требовали кореннаго преобразованія, для котораго и былъ учрежденъ, подъ его председательствомъ, особый комитетъ. Въ составленный этимъ комитетомъ проектъ, внесенный въ государственный совѣтъ въ послѣдній годъ жизни его председателя (1838), была включена обширная часть о *полицейскомъ судѣ*, которою, сверхъ установленія новаго порядка полицейскаго дѣлопроизводства, дополнялись и исправлялись и самыя постановленія *о преступленіяхъ и проступкахъ противъ благочинія*. Но, или эти предположенія сложились подъ сторонними вліяніями, которымъ председатель комитета не хотѣлъ или не въ силахъ былъ сопротивляться, или самъ онъ, при другихъ своихъ занятіяхъ и уже слабѣя физически, не могъ вполнѣ отдаться новому труду и слишкомъ положился на прочихъ членовъ, только проектъ заключалъ въ себѣ явные признаки и незрѣлости отдѣлки, и совершенной несовмѣстности съ тѣми взглядами, которые постоянно отражались во всѣхъ прежнихъ произведеніяхъ Сперанскаго. Въ государственномъ совѣтѣ, не смотря на весь авторитетъ того лица, отъ имени котораго былъ внесенъ проектъ, онъ встрѣтилъ многія и сильныя возраженія. Въ жизнь уже успѣли войти новыя мысли, новыя требова-

(*) Первымъ преемникомъ Сперанскаго былъ назначенъ, какъ мы уже сказали, Даниковъ; но онъ прожилъ отъ этого назначенія всего съ небольшимъ девять мѣсяцовъ, и тогда званіе главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ Государевой канцеляріи было возложено на графа Блудова.

нія, которымъ, въ блестящее свое время, Сперанскій самъ первый бы порадовался. Съ самаго начальнаго приступа къ разсмотрѣнію новаго положенія, совѣтъ замѣтилъ: 1) что, по содержанію его, не полиція учреждается для жителей столицы, а, напротивъ, жители предполагаются какъ бы существующими для полиціи; 2) что оно заключаетъ въ себѣ зародышъ къ безконечнымъ притязаніямъ и притѣсненіямъ со стороны полицейскихъ агентовъ всѣхъ степеней. За тѣмъ, по невозможности достаточно вникнуть въ подробности такой огромной и многосложной работы при одномъ выслушиваніи ея, совѣтъ положилъ проектъ напечатать. Бывъ разосланъ въ этомъ видѣ ко всѣмъ членамъ, онъ вызвалъ еще множество другихъ возраженій, которыхъ обсужденіе было, однако же, отстранено до разрѣшенія сперва основныхъ, такъ сказать жизненныхъ вопросовъ дѣла, тогда какъ Сперанскій, съ своей стороны, намѣревался отложить послѣдніе до обсужденія частныхъ замѣчаній. Послѣ очень живыхъ и шумныхъ преній по этимъ вопросамъ и послѣ тщетной, болѣе упорной, нежели раціональной защиты произведенія комитета, Сперанскій, взволнованный и утомленный до изнеможенія, нашелся вынужденнымъ—уступить. Важнѣйшая часть—весь уголовно-полицейскій кодексъ—была исключена изъ проекта, въ которомъ такимъ образомъ, вмѣсто составлявшихъ его полуторы тысячи параграфовъ, остались только улучшенные штаты Петербургской полиціи и правила о порядкѣ производства въ ней дѣлъ, а все относившееся къ постановленіямъ о преступленіяхъ и проступкахъ единогласно опредѣлено присоединить къ общему, въ свое время, пересмотру уголовныхъ законовъ (*). Это было, можетъ статься,

(*) Въ этомъ составѣ Императоръ Николай утвердилъ положеніе С.-Петербургской полиціи 1-го апрѣля 1838-го года (№ 11.109).

одно изъ самыхъ жестокихъ пораженій, какія когда либо претерпѣвалъ Сперанскій въ совѣтѣ. Разговаривая, тотчасъ послѣ засѣданія, о его результатѣ съ тогдашнимъ государственнымъ секретаремъ барономъ Корфомъ, онъ не могъ скрыть своего огорченія. «Я уступилъ—сказалъ онъ—не по убѣжденію въ томъ, чтобы мои предположенія были дурны, но во-первыхъ потому, что у насъ вообще мало, а въ полицейской службѣ еще меньше людей, въ которыхъ можно бы предположить способность вразумиться въ новыя правила и исполнять ихъ достойнымъ образомъ; во-вторыхъ для того, чтобы избѣжать нареканій если дѣло пойдетъ худо, потому что неуспѣхъ отнесутъ, разумѣется, не къ исполнителямъ, какъ бы слѣдовало, а къ недостаткамъ самого закона, сколько бы онъ ни былъ хорошъ. Вообще—продолжалъ Сперанскій—не намъ, въ наши лѣта, писать законы: пишите вы, молодые люди, а наше дѣло будетъ только обсуживать. Я уже слишкомъ старъ, чтобы сочинять и отстаивать сочиненное, а всего тяжелѣе то, что сочиняешь съ увѣренностію не дожить до плода своихъ трудовъ.» Спустя нѣсколько дней, баронъ Корфъ свидѣлся съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который, въ совѣтѣ, былъ въ числѣ самыхъ жаркихъ противниковъ проекта. «Не могу—замѣтилъ великій князь, между разговоровъ—не отдать въ этомъ дѣлѣ полной справедливости Михайлу Михайловичу: вѣдь и прочесть его книгу надобно было мѣсяцъ, а каково же написать! При всемъ томъ, когда мы указали на вредъ и опасность, которыми новый проектъ угрожалъ бы частнымъ лицамъ, онъ, съ полнымъ самоотверженіемъ, пожертвовалъ общей пользѣ своимъ огромнымъ трудомъ, безъ всякихъ личностей, даже не показавъ вида досады. И все это когда ему подъ семьдесятъ лѣтъ, когда, слѣдственно, для него уже нѣтъ будущности и настоящая работа есть, вѣроятно,

его лебединая пѣсня! Такое самоотверженіе еще болѣе возвысило его въ моихъ мысляхъ и я очень желалъ бы, чтобъ кто нибудь его удостовѣрилъ, что если я всячески оспоривалъ проектъ, по увѣренности въ его вредѣ, то отнюдь не имѣю ничего противъ автора, котораго глубоко уважаю.»

Корфу легко было понять намекъ великаго князя и онъ не оставилъ передать содержаніе его отзыва Сперанскому. Слова Михаила Павловича тронули старца: но тѣмъ не менѣе это прѣніе, со всѣми его горячими объясненіями и сценами, чрезвычайно его разстроило, что замѣтно было приближеннымъ даже изъ его разговоровъ, впослѣдствіи безпрестанно возвращавшихся къ этому предмету.

Вскорѣ послѣ рѣшенія сказаннаго дѣла умеръ председатель государственнаго совѣта графъ Новосильцовъ. Отдавъ барону Корфу, въ личной аудіенціи, свои приказанія о бумагахъ покойнаго, о его погребеніи и пр., Императоръ Николай перешелъ къ вопросу о преемникѣ ему и изчисляя, поочередно, разныхъ возможныхъ кандидатовъ на этотъ первый постъ въ государствѣ, сказалъ: «Всѣхъ способнѣе къ должности председателя, во всѣхъ отношеніяхъ, былъ бы, конечно, Михайло Михайловичъ: но боюсь, что къ нему не имѣли бы полной довѣренности: онъ—*мой редакторъ* и потому его стали бы подозрѣвать въ пристрастіи ко мнѣ. . . . . .» На слѣдующее утро (9-го апрѣля 1838-го) вышелъ указъ о замѣщеніи Новосильцова, графомъ (потомъ княземъ) И. В. Васильчиковымъ. Сперанскій былъ назначенъ, на его мѣсто, председателемъ департамента законовъ, оставаясь, вмѣстѣ, и при главномъ начальствѣ надъ II-мъ отдѣленіемъ Государевой канцеляріи.

IV.

Сперанскому, при множествѣ другихъ разнообразныхъ его занятій, выпалъ на долю еще одинъ трудъ, имѣвшій особенную важность и по цѣли и по самому способу приведенія его въ дѣйствіе. Николай Павловичъ, въ бытность великимъ княземъ, нисколько, какъ извѣстно, не предвидѣлъ высокаго назначенія, ожидавшаго его въ будущемъ; не предвидѣли того и окружавшіе великаго князя. Первоначальное его воспитаніе совершалось подъ вліяніемъ этой отрицательной увѣренности и господствовавшихъ, вообще, тогда понятій. По возшествіи на престолъ, онъ не разъ, со всею откровенностію, выражалъ свою скорбь о пробѣлахъ, оставшихся въ его образованіи, особенно по юридической части, и хотя постоянно старался недостававшія ему свѣдѣнія восполнять личнымъ трудомъ, но всегда и глубоко чувствовалъ на сколько этотъ трудъ былъ бы облегченъ методическимъ приготовленіемъ. При такомъ сознаніи, возникшемъ изъ собственнаго горькаго опыта, Императоръ Николай еще болѣе вмѣнилъ себѣ въ долгъ обратить всю царскую и отеческую заботливость на воспитаніе своего наслѣдника. Въ числѣ призванныхъ участвовать въ этомъ великомъ дѣлѣ явились почтенныя имена Жуковскаго, графа Канкрина и Сперанскаго. По нашей цѣли, мы должны ограничиться здѣсь только тѣмъ, что̀ относится къ послѣднему (*). Сначала, въ 1834-мъ

(*) Эти три высоко-замѣчательныя личности не могли не уважать и не цѣнить другъ друга, хотя, по особенностямъ каждой изъ нихъ, и не въ одинаковой, можетъ быть, степени. Жуковскій, съ превосходною своею душою, конечно, не бросилъ ни одного камня въ Сперанскаго; онъ довольно часто посѣщалъ его, и если они не вошли въ ближайшую дружескую связь, то не по несходству чувствъ, а только вслѣдствіе разности ихъ занятій. Отношенія между Сперанскимъ и Канкринымъ, при еже-

году, Государь поручилъ Сперанскому приготовить Цесаревича къ присягѣ, предстоявшей ему по достиженіи совершеннолѣтія; въ это время все ограничилось однимъ общимъ вступленіемъ, въ которомъ преподаватель изложилъ своему слушателю понятіе о законахъ вообще, раздѣленіе ихъ и разные виды, краткій очеркъ исторіи Русскаго законодательства и сущность *основныхъ* законовъ нашей имперіи. Но потомъ, съ 12-го октября 1835-го по 10-е апрѣля 1837-го года, пройденъ былъ Сперанскимъ, при помощи тогдашняго профессора С.-Петербургскаго университета барона Врангеля, полный юридическій курсъ, которому онъ далъ названіе «*бесѣдъ*» (*). Это и были, въ полномъ смыслѣ, *бесѣды*, но бесѣды не схоластически преподающаго профессора съ студентомъ, слѣдящимъ за его лекціями иногда только для выдержанія экзамена, а государственнаго человѣка, глубоко и на практикѣ изу-

---

дневныхъ ихъ соприкосновеніяхъ на служебномъ поприщѣ, иногда довольно щекотливыхъ, имѣли другой характеръ; но эти соприкосновенія никогда не переходили во вражду, ни даже въ непріязнь, и обращеніе ихъ было взаимно почтительное. Случалось, правда, слышать, что Канкринъ заочно называлъ Сперанскаго «большимъ лицемѣромъ»; но ни такой эпитетъ, ни самолюбіе, которымъ омрачалась геніальная даровитость Канкрина, не мѣшали ему все важнѣйшее изъ своихъ предположеній и проектовъ отдавать на предварительный судъ этого «лицемѣра», не изъ одной служебной формальности, а по истинному довѣрію къ его взгляду. Сперанскій, съ своей стороны, разгадалъ Канкрина еще въ 1813-мъ году, когда тотъ былъ только генералъ-интендантомъ дѣйствующей арміи. «Нѣтъ у насъ, во всемъ государствѣ, человѣка способнѣе Канкрина быть министромъ финансовъ»—отзывался онъ, въ Перми, пріятелю своему Попову. Это мнѣніе, сколько намъ извѣстно, не измѣнилось и впослѣдствіи.

*) По окончаніи этихъ «бесѣдъ», Сперанскому 17-го апрѣля 1837-го года,—т. е. въ день рожденія высокаго его слушателя,—пожалованы были брильянтовые знаки къ ордену св. Андрея и, сверхъ того, лично вручена, въ видѣ домашняго подарка, большая золотая табакерка, съ портретами Государя и Императрицы, богато украшенная алмазами.

чившаго жизнь Россіи и ея потребности, съ будущимъ ея Монархомъ, жадно вслушивавшимся въ науку царей и правителей. Сперанскому, при его дарѣ слова и всегдашней отчетливости и ясности мыслей, не трудно было овладѣть вниманіемъ любознательнаго царевича. Преподаватель вложилъ въ это дѣло всю свою душу, всѣ благороднѣйшія свои стремленія. Здѣсь онъ уже не былъ стѣсненъ ни спѣшностію требованій по дѣламъ текущимъ, ни житейскими разсчетами. Для его знаній, для его мыслей, для истинныхъ, задушевныхъ его убѣжденій былъ такой просторъ, какой никогда, можетъ быть, не открывался ему на служебномъ поприщѣ. Здѣсь онъ могъ и долженъ былъ говорить откровенно, свободно, смѣло, могъ быть *настоящимъ* Сперанскимъ. Передъ каждою лекціею онъ вкратцѣ записывалъ то̀, что намѣревался въ ней изложить. Изъ этихъ замѣтокъ сложилась, съ теченіемъ времени, довольно объемистая книга, не предназначавшаяся, впрочемъ, никогда къ печати, уже и потому, что она не представляла, въ общемъ своемъ составѣ, ничего доведеннаго до извѣстной степени полноты, ни даже совершенно отдѣланнаго и оконченнаго: въ ней только были набросаны главныя грани, предварительные очерки, нѣчто въ родѣ оглавленій, болѣе для памяти, въ помощь при дальнѣйшемъ развитіи ихъ на словахъ. Но нѣкоторыя изъ идей, вошедшихъ въ эти «бесѣды», повторились въ другомъ сочиненіи Сперанскаго, найденномъ при посмертномъ разборѣ его бумагъ, подъ заглавіемъ: «Руководство къ познанію законовъ». Это сочиненіе онъ предпринялъ по желанію и приглашенію Императора Николая и занимался имъ, какъ видно изъ собственноручныхъ его отмѣтокъ на рукописи, уже въ послѣдній годъ дѣятельной своей жизни, по окончаніи юридическихъ занятій съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Указанная автору цѣль была—ознакомить нашихъ профессоровъ съ его взглядами на то, въ какомъ видѣ

и духѣ должно преподавать отечественные законы, и, вмѣстѣ, представить, для преподающихъ и для слушателей, небольшую, но полную и вѣрную модель «Свода». Смерть не допустила осуществиться вполнѣ этому дѣлу. «Руководство», замышленное по обширному плану, найдено доведеннымъ только до VIII-й главы; но, по просьбѣ госпожи Фроловой-Багрѣевой и по докладу статсъ-секретаря графа Блудова, Императоръ Николай разрѣшилъ напечатать это сочиненіе и въ недоконченномъ его видѣ. Оно столько же замѣчательно какъ и все, что̀ выходило изъ подъ пера Сперанскаго, и творецъ новѣйшаго нашего дѣловаго слога явился въ этой книгѣ образцовымъ писателемъ. «Руководство», изданное спустя шесть лѣтъ послѣ его смерти (*), весь нашъ ученый міръ встрѣтилъ необыкновеннымъ одобреніемъ, и нельзя не согласиться съ единодушнымъ отзывомъ тогдашнихъ Русскихъ журналовъ, что этотъ отрывокъ,—къ сожалѣнію, книгѣ нельзя дать другаго названія,—представилъ новое доказательство, какъ ясно авторъ понималъ потребности нашего юношества, виды правительства и нужды государственныя.

(*) Оно вышло въ свѣтъ въ 1845-мъ году, въ С.-Петербургѣ, въ 8-ю д. л., 170 стр.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сперанскій въ последнее время своей жизни. Предсмертная его болѣзнь и кончина. Замѣтки къ его характеристикѣ.

I.

Послѣ разсказаннаго нами о судьбахъ Сперанскаго со времени возвращенія его въ Петербургъ и о порученіяхъ, возлагавшихся на него въ царствованіе Императора Николая, уже немного остается прибавить касательно послѣднихъ его лѣтъ. По сравненію со всѣмъ прежнимъ, этотъ періодъ можно назвать ровнымъ и безмятежнымъ. Прихотливые обороты колеса счастія остановились; уже не было ничего въ родѣ тѣхъ страшныхъ минутъ, которыя такъ жестоко потрясли прошедшее государственнаго секретаря и такъ неизгладимо отразились на всемъ дальнѣйшемъ его бытіи; жизнь его вошла въ обычныя формы существованія дѣловаго человѣка, высоко поставленнаго въ служебной іерархіи и пользующагося особеннымъ почетомъ при Дворѣ и въ обществѣ.

Намъ уже извѣстно, что, послѣ перемѣщенія Фролова-Багрѣева на службу въ Петербургъ, онъ, съ женою и дѣтьми, постоянно жилъ вмѣстѣ съ своимъ тестемъ (*). Въ зиму 1826-го года, слѣдовавшую за торжествами коронаціи, въ которыхъ и Сперанскій принималъ участіе, а также и въ зиму 1827-го года, когда въ высшемъ кругу, по случаю частыхъ придворныхъ трауровъ, не было боль-

(*) Бывъ долго управляющимъ государственнымъ заемнымъ банкомъ, а потомъ сенаторомъ, А. А. Фроловъ-Багрѣевъ умеръ послѣ своего тестя, находясь въ отпуску въ Полтавской губерніи.

нихъ собраній, г-жа Фролова-Багрѣева, желая доставить своему отцу нѣкоторое развлеченіе, часто устроивала у себя, съ помощью Ѳедора Петровича Львова и графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, маленькіе музыкальные вечера; но когда они постепенно начали входить въ моду и на нихъ стало напрашиваться много гостей не изъ однихъ любителей, то Сперанскій, которому ни средства его, ни вкусы, не позволяли многолюдныхъ пріемовъ, тотчасъ прекратилъ эти вечера. Собственные его выѣзды, сверхъ засѣданій въ государственномъ совѣтѣ и разныхъ комитетахъ, докладовъ у Государя и нѣкоторыхъ необходимыхъ визитовъ, ограничивались довольно рѣдкимъ появленіемъ въ большомъ свѣтѣ и постояннымъ на обѣдахъ, по пятницамъ, вмѣстѣ съ тремя или четырьмя такими же обычными посѣтителями, у стариннаго его пріятеля, извѣстнаго заводчика и богача Алексѣя Ивановича Яковлева (*). Между тѣмъ, при удивительной своей дѣятельности, онъ продолжалъ, какъ мы видѣли, совершать труды, для другихъ неодолимые: натура его, подобно паровой машинѣ, одинаково пригодной для всѣхъ цѣлей, работала усердно и послушно надо всѣмъ, надъ чѣмъ приходилось по теченію дѣлъ. Вставая почти всегда въ шесть часовъ (**), онъ занимался до одиннадцати (***) и, послѣ небольшаго завтрака: чашки бульона, нѣсколькихъ яицъ и рюмки вина, ложился опять спать, одѣтый, на полчаса,

(*) Сперанскій сошелся съ нимъ, кажется, еще до 1812-го года, въ одно время какъ и съ извѣстными нашими негоціантами Кусовыми, Кусовниковыми и Сапожниковыми, которыхъ онъ также не рѣдко посѣщалъ.

(**) Только за три или за четыре года до своей смерти началъ онъ вставать послѣ семи, а иногда и въ восемь часовъ.

(***) Намъ не разъ случалось заставать его спрашивающимъ, по окончаніи занятій, у своего внука урокъ изъ Латинскаго языка. Странно было видѣть его то пѣстуномъ при дѣтяхъ, то вдругъ опять погруженнымъ въ важнѣйшее государственное дѣло; но онъ вездѣ былъ на своемъ мѣстѣ.

или, когда позволяло время, и на часъ, говоря, что этотъ сонъ чрезвычайно подкрѣпляетъ его силы и даетъ ему отдыхъ отъ гемороидальныхъ припадковъ, издавна его мучившихъ. Передъ обѣдомъ онъ непремѣнно или ѣздилъ верхомъ, или прохаживался, въ случаѣ дурной погоды подъ аркадами гостинаго двора. Вставъ изъ за стола и посидѣвъ недолго съ дочерью, а по воскресеньямъ съ нѣсколькими, собиравшимися у него въ этотъ день гостями, больше изъ числа его подчиненныхъ, или изъ литераторовъ и ученыхъ того времени (*), Сперанскій снова удалялся въ кабинетъ и уже оставался тамъ до ночи. Онъ никогда не ужиналъ, а также не пилъ вечерняго чая, вмѣсто котораго употреблялъ холодный отваръ изъ миллефолія съ горькою ромашкою. Впрочемъ образъ его жизни, и въ эту эпоху, оставался, по прежнему, очень простымъ. Такъ, швейцаръ у него былъ скорѣе привратникъ, не отличавшійся отъ прочей прислуги ни одеждою, ни обыкновенными знаками этой должности, а лакеи надѣвали ливрею единственно для выѣздовъ съ нимъ. Самъ онъ, при общеупотребительной еще, въ то время, упряжи четвернею, ѣздилъ скромно на ямщичьей парѣ, но всегда въ каретѣ, часто, однако, безъ лакея.

Въ 1828-мъ году у г-жи Фроловой-Багрѣевой родился второй сынъ (**), котораго дѣдъ полюбилъ страстно; но онъ лишился этой драгоцѣнной своей утѣхи спустя съ небольшимъ черезъ два года. Со времени его потери

(*) Изъ этого круга чаще другихъ посѣщали его, сверхъ Жуковскаго, Гнѣдичъ, извѣстный синологъ баронъ Шиллингъ фонъ Канштадтъ и нѣкоторые профессора Петербургскаго университета. Бывалъ также и Пушкинъ, особенно въ 1834-мъ году, когда печаталась, въ типографіи II-го отдѣленія, его «Исторія Пугачевскаго бунта».

(**) Старшій сынъ г-жи Фроловой-Багрѣевой родился, какъ мы знаемъ, въ 1824-мъ году; послѣ того, въ 1826-мъ, у нея родилась еще дочь.

и особенно съ той поры, когда старшій внукъ былъ отданъ въ Царскосельскій лицей, жизнь Сперанскаго становилась все болѣе и болѣе уединенною, однообразною и даже пасмурною. Лѣта, съ неразлучными ихъ недугами, тоже брали свое. Наконецъ, ко всему этому, присоединилась крайне неудачная покупка большаго имѣнія, Полтавской губерніи, въ Золотоношскомъ уѣздѣ (Буромка), которое, по наружности, ставило покупщика въ рядъ значительныхъ богачей, но въ самомъ дѣлѣ едва приносило столько, сколько нужно было для уплаты процентовъ на долгъ, сдѣланный для его пріобрѣтенія (*). При возраставшей вообще въ Петербургѣ роскоши и при томъ стѣсненіи, которое произвела покупка Буромки въ хозяйственныхъ дѣлахъ Сперанскаго, и онъ и его дочь были принуждены еще болѣе прежняго уклоняться отъ большаго свѣта. Лѣтомъ 1830-го года усилившееся нездоровье заставило его отпроситься къ Карлсбадскимъ и Маріенбадскимъ водамъ. Онъ отправился на пароходѣ, начинавшемъ въ то время ходить въ Любекъ, и хотя выѣхалъ изъ Петербурга уже съ наступленіемъ полной весны (12-го мая), но бѣдствовалъ въ морѣ болѣе шести сутокъ. Въ путевомъ его журналѣ (**) записано: «Противные вѣтры, стужа, дождь, на высотѣ Ботніи льды; жаръ и несносная духота въ каютахъ и особенно въ моей, одной

(*) Для этой покупки было занято у А. И. Яковлева 300,000 р. асс., на 10 лѣтъ, съ платежемъ по 6% въ годъ.

(**) Журналъ Сперанскаго о путешествіи его въ 1830-мъ году веденъ довольно пространно и мѣстами заключаетъ въ себѣ разныя любопытныя замѣтки; но, касаясь преимущественно описанія мѣстностей, положенія дорогъ, путевыхъ расходовъ и проч., теперь, послѣ истекшихъ тридцати лѣтъ, представляетъ, въ цѣломъ, собственно лишь нѣкоторый біографическій интересъ. Тоже самое должно сказать о двухъ другихъ, оставшихся послѣ него журналахъ: заграничнаго путешествія въ 1832-мъ и поѣздки въ Южную Россію въ 1837-мъ годахъ, которые, впрочемъ, гораздо короче перваго.

изъ лучшихъ, морская болѣзнь, ни малѣйшей пищи кромѣ десяти апельсиновъ во всѣ шесть дней,—изнурили меня совершенно. Это хуже нежели «Hungerkur», особливо послѣ четырехмѣсячной болѣзни.» Въ письмѣ къ дочери отъ 20-го мая, изъ Любека (*), разсказывая о страдальческомъ своемъ плаваніи, онъ писалъ: «Ни на какомъ пароходѣ на свѣтѣ не пущусь я впредь въ дальній путь, и возвращусь непремѣнно сухимъ путемъ,» а отъ 21-го мая прибавлялъ: «я дозналъ опытомъ, что морскія путешествія для меня почти невозможны.» Въ это путешествіе, продолжавшееся, изо дня въ день, четыре мѣсяца (онъ возвратился въ Петербургъ 12-го сентября), Сперанскій, сверхъ Карлсбада и Маріенбада, гдѣ провелъ по нѣскольку недѣль, видѣлъ Любекъ, Гамбургъ, Люнебургъ, Брауншвейгъ, Галле, Лейпцигъ, Дрезденъ, Прагу, Берлинъ и Кенигсбергъ. Въ Дрезденѣ и Берлинѣ онъ представлялся королевскимъ фамиліямъ, которыя приняли его съ особеннымъ почетомъ; сверхъ того, онъ, гдѣ только останавливался на нѣсколько дней, тотчасъ знакомился и входилъ въ сношенія со всѣми знаменитостями: административными, учеными и артистическими. Въ Маріенбадѣ дошло къ нему извѣстіе о Парижской іюльской революціи и тамъ же посолъ нашъ при Австрійскомъ дворѣ, Татищевъ, познакомилъ его съ княземъ Меттернихомъ. Въ «журналѣ» мы находимъ по этому случаю слѣдующую замѣтку: «Меттернихъ вообще говоритъ посредствен-

(*) Замѣченное выше о путевыхъ журналахъ Сперанскаго мы должны повторить и относительно писемъ, которыя онъ писалъ съ дороги къ дочери. Главное ихъ содержаніе—свиданія за границею съ общими знакомыми, разныя порученія, отчеты объ успѣхахъ леченія, замѣтки о погодѣ и пр. Нѣтъ и слѣда того высокаго интереса, религіознаго, философическаго, психологическаго и литературнаго, котораго такъ много въ письмахъ Пензенскихъ и Сибирскихъ. По сравненію съ послѣдними, эти—самая сухая проза.

но, произноситъ неправильно и съ непріятнымъ accent, а особливо (букву) l; имѣетъ наружность довольно благовидную и *старается* дать себѣ видъ grand seigneur, mais il n'en a ni les manières, ni l'aplomb.»

Въ 1832-мъ году, послѣ оваціи по случаю изданія «Свода Законовъ», Сперанскій снова поѣхалъ въ Маріенбадъ; но уже, какъ далъ себѣ слово, не моремъ, а сухимъ путемъ, черезъ Варшаву и Бреславль. Въ этотъ разъ, отправясь изъ Петербурга 22 іюня, онъ возвратился 16-го сентября, слѣдственно пробылъ за границею еще менѣе чѣмъ въ первый. Видѣнные имъ города были тѣ же, что и въ 1830-мъ году. Вообще, какъ цѣлью обѣихъ поѣздокъ было единственно здоровье, а желѣзныхъ дорогъ, уничтожившихъ разстоянія, на материкѣ Европы тогда еще не существовало, то маршрутъ его мало уклонялся отъ прямаго пути. Нѣсколько долѣе пробылъ онъ только въ Прагѣ, куда привлекли его любовь къ Западнымъ Славянамъ и желаніе ближе познакомиться съ Чешскими учеными (Ганкою, Юнгманномъ, Шафарикомъ и др.), и еще въ Берлинѣ, гдѣ онъ хотѣлъ, какъ мы сказали, самъ увѣриться въ успѣхахъ нашихъ студентовъ, посланныхъ въ тамошній университетъ, и побесѣдовать о нихъ съ Гумбольдтомъ, Савиньи и другими.

На лѣтніе мѣсяцы 1837-го года Сперанскій ѣздилъ— черезъ Москву, Тулу, Орелъ, Ромны, свое имѣніе Буромку, Елисаветградъ и Николаевъ,—въ Одессу, къ морскимъ водамъ, а лѣтомъ 1838-го снова посѣтилъ Буромку. Это имѣніе было имъ отдано въ непосредственное завѣдываніе Фролова-Багрѣева, но все еще, по своему состоянію и по количеству доходовъ, мало представляло утѣшительнаго. Не смотря на то, отдыхъ и пребываніе подъ благодатнымъ небомъ Малороссіи были чрезвычайно по сердцу нашему путешественнику. Дочери своей, остававшейся въ Петербургѣ, или лучше сказать, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ она всегда

проводила лѣто со времени поступленія сына въ лицей, онъ писалъ изъ Буромки, 22-го іюля 1838-го: «Удивительно какъ здѣшній образъ жизни, беззаботной, тихой и мирной, для меня и полезенъ и пріятенъ, не взирая на совершенное безчувствіе всего нравственнаго и сердечнаго бытія; что же было бы въ соединеніи? Рай. Но намъ ли грѣшнымъ здѣсь на землѣ помышлять о райскихъ наслажденіяхъ! Здѣсь надобно все покупать, даже лучъ солнечный не даромъ намъ дается.» Въ другомъ его письмѣ, мы находимъ слѣдующія строки: «Съ сегодняшняго утра начинается курсъ моего леченія, т. е. холодная вода, утреннее хожденіе и вечерняя верховая ѣзда. Прибавь къ сему важнѣйшее: праздность, праздность всѣхъ идей, всего что называется размышленіемъ. Вѣроятно я такъ поглупѣю, что и тебѣ трудно будетъ понимать меня. Но это есть необходимое условіе моего леченія: я уже и теперь чувствую все наслажденіе душевной лѣности.»[1]

При всемъ томъ, полное умственное бездѣйствіе для Сперанскаго было невозможно. Въ это же самое свое пребываніе въ деревнѣ, онъ написалъ довольно обширное разсужденіе (78 параграфовъ), подъ заглавіемъ: «Опредѣленіе закона». На тетради отмѣчено его рукою: «Въ Бурюмкѣ, начато въ іюлѣ, кончено 10-го августа 1838-го года.» Это сочиненіе остается еще ненапечатаннымъ.

II.

Указъ 1826-го года объ учрежденіи II-го отдѣленія собственной Государевой канцеляріи засталъ Сперанскаго на жительствѣ въ домѣ Армянской церкви. Здѣсь родились, созрѣли и осуществились обѣ знаменитыя идеи: «Полнаго Собранія Законовъ» и «Свода». Но подобно скромному его домику у Таврическаго сада, гдѣ государственный секретарь создавалъ всѣ преобразовательные свои

проекты, подобно дому Неплюева, гдѣ Сибирскій генералъ-губернаторъ довершалъ уставы для своей далекой «части свѣта»,—и этотъ домъ, гдѣ былъ положенъ послѣдній вѣнецъ законодательной карьерѣ Сперанскаго, уже давно измѣнилъ свою наружность. Въ противуположность обычаю другихъ странъ, благоговѣйно сохраняющихъ домà, въ которыхъ жили или окончили свою жизнь ихъ великіе люди, нашъ молодой и быстро растущій Петербургъ не щадитъ историческихъ памятниковъ этого рода. Въ 1832-мъ году въ домѣ Армянской церкви начались разныя передѣлки, съ надстройкою надъ нимъ третьяго этажа, и Сперанскій принужденъ былъ переѣхать изъ него въ домъ, принадлежавшій одной изъ Грузинскихъ царевенъ, на правомъ берегу Фонтанки, между Аничкинымъ и Чернышевымъ мостами. Здѣсь, не смотря на очень неудобное расположеніе комнатъ и на начавшійся, послѣ его покупки купцомъ Лыткинымъ, постоянный шумъ отъ предпринятыхъ и въ немъ перестроекъ, Сперанскій, врагъ всякаго кочеванья, прожилъ около шести лѣтъ, пока, наконецъ, не рѣшился приступить къ исполненію давняго своего желанія: пріобрѣсти себѣ въ Петербургѣ опять собственное жилище. Съ этою цѣлью, въ 1838-мъ году, былъ имъ приторгованъ заложенный въ банкѣ въ 140,000 руб. (*) домъ Донауровой, на противуположномъ концѣ той же Сергіевской улицы, гдѣ нѣкогда находился и его прежній. Но какъ владѣтельница требовала за свой домъ 210,000 рублей, у покупщика же были только долги, а не капиталы, то онъ, въ нуждѣ своей, обратился къ царской помощи и домъ, по повелѣнію Императора Николая, былъ перезаложенъ, вмѣсто банка, въ государственное казначейство, съ выдачею подъ него всей

(*) Всѣ суммы показаны и здѣсь ассигнаціями. Переложеніе на серебро началось уже послѣ смерти Сперанскаго.

суммы по купчей крѣпости, т. е. 240,000 руб. Такимъ образомъ Сперанскій снова пріобрѣлъ собственный домъ, съ обязанностію вносить за него въ казну, въ продолженіе 37-ми лѣтъ, по 15,000 руб. ежегодно, тогда какъ, до этой покупки, онъ за наемъ квартиры, подъ чужою крышею, платилъ каждый годъ по 14,000 руб. (*). Возвратясь изъ Буромки въ сентябрѣ, онъ въѣхалъ уже прямо въ новое свое жилище, гдѣ, во время его отсутствія, заботливая дочь все устроила и подготовила къ его пріему. Кто могъ предвидѣть, что за этимъ пріемомъ такъ скоро наступятъ—*послѣдніе проводы* . . . .

III.

Домашнимъ врачемъ Сперанскаго, съ самаго его возвращенія изъ Сибири, былъ лейбъ-медикъ Николай Өедоровичъ Арендтъ; но имѣвъ обязанность находиться всегда при Императорѣ Николаѣ въ частыхъ его поѣздкахъ изъ Петербурга, онъ, въ 1835-мъ году, рекомендовалъ въ замѣнъ себя, на время такихъ своихъ отлучекъ, доктора Маргуліеса. Сидячій образъ жизни, безпрестанныя заботы, отчасти, конечно, и прежнія моральныя потрясенія, уже давно разстроили здоровье Сперанскаго; однако пользованіе въ Карлсбадѣ и Маріенбадѣ, вмѣстѣ съ строгою діэтою (**), возстановило его до такой степени, что онъ нѣсколько

(*) Въ концѣ того же 1838-го года Государь велѣлъ сложить весь долгъ, лежавшій на этомъ домѣ, такъ что онъ достался его владѣльцу совершенно даромъ. Послѣднее жилище Сперанскаго также не избѣжало участи прежнихъ. Бывъ, послѣ его смерти, купленъ Еммануиломъ Дмитріевичемъ Нарышкинымъ, а отъ него генералъ-адъютантомъ графомъ Сергѣемъ Павловичемъ Сумароковымъ, этотъ домъ теперь совершенно перестроенъ.

(**) «Лучшее лекарство—говаривалъ онъ издавна—сонъ и постъ.» Впослѣдствіе онъ къ этому еще прибавилъ «движеніе».

лѣтъ обходился почти совсѣмъ безъ лекарствъ. Впрочемъ, когда ему серьозно нездоровилось, онъ былъ больной самый терпѣливый; любя, по обыкновенной своей пытливости, подробно разсуждать съ врачами о признакахъ и ходѣ болѣзни и объ ожидаемомъ дѣйствіи отъ прописываемыхъ лекарствъ, онъ, не смотря на свою наклонность лечить и себя и другихъ, кончалъ тѣмъ, что покорялся предписаніямъ медицины и никакъ не хотѣлъ вѣрить только одному—гомеопатіи, которой, въ то время, безотчетно поклонялась его дочь.

Переселясь, послѣ поѣздки въ Буромку, въ новый свой домъ,—удобнѣйшее и красивѣйшее изъ всѣхъ помѣщеній, которыя онъ занималъ когда либо въ жизни,—Сперанскій чувствовалъ себя необыкновенно довольнымъ и даже какъ бы окрѣпшимъ въ силахъ, чѣмъ хвалился передъ всѣми друзьями и близкими. Такое состояніе было, однако, непродолжительно. По собственной его отмѣткѣ въ настольномъ календарѣ 1838-го года, онъ занемогъ 16-го октября. Началось, сперва, небольшою простудою, которая даже не остановила выѣздовъ; но съ 21-го числа болѣзнь значительно усилилась. Не смотря на то, бывъ приглашенъ на 22-е число, въ субботу, въ Царское Село, въ театръ и на балъ ко Двору, Сперанскій, какъ усердный исполнитель своихъ обязанностей, въ томъ числѣ и придворныхъ, не рѣшился остаться дома. Эта поѣздка нанесла рѣшительный ударъ. Переночевавъ въ Царскомъ и принудивъ себя еще присутствовать, въ воскресенье, у обѣдни и на обѣдѣ во дворцѣ, онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, слегъ въ постель. Открылось сильное воспаленіе въ печени, вмѣстѣ съ гастрическою горячкою. Врачи принуждены были выпустить большое количество крови; Арендтъ пріѣзжалъ по нѣскольку разъ въ день, а Маргуліесъ неотходно дежурилъ при больномъ. Переднюю его весь день наполняли люди, приходившіе за вѣстями. Сочувствіе

однихъ было самое живое, потому что они еще многаго ждали отъ больнаго, въ будущемъ, для своихъ личныхъ интересовъ; сочувствіе другихъ, внѣшнее, условное, выражалось такъ, какъ обыкновенно оно выражается, когда умираетъ какая нибудь знаменитость, уже завершившая свой кругъ, слѣдственно болѣе не опасная. Участія сердечнаго, безкорыстнаго, было мало, потому что, кромѣ семьи и приближенныхъ, только немногіе любили Сперанскаго истинно для него самого,—довольно обыкновенный удѣлъ людей стоящихъ надъ толпою. Государь присылалъ навѣдываться по два раза въ день, и по два же раза въ день смѣнялись у швейцара подробные бюллетени. Наконецъ, вслѣдствіе постоянно усиливавшихся припадковъ, председатель государственнаго совѣта князь Васильчиковъ втайнѣ передалъ государственному секретарю барону Корфу приказаніе Государя, въ случаѣ кончины больнаго, запечатать его кабинетъ, для отобранія бумагъ, относившихся къ служебнымъ его обязанностямъ.

Въ продолженіе болѣзни, Сперанскій самъ изъявилъ желаніе исповѣдаться и пріобщиться. Духовникомъ его былъ, въ то время, протоіерей Сергіевскаго собора Петръ Яковлевичъ Духовскій, котораго онъ, еще и здоровый, иногда приглашалъ къ себѣ, для служенія молебновъ, и съ которымъ любилъ разсуждать о предметахъ религіозныхъ и нравственныхъ. Однажды, наканунѣ какого-то праздника, Духовскій засталъ своего духовнаго сына за канонами св. Іоанна Дамаскина, въ Греческомъ подлинникѣ. Сказавъ, что передъ большими праздниками онъ всегда читаетъ эту превосходную книгу, Сперанскій сталъ пространно говорить о красотѣ, силѣ и убѣдительности твореній св. отцовъ нашей церкви, «которые—прибавилъ онъ—также высоко стоя́тъ надъ самыми первостепенными свѣтскими писателями, какъ небеса надъ землею.» Въ другой разъ

рѣчь зашла объ искушеніяхъ и препятствіяхъ, которыя встрѣчаетъ христіанинъ на пути къ своему нравственному совершенствованію. «Хотя—говорилъ Сперанскій—во мнѣ уже давно угасли страсти плотскія, но за то съ постоянною силою дѣйствуютъ другіе враги, тоже не новые, но все еще растущіе: страсти духовныя. Такъ, при всей борьбѣ, не могу превозмочь одного порока, самаго опаснаго и вреднаго—духовной гордости. Если, послѣ безпрестанныхъ усилій и работы надъ самимъ собою, иногда и удастся ее усмирить, то, спустя нѣсколько времени, она опять поднимется съ новою силою и мнѣ остается только горевать о слабости своей воли.» Послѣднее его прощанье съ земною жизнію было высоко трогательно. По словамъ Духовскаго, великая душа попирала физическія страданія и онъ долго не могъ вспоминать безъ особеннаго чувства, съ какимъ истинно христіанскимъ смиреніемъ, съ какою вѣрою и надеждою больной пріобщился Св. Таинъ и съ какимъ спокойствіемъ говорилъ о предстоявшей смерти, молясь словами царственнаго пророка: «не отвержи мене отъ лица твоего и духа твоего святаго не отъими отъ мене.»

Но этой болѣзни еще не было суждено быть послѣднею. Съ конца ноября она неожиданно приняла благопріятный оборотъ. Бюллетени перестали появляться и 12-го декабря Сперанскій записалъ въ календарѣ, что «болѣзнь прекратилась.» Ему довольно было лишь нѣсколько оправиться, чтобы снова, всему, предаться всегдашней дѣятельности духа. Не смотря на оставшуюся сильную слабость, онъ тотчасъ сталъ заниматься важнымъ вопросомъ, обсуждавшимся въ то время въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи государственнаго совѣта, въ которыхъ ему, какъ старшему, слѣдовало предсѣдательствовать. Это было дѣло объ уничтоженіи простонароднаго лажа на монету, отложенное до его выздоровленія, но

въ окончательномъ рѣшеніи котораго онъ уже не принималъ участія (*).

Передъ праздникомъ Рождества дверь выздоравливавшаго снова отворилась: его навѣстилъ и Государь, сперва 23-го декабря, потомъ 27-го, и, вслѣдъ за этими посѣщеніями, Сперанскій, 1-го января 1839-го, былъ возведенъ въ графское достоинство. «Государь хотѣлъ обрадовать моихъ друзей,» говорилъ онъ улыбаясь, въ тайномъ сознаніи близкаго для себя конца всѣхъ почестей. Въ городѣ никто не возставалъ противъ этой награды, никто и не посмѣивался надъ получившимъ ее. Уже прошло то время, когда на него сочинялись эпиграммы, и если вражда еще не совсѣмъ замолкла, если преслѣдованія ея не должны были прекратиться даже и за гробомъ, то по крайней мѣрѣ она выражалась теперь только тихомолкомъ, живя въ одной малочисленной партіи. Россію примирили съ передовымъ ея человѣкомъ его несчастія, его незлобіе и его дѣла (**).

День этой милости, 1-е января, былъ вмѣстѣ, какъ мы знаемъ, и днемъ рожденія новаго графа. «Вечеромъ—говоритъ дочь въ своихъ воспоминаніяхъ—къ намъ съѣхалось,

---

(*) Извѣстно, что существованіе у насъ лажа было уничтожено манифестомъ 1-го іюля 1839-го года (№ 12.498). Этотъ актъ былъ написанъ уже другимъ и самое дѣло рѣшено не столько по мыслямъ, предварительно высказаннымъ о немъ Сперанскимъ, сколько по мнѣнію графа Канкрина, возобладавшему надъ всѣми прочими.

(**) Новый графъ тогда же написалъ благодарственное письмо Государю, но, окончивъ его, остановился на вопросѣ: какъ подписываться ему, теперь и послѣ, на служебныхъ бумагахъ? До тѣхъ поръ подпись его всегда была: *М. Сперанскій*. Сохранить ли въ ней и впредь букву М? Рѣпинскій, при которомъ онъ впалъ въ это раздумье, промолвилъ: «Прибавьте къ прежней подписи лишь: *графъ*.» Помолчавъ нѣсколько секундъ, Сперанскій сказалъ: «Нѣтъ; графъ Сперанскій—*одинъ на свѣтѣ!*» и въ подписи письма выпустилъ букву М.

безъ зову, множество гостей. Бывшіе тутъ вѣрно припомнятъ блескъ, исходившій отъ генія, готоваго угаснуть, то сіяніе, которое изливалось отъ свѣтлой души, хотя ея тѣлесная оболочка была такъ близка къ разрушенію: все это уже поддерживалось одною только силою воли. Никогда рѣчь батюшки не была краснорѣчивѣе и увлекательнѣе, не смотря на ослабленіе голоса и на потускнѣвшіе глаза, почти совсѣмъ закрытые вѣками. Окружавшіе его затаивали дыханіе, ловя каждое его слово, какъ бы въ предчувствіи, что эти уста, изъ которыхъ лилось столько сокровищъ, скоро навсегда закроются.»

Дѣйствительно, настоящаго, полнаго выздоровленія уже не было, а усиленныя черезъ мѣру работы по дѣлу о лажѣ окончательно истощили силы больнаго. «Сколько разъ— говоритъ дочь—я умоляла его, въ слезахъ, на колѣняхъ, именемъ моихъ дѣтей, бросить эту ненавистную для меня работу. «Долгъ прежде всего,» отвѣчалъ онъ, сжимая мои руки въ своихъ исхудалыхъ пальцахъ; а между тѣмъ физическая его слабость была, въ это время, такъ велика, что, послѣ каждыхъ десяти написанныхъ строкъ, голова опускалась на грудь и глаза на нѣсколько минутъ смыкались.......» Но замѣчательно: изнеможеніе плоти не имѣло никакого вліянія на духъ; умственныя силы, сила воображенія и творчества были также свѣжи, какъ, за четверть вѣка тому назадъ, въ государственномъ секретарѣ.

7-го февраля, въ самую дурную погоду, вѣтряную и снѣжную, Сперанскій вдругъ вздумалъ, по прежней своей привычкѣ, пойти гулять. Напрасно Рѣпинскій упрашивалъ его не ходить, сталъ даже въ дверяхъ, чтобы его удержать: онъ сначала смѣялся, потомъ началъ сердиться и, наконецъ, все таки пошелъ.

«8-го числа — пишетъ Рѣпинскій — я, по обыкновенію, пришелъ къ графу въ десятомъ часу утра, за получе-

ніемъ приказаніи. Онъ ходилъ по кабинету и встрѣтилъ меня у самыхъ его дверей, блѣдно-желтый, жестоко страдая внутренними болями. Отъ изнеможенія онъ *охалъ*, чего прежде никогда, сколько помнилъ я съ 1817-го года, съ нимъ не бывало. Замѣтя испугъ мой и безпокойство, онъ посмотрѣлъ на меня съ участіемъ и промолвилъ слабымъ голосомъ: «Да, я очень нездоровъ—опять простудился!..... Пошли записку къ Васильчикову (*) съ отказомъ: не могу принять ихъ (**).» Я совѣтовалъ ему лечь въ постель; онъ отвѣчалъ что такъ и сдѣлаетъ, а между тѣмъ, увидя въ рукахъ моихъ пакетъ, велѣлъ распечатать и сказать что̀ тутъ есть. Пакетъ былъ съ проектами сельскаго судебнаго и полицейскаго уставовъ, поступившими тогда въ государственный совѣтъ и присланными къ нему на предварительный просмотръ. Онъ приказалъ мнѣ ихъ прочесть, сообразить съ Сводомъ Законовъ и прежними положеніями о управленіи государственныхъ крестьянъ и, если что̀ замѣчу *неладнаго*, доложить ему. На этомъ мы разстались и я вышелъ изъ кабинета въ большомъ смущеніи. Въ это время страдалецъ мой былъ одинъ; дочь и зять были въ своихъ комнатахъ и, кажется, еще спали. Но я узналъ, что врачи уже его видѣли, прописали лекарство и послали въ аптеку. Напрасно я старался ободрить себя надеждою на возможность новаго поправленія его здоровья. Сердце мое, какъ говорится, *упало*. Я вспомнилъ слова̀, слышанныя отъ Арендта въ началѣ января: «Поддержать-то мы его поддержали, да на долго ли? сомнѣваюсь; лѣта не тѣ!» Вспомнилось мнѣ и то̀, что, заставая иногда графа, въ теченіи января, за его завтраками, противу прежняго

(*) Предсѣдатель государственнаго совѣта.

(**) Т. е. членовъ соединенныхъ департаментовъ, которые должны были собраться у него, въ этотъ день, для дѣла о лажѣ.

слишкомъ обильными и разнородными, я слышалъ отъ него жалобы: «Вотъ, по совѣту докторовъ, стараюсь откормить себя послѣ болѣзни, но дѣло идетъ плохо; нѣтъ хорошаго позыва ни на какую пищу.» Отчаяніе овладѣло мною. «Ахъ,» думалъ я, «если бъ нашъ старикъ Божій послушался меня наканунѣ и не ходилъ со двора!......»

Въ это самое время Государь съ Императрицею уѣхали на нѣсколько дней въ Петергофъ. 10-го февраля за Арендтомъ, находившимся, по обыкновенію, при нихъ, прискакалъ курьеръ, съ приглашеніемъ къ престарѣлому Кушникову, за нѣсколько дней передъ тѣмъ назначенному председателемъ гражданскаго департамента въ государственномъ совѣтѣ и вдругъ разбитому параличемъ. Едва Арендтъ выѣхалъ за Петергофскую заставу, какъ его остановилъ другой посланный, съ извѣстіемъ, что и Сперанскій снова опасно занемогъ. Арендтъ пріѣхалъ сначала къ Кушникову. Добрый и почтенный старикъ былъ въ памяти, еще владѣлъ языкомъ и уже зналъ о припадкѣ Сперанскаго, жившаго почти рядомъ съ нимъ. «Видѣли ли вы Михайла Михайловича?» былъ первый его вопросъ вошедшему лейбъ-медику.—«Нѣтъ еще.»—«Ну такъ бросьте меня и поѣзжайте скорѣе къ нему: я уже полумертвый, а его нужно спасти для Россіи (*).»

Но тамъ уже не было никакой возможности спасти.. .

Предоставимъ здѣсь опять говорить Рѣпинскому:

«Вечеромъ 9-го числа, въ восьмомъ часу, графъ, съ дивана своего въ кабинетѣ увидѣвъ, въ растворенныя двери, что я стою въ залѣ, подозвалъ меня къ себѣ и поговорилъ немножко. На вопросъ мой, какъ чувствуетъ себя послѣ кровопусканья, піявочнаго и рожковаго, онъ отвѣчалъ:

(*) Со словъ самого Арендта.

«лучше стало: докторамъ надо было сдѣлать это попрежде, не допуская до страданій.» Я старался сказать ему, какъ можно равнодушнѣе, что доктора знаютъ что̀ дѣлаютъ и что надо ихъ слушать. Глупость этой рѣчи моей я чувствовалъ въ туже минуту какъ говорилъ, но радъ ей былъ: ею подавился рвавшійся изъ груди моей полный дѣтскій взрыдъ. Я поспѣшно поклонился и вышелъ.

«Ночью и я заболѣлъ. Двухсуточная тяжкая грусть, при неважной простудѣ, взяла свое. Однако 10-го я опять коекакъ притащился въ домъ къ графу. Онъ лежалъ уже безвыходно въ спальнѣ. Отъ собственной болѣзни, лицо у меня было такъ *кисло*, что я не осмѣлился туда войти. А хотѣлось взглянуть на него, хоть издалека! Кто-то мнѣ передалъ, что по утру графъ сказалъ Маргуліесу: «Ну, берегитесь: со мной будетъ ударъ; врагъ мой здѣсь (указывая на грудь),—это я чувствую.» Послали за Арендтомъ въ Петергофъ; онъ пріѣхалъ въ 5-мъ часу послѣ обѣда. Вечеромъ говорили доктора, что графу *лучше*, даже *очень хорошо*. Въ этомъ смыслѣ послалъ Арендтъ и телеграмму Государю. Сказывали, что графъ, въ теченіе вечера, много разговаривалъ съ Арендтомъ и другими о физическихъ явленіяхъ *небесныхъ*; что̀ именно, не успѣлъ передать мнѣ торопливый Арендтъ.

«Въ три часа утра 11-го числа предсказаніе графа сбылось: ровно черезъ мѣсяцъ отъ дня своихъ имянинъ и число въ число съ рожденіемъ его старшаго внука Михаила (въ 1824-мъ году) онъ былъ пораженъ ударомъ въ голову и внутренности. Не зная о томъ,-и частію успокоившись вчерашними вечерними вѣстями врачей, а частію и за собственною болѣзнію, я не спѣшилъ быть въ домѣ графа, какъ вдругъ за мною прислалъ его зять. Я нашелъ больнаго борющимся со смертію: безъ языка, съ закрытыми глазами, безпрерывно стонущимъ какъ бы въ сновидѣніи.

При мнѣ онъ какъ будто очнулся, не открывая, однако, глазъ и не переставая стенать; сдѣлалъ слабый знакъ лѣвою рукою и послѣ губами: первый изъ нихъ относился, какъ я и камердинеръ себѣ растолковали, къ тому, чтобъ переложить ему ноги (онъ лежалъ на спинѣ и отъ времени до времени приподнималъ немножко колѣни и опускалъ ихъ; по видимому онъ страдалъ болью въ лѣвой ногѣ, отъ стараго, нелеченнаго ушиба) (*): губной знакъ растолковали, что онъ проситъ пить. Арендтъ подалъ нѣсколько ложекъ какого-то лекарственнаго питья, кажется съ мускусомъ; первыя больной принялъ, но потомъ сжалъ губы. Стоны, хрипотные, какъ бы во снѣ, не прерывались съ утра. Около полудня Арендтъ напрасно старался привесть его хотя на минуту въ память, піявками къ затылку и промывательными. Въ сорокъ минутъ девятаго часа вечера излетѣлъ послѣдній вздохъ изъ груди его. Маргуліесъ сидѣлъ возлѣ него и до того съ часъ держалъ руку за пульсъ. Онъ и объявилъ кончину находившимся въ спальнѣ: дочери, зятю, молодому барону Александру Икскулю (домашнему ихъ пріятелю), Андрею Логиновичу Гофману (**), мнѣ и двумъ слугамъ. Я почти обезумѣлъ; скоро однако опомнился, покрылъ поцѣлуями и слезами его руки, еще теплыя, отвернулся за дверь въ библіотеку (возлѣ спальни), помолился, прося Божія и его благословенія, и сталъ спокойнѣе.....»

(*) Когда старшій сынъ госпожи Фроловой-Багрѣевой былъ еще ребенкомъ, дѣдъ, играя съ нимъ, поставилъ его на карнизъ печки; карнизъ вдругъ отвалился и, упавъ Сперанскому на лѣвую ногу, сильно придавилъ большой палецъ. Онъ не обратилъ никакого вниманія на этотъ ушибъ, но послѣ часто страдалъ отъ него, такъ, что ходя прихрамывалъ.

(**) А. Л. Гофманъ, въ то время статсъ-секретарь въ департаментѣ государственнаго совѣта по дѣламъ царства Польскаго, былъ очень близокъ къ Сперанскому, который исправлялъ въ этомъ департаментѣ должность отсутствовавшаго предсѣдателя, фельдмаршала князя Варшавскаго.

За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ Сперанскій писалъ Словцову: «Желайте чтобъ тихая рука смерти съ вѣрою, любовью и надеждою закрыла мнѣ глаза, зрѣлищемъ ложнаго свѣта давно уже утомленныя.» Потомъ, спустя десять лѣтъ, онъ писалъ тому же другу: «Мысль, когда прійду и явлюсь лицу Божію, вездѣ и всегда со мною.» Но смерть какъ бы ждала пока онъ не окончитъ главнаго своего подвига!

Государственный секретарь баронъ Корфъ въ тотъ же вечеръ явился къ Государю, уже возвратившемуся изъ Петергофа и жившему тогда въ Аничкиномъ дворцѣ. Повелѣніе о запечатаніи кабинета покойнаго послѣдовало еще въ первую его болѣзнь и потому надо было узнать, не будетъ ли какого новаго, или дополнительнаго приказанія. Государю уже было донесено о смерти Сперанскаго черезъ фельдъегеря, посланнаго къ нему навѣдаться. Въ аудіенціи, которой часть мы выписали выше (въ I-й главѣ настоящей части), Императоръ Николай съ глубокимъ чувствомъ выразилъ, въ какой мѣрѣ онъ пораженъ этою смертію, какъ сознаетъ, сколь тѣсно имя Сперанскаго связалось съ исторіею его царствованія, ка́къ видитъ, въ его кончинѣ, потерю не только тяжелую для своего сердца, но вмѣстѣ и государственную. «Другаго Сперанскаго мнѣ уже не найти—повторялъ Государь нѣсколько разъ—да и кѣмъ я попытаюсь даже замѣнить его умъ, свѣдѣнія, опытность, усердіе, быстроту!....... На бо́льшую еще бѣду, эта потеря застигла насъ въ такую минуту, когда оставалось столько додѣлать. Польша, Финляндія, Остзейскій край еще не имѣютъ своихъ Сводовъ; уголовные наши законы необходимо требуютъ пересмотра, къ которому мы уже было и приступили; нѣтъ уставовъ судопроизводства, ни гражданскаго, ни уголовнаго, тогда какъ съ теперешними ступить невозможно....» Корфу велѣно

было, на первый разъ, только приложить печать къ оставшимся послѣ покойнаго бумагамъ, а разборъ ихъ произвести, потомъ, вмѣстѣ съ министромъ юстиціи Дашковымъ и статсъ-секретаремъ Танѣевымъ.

Императоръ Николай выразилъ свою привязанность къ памяти Сперанскаго и письменно. Вотъ собственноручная его записка къ князю Васильчикову, разъѣхавшаяся съ Корфомъ на пути его во дворецъ:

«A l' instant même je viens d'apprendre la fin de notre respectable Spéransky. Vous vous direz aisément, mon cher ami, ce que cette perte irréparable me fait éprouver de cruels regrets. Mais que la volonté de Dieu soit faite: c'est une épreuve de plus et *des plus pénibles* pour moi; il faut s'y soumettre. Je crois nécéssaire de vous engager à envoyer de suite Korff mettre les scellés sur ses papiers. A demain le reste.»

Изъ дворца баронъ Корфъ поѣхалъ въ домъ покойнаго. Тамъ его встрѣтили плачь и стонъ. Дочь и ея дѣти заливались слезами, люди также. Доктора давно уѣхали и чужихъ не было никого; въ одной комнатѣ Гофманъ торговался съ гробовщикомъ (*), въ другой приготовляли столъ для послѣдняго ложа; въ спальнѣ, гдѣ тѣло еще лежало на смертной постелѣ, извѣстный, въ то время, художникъ Лемольтъ, уже снявъ съ лица маску для бюста, занимался слѣпкомъ съ рукъ, изящнѣйшихъ какія только можно себѣ представить. На умныхъ, многовыразительныхъ чертахъ отстрадавшаго лежала, казалось, печать глубокой думы. «Онъ умеръ какъ праведникъ,—шепнулъ возлѣ кто-то изъ прислуги—а теперь лежитъ точно будто святой заснулъ!»

(*) К. Г. Рѣпинскаго болѣзнь и грусть заставили рѣшительно отказаться отъ всякаго участія въ распоряженіяхъ по похоронамъ. Все это принялъ на себя А. А. Гофманъ, съ пособіемъ духовника графа.

Послѣ семейной панихиды, Корфъ исполнилъ тягостное свое порученіе. Запечатаны были всѣ шкафы и ящики съ бумагами, сначала въ кабинетѣ покойнаго, потомъ на квартирѣ Рѣпинскаго, у котораго хранились многія дѣлà. Это продлилось далеко за полночь.

12-го февраля тѣло было положено въ гробъ, приготовили траурную комнату, учредили дежурство и начались торжественныя панихиды.·15-го были похороны.

Въ «Думѣ» Магницкаго есть одно мѣсто, исполненное истинно поэтическаго чувства, безъ витіеватой напыщенности. Вотъ оно: «Около полувѣка тому назадъ, воспитанникъ Владимірской семинаріи, съ нѣсколькими рублевиками въ карманѣ, съ благословеніемъ сельскаго священника, отца своего, вошелъ трепетною ногою въ ворота Александроневской лавры. И вотъ онъ, подъ раззолоченнымъ балдахиномъ погребальной колесницы, окруженный факелами и облакомъ кадильнаго ѳиміама, въѣзжаетъ въ тѣ самыя ворота—графомъ Сперанскимъ, знатнымъ и знаменитымъ сановникомъ имперіи! . . . .»

Торжественно было, и по внѣшнему великолѣпію и по внутреннему смыслу, погребеніе бѣднаго семинариста, сына своихъ дѣлъ. Въ лаврской церкви Св. Духа литургію и отпѣваніе совершалъ, соборнѣ, находившійся тогда въ Петербургѣ митрополитъ Кіевскій Филаретъ, котораго покойный всегда особенно уважалъ. При печальномъ обрядѣ присутствовали Императоръ, великій князь Михаилъ Павловичъ (*) и, разумѣется, весь Дворъ, всѣ государственные сановники, весь дипломатическій корпусъ. На всѣхъ лицахъ выражались наружное участіе и печаль; сердцà

(*) Наслѣдникъ Цесаревичъ находился, въ то время, за границею, а братья его были еще слишкомъ молоды, чтобъ присутствовать при подобныхъ обрядàхъ.

видѣлъ одинъ Богъ. Гробъ понесли на новое кладбище, довольно отдаленное отъ церкви; не смотря на то, Государь проводилъ его до могилы и первый, вслѣдъ за митрополитомъ, съ слезами на глазахъ, бросилъ прощальную горсть земли . . . . . . (*).

Надгробный памятникъ надъ тѣломъ графа Сперанскаго чрезвычайно простъ, но въ этой самой простотѣ и заключается его особенное величіе. На большомъ монолитѣ, высѣченномъ изъ краснаго гранита, утвержденъ, надъ мѣстомъ, противъ котораго приходится грудь покойнаго, вызолоченный крестъ: у подножія его краткая надпись: «Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Родился 1-го января 1772, скончался 11-го февраля 1839.» Съ восточной стороны, у ногъ—конфирмованный уже послѣ смерти Сперанскаго, но еще самимъ имъ сочиненный, графскій гербъ, съ девизомъ (вѣроятно въ намекъ на его фамилію): «in adversis sperat». Подъ тѣмъ же камнемъ лежитъ второй его внукъ, Александръ, котораго онъ такъ любилъ и такъ оплакивалъ. Близъ этой исторической могилы покоятся: Карамзинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ и—тотъ Кушниковъ, который посылалъ Арендта спасать Сперанскаго для Россіи.

Мы сей часъ упомянули, что гербъ на графское достоинство Сперанскаго былъ конфирмованъ уже послѣ его смерти. Составленіе диплома дало поводъ къ особенному

(*) Въ статьѣ г. Лонгинова сказано, что толпы народа приходили прощаться съ тѣломъ великаго человѣка и что купцы заперли лавки въ гостиномъ дворѣ. Свѣдѣніе это, заимствованное, кажется, изъ приведенной нами, въ предисловіи, статьи Тальандье, не имѣетъ основанія. По крайней мѣрѣ ни мы и никто другой изъ близкихъ къ графу ничего подобнаго не видѣли и не слыхали. Такія изъявленія не въ духѣ нашего народа, да и слава гражданскихъ доблестей не легко переходитъ у насъ въ народное сознаніе. Только Петербургская биржа иногда отзывалась подобными демонстраціями при смерти которой либо изъ коммерческихъ знаменитостей.

вопросу. Въ послужномъ спискѣ, выданномъ Сперанскому въ 1828-мъ году изъ герольдіи, для испрошенія знака отличія безпорочной службы, мрачный періодъ его біографіи былъ изложенъ слѣдующимъ образомъ: «Бывшій министръ юстиціи Дмитріевъ отъ 30-го декабря 1812-го года далъ знать герольдіи, что комитетъ гг. министровъ положилъ тайнаго совѣтника Сперанскаго въ изготовляемый герольдіею списокъ не вносить, такъ какъ онъ при должности не находится и при герольдіи не числится. Въ именномъ высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату въ 30-й день августа 1816-го года, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, изображено (здѣсь были прописаны слова́ указа о назначеніи Сперанскаго Пензенскимъ губернаторомъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно продолжить пожалованную ему аренду на слѣдующія 12-ть лѣтъ и производить (сверхъ 3000 р. жалованья и столовыхъ по мѣсту) тотъ окладъ (по 6000 р. въ годъ), который ему съ 17-го марта 1812-го года былъ производимъ.» По 11-го февраля 1839-го года (*) министръ юстиціи предписалъ герольдмейстеру слѣдующее: «По поводу рапорта вашего за № 15-мъ, коимъ испрашивали моего разрѣшенія: должно ли будетъ помѣстить въ дипломѣ на графское достоинство графа Сперанскаго обстоятельство объ удаленіи его въ 1812-мъ году отъ службы, я входилъ съ докладомъ къ Государю Императору и Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ: вмѣсто прописанныхъ въ формулярномъ спискѣ графа Сперанскаго положенія комитета министровъ, объявленнаго герольдіи 30-го декабря 1812-го года бывшимъ министромъ юстиціи Дмитріевымъ, и высочайшаго указа

(*) Т. е. въ самый день смерти Сперанскаго,—разумѣется, совершенно случайно, еще прежде полученія извѣстія о ней.

30-го августа 1816-го, не касаясь самого формуляра, изложить въ дипломѣ на графское его достоинство слѣдующее: находился внѣ службы съ 1812-го по 1816-й годъ, а въ семъ году высочайшимъ указомъ 30-го августа опредѣленъ Пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно продолжить пожалованную ему аренду на слѣдующія 12-ть лѣтъ и производить (сверхъ 3000 р. жалованья и столовыхъ по мѣсту) тотъ окладъ (по 6000 р. въ годъ), который ему съ 17-го марта 1812-го года производился.»

IV.

По замѣткамъ, разсѣяннымъ въ разныхъ мѣстахъ нашего повѣствованія, читатель уже могъ, думаемъ мы, составить себѣ довольно ясное понятіе о свойствахъ и особенностяхъ Сперанскаго. Тѣмъ не менѣе, мы не исполнили бы долга, лежащаго на насъ, какъ на его современникахъ и притомъ нѣкогда къ нему близкихъ, если бъ не попытались представить здѣсь, въ дополненіе и заключеніе этихъ отрывочныхъ замѣтокъ, сколько нибудь связный, общій очеркъ его характеристики и своеобразной личности.

Сперанскій, можно сказать, никогда вполнѣ не выразилъ себя во внѣшней своей дѣятельности. Онъ, правда, творилъ вездѣ, къ чему ни прикасался, и много своей жизни перелилъ въ тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые старались его понять; но какъ поприще, на которомъ онъ былъ призванъ дѣйствовать,—т. е. служба,—не открывало полнаго простора для его творчества, то и жизнь его была вообще болѣе жизнію духа. Отъ этого онъ остался, для массы, чѣмъ-то невысказавшимся, спорнымъ, идеею, не перешедшею въ дѣло, такъ что люди новаго поколѣнія не вдругъ его постигли и не вдругъ стали ему симпатизировать, мно-

гіе же и до сихъ поръ къ нему равнодушны. Окончательный приговоръ его государственной дѣятельности можно ожидать, конечно, лишь отъ болѣе отдаленнаго потомства, когда горизонтъ для сравненій сдѣлается обширнѣе и изчезнутъ то пристрастіе, или тѣ предубѣжденія, которыя затемняли судъ надъ нимъ для людей его эпохи; лишь оно рѣшитъ, была ли дѣятельность этого человѣка живымъ и органическимъ процессомъ, или механизмомъ многодѣльнымъ, но безполезнымъ, и была ли его мысль вѣщимъ прозрѣніемъ въ будущее, или же онъ увлекался одиѣми неосуществимыми мечтами? Но уже и теперь, кажется, позволительно, безъ всякаго преувеличенія, утверждать, что, по таланту, по массѣ глубокихъ и многостороннихъ знаній, ученыхъ и, что̀ называется, дѣловыхъ, по силѣ воображенія, по всеобъемлющей производительности, наконецъ и по духу и цѣли своихъ стремленій, когда они не преклонялись передъ сторонними вліяніями, едва ли кто либо изъ предшественниковъ у насъ Сперанскаго болѣе его соединялъ въ себѣ качества истинно государственнаго человѣка. Вѣроятно, того же мнѣнія была, втайнѣ, и сама партія, враждебная ему между современниками и сверстниками; но многихъ именно и вооружало противъ него невольное сознаніе его достоинствъ, не только по малодушной завпсти и разсчетамъ личнымъ, но еще по другому чувству, которымъ, въ то время, какъ и прежде, большинство постоянно возставовлялось противъ всякихъ нововведеній. Даже въ XIX-мъ вѣкѣ не было у насъ недостатка въ такихъ приверженцахъ старины и рутины, которые въ государство, гдѣ полное, неукоснительное развитіе всѣхъ частей составляетъ необходимое условіе его бытія и преуспѣянія, въ Россію, молодую, полную свѣжихъ силъ и задатковъ на успѣхъ, покушались ввести мертвую неподвижность обветшавшей іезуитской политики, той политики, въ которой и Австрія тщетно

искала якоря спасенія. Умы этого разряда, ратуя противъ всякаго преобразованія, противъ всякой новой мысли, сколько бы она ни была животворна, не стыдились даже утверждать, что бездарная посредственность полезнѣе для дѣлъ государственныхъ, нежели люди даровитые, и что послѣднихъ должно бояться и допускать къ дѣлу развѣ въ однѣхъ подчиненныхъ должностяхъ, какъ механическое орудіе, направляемое другими, потому что они—*съ идеями*, а не только опасна та или другая идея, но опасно и всякое *движеніе идей*.

Довольно вникнуть въ характеръ подобнаго круга, чтобы еще болѣе оцѣнить значеніе Сперанскаго и тотъ ключъ живой мысли, который постоянно изъ него билъ. На темномъ грунтѣ этой картины образъ его еще рѣзче выступаетъ и, конечно, чѣмъ шире будетъ разрастаться наше политическое разумѣніе; чѣмъ болѣе будемъ мы благоговѣть передъ основою всякаго общежитія—законностію; чѣмъ задушевнѣе будетъ наша вѣра въ необходимость для Россіи безостановочнаго поступательнаго движенія: тѣмъ съ глубочайшимъ уваженіемъ, тѣмъ съ живѣйшею любовью мы станемъ оглядываться на Сперанскаго.

Но выставляя достоинства, правдивый біографъ не долженъ скрывать и недостатковъ. Въ дѣйствіяхъ Сперанскаго не рѣдко проявлялось болѣе доктрины, нежели выработанныхъ собственныхъ убѣжденій, болѣе уступокъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, нежели той высшей правоты характера, того непреклоннаго прямодушія, которыми такъ возвышается человѣкъ, щедро одаренный отъ природы и выдвинутый судьбою изъ ряда. Если источникъ этихъ недостатковъ должно искать, отчасти, въ его воспитаніи и въ той обстановкѣ, посреди которой протекли первые его годы; то нѣтъ сомнѣнія, что многому тутъ содѣйствовали и превратности дальнѣйшей его жизни, которую полоса бѣдствій и уничиженія ви-

димо раздѣлила на двѣ, рѣзко различавшіяся между собою половины. Въ одной—въ половинѣ пылкой молодости—господствовали въ немъ свѣжая, еще ничѣмъ не обманутая сила, порывы смѣлой мысли, увѣренность въ плодотворность истины и надежда на успѣхъ; въ другой,—послѣ горечи нежданнаго, незаслуженнаго безславія,—наступили горькое разочарованіе, сомнѣніе въ томъ, что̀ считать общественною правдою и пользою, боязнь толковъ и пересудовъ, покорность дѣйствительности при неугасшемъ еще честолюбіи, родъ душевной апатіи при продолжавшейся умственной дѣятельности. Двоедушіе и ласкательства въ письмахъ изъ періодовъ Пензенскаго и Сибирскаго; самоуниженіе, обнаруженное въ принятіи губернаторскаго мѣста послѣ оскорбительныхъ выраженій указа 1816-го года; неодолимое стремленіе снова возвратиться въ Петербургъ и ко Двору; заискиваніе милости у Аракчеева и другихъ сильныхъ—все это доказываетъ, что, съ 1812-го года, благородныя влеченія прежняго времени во многомъ подчинились у Сперанскаго обыденнымъ цѣлямъ рядоваго придворнаго. Онъ пересталъ быть *единственнымъ въ своемъ родѣ*, пересталъ замыкаться въ кругъ тѣхъ понятій и стремленій, которыми прежде наполнялось все его бытіе, и началъ соразмѣрять объемъ ихъ съ требованіями окружавшей его среды, въ чемъ, конечно, дѣйствовала не одна лишь привязанность къ дочери, постоянно выставлявшаяся имъ въ оправданіе своей уклончивости. Прибавимъ, впрочемъ, что поводомъ къ обвиненію Сперанскаго въ двуличности часто служило и природное его добродушіе. Онъ не зналъ *искусства отказывать*, иногда столь необходимаго государственному человѣку. Всякаго, обращавшагося къ нему съ просьбою, онъ считалъ долгомъ отпустить не только съ привѣтомъ и ласкою, но еще и съ надеждою на исполненіе просимаго. Оттого, если сила обстоятельствъ не позво-

ляла ему, впослѣдствіи, выполнить данное обѣщаніе, обнадеженный имъ считалъ себя обманутымъ преднамѣренно и переходилъ въ число его порицателей и враговъ. Взращенный внѣ свѣта и брошенный вдругъ въ его водоворотъ, Сперанскій и здѣсь, подавленный весь бременемъ дѣлъ, такъ сказать, не выходилъ изъ уединенія, составлявшаго нормальное его состояніе, а потому, не смотря на тонкость своего ума, всегда мало или ложно понималъ внѣшнія условія сложнаго житейскаго быта. Онъ былъ героемъ съ перомъ въ рукахъ, или въ оффиціальныхъ важныхъ диспутахъ; въ мелкихъ же столкновеніяхъ на него, нерѣдко, нападала какая-то малодушная робость. Но въ противуположность тому, что въ кругѣ общественной его дѣятельности высказывало характеръ слабости, или даже малопростительной угодливости, нельзя не поставить тѣ высокія качества, которыми онъ украшался въ частной и семейной жизни и которыя такъ привязывали къ нему его приближенныхъ. Зло Сперанскій зналъ только какъ внѣшнее явленіе. Встрѣчая враговъ, сильныхъ и непримиримыхъ, онъ спокойно и болѣе съ соболѣзнованіемъ, чѣмъ съ негодованіемъ, говорилъ про нихъ: «этакіе чудаки (одна изъ любимыхъ его фразъ)», или развѣ: «безумные люди!» Этимъ и ограничивалась вся его желчь. Напротивъ того убѣжденіе въ силѣ добра и въ добрыхъ наклонностяхъ человѣческой природы дѣйствовало въ немъ такъ сильно, что, случалось, доходило даже до нѣкоторой наивности (*). Чуждый всякаго зло-

(*) Между разными другими анекдотами, мы помнимъ собственный разсказъ Сперанскаго о томъ, какъ онъ былъ обманутъ въ Перми секретаремъ тамошняго магистрата. Комната съ секретарскимъ столомъ въ домѣ магистрата была насупротивъ кабинета заточеннаго, слѣдственно всегда у него передъ глазами. Зная это, секретарь приказалъ ставить на свой столъ, съ ранняго вечера, двѣ зажженныя большія свѣчи и не велѣлъ ихъ гасить до тѣхъ поръ пока онѣ не догорятъ, а самъ проводилъ вечера и ночи у своихъ знакомыхъ. «Въ то время этотъ

памятства, онъ былъ искренно добросердеченъ, кротокъ, снисходителенъ и уживчивъ (*) и, даже на верху почестей и славы, сохранялъ, какъ мы уже видѣли, примѣрную вѣрность семейнымъ привязанностямъ, не стыдясь ни своего родства, ни бѣдности въ прошломъ, хотя никогда также и не величаясь ими, а припоминая только при случаѣ, безъ всякой аффектаціи. Та спокойная, естественная восторженность Сперанскаго, о которой сказано въ одной изъ предъидущихъ главъ, была въ особенности замѣтна въ его домашней жизни. Когда случалось заставать его за молитвою, тихо выходили изъ комнаты; когда видѣли, что онъ сидитъ задумавшись, или за дѣломъ, не смѣли ничѣмъ нарушить тишины и, остановясь, съ благоговѣніемъ дожидались пока онъ самъ не обратитъ своего вниманія. Замѣтимъ, наконецъ, въ Сперанскомъ еще одну черту, довольно рѣдкую въ людяхъ, поднявшихся, подобно ему, изъ

человѣкъ—разсказывалъ Сперанскій—напоминалъ мнѣ собственную мою секретарскую дѣятельность, и уже только много лѣтъ спустя я случайно свѣдалъ о его продѣлкѣ.»

(*) До какой степени онъ былъ снисливъ къ недостаткамъ своей прислуги, тому могъ служить лучшимъ доказательствомъ его камердинеръ «Лаврушка», горькій пьяница, не совсѣмъ и чистый на руку, но котораго онъ терпѣлъ при себѣ едва ли не лѣтъ тридцать, и въ Петербургѣ, и въ Перми, и въ Сибири, и послѣ опять въ Петербургѣ. Услуги этого «Лаврушки», тучнаго, тупаго, неловкаго, который, въ свое время, пріобрѣлъ родъ исторической извѣстности и котораго домашніе прозвали «барономъ», продолжались всего нѣсколько утреннихъ часовъ, послѣ чего онъ напивался и засыпалъ, а посѣтителямъ обыкновенно, изъ одной лѣни встать и идти объ нихъ докладывать, отвѣчалъ: «баринъ спитъ.» До свѣдѣнія Сперанскаго этотъ пріемъ его камердинера дошелъ случайно, черезъ графа Витгенштейна, который, при подобномъ же отвѣтѣ, не послушавшись и самъ пойдя будить хозяина, засталъ его, разумѣется, не спящимъ, а за бумагами. Произведенное слѣдствіе окончилось однимъ олимпійскимъ смѣхомъ. Тотъ же «Лаврушка» горько и долго негодовалъ на то, что его баринъ не выпросилъ ему за поѣздку съ собою въ Сибирь—чина!

ничтожества, именно—его малодоступность лести и ласкательству. Самъ ихъ щедро и искусно расточая, онъ лучше другихъ умѣлъ цѣнить внутреннюю ихъ пустоту и нисколько не дорожилъ такими отзывами, въ которыхъ могъ подозрѣвать одну угодливость, или одно стараніе вкрасться въ его расположеніе.

Въ первой половинѣ государственнаго поприща Сперанскаго многіе находили нѣкоторое сходство между нимъ и знаменитымъ его современникомъ, Прусскимъ министромъ Штейномъ. Дѣйствительно, оба, въ одну и ту же эпоху и въ двухъ смежныхъ между собою государствахъ, шли къ одинаковой цѣли; оба, съ равнымъ одушевленіемъ и безстрашіемъ, пролагали къ ней путь важными перемѣнами и уновленіями; оба встрѣчали сильное противудѣйствіе въ поклонникахъ былаго, въ умахъ лѣнивыхъ и въ привилегированныхъ кастахъ и лицахъ; оба, наконецъ, задали себѣ великую проблему и оставили ее, послѣдующимъ поколѣніямъ, неразрѣшенною практически. Но на этомъ и останавливается сходство между ними. Штейнъ, какъ природный старый дворянинъ, былъ величайшій врагъ всякаго мелочнаго бумажнаго формализма; Сперанскій, вышедшій изъ толпы, напротивъ, надѣялся многаго отъ административной регламентаціи. Штейнъ началъ свои преобразованія снизу, съ крестьянъ и горожанъ, освободивъ однихъ отъ ярма феодальныхъ повинностей и давъ другимъ либеральное общинное устройство; Сперанскій усиливался произвести образовательный напоръ сверху. Какъ нѣкогда Петръ Великій вывезъ изъ заграничнаго путешествія идею перестроить свою державу на иноземный ладъ, такъ Сперанскій, возвратясь изъ Эрфурта, переполненный удивленіемъ къ Наполеону и Франціи, сказалъ: «тамъ лучше установленія, но у насъ люди лучше (*),» т. е. Русскій человѣкъ мя-

(*) Мы уже однажды изъявили сомнѣніе и теперь продолжаемъ сомнѣ-

гокъ какъ воскъ; нужно только вылѣпить для него форму и, со временемъ, постепенно, онъ самъ собою въ нее вростетъ. Въ этомъ смыслѣ Сперанскій—какъ справедливо замѣчено и въ книгѣ Тургенева — старался разсѣять окружавшій его хаосъ посредствомъ большей системы и гармоніи въ устройствѣ разныхъ частей управленія: онъ принялся писать уложеніе, преобразовывать сенатъ, разграничивать министерства, установлять порядокъ движенія дѣлъ, давать образцы для составленія бумагъ—однимъ словомъ онъ, казалось, слѣпо вѣровалъ во всемогущество формы. Но и въ этомъ отношеніи едва ли можно слишкомъ строго осуждать направленіе и духъ его дѣятельности. Мы знаемъ, что, при всемъ наружномъ поклоненіи формѣ, Сперанскій самъ не разъ говаривалъ: «этакіе чудаки, думаютъ что когда напишутъ, то тàкъ и будетъ;» знаемъ, что онъ постоянно сопротивлялся тому расположенію бумагъ, которое многіе ставятъ въ вину ему (*), тогда какъ оно есть лишь послѣдствіе пустоты ихъ содержанія и малоспособности дѣлопроизводителей; знаемъ, что онъ, напротивъ, желалъ достигнуть совсѣмъ другаго, именно, чтобы должностныя лица были не простыми машинами, но, въ сферѣ каждаго, дѣятелями самостоятельными и, въ тоже время, отвѣтственными; знаемъ, наконецъ, что изъ общаго его плана осуществились только нѣкоторыя части, притомъ однѣ

ваться, чтобы Сперанскій *дѣйствительно это сказалъ;* но здѣсь важно не тò, произнесъ ли онъ самыя слова, а тò, что онъ постоянно дѣйствовалъ въ ихъ разумѣ.

(*) Въ Общемъ Учрежденіи министерствъ, написанномъ Сперанскимъ, была превосходная статья (62) слѣдующаго содержанія, лучше всего опровергающая взводимое на него обвиненіе въ *безусловномъ* бюрократизмѣ: «Постепенное уменьшеніе числа дѣлъ есть самый главный признакъ благоустроеннаго министерства, а умноженіе ихъ есть знакъ разстройства и смѣшенія.»

второстепенныя. Можетъ быть, если бы онъ могъ довершить все имъ задуманное, особенно если бы ему дано было самому приводить въ дѣло свои мысли, то рамы его не остались бы пустыми и созданныя имъ формы наполнились бы жизненнымъ содержаніемъ. Но творческія его идеи, иногда не вполнѣ договоренныя, перейдя въ руки другихъ, не стоя́вшихъ на умственной его высотѣ, превращались для нихъ въ камень преткновенія и, частію, остались неразвитыми въ приложеніи къ дѣлу, частію же получили развитіе, противное его цѣлямъ (*).

Въ Сперанскомъ блистательно соединялись два качества, не всегда и даже довольно рѣдко выпадающія на долю одному и тому же лицу: даръ пера и даръ живаго сло́ва.

Письменная его производительность была, по истинѣ, изумительна. Чего не писалъ онъ, по обязанности, по порученіямъ, по собственной охотѣ! Простой *перечень* его сочиненій, изъ самыхъ разнообразныхъ областей человѣческаго вѣдѣнія и человѣческой мысли, объемомъ своимъ, конечно, превзошелъ бы *все*, что́ большею частію изъ нашихъ государственныхъ людей было написано въ цѣлую ихъ жизнь. Богословіе, исторія, археологія,

(*) Замѣтимъ, что, вѣря въ сердце людей, Сперанскій отнюдь не такъ легко вѣрилъ въ ихъ умъ. «Знаю я—слыхивали мы отъ него—тысячи ученыхъ, а умныхъ и десятка не наберу.» Разсуждая какъ-то разъ о геніяхъ, онъ сказалъ, что въ Россіи было ихъ, въ XVIII-мъ столѣтіи, только четыре: Меншиковъ, Потемкинъ, Суворовъ и Безбородко, «но послѣдній—прибавилъ онъ—не имѣлъ характера.» Кстати о Суворовѣ: Сперанскій находилъ, что онъ былъ великъ не менѣе Наполеона, не менѣе его быстръ, зорокъ, дальновиденъ и непостижимъ, не менѣе умѣлъ одушевлять солдатъ и внушать имъ увѣренность въ побѣдѣ; «оба, говорилъ онъ, одинаково не жалѣли людей и воевали на чужой счетъ: вся разница между ними была только въ томъ, что Наполеонъ дѣйствовалъ какъ ученый полководецъ, а Суворовъ прикрывался юродствомъ.»

древности церковныя, наука пра́ва въ обширнѣйшемъ ея значеніи, философія во всѣхъ ея отрасляхъ, филологія,— все это онъ разработывалъ и вездѣ проводилъ какую нибудь новую мысль, нерѣдко образцовую, по крайней мѣрѣ всегда оригинальную (*). Планъ и основы какъ всѣхъ этихъ работъ, такъ и бумагъ собственно государственныхъ, созидались имъ съ необыкновенною легкостію и быстротою, и онъ не зналъ тутъ никакихъ трудностей: ни въ разрѣшеніи самыхъ сложныхъ вопросовъ и дѣлъ, ни въ оборотѣ для ясной и пластической—если это только входило въ его виды—передачи своихъ идей. Умѣя вливать жизнь и интересъ въ самые сухіе предметы и давать осязательную и пріятную форму тому, что́ подъ другимъ перомъ не уложилось бы ни въ какія рамки, даже, если можно такъ выразиться, *не додумалось бы*, онъ, при огромномъ запасѣ свѣдѣній, плодѣ постояннаго самовоспитанія и безпрерывнаго, отчетливаго чтенія, писалъ съ одной памяти то́, для чего другому потребовалось бы множество предварительныхъ справокъ. Подчиненнымъ онъ обыкновенно приказывалъ только «оболванить» дѣло, а потомъ уже къ ихъ произведенію прикладывалъ свой рѣзецъ; но отдѣлка подробностей, съ тѣхъ поръ какъ его занятія перешли изъ канцелярскихъ въ государственныя, иногда брала у него гораздо болѣе времени, чѣмъ планъ и основы предлежайшаго труда. Не употребляя, съ двадцатыхъ годовъ, почти никогда чернилъ и пера, онъ писалъ карандашемъ, обыкновенно на перегнутыхъ пополамъ листахъ бумаги огромнѣйшаго формата, какой только можно было отыскать; порою, и

(*) Онъ часто говорилъ, что собирается написать большую книгу о психической исторіи, въ которой положитъ для психологіи фактическую основу, съ авторитетомъ равнымъ историческому; но не сдержалъ сло́ва.

поля этихъ листовъ были всѣ такъ исписаны и самый текстъ такъ перемаранъ, что рукопись, не смотря на мужественно красивый его почеркъ, становилась крайне неразборчивою. Будемъ, однако, искренни: эти помарки, часто, имѣли цѣлью не столько усовершенствованіе работы, сколько приданіе ей нѣкоторой эластической неопредѣлительности; Сперанскій самъ говаривалъ довѣреннымъ своимъ редакторамъ: «j'aime à me ménager toujours une certaine latitude, de la marge.» и къ этому прибавлялъ, что берется опровергнуть любую мысль, хотя бы она самимъ имъ была высказана. Сверхъ такой, большею частію преднамѣренной неопредѣлительности, въ его языкѣ замѣчались, иногда, и неправильности (*); но, со всѣмъ тѣмъ, его слогъ былъ всегда изящно отдѣланъ и блестящъ (**), а его построеніе фразъ, тонъ, обороты рѣчи, были такъ своеобразны, что успѣвшій нѣсколько ознакомиться съ свойственнымъ ему способомъ изложенія тотчасъ могъ угадать, между сотнею страницъ, написанныхъ сотнею людей, ту, которая принадлежала ему.

Но Сперанскій-ораторъ едва ли не стоялъ еще выше Сперанскаго-писателя. Не смотря на долговременныя учительскія занятія, въ его рѣчахъ не было ничего докторальнаго,

(*) Такъ, напримѣръ, вмѣсто *обезпечить*, онъ постоянно употреблялъ *удостовѣрить*: «удостовѣрить успѣхъ мѣры» и т. п. О страсти его къ галлицизмамъ мы уже упомянули. Сверхъ того въ его письмахъ попадаются не рѣдко: *ево*, *севоднишняго*,—вѣроятно, однако, болѣе по разсѣянности. Союзъ *если* онъ писалъ, слѣдуя старинному правописанію: *естьли*.

(**) Не забудемъ, что, кромѣ послѣдующаго самоученія, основа образованія Сперанскаго была семинарская и что, въ то время, дѣленіе слога на высокій, средній и низкій, украшеніе его реторическими фигурами, употребленіе «общихъ мѣстъ» (loci topici) и т. д. считались еще непреложными истинами. Что *теперь* кажется изысканнымъ и напыщеннымъ, то лѣтъ тридцать, даже двадцать тому назадъ, когда писалъ Сперанскій, было еще принимаемо за высокое краснорѣчіе.

хотя соединеніе въ нихъ нѣкоторой догматической положительности съ какою-то вкрадчивою мягкостію напоминало, что произносящій эти рѣчи былъ нѣкогда на каѳедрѣ и что эта каѳедра была—духовная. Въ оффиціальныхъ преніяхъ онъ обладалъ важнымъ и между тѣмъ довольно рѣдкимъ, въ пылкихъ натурахъ, умѣньемъ внимательно слушать, и даромъ, еще болѣе рѣдкимъ—прививать свои идеи другимъ, почти незамѣтно для нихъ самихъ. Не разъ въ государственномъ совѣтѣ, сбираясь оспоривать какое нибудь мнѣніе, онъ начиналъ съ панегирика ему, повторялъ всѣ тѣ же доводы, развивалъ ихъ еще сильнѣе, вполнѣ, казалось, раздѣлялъ это мнѣніе, и вдругъ, давъ ему, посредствомъ искуснаго поворота, приспособленнаго къ дѣлу и къ личности слушателей, совсѣмъ иной смыслъ, увлекалъ за собою и ихъ, и даже того, кому онъ возражалъ. Для такихъ ораторскихъ побѣдъ онъ соединялъ въ себѣ всѣ условія: навыкъ къ глубокому и тонкому анализу и къ блестящей діалектикѣ; необыкновенную находчивость въ отвѣтѣ на всякое возраженіе; терпѣніе выждать и искусство найти благопріятнѣйшую минуту для возобновленія боя, или для отступленія; наружность всегда спокойную и несуетливую; наконецъ рѣчь, даже въ разгарѣ спора, ровную, кроткую, исполненную уваженія къ другимъ (*). Въ послѣдніе годы голосъ его утратилъ прежнюю звучность и вообще, по слабости груди, онъ рѣже и меньше говорилъ въ совѣтѣ; но и небольшія его рѣчи были, по прежнему, богаты содержаніемъ, по прежнему легки, свободны и цвѣтисты. Этимъ даромъ слова Сперанскій блисталъ, впрочемъ, не въ однихъ оффиціальныхъ или дѣловыхъ собраніяхъ: точно также

(*) «Toute cause est perdue du moment où on se fâche» записано у него въ «дневникѣ».

онъ высокъ былъ и въ домашнихъ бесѣдахъ съ близкими, когда, отрѣшась отъ трудовъ и заботъ по службѣ, отъ клеветъ и пересудовъ, отъ радостей и скорбей житейскихъ, смѣло проникалъ въ тайны природы, или уносился въ ту страну, которую всегда рисовалъ себѣ страною мира, любви и свѣта; точно также онъ былъ безподобенъ и въ игривой болтовнѣ о бездѣлкахъ обыденной жизни. Не избѣгая разговоровъ на Французскомъ языкѣ, въ которомъ у него слышался только легкій недостатокъ произношенія, Сперанскій вообще охотнѣе говорилъ по-русски; да и всѣ, мущины и женщины, тоже охотнѣе слушали его Русскую рѣчь, которая, въ его устахъ, принимала какъ бы совсѣмъ другую силу, гибкость и выразительность. Не даромъ ему, въ нѣкоторыхъ кружкахъ, не было иного названія, какъ *нашъ Златоустъ!*

Наружность Сперанскаго была весьма замѣчательна. Ни въ костюмѣ своемъ, ни въ манерахъ, онъ не имѣлъ ничего страннаго; ничто, во внѣшнихъ его формахъ и пріемахъ, не носило на себѣ слѣдовъ первоначальнаго его воспитанія и, при всемъ томъ, въ немъ было что-то чрезвычайно оригинальное, такъ что, увидѣвъ разъ эту личность, уже невозможно было ее забыть (*). Большаго роста, хотя нѣсколько сутуловатый, съ высокимъ лбомъ, съ головою, обнаженною до затылка,—волосы у него стали падать еще въ началѣ зрѣлаго возраста,—чрезвычайно чистоплотный, всегда опрятно, по лѣтамъ даже щеголевато одѣтый, онъ носилъ, въ чертахъ своего лица, отпечатокъ необыкновеннаго ума и, вмѣстѣ, добродушной привѣтливости. Физіономія его

(*) Такое же впечатлѣніе онъ производилъ и на людей, совсѣмъ его не знавшихъ, даже на иностранцевъ. Шницлеръ, говоря въ своей книгѣ объ его наружности, прибавляетъ: «On croyait lire dans sa physionomie expressive toute l'histoire d'une vie marquée par tant de travaux divers, par de courageuses tentatives et de glorieux succès »

была прекрасна до самой старости и особенно поражали въ ней глаза, если уже не прежнимъ блескомъ, потускнѣвшимъ съ лѣтами, то сохранявшимся въ нихъ до конца особеннымъ выраженіемъ; нѣсколько подернутые влажностію, они переходили отъ одного предмета къ другому какъ бы не хотя, съ замѣтною медленностію. Нѣкоторыя женщины, *по своему* объясняя ихъ взглядъ, говорили что у нашего законодателя «влюбленные глазки» и—ошибались, потому что не было человѣка дѣвственнѣе его въ чувствахъ и образѣ жизни и цѣломудреннѣе въ самыхъ даже разговорахъ (*). Чуждый всякой тщеславной надутости, обходительный и ласковый со всѣми, покровитель и другъ своихъ подчиненныхъ, Сперанскій, впрочемъ, никогда не ронялъ себя въ обращеніи съ ними, и если не обладалъ тѣмъ высоко-изящнымъ тономъ, тою вельможескою величавостію,. которыми отличался, напримѣръ, князь Кочубей, то все таки вездѣ, и при Дворѣ, и въ свѣтскихъ салонахъ, былъ на своемъ мѣстѣ, какъ бы рожденный и воспитанный въ этомъ кругу. Самые вкусы его были всегда благородны и изящны: онъ страстно любилъ прекрасную природу, хорошія картины, музыку (хотя самъ не игралъ ни на какомъ инструментѣ) и цвѣты, въ особенности цвѣтъ чайнаго деревца, которымъ кабинетъ его благоухалъ во всякое время года.

Въ заключеніе, мы не можемъ не коснуться здѣсь упрека, который многими былъ дѣласмъ Сперанскому въ наклонно-

---

(*) «Письмо сіе—писалъ онъ дочери 9-го марта 1823-го года, слѣдственно еще за шестнадцать лѣтъ до своей смерти—покажетъ тебѣ что я говѣю. О какъ бы желалъ я говѣть непрерывно и, что мнѣ весьма горько, я чувствую что и *могъ бы* говѣть непрерывно. Не только душа моя, но и самое тѣло мое къ сему способны. Другимъ надобно съ нимъ бороться; у меня оно кротко и всегда почти покорно, какъ дитя. Мнѣ нѣтъ извиненія!»

сти его къ мистицизму. Она, дѣйствительно, существовала въ немъ еще съ первой половины его жизни; но тогда это былъ единственно плодъ пытливаго ума, неугомонно стремившагося познать и изслѣдовать всѣ явленія человѣческой мысли. Впослѣдствіи произошло другое. Разразившійся надъ нимъ громовой ударъ потрясъ весь его организмъ, духовный и нервный; онъ искалъ чѣмъ бы заглушить и обмануть внутреннія свои страданія, тщательно отъ всѣхъ таимыя, и—прежній мистико-поэтическій зародышъ развился въ немъ, мало по малу, до степени піетизма. Впрочемъ, на это настроеніе духа, какъ и на самую даже перемѣну въ нѣкоторыхъ политическихъ вѣрованіяхъ Сперанскаго, могли имѣть и, конечно, имѣли воздѣйствіе и обстоятельства внѣшнія. Внезапное возвышеніе Наполеона и столько же внезапное потомъ низверженіе его поразило умы впечатлѣніемъ въ родѣ того, какое производили, въ средніе вѣка, кометы. Послѣ его паденія, духъ времени замѣтно измѣнился. Поклоненіе началу неподвижности, а съ нимъ вмѣстѣ суевѣрный обскурантизмъ проникли даже въ науку. Теоретики, подобные Іосифу де Местру (de Maistre), Бональду, Галлеру, Адаму Миллеру, стали смотрѣть на государственную жизнь какъ на физіологическій, самъ собою завершающійся процессъ, въ развитіи котораго, или въ направленіи къ извѣстнымъ цѣлямъ, не должно быть никакого участія со стороны человѣческаго разума. Подъ перомъ ихъ, фатализмъ и политическая, такъ сказать, косность облеклись въ самыя обольстительныя формы, поэтическія и метафизическія. Философа Гёрреса такое направленіе довело до вѣры въ чародѣйство и колдовство, а юриста Савиньи—до той мысли, что право должно, подобно растенію, совершать свой ростъ только внутренними, неудовѣдомыми человѣку путями, и что, слѣдственно, всякая кодификація—есть зло. Всѣмъ этимъ мистико-спекулатив-

нымъ теоріямъ старались, наконецъ, найти опору и послѣднюю санкцію даже въ авторитетѣ церкви. Если Сперанскій не дошелъ до подобныхъ крайностей, то очень естественно, однако же, что и въ немъ, въ такое время и при такой обстановкѣ, прежнее обаяніе къ Наполеону, устроившему свою державу совсѣмъ не по этимъ теоріямъ, а, напротивъ, процессомъ вполнѣ искусственнымъ, силою одной самодѣятельной воли, могло уступить мѣсто другимъ началамъ и убѣжденіямъ; естественно и то, что, при его живомъ воображеніи, податливости къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и разслабленныхъ, моральными страданіями, нервахъ, онъ, отъ школы Вольтера и энциклопедистовъ, въ которую такъ близко заглянулъ въ своей молодости, перекинулся въ ученіе діаметрально противуположное: тотъ кто, послѣ смерти своей жены, взывалъ только къ разуму, къ цѣлебной силѣ времени и т. п., не находя для себя ни одного утѣшительнаго слова въ религіи (*), вдругъ заговорилъ языкомъ самаго отвлеченнаго мистицизма, со всѣми его темными, обрядными формулами, тѣмъ языкомъ, котораго слѣды, можно сказать ежеминутные, мы находимъ и въ многочисленныхъ его сочиненіяхъ послѣ эпохи 1812-го года, и въ его письмахъ, особенно къ Словцову, Цейеру, Броневскому и нѣкоторымъ другимъ, раздѣлявшимъ новый его образъ мыслей.

V.

Мы уже сказали, что Сперанскій, подъ конецъ своей жизни, усердно занимался дѣломъ о лажѣ. Работы его по этому предмету, сколько онъ успѣлъ ихъ приготовить,

---

(*) См. письмо его къ Каразину выше, въ четвертой главѣ I-й части.

хранятся въ архивахъ. Но, даже въ самые послѣдніе свои дни, онъ не могъ оторваться и отъ другаго, любимаго и постояннаго занятія всей своей жизни: класть на бумагу плодъ своихъ уединенныхъ думъ, не принадлежавшихъ къ области служебныхъ дѣлъ. Вотъ предсмертныя строки, которыми онъ, такъ сказать, простился съ землею; онѣ были написаны—какъ всегда карандашемъ, но очень неразборчиво—въ концѣ января, или даже, можетъ быть, въ февралѣ 1839-го года:

«Разумъ не данъ былъ человѣку отъ Бога, человѣкъ самъ его себѣ присвоилъ. Это есть яблоко—красно есть еже вѣдѣти. Вмѣсто разума была вѣра, а вѣра есть: въ томъ (въ Словѣ) животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ и сей свѣтъ и во тмѣ свѣтится.

«Въ первобытномъ состояніи не было свободы разума, не было отвѣтственности, но было достоинство: человѣкъ былъ поставленъ не насаждать, но воздѣлывать насажденное.

«Вѣдѣти доброе и лукавое, есть вѣдѣти бытіе хаотическое, смѣсь добра и зла. Вотъ что человѣкъ захотѣлъ вѣдѣти—для чего? Для того чтобъ творить, чтобъ, подобно Богу, отдѣлять добро отъ зла. Будете яко Бози, когда будете вѣдуще доброе и лукавое.»

VI.

Въ 1844-мъ году, единственный внукъ графа Сперанскаго, Михаилъ, находясь въ военной службѣ на Кавказѣ, былъ убитъ, въ буйной ссорѣ однимъ изъ своихъ товарищей. Вскорѣ за тѣмъ умеръ его отецъ, а въ 1857-мъ году умерла и вдова послѣдняго, т. е. дочь Сперанскаго, въ чужихъ краяхъ, куда она уже издавна переселилась. Отъ нея теперь въ живыхъ единственная дочь, въ замужествѣ за ге-

нералъ-маіоромъ княземъ Родіономъ Николаевичемъ Кантакузинымъ. Старшая сестра графа, Марья, умершая въ 1840-мъ году, оставила послѣ себя двухъ сыновей: *одного*—Ивана Ильича Элпидинскаго, названнаго такъ (по желанію брата графа, Косьмы Михайловича) при опредѣленіи его въ семинарію, отъ Греческаго слова ἐλπίς, соотвѣтствующаго Латинскому spes; онъ былъ, съ 1817-го по 1833-й годъ, священникомъ Владимірской губерніи въ селѣ Михалевѣ, принадлежавшемъ оберъ-шталмейстеру князю Василію Васильевичу Долгорукову, а теперь, за старостью, живетъ въ отставкѣ; у него двое сыновей; *другаго*—Василья Ильина, находящагося въ гражданской службѣ. Отъ младшей сестры Сперанскаго, Марѳы Третьяковой, 6-го августа 1838-го года потерявшей своего мужа, извѣстнаго намъ Черкутинскаго протоіерея Михаила Ѳедоровича (*), и проживающей еще теперь, въ глубокой старости, въ г. Владимірѣ у дочери своей (вдовой попадьи Татьяны Михайловны Алякринской), былъ (сверхъ этой и еще нѣсколькихъ дочерей) одинъ сынъ, Петръ, которому дядя передалъ свою фамилію и который учился, на его иждивеніи, въ Московскомъ университетѣ. Онъ въ 1834-мъ году началъ службу въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, а въ 1839-мъ, уже послѣ смерти графа, былъ перемѣщенъ во II-е отдѣленіе Государевой канцеляріи, но въ 1851-мъ вышелъ въ отставку, статскимъ совѣтникомъ, и умеръ въ февралѣ 1853-го. Всѣ прочіе Сперанскіе, которыхъ теперь въ одномъ адресъ-календарѣ на $\frac{1860}{1861}$ годъ по-

---

(*) Третьяковъ, въ 1833-мъ году, по старости оставившій свою должность въ Черкутинѣ, былъ замѣщенъ въ ней, по ходатайству его брата, преосвященнаго архіепископа Петрозаводскаго и Олонецкаго Аркадія, своимъ внукомъ по дочери, кончившимъ курсъ въ Владимірской семинаріи Павломъ Киржачскимъ.

казано *двадцать три,* не состоятъ ни въ какомъ родствѣ или свойствѣ съ Михаиломъ Михайловичемъ. Наши семинаріи щедро расточали своимъ воспитанникамъ эту фамилію.

Послѣ графа Сперанскаго остались: имѣніе съ 2,900-ми душами, домъ, подаренный ему Императоромъ Николаемъ, и—600,000 р. (ассигн.) долгу.....

